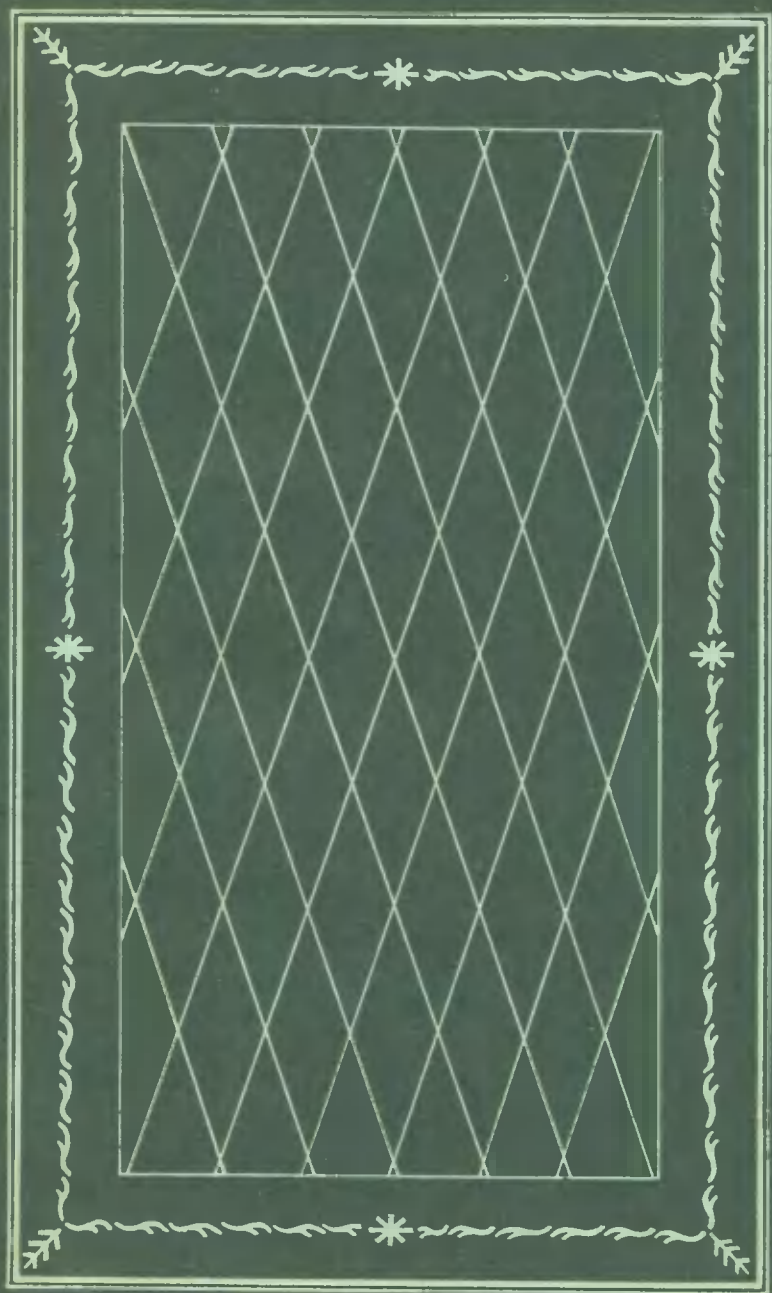

ПОЭТЫ ИСКРЫ

Тренеръ Александръ Павловичъ съ на-
 мерѣніемъ 5 Января 1884 года по-
 садилъ на Крестъ

Александръ
 П. Гаринъ

ПОЭТЫ «ИСКРЫ»

ТОМ ПЕРВЫЙ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

ИЗДАНИЕ

ТРЕТЬЕ

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ь

ПОЭТЫ «ИСКРЫ»

В ДВУХ ТОМАХ

**ТОМ
ПЕРВЫЙ**

В. КУРОЧКИН

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1987

ББК 84.Р1
П 67

Редакционная коллегия

Ю. А. Андреев (*главный редактор*),

И. В. Абашидзе, Г. П. Бердников, А. Н. Болдырев,
Р. Г. Гамзатов, Н. М. Грибачев, М. А. Дудин, А. В. Западов,
Е. А. Исаев, М. К. Каюат, Д. С. Лихачев, Э. Б. Межелайтис,
А. А. Михайлов, Л. М. Мкртчян, Д. М. Мулдагалиев, Б. И. Олейник,
А. И. Павловский, С. А. Рустам, Н. Н. Скатов, М. Таик

*Вступительные статьи,
составление, подготовка текста и примечания
И. Г. ЯМПОЛЬСКОГО*

Редактор Л. С. Гейро

П $\frac{4702010100-130}{083(02)-87}$ 423—87

© Издательство
«Советский писатель», 1987 г.

ПОЭТЫ «ИСКРЫ»

1

Одним из своеобразных фактов литературной жизни конца 50-х и 60-х годов прошлого столетия является расцвет сатирической и юмористической журналистики. Именно тогда возник в России самый тип еженедельного журнала с карикатурами — плод тесного сотрудничества писателя и художника. Наиболее ярким и значительным из сатирических журналов этого периода была «Искра».¹

Мысль об издании журнала родилась у художника-карикатуриста Н. А. Степанова и поэта В. С. Курочкина, который к тому времени стал уже известен в литературных кругах как переводчик Беранже, еще в 1857 году. Они получили разрешение, но «Искра» начала выходить по причинам материального характера лишь в 1859 году. Потребность в хорошем сатирическом журнале была в те годы очень велика — не даром в поданной в цензурный комитет программе Курочкин и Степанов указывали на успех, которым пользуются в России западноевропейские сатирические журналы. Бессодержательный, пустой «Весельчак» и в изобилии появлявшиеся в 1858 году уличные юмористические листки не могли, естественно, удовлетворить эту потребность. Характерно, что одновременно с «Искрой» начал свое существование и знаменитый «Свисток», сатирическое приложение к «Современнику», редактировавшееся Н. А. Добролюбовым.

«Искра» сразу обратила на себя внимание читающей публики и вскоре приобрела огромную популярность. «В настоящее время нельзя себе и представить, — писал через сорок лет один из ее активных сотрудников, — как жадно набрасывалась... публика на каждый номер «Искры», какой авторитет завоевала она себе на самых первых порах... с какою юношеской горячностью, наконец, относились к своему делу и мы сами».²

¹ Подробной истории «Искры» посвящена моя книга «Сатирическая журналистика 1860-х годов. Журнал революционной сатиры „Искра“» (М., 1964).

² Вейнберг П. Безобразный поступок «Века»//«Историч. вестник». 1900, № 5. С. 476.

К сотрудничеству в журнале удалось постепенно привлечь целый ряд талантливых поэтов, беллетристов и публицистов демократического лагеря или близких в то время к этому лагерю. В «Искре» в разные годы принимали участие поэты Д. Д. Минаев, П. И. Вейнберг, В. И. Богданов, Н. С. Курочкин, Г. Н. Жулев, Н. Л. Ломан, А. П. Сниткин, В. П. Буренин, Л. И. Пальмин, П. В. Шумахер, прозаики Н. В. и Г. И. Успенские, А. И. Левитов, Ф. М. Решетников, П. И. Якушкин, Н. Н. Златовратский, Н. И. Наумов, С. Н. Федоров, публицисты Г. З. Елисеев, М. М. Стопановский, Н. А. Демерт, И. И. Дмитриев и многие другие. По одному-два произведения напечатали в «Искре» Добролюбов, Салтыков-Щедрин, Герцен и Некрасов.

Однако журнал держался не только профессиональными писателями, но и безыменными сотрудниками и пропагандистами; его окружала атмосфера сочувствия и доброжелательства. У «Искры» мало-помалу образовалась целая сеть корреспондентов. В каждом городе были друзья-читатели, которые нередко становились сотрудниками и начинали информировать журнал о всевозможных злоупотреблениях и безобразиях. Редакция обрабатывала сообщенные ими факты, подчас снабжала их карикатурами и пускала в печать, а «пострадавшие» недоумевали, откуда сделалось известным то, что так тщательно скрывалось.

«Искра» выходила пятнадцать лет — с 1859-го до 1873-го. Она принадлежала к числу тех немногих периодических изданий, которые неустанно боролись с полицейским государством и эксплуататорским строем и отстаивали интересы широких народных масс. Из журналов этого времени ей был наиболее близок «Современник» (и друзья и враги считали «Искру», так сказать, филиалом, спутником «Современника»), а затем, после прекращения «Современника», — «Отечественные записки», перешедшие в руки Некрасова.

Главным оружием «Искры» был смех. Этот смех внушал страх и трепет как людям, уже попавшим на ее страницы, так и тем, кто имел основание бояться этого. «„Искра“ сделалась грозой для всех, у кого была нечиста совесть, — свидетельствует помнивший эти годы А. М. Скабичевский, — и «попасть в „Искру“, упечь в «Искру» были самыми обыденными выражениями в жизни шестидесятых годов. Не было ни одного крупного или мелкого безобразия общественной или литературной жизни, которое не имело бы места на страницах «Искры» или в игривых, полных необузданного остроумия куплетах, пародиях, или в прозе, исполненной убийственных сарказмов». ¹ «Попасть в «Искру», — писал он в другом месте, — было так же страшно, как и в „Колокол“». ² О «Колоко-

¹ Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы. Спб., 1891. С. 492.

² Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М.; Л., 1928. С. 276.

ле» упоминает в связи с «Искрой» и П. Д. Боборыкин. По его словам, она «играла в Петербурге как бы роль „Колокола“». ¹ А Н. К. Михайловский назвал В. Курочкина-редактора «как бы председателем суда общественного мнения». ² И действительно, обличения «Искры» затрагивали все сферы русской жизни, в том числе всю бюрократическую лестницу вплоть до правительственных верхов.

Немудрено, что многочисленные враги были у «Искры» среди министров, начальников департаментов, губернаторов, предводителей дворянства, действительных статских и тайных советников, крупных капиталистов, заправил акционерных обществ, откупщиков и т. д., т. е. в тех слоях, которые были объектом ее обличительных выступлений. Они часто жаловались на «Искру» в соответствующие инстанции, а враждебные «Искре» журналы и газеты постоянно преследовали ее, причем некоторые статьи и заметки немногим отличались от доносов. Наконец, с первого же дня искровцам приходилось работать в обстановке непрекращавшихся цензурных репрессий. Запрещения, изъятия и пр. следовали одно за другим. И сами искровцы поневоле должны были принуждать себя к сдержанности. «Иногда,— читаем в фельетоне Н. Курочкина,— когда мне хочется довести мое соображение до его последних (а по-моему, и логических) результатов, я обмакиваю перо... но останавливаюсь; над ухом моим как будто слышится: э! братец! как ты хватил! А в сущности, я очень хорошо знаю, что не только не перехватил, а весьма значительно недохватил, а все-таки остановишься и не напишешь». ³

Злободневность является неотъемлемым качеством искровской сатиры. Она откликалась на все как значительные, так и относительно мелкие, но почему-либо интересные, типичные факты общественной и литературной жизни. Она не выжидала, пока те или иные явления отстоятся и примут более определенные формы, и немедленно реагировала на них. Поэтому сатира «Искры» имела свои особенности, о которых редакция считала нужным предупредить читателей, только еще приступая к изданию журнала. В объявлении о подписке говорилось, что рядом с «сатирой строго художественною» читатели будут постоянно встречать на его страницах «вседневную практическую сатиру», которая, «уступая первой в глубине содержания и красоте формы, достигает одних с нею результатов всем доступною меткостью выражения и упорством в непрерывно

¹ Б о б о р ы к и н П. Д. Воспоминания. 1965. Т. 1. С. 191—192. О точках соприкосновения «Искры» с «Колоколом» см. мою статью «„Искра“ В. Курочкина и Герцен» («Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та» сер. филологич. наук. 1948. Вып. 13).

² М и х а й л о в с к и й Н. К. Литературные воспоминания и современная смута. 2-е изд. Спб., 1905. Т. 1. С. 34.

³ П р е о б р а ж е н с к и й Пр. Житейские выводы и измышления//«Искра». 1864, № 6. С. 96.

продолжающемся преследовании общественных аномалий». Любая заметка, фельетон, стихотворение, карикатура, хотя бы и на незначительную тему, воспринималась не изолированно, а в журнальном контексте, в связи с общей идейной позицией «Искры». Понимание внутреннего смысла отдельных фактов и тем самым превращение их в характерные явления, в детали общей картины русской жизни облегчалось высказываниями и оценками, которые находились рядом — в других статьях, стихах, карикатурах. Иначе говоря, «Искра» представляет собой своеобразную сатирическую летопись русской жизни, фиксируя, по выражению Салтыкова-Щедрина в «Дневнике провинциала в Петербурге», «положение минуты»,¹ то есть общественно-политическую атмосферу данного момента истории.

Поэзия не была в «Искре» одним из второстепенных отделов, как во многих других толстых и тонких журналах, а занимала в ней большое место. Весьма показательны, что основными ее сотрудниками были преимущественно именно поэты: В. и Н. Курочкины, Минаев, Богданов, Вейнберг и др. Правда, все они писали в «Искре» не только стихи, а также фельетоны и статьи, но все же главным их делом была, конечно, поэзия.

Публицистика и поэзия представляли собою в «Искре» некое единство. Оно выражалось не только в том внешнем факте, что очень многие стихотворения (в том числе и целый ряд включенных в настоящий сборник) являлись первоначально частью фельетонов и статей, органически входили в прозаический контекст. Это факт существенный, но не решающий. Гораздо важнее, что тематика и идейные тенденции статей и стихотворений — как входивших в публицистические произведения, так и тех, которые с самого начала печатались отдельно, — были общие. Разумеется, стихи не являются простым изложением тех же идей, но одни и те же идейные стимулы определяли творчество поэтов и публицистов. Следует также отметить сходство некоторых художественных приемов в сатирических стихах и публицистике.

Поэты, которым отведено настоящее издание «Библиотеки поэта», печатались не в одной «Искре», а и в других периодических изданиях своего времени. Но именно «Искра» была той, так сказать, поэтической лабораторией, где оформились или окрепли их идейное направление и литературная манера. Л. И. Пальмин, творчество которого будет представлено в другом сборнике, с горечью отмечая упадок поэзии и журналистики 1880-х годов, писал Н. А. Лейкину: «Я — старый сотрудник незабвенной «Искры» и один из коренных бойцов под ее знаменем».²

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. М., 1970. Т. 10. С. 531.

² «Встречи с прошлым». Вып. 5. М., 1984. С. 75.

В русской поэзии середины XIX века отчетливо обозначились два главных течения: одно из них — демократическая и реалистическая школа Некрасова, пафосом которой было все более тесное сближение литературы с действительностью, другое — так называемая «чистая поэзия», к которой современники относили Фета, Майкова, Алексея Толстого и других.

Теоретики «чистой поэзии», «искусства для искусства», считали, что подлинное искусство не подчинено «никаким временным, преходящим целям» и служит «само себе целью», что «мир поэзии и мир гражданской деятельности вполне независимы друг от друга» (А. В. Дружинин),¹ что область поэзии — «вечные свойства души человеческой» (В. П. Боткин).² Они ратовали за «созерцательное направление» литературы (слова Боткина)³ и утверждали, что необходимо положить «естественный предел сатире» и создавать ценности, которые могут быть «противовесом реализму в искусстве».⁴

По представлениям же Некрасова и поэтов его школы, между искусством и жизнью, поэтической мечтой и повседневной действительностью нет никакого средостения, все многообразие жизни является предметом искусства, художник — человек своего времени и его не могут не волновать большие вопросы и тревоги современности. Еще в начале 1850-х годов Некрасов «иезловивому поэту», чуждому житейских тревог, противопоставил другого поэта, который, «уста вооружив сатирой», «проповедует любовь Враждебным словом отрицанья».

Разумеется, и представители «чистой поэзии» откликались на политическую злобу дня; борясь с тенденциозностью и политикой в искусстве, сами писали тенденциозные стихи. С другой стороны, Некрасов и его последователи (особенно Некрасов), думавшие прежде всего о переустройстве жизни на более разумных основаниях, не чуждались личных душевных переживаний. Речь шла, таким образом, о преобладающем интересе к той или иной сфере человеческого существования и разном характере их изображения.

Искровцы — одна из ветвей некрасовской школы. Кстати сказать, самое понятие «некрасовская школа» относится еще к 1860-м годам. Мне удалось в свое время обнаружить его в отзыве об одном из искровцев — Д. Д. Минаеве.⁵ Характерным признаком этого крыла некрасовской

¹ Дружинин А. В. Собр. соч. СПб., 1865. Т. 7. С. 510, 214, 472.

² Боткин В. П. Соч. СПб., 1891. Т. 2. С. 367.

³ Письмо Боткина к Фету и его жене, сестре Боткина, от 31 июля 1860 г. // Фет А. Мои воспоминания. М., 1890. Ч. 1. С. 379.

⁴ Дружинин А. В. Т. 7. С. 477, 444.

⁵ «Литературное обозрение» // «Иллюстрация». 1863, № 268. С. 274—275.

школы было преимущественное (хотя и не исключительное) тяготение к сатире, к тем «низким» жанрам, к которым пренебрежительно относились (во всяком случае, в теории) сторонники «искусства для искусства», — сатирическому фельетону, пародии, эпиграмме и т. п.

Искровцы решительно отвергали эту теорию.

Ну да, мы на́ смех стихотворцы!
Да, мы смешим, затем что грех,
Не вызывая общий смех,
Смотреть, как вы, искусствоборцы,
Надеть на русские умы
Хотите, растлевая чувства,
Халат «искусства для искусства»
Из расписной тармаламы, —

заявляет В. Курочкин в стихотворении «Возрожденный Панглосс».

Поэт для него — прежде всего гражданин, человек, тесно связанный со своим народом, болеющий его страданиями, прославляющий «блеск его великих дел», борющийся за его благо. В таком поэте народ видит своего «учителя» и потерю его переживает как великое горе: «Угас поэт — народ осиротел» (стихотворение на смерть Беранже).

Другой поэт, А. Сниткин, в ответ на программное стихотворение Я. П. Полонского «Для немногих» пишет стихотворение под полемическим заглавием «Для многих». Полонский признается в этом стихотворении, что бог не дал ему «бича сатиры» и что не дело поэта писать о «мире сует», «карать обиды, грехи народов и судей», что его призвание совсем иное. К нему прилетают видения, звезды шлют ему немой привет, но немногие внимают ему, и он — поэт для немногих. Отклоняя такой взгляд на поэзию, Сниткин выдвигает диаметрально противоположную точку зрения. Для него на первом плане — обличительная общественная сила поэзии, защита «безгласных, маленьких людей», и он готов отказаться для этого от воспевания «сонных листьев трепетанья» и «сонма созвездий в небесах». Формуле «И для немногих я поэт» Сниткин противопоставляет другую, выражающую его демократические убеждения: «Я для публики поэт».

Резко оценивая литературную деятельность П. А. Вяземского и исходя при этом из его идейной позиции в 1860-е годы, В. Курочкин упрекает бывшего друга Пушкина в том, что он «не знал поэзии в свободе», «не понимал ее в борьбе» («Стансы на будущий юбилей Бавия»), тем самым подчеркивая признаки подлинного поэта. В одном из своих «Реальных сонетов» Курочкин дает портрет поэта-сатирика:

Он видит, как в будничной мгле
Об воздухе, свете, тепле
Идет окаянная битва —

И в бой с торжествующим злом
Кидает сатиру, как гром...

Но безобидный смех, лишенный «гражданской цели», никого, по существу, не затрагивающий, вызывает у искровцев решительное осуждение (см., например, «Юмористам» Минаева).

В своих полемических оценках и характеристиках (в первую очередь это касается оценок литературных) «Искра» допускала явные преувеличения, естественные в напряженной обстановке 1860-х годов. Некоторые ее суждения ошибочны и несправедливы, но нельзя забывать вместе с тем об их общей направленности, о том, что эти ошибочные суждения высказывались в борьбе за новые социальные идеалы, новую демократическую культуру и литературу. В этой связи уместно вспомнить слова Н. П. Огарева, сказанные по другому поводу — о декабристах: «Мы не можем ценить их действий с точки зрения нам современного опыта; нравственная оценка людей того времени, как и вообще исторических людей, не может быть основана на истинности современных им понятий, а только на чистоте их побуждений».¹

Публицисты и поэты «Искры» были последовательными и непримиримыми демократами. В одном из первых ее номеров мы находим следующее ироническое разъяснение понятий «труд» и «собственность»: «Труд. По мнению политико-экономов, капитал; но, по мнению людей практических, неизбежное следствие отсутствия капитала, с которым бы можно было жить без всякого труда... С о б с т в е н н о с т ь. Для большей части пользование тем, что не стоило никакого труда».² Обличение социального неравенства, противопоставление бедности одних роскоши, в которой живут другие, является одной из основных ее тем. Чувство величайшего уважения к труду, сознание, что труд — основной критерий ценности человека и что, несмотря на это, именно люди, живущие трудом, подвержены всем превратностям судьбы, терпят нужду, голод и холод, — проходят через всю поэзию искровцев:

Мой сын, твоя опора — труд,
Твое всё счастье в нем,
Хотя с трудом в больницах мрут
Живущие трудом.

(«Завещание» В. Курочкина)

¹ «Разбор книги Корфа»//Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. (М.), 1952. Т. 1. С. 220.

² «Выдержки из практического словаря, приготовляемого к печати одним из сотрудников „Искры“»//«Искра». 1859, № 8. С. 84.

Повседневные заботы труженика, его право на любовь, отдых, его иеверные мечты о счастье и, несмотря на это, жизнеинный оптимизм, плетейская гордость, ирония по поводу «хозяев жизни» — вот мотивы многих стихотворений. Напомним такие, например, вещи, как «Только!» и «Погребальные дроги» В. Курочкина, «Беседа с музой» Богданова, «Товарищу» Жулева и др.

Если в первые годы, думая о сытых и голодных, «Искра» имела в виду главным образом интересы городской демократической интеллигенции, интересы разночинцев, то вскоре горизонты ее идеологии значительно расширились, и наряду с разночинцем, раздавленным социально-экономическим укладом 1860-х годов, вырастает фигура русского крестьянина. Особенио отчетливо это проявилось в поэзии Богданова, начиная с его «Дубинишки».

Искровцы знали подлинную цену реформ 1860-х годов. Приизавая их относительно прогрессивную роль, они вместе с тем видели, что эти реформы неспособны устранить основные противоречия русской жизни.

Искровцы иенавидели фразу, словесную мишуру:

...«На трескучие речи
Знаменитые вы мастера,
А взвали-ка вам дело на плечи —
Мншура, мишура, мишура!»

(«Мишура» Вейнберга)

В стихотворении «Раздумье» В. Курочкин говорит о «злобе святой, возвышающей нас», которая «смело Прямо из сердца бросается в дело». Речь идет, конечно, о злобе против социального угнетения и социальной несправедливости.¹ «Святая злоба» и развенчание фразы лежат в основе всего творчества поэтов «Искры».

Они высмеивали и лицемерное, чисто словесное сочувствие «мужичкам» со стороны усвоившего либеральную фразеологию общества («Семейная встреча 1862 года» В. Курочкина), и крепостников, очень скоро после 1861 года снова поднявших голову («Мирмидоны — Куролесовы» В. Курочкина, «Свой идеал» и «Мы — особь статья!» Богданова, «В ресторане» Н. Курочкина). От имени одного из таких приверженцев освященных веками порядков Буренин в поэме «Прерванные главы» пишет:

Что касается лично меня, я вполне
Благодетелям верю и внемлю

¹ Интересно, что слова «святая злоба» с тем же семантическим ореолом откликнулись через полвека в «Двенадцати» Блока.

С восхищением их мудрым советам: отнять
У крестьянина право на землю.

Разумеется, землю господь сотворил
Лишь для избранных лиц, как трудиться
Предоставил на ней он одним, а другим
Есть плоды их трудов и лениться.

Неужели в народ добровольно вносить
Тунеядство должны мы? Ах, верьте,
Что мужик оттого на работу идет,
Что боится голодной он смерти!

Благодетельный стимул такой отстранять
Неразумно из жизни народной;
Крепостным вечно впроголодь жил «мужнчок»,
Пусть он так же живет и свободный!

Развенчивая идиллические представления о примирении классовых интересов, о народе, который «в любви и примерном согласии живет Под эгидою мудрых законов» («Благонамеренная поэма» Буренина), искровцы рисовали подлинную картину русской действительности, в центре которой — задавленный крепостной неволей, а затем попавший в пореформенную кабалу крестьянин. Наиболее ярко показано тяжелое положение русского крестьянства в сатире В. Курочкина на царскую Россию «Прииц Лутоня» (переделанная применительно к русской жизни пьеса М. Монье), обличительная сила которой была так велика, что она и в предреволюционные годы вызывала еще цензурные преследования.

Уже самое заглавие заключает в себе характеристику основного персонажа. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля читаем: «*Лутуха, лутушка* — липка, с которой снята кора, содраио лыко... Гол как лутушка, бос как гусь. Была липка, а стала лутуха». Лутоня противостоит в пьесе всем силам полицейского государства: и верховной власти (принц Слоняй), и духовенству (Первый старец, в одном месте названный патриархом), и высшей бюрократии, придворной знати (Ясам), и военщине (Отец-командир, которому подчинены все войска), и представителям официозной, рептильной печати, «подпольных смут разведчикам», основным видом деятельности которых является донос (Публицисты). Все они обрисованы густыми сатирическими красками. Всех их, как тунеядцев, живущих за счет изнемогающего от непосильного труда мужика, презирает Лутоня.

Отец-командир, который, по словам одного из публицистов, в мирное время еще более страшен, чем в дни войны, «пятнадцать тысяч душ крестьян Положил костями, своей рукою» (явный намек на крестьян-

ские восстания). Он заявляет, что с народом нужно быть беспощадным.

Сечь, стрелять, колоть, палить, рубить.
Пусть режут сироты, старцы, вдовы —
Были б только спасены основы,—

то есть основы самодержавного строя. В ответ на это Лутоня язвительно говорит, что Отец-командир не понимает, что является подлинной основой жизни:

Командир, неверен твой расчет:
Чай, лежит в основе-то народ,
А как всех заколешь да зарубишь —
Так основу, значит, и загубишь.

Последний монолог принца Слоняя, после того, как, поменявшись с Лутоней местами, он сразу начал стремиться обратно во дворец и врывается туда с бандой сообщников, хорошо характеризует сущность самодержавия:

Ты прочти историю Нерона,
Так поймешь всё обаянье трона.
Нет, уж в лес вперед не побегу,
Захочу — все города сожгу.
Захочу — так с нынешним прогрессом
Сделаю всё царство темным лесом.
Лес ко мне — не я к нему приду.
Захочу при жизни быть в аду —
Сделаю из царства ад крошечный...

Известно, что конец «Принца Лутони» был по цензурным соображениям смягчен и не гармонирует со всем духом пьесы, с образом не только бедствующего и бесправного, но и бунтующего мужика. Этот мотив изредка появляется и в других произведениях искровцев.

...берегитесь, чтобы в нем
Негодование не проснулось,
Глаза не вспыхнули огнем...—

читаем в стихотворении Минаева «Пробуждение».

Сатира искровцев в равной степени направлена как против крепостнических порядков, так и против нарождавшейся буржуазной России.

Беспощадная эксплуатация трудового люда, произвол и взяточничество, преследование малейших проявлений свободной мысли и полицейская слежка, темные дела промышленных и финансовых воротил, мир рыцарей иаживы, спекулянтов и аферистов, продажная пресса, дворянская спесь, чиновничество, лакейство и т. д. — вот темы многих произведений искровцев.

Следует при этом отметить, что обращение к крепостническим порядкам в пореформенные годы было столь же актуальным, как и прежде: пережитки крепостнической эпохи не только надолго сохранились в русской жизни, но даже во многом определяли ее устои. Иногда, впрочем, относя обличаемые явления к «былым временам», сатирики делали это для отвода глаз цензуры и имели в виду совсем не прошлое, а сегодняшний день.

Постоянным объектом искровской сатиры являются либералы, которые, по словам В. И. Ленина, «так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об *уничтожении* этой собственности, о *полном свержении* этой власти».¹ Либерализм показан искровцами в его разнообразных облициях и проявлениях — в политической жизни, в литературе, в повседневном быту. Скептическое отношение ко всему внешнему, показному, фальшивому особенно ярко выразилось именно в развенчании либерализма. Выспренние фразы о великих реформах, о гласности, о «меньшом брате» и вместе с тем нежелание или неспособность предпринять реальные шаги для существенного изменения положения народных масс, склонность к компромиссам и сервилizm, «умеренность», которую они неизменно противопоставляли «крайностям» революционных течений, «поспешности юного племени» — неоднократно фигурировали на страницах журнала. В качестве примеров можно указать стихотворения В. Курочкина «Сон на Новый год» и «Благоразумная точка зрения», Минаева — «Свой своему вовсе не брат» и ряд других.

Интересно в этом отношении стихотворение Минаева «Насущный вопрос», написанное в форме диалога «гражданина» и «толпы». Либеральный болтун — «гражданин» возмущен ропотом «толпы», нарушающим покой «граждан». Он и ему подобные ведут «толпу» к истине и науке, озаряют ее житейскую тропу блеском знания, проливают слезы за бедных братьев и глубоко сочувствуют им, дорога Ломоносова открыта каждому «мужичку», — чем же они недовольны?

Чего же вам, безумцы, нужно?
Того ль, чтоб дождик золотой,
Как манна, падал прямо с неба,
Балуя праздностью народ?

¹ Ленин В. И. «„Крестьянская реформа“ и пролетарски-крестьянская революция»// Полн. собр. соч. Т. 20. С. 174.

Чего же вам недостает?

Чего ж хотите?..

Т о л п а

Хлеба! Хлеба!..

В ряде стихотворений речь идет об эволюции русского либерализма конца 1850-х — начала 1860-х годов и его переходе на путь открытого сотрудничества с самодержавием («Ты помнишь ли, читатель благосклонный...» и «Молитвой нашей бог смягчился...» В. Курочкина). В стихотворении Минаева «Ренегат» дан сатирический портрет либерала, «крикуна сороковых годов», забывшего о своих былых увлечениях и симпатиях и превратившегося в злобного ненавистника всего нового и молодого.

Всякого рода примиренческое отношение к современной им социальной действительности, всякого рода идиллические настроения в обстановке наступающей либо уже наступившей реакции вызывают у искровцев решительный отпор.

Безмятежны, как младенцы,
Выбрав гладкую дорожку,
Мы когда-нибудь до цели
Доплетемся понемножку.

Только дайте до второго
Нам дожить тысячелетья —
Оперимся мы отлично
В эти новые столетья,—

иронизирует Вейнберг в стихотворении «Утешение» над публицистом, подобострастно оценивавшим правительственные реформы.

Когда в журнале Достоевского «Эпоха» стали настойчиво звучать чрезмерно оптимистические нотки, В. Курочкин выступил со стихотворением «Предвещения на 1865 год». Он писал:

Не нынче — с будущего года
Наступит наконец для всех
Всегда хорошая погода,
Всего хорошего успех.
Уж это время близко... близко...
Уж всё идет на новый лад...

Искровцы не оставляли без внимания и тех представителей радикальных кругов, которые под влиянием спада общественного движения переходили на либеральные позиции. Стихотворение В. Курочкина, на-

смешливо озаглавленное «Нового счастья читателю и новых богатств!», является откликом на программу журнала «Современное обозрение», в составлении которой принимали участие А. Н. Пыпин и Ю. Г. Жуковский. Это был отход от революционных и социалистических устремлений «Современника» в сторону приспособления к существующему строю. «Общим политическим вопросам» противопоставлялись в качестве основных задач журнала «распространение серьезных положительных знаний и самовоспитание человека, как индивидуальное, так и общественное», а идее перераспределения старых богатств — накопление новых. Это, по выражению Г. З. Елисеева, «salto mortale от распределения к накоплению»,¹ знаменовавшее собой отказ от былых идеалов, и вызвало сатиру Курочкина.

Сатира искровцев бьет также по мещанам и обывателям, ничего не видящим за пределами собственного благополучия. В некоторых стихотворениях пошлость, мелочность интересов характеризуют интеллектуальный уровень господствующих классов, в других поэты подчеркивают, что обывательщина, искусственно прививаемая обществу, является оплотом реакции. Последний мотив лежит в основе стихотворения В. Курочкина «Дама приятная во всех отношениях». Эта дама, олицетворение пошлости, обращается к собравшейся встречать Новый год компании, беседующей о «благе людей» и запивающей эти речи изысканными винами, со следующими словами:

В юношах пылких, для битвы со злом
Смело готовых идти напролом,
Кровь охлаждаю я видами
Близкой карьеры и дальних степей
Или волную гораздо сильнее
Минами, Бертами, Идами.

Смотришь: из мальчиков, преданных мне,
Мужи солидные выйдут вполне
С знаньем, с апломбом, с патентами;
Ну, а мужей, и особенно жен,
Я утешаю с различных сторон —
Бантами, кантами, лентами...

Нередко откликались искровцы и на события западноевропейской жизни. Особенно много таких откликов у Богданова. Он вел в «Искре» обозрение «Заметки со всех концов света», в текст которых вкраплялись

¹ Шестидесятые годы. Антонович М. А. Воспоминания, Елисеев Г. З. Воспоминания. (М.), 1933. С. 357.

стихотворные фрагменты, отличавшиеся политической остротой и поэтическим лаконизмом. Здесь мы встречаем и язвительные характеристики ряда политических деятелей (Тьера, Шнейдера и др.), и насмешки над милитаризмом, колониальной политикой, угнетателями рабочего класса, клерикализмом и пр. Вот образец такого фрагмента:

Орел французский встарь вносил
Свободу, братство и равенство,
И вдруг теперь он поступил
В распоряжение духовенства.
Он защищает мрак и гнет,
Он с иезуитом, он с прелатом...
Не прав ли тот, кто назовет
Орла французов — ренегатом? ¹

Поэты и публицисты «Искры» не раз издевались над тем, как русская консервативная и либеральная пресса изображала «ужасы французской революции», «чудовищ и крокодилов Марата и Робеспьера». ² А Н. Курочкин в «Оде на современное состояние Франции» с большой симпатией вспоминает о ее революционном прошлом, о «неотразимом образе Марата» и о «страстном крике черни», раздававшемся на баррикадах в 1830 и 1848 годах. В стихотворении на новый, 1871 год, в связи с франко-прусской войной, В. Курочкин с ненавистью говорит о культе насилия и солдатчины, о «союзе штыков» «в Германии единой» и поднимает бокал за равенство, свет которого впервые блеснул «во Франции восемнадцатого века»; он провозглашает лозунг «мира в мире целом» и прославляет борющийся за свою независимость французский народ, преданный собственным правительством:

Естественной к своей земле любовью
В сознании оправдана война,
Народный меч святым стал, если кровью
Родных детей земля окроплена.

(«За которую из двух?»)

Особенно интересно отношение искровцев к Парижской коммуне. В ряде статей, фельетонов, стихотворений ход событий изложен таким образом, что сама собою становится очевидной правота восставших коммунаров.

¹ См. примечание к этому стихотворению: т. 2, № 350.

² Толерансов Тарах <Курочкин В. С.>. Табунное ржание//«Искра». 1862, № 17. С. 243—244; «Искорки»//1862, № 26. С. 359.

Искровцы были по преимуществу сатириками. Но за их сатирическим отрицанием стояли положительные идеалы. Для них не было ничего более отвратительного, чем самодержавие, но и господствовавшие на Западе формы буржуазного парламентаризма не могли их удовлетворить. Они систематически развенчивались в «Искре». Положительным политическим идеалом искровцев была последовательная демократия — «правительство, свободно вышедшее из народа и возвращающееся в него же по миновании своих полномочий, правительство, чуждое бюрократизма и узких кастовых целей». Это — цитата из статьи «Журиальные заметки»,¹ за которую, как за заключающую в себе «превратное и совершенно неуместное суждение о правительственной власти»,² «Искра» была приостановлена на четыре месяца и фактически закрыта.

«Искра» не была, разумеется, монолитна. Радикализм некоторых ее сотрудников оказался поверхностным и недолговечным. Так, Вейнберг скоро превратился в прекраснородушного либерала, а Буренин, пройдя через либерализм, стал впоследствии махровым реакционером. Но левое крыло искровцев, наиболее последовательные из них были тесно связаны с революционной мыслью 1860-х годов, а иные принимали непосредственное участие в революционном движении. В свержении самодержавия они видели единственный надежный путь к торжеству социальной справедливости и своей литературной деятельностью стремились подготовить и ускорить его. Уверенность в обреченности старого мира, вера в лучшее будущее отчетливо проявились в таких вещах, как «Химеры» и «Erriq si tuove!» Богданова, «Принц Лутоня» и «Тик-так! Тик-так!» В. Курочкина:

Мы слышим в звуках всем понятных
Закон явлений мировых:
В природе нет шагов попятных,
Нет остановок никаких!
Мужайся, молодое племя!
В сиянии дня исчезнет мрак.
Тебе подсказывает время:
Тик-так! Тик-так!³

¹ «Искра». 1873, № 38. С. 7.

² «Правительственный вестник». 1873, 28 июня.

³ Даже весьма грустное в целом стихотворение Н. Курочкина «Дурные вести» кончается строками:

Что ж?... покоряясь бесстрастной судьбе,
Тихо угаснем в неравной борьбе...
С верой, что вызовут наши гробы
Новое племя для новой борьбы.

Главным оружием поэзии искровцев, как и всего журнала, был смех в его разнообразных проявлениях — от шутки и легкой иронии до уничтожающего сарказма.

Иронические заглавия и подзаголовки, обозначающие жанровую принадлежность стихотворения и резко контрастирующие с его содержанием («Человек с душой. Идиллия» и «1861 год. Элегия» В. Курочкина, «Две смерти (Баллада)» Минаева, «Беседа с музою (в чисто классическом роде)» Богданова, «Взгляд на природу (Русская мелодия)» Вейнберга и др.); ироническое использование цитат путем включения их в другой контекст; иронический комментарий к приведенным мнениям; высказывание, внутренний смысл которого диаметрально противоположен выраженному в словах; насмешка под видом утрированной похвалы и почтительности и сочувственное отношение под видом осуждения — этот перечень можно значительно продолжить.

В одних стихотворениях иронический тон относится к отдельным деталям (например, набранные курсивом слова «по злобному навету» в «Старой песне» В. Курочкина, которые передают как бы версию самого чиновника-взяточника и в то же время подчеркивают обоснованность слухов о происхождении его богатства), в других («Великие истины» В. Курочкина) распространяется на весь текст. В стихотворении В. Курочкина «На масленице» высмеиваются высокие слова о прогрессе и народе, лишённые в устах поэта-обывателя какого-либо конкретного содержания; ирония сосредоточена в рефрене «Нет, господа, давайте есть блины», но окрашивает вместе с тем весь предшествующий ему куплет.

Значительная часть поэтического наследия искровцев представляет собою сатирические отклики на факты и явления текущей действительности. Оперативность, быстрота реакции являются отличительной чертой этих откликов. Только назначили слывшего либералом А. В. Головнина министром народного просвещения (декабрь 1861 г.), а в стихотворении В. Курочкина «Над цензурою, друзья...» уже фигурирует его имя и говорится о тщетности надежд на какой-либо поворот в цензурном ведомстве: «Не пропустит Головнин То, что вычеркнул Путятин». Через две недели после полемики между Катковым и Н. Ф. Павловым о монопольном праве «Московских ведомостей» печатать казенные объявления, полемики, в которой достаточно ярко сказались нравы реакционной журналистики (октябрь 1862 г.), печатается «трагическая сцена» Курочкина «Лорд и маркиз, или Жертва казенных объявлений». В ответ на статьи Фета «Из деревни» (1863), в которых он жаловался на грубость и лень крестьян, протестовал против «засилия» крестьянской темы в литературе, сочувственного изображения «Оксан и Ванек» и обличения помещиков, Минаев печатает цикл пародий «Лирические песни с гражданским отливом».

В связи с пребыванием в Петербурге японского посольства он пишет политически очень острое стихотворение «Сказка о восточных послых» (1862). Немедленно откликается на судебную реформу Н. Курочкин («Утешение в разлуке»), на Нечаевский процесс — Буренин («Общественное мнение»), на растраты и мошенничества в акционерных обществах — Вейнберг и т. д. При этом политическое чутье редко изменяло искровцам; они верно избирали объект сатиры и без промаха попадали в цель.

Конечно, большое количество их сатирических произведений отжило свой век, как, впрочем, безнадежно устарели и справедливо забыты многие произведения, вышедшие из лагеря «чистого искусства» и написанные на «вечные» темы. Но лучшие образцы их сатиры убедительно говорят о том, что тесно связанное с большими и актуальными проблемами современности, злободневное в глубоком смысле этого слова сохраняет свое значение и после того, как вызвавшие его явления ушли в прошлое. Обращаясь к злободневным темам, поэты интересовались не каждым отдельным фактом самим по себе, а понимали и оценивали его как известный симптом, как проявление политической атмосферы эпохи, как типическую черту, характеризующую социальное поведение или человеческий, нравственный облик господствующих классов. Так же как и Щедрина, их интересовал преимущественно не человек вообще, а человек определенного класса, и не частная, а социальная жизнь стояла в их сатире на первом плане. Но даже обращаясь иногда к частной жизни, искровцы показывали, что она определяется теми же социальными законами. В основе стихотворения В. Курочкина «Явление гласности» лежат некоторые факты биографии публициста С. С. Громеки, но в нем вместе с тем разоблачается типичная эволюция либерала, прельстившегося разными «соблазнами». В «Бедовом критике» Курочкин имел в виду Кс. Полевого и дал ему беспощадную характеристику, но это в то же время обобщенный портрет мракобеса, преследующего все великое и передовое в культуре человечества. Нечто аналогичное можно сказать и о «Литературных староверах» Жулева, «Колыбельной песне» Вейнберга, «Песне о Педефиле и Педемахе» Буренина.

Без учета этой злободневности, этой близости к политической и литературной жизни тех лет многое останется непонятным в творчестве поэтов «Искры». Для понимания социально-исторического содержания их поэзии и их художественного метода необходимо расшифровать многие намеки, знать иногда очень мелкие, но характерные факты, вспомнить давно забытых людей, вообще воспроизвести ту социальную атмосферу, в которой воспринимали их стихотворения современники.

Чаще всего искровцы высказывали свои взгляды, выражали свое отношение к окружающей действительности в полемике с враждебными им журналами и газетами. Естественно желание показать читателям истинное лицо своих идейных врагов, но самое обилие полемики в их

стихах определялось еще одним обстоятельством. Возможность открыто говорить непосредственно о явлениях действительности была обратно пропорциональна значительности этих явлений. Литературно-журнальная борьба была в глазах властей предрешающая все же менее опасной и предосудительной. В 1862 г. В. Курочкин жаловался, что цензура запрещает решительно все — «приходится, скрепя сердце, по-прежнему ограничиваться областью журналистики».¹

Искровцы были мастерами такой журнальной полемики. Аскоченский и Юркевич, Катков и Скарятин, Н. Ф. Павлов и Чичерин, Краевский и Громека, Соллогуб, Вяземский и многие другие реакционные и либеральные публицисты и писатели являлись постоянными персонажами «Искры». И в стихах и в прозе высмеивались их социально-политические, философские и литературные воззрения, демонстрировалась их враждебность народным интересам, давался отпор их нападениям на вождей революционной демократии Чернышевского и Добролюбова.

Искровцев неоднократно упрекали в личностном характере их сатиры, в том, что они оскорбляют, например, уважаемых, но не пользующихся почему-либо их симпатиями писателей. Но подобно тому, как «помпадуры» разных рангов, о которых они писали, интересовали их не как частные лица, а как представители определенного порядка вещей, определенного социального строя,² точно так же публицисты, с которыми «Искре» приходилось бороться, были для нее конкретными представителями «известного порядка идей»³ — того порядка идей, который стремился в той или иной мере оправдать и сохранить отжившие общественные устои.

Жестокий цензурный режим, непрерывные преследования свободной мысли способствовали выработке у многих революционных или оппозиционно настроенных писателей, преимущественно у сатириков, особых методов изображения действительности и выражения своего отношения к ней, особой поэтики. Постоянно пользовались приемами эзопова языка и искровцы. Они должны были зашифровывать свои взгляды, а зачастую и объекты своих нападок. Разумеется, иужно было делать это так, чтобы цензор не догадался или, во всяком случае, не имел оснований для придира, а читатели понимали, в чем дело.

Но многое из того, что было понятно людям середины XIX века, пропадало для читателей последующих поколений. Скользя взглядом по

¹ Письмо к цензору Ф. Ф. Веселаго//«Поэты „Искры“», Л., 1933. С. 42—43 (Б-ка поэта. БС).

² Недаром одной из опасных особенностей «Искры» цензура считала «генерализацию отдельных случаев каких бы то ни было злоупотреблений» (Дело Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания, 1864, № 12. Л. 26, 83//Центр. гос. исторический архив СССР в Ленинграде (далее: ЦГИА), ф. 774.

³ «Литературные размышления»//«Искра». 1868. № 29. С. 348.

тому или иному стихотворению, они часто даже не подозревали, что в совершенно невинных на первый взгляд словах заключено что-либо, кроме того, о чем прямо говорится. Да и мы без соответствующих разъяснений не видим их скрытого, иногда очень острого политического смысла.

В стихотворении Н. Курочкина «Ода на современное состояние Франции» есть строка: «Горят огнем широкие бульвары». Слово «широкие» напечатано курсивом. Это не случайная типографская ошибка. Курсив имеет определенный смысл, он намекает на следующий факт. При Наполеоне III была произведена перепланировка Парижа — многие улицы были расширены, были разбиты новые бульвары и сады, причем одной из главных причин этой перепланировки было стремление правительства, напуганного событиями 1848 года, сделать более затруднительными сооружение баррикад и ведение уличных боев. Как видим, намек этот весьма существен в общем контексте стихотворения, в связи с обращением поэта к революционному прошлому Франции и словами о превращении Парижа в «клубничный Вавилон».

В стихотворении В. Курочкина «Благоразумная точка зрения» есть строка: «С соблюдением *мер и границ*». Читатель не обратит на нее особого внимания, если не знает, что «Меры и границы» — заглавие статьи Б. Н. Чичерина.¹ Это — первая из цикла его статей, проинкнутых охранительными тенденциями и ненавистью к революционной мысли 1860-х годов и наделавших в свое время много шума. Еще пример. В. Курочкин перевел стихотворение Беранже «Навуходоносор». В России перевод не мог быть напечатан и распространялся в списках. В переводе упоминается между прочим «Северная пчела» Булгарина, которой нет, конечно, в оригинале:

В тогдашней «Северной пчеле»
Печатали неоднократно,
Что у монарха на челе
След царской думы необъятной...

Этой деталью — упоминанием «Северной пчелы» — действие сразу же переиосится в Россию. Но еще более примечательны строки: «Был съеден *незабвенный* царь» и «Как в бозе сгнил последний царь», тоже якобы переведенные из Беранже. «Незабвенным нашим родителем» был назван Николай I в манифесте Александра II по поводу его смерти и своего вступления на престол. Это выражение не раз служило предметом насмешек. Иронически называли Николая «незабвенным» Герцен и Огарев, и по их почину насмешливое словечко, содержащее оценку всего николаевского царствования, вошло в обиход, получило широкое распространение. «В бозе сгнил» — пародия на слова о смерти особы царствующего дома:

¹ «Наше время». 1862, 3 янв.

«в бозе почил». Таким образом, «Навуходоносор» в переводе Курочкина сливается с Николаем I, как и сам Берайже имел в виду в своем стихотворении нравы и порядки двора Людовика XVIII.¹

Много подобных намеков и у Минаева. Так, юмористические куплеты «Роковое число»² кончаются строками:

Чтоб горя в жизни не иметь им,
Во избежанье всяких бед,
Шепнул бы я еще о *третьем*...
Да, жалко, времени мне нет.

Без сомнения, речь идет здесь о III Отделении.

В большинстве случаев намеков содержится в одной или нескольких деталях, но иногда он является ключом к общему замыслу произведения. Своеобразная игра намеками лежит в основе стихотворения Минаева «Современные стансы»,³ где в конце каждой строфы повторяется:

Нужна нам кон...
Нужна нам кон...

Но предполагаемое и ожидаемое слово «конституция» ни разу так и не произносится: читателю все время дается иная, цензурная и, разумеется, мнимая разгадка («концессия другая, третья», «консервативная газета», «кончина бабушки богатой», «коинно-железная дорога» и пр.). Однако эти мнимые разгадки не только не устраниают из его сознания подлинной разгадки, а еще сильнее влекут его мысль к подразумеваемому, хотя и не произнесенному слову.

Широкое использование намеков было вызвано цензурными условиями, невозможностью говорить о многих вопросах прямо и открыто. Но не всегда, конечно, это явление связано непосредственно с цензурой. Нередко на недосказанности и инуюсказании, рассчитанных на догадливость читателя, построен комический эффект произведения. Намек, недоска-

¹ Следует отметить, что сопоставление Николая с Навуходоносором было, по-видимому, в ходу. Так, в стихотворении А. С. Хомякова «Навуходоносор», написанном за несколько лет до этого, в 1849 году, содержится, по свидетельству П. И. Бартенева, явный намек на Николая I (Хомяков в А. С. Стихотворения. М., 1910. С. 155—156). Ср. также слова Каткова, сказанные им после смерти Николая I, в пору своего либерализма: «Если б император Николай восторжествовал, то трудно и представить себе, что сделалось бы с ним; он уподобился бы Навуходоносору — вышел бы в Летний сад и стал бы щипать траву» (Феофистов в Е. М. За кулисами политики и литературы. Л., 1929. С. 90).

² «Искра». 1871, № 11. Стб. 324. Библиографические сведения даны в статье лишь для стихотворений, не вошедших в настоящее издание; сведения об остальных приведены в примечаниях.

³ Минаев Д. Д. Всем сестрам по серьгам. СПб., 1881. С. 5—6.

занность иногда служат своеобразным художественным средством, возбуждающим активный интерес читателя к факту или явлению, о котором пишет поэт. Герцен отметил специфическое отношение между писателем и читателем, возникающее при этом. «Иносказательная речь,— читаем в его сочинении «О развитии революционных идей в России»,— хранит следы волнения, борьбы; в ней больше страсти, чем в простом изложении... Говорить так, чтобы мысль была ясна, но чтобы слова для нее находил сам читатель,— лучший способ убеждать... Читатель, знающий, насколько писатель должен быть осторожен, читает его внимательно; между ним и автором устанавливается тайная связь: один скрывает то, что он пишет, а другой то, что понимает».¹

Среди разнообразных сатирических приемов, которыми пользовались искровцы, следует остановиться подробнее на одном, к которому они прибегали особенно часто. Это прием «маски», повествования от имени подставного лица, которое не только не тождественно с авторским, но служит основным объектом сатирического разоблачения. Таким образом мы как бы присутствуем при самораскрытии и саморазоблачении героя. Общий смысл такого построения заключается в том, что враждебный поэту образ мыслей доводится до логического конца и вместе с тем до предельной уродливости и развенчивается как бы изнутри. Иногда, впрочем, маска просто создавала позицию, с которой было легче говорить на запретные темы. Так обстоит дело в «Письме из России Фукидизи-Жен-Иширо к другу его Фукуте Чао-Цее-Цию» В. Курочкина.

Маска благонамеренного человека имеет весьма давнюю историю, но в русской сатире середины прошлого века, главным образом в революционной сатире, она встречается особенно часто. Добролюбов писал С. Т. Славутинскому в 1860 году в связи с его «Внутренним обозрением», что из цензурных соображений «необходимо говорить фактами и цифрами, не только не называя вещей по именам, но даже иногда называя их именами, противоположными их существенному характеру».² Называние вещей «противоположными» именами нередко встречается у Добролюбова. Вспомним хотя бы в статье «Когда же придет настоящий день?» иронические размышления о том, что в России нет никакой почвы для борьбы, которой воодушевлен Инсаров, что Россия — «государство благоустроенное: в ней существуют мудрые законы, охраняющие права граждан и определяющие их обязанности, в ней царствует правосудие» и т. д.³ Много аналогичных мест в статьях Чернышевского. Но в публицистике этот иронический тон появляется лишь местами и не перерастает в законченную маску, как в целом ряде произведений Щедрина, в поэзии Добролюбова и искровцев.

¹ Герцен А. И. Собр. соч. М., 1956. Т. 7. С. 217.

² Добролюбов Н. А. Собр. соч. М.; Л., 1964. Т. 9. С. 415.

³ Там же. Т. 6. С. 124.

В стихах и фельетонах искровцев мы сталкиваемся с этим приемом буквально на каждом шагу. Такого рода маски у них весьма разнообразны. Это и представитель благородного дворянского сословия, мечтающий о возвращении к блаженным временам крепостного права («Мы — особь статья!» Богданова), и провинциальный помещик-зубр («Провинциальным Фамусовым» Минаева), и либерал («Сон на Новый год» и «Чисто-сердечное признание» В. Курочкина, «Проселком» Минаева), и мракобес-ханжа («Полезное чтение» В. Курочкина), и чиновник, не гнушающийся взятками и гнувший спину перед начальством («Жалоба чиновника» В. Курочкина, «Негордый человек» Вейнберга), и обобранный заправилами акционерных обществ рядовой акционер («Песни сумасшедшего акционера» Вейнберга), и славянофил («Я трепетал...» Минаева), и обыватель, и многие другие. В подобной сатире нередко элементы пародии. В монологе, вложенном в уста объекта сатиры, поэт имитирует подчас его литературную манеру, фразеологию, использует отдельные его выражения.

Чаще всего эти маски, по самому характеру поэтического творчества искровцев, конструировались ими на каждый данный случай, в связи с сатирическими откликами на то или иное явление общественной или литературной жизни. Но были у них и более или менее устойчивые маски, вроде Козьмы Пруtkова и вымышленных Добролюбовым поэтов Конрада Лилиеншвагера, Якова Хама и Аполлона Капелькина. Именно с Козьмой Пруtkовым связан в первую очередь отставной майор Михаил Бурбонов. Это не только один из многочисленных псевдонимов Минаева, а созданный им образ, от имени которого он написал множество стихотворений и прозаических фельетонов и даже издал целую книгу «Здравия желаю! Стихотворения отставного майора Михаила Бурбонова» (1867). В писаниях Бурбонова воспроизводятся и самый тон, и взгляды на жизнь и искусство солдафона с их прямолинейностью, тупостью и грубостью — воспроизводятся и, конечно, высмеиваются. Но и независимо от этого сквозь маску Бурбонова высмеиваются конкретные литературные (Фет, Розенгейм и др.) и социальные явления, находящиеся за пределами данного образа.

Остановимся еще на одном интересном и выразительном приеме. В нескольких стихотворениях В. Курочкина мы встречаемся с героями литературы предшествующих десятилетий: персонажи Фонвизина, Грибоедова, Гоголя, Тургенева, С. Т. Аксакова, Сухова-Кобылина продолжают жить на их страницах. Так, например, в «Семейной встрече 1862 года» действуют Простакова, Митрофан и Скотинин, Ноздрев, Чичиков, Манилов и Хлестаков, Фамусов, Молчалин, Скалозуб и Загорецкий и другие. Все они, оказывается, еще живут и совсем не плохо себя чувствуют. При помощи этого сатирического приема, получившего впоследствии широкое применение в творчестве Щедрина, Курочкин возбуждает у читателей не только смех. Полемизируя с разглагольствованиями о великих реформах,

якобы покончивших со всеми основами крепостнического строя, Курочкин показывает живучесть этих основ и то, что, несколько изменив свою форму, приспособившись к новым условиям, они продолжают благополучно существовать. Поэтому и порожденные крепостнической действительностью Скотинины и Скалозубы благодеиствуют в пореформенной России. В сценах «Два скандала» высмеяны реакционные и либеральные публицисты, травившие Чернышевского, выступавшие против передового общественного движения и передовой мысли 1860-х годов. И сами эти публицисты, и их идеологическая среда персонифицированы Курочкиным в образах героев «Горя от ума». Удачно использованы им также сюжетные ситуации и отдельные выражения комедии Грибоедова. Такова же сценка Минаева «Москвичи на лекции по философии». В ней поклонники философа-идеалиста П. Д. Юркевича и посетители его публичных лекций, в которых он ополчался на материалистическую философию, тоже изображены в виде персонажей комедии Грибоедова, доживших до 1860-х годов. Интересно, что при первоначальной публикации сценка так и была озаглавлена: «Старые знакомые, или Лекции по философии в Москве».

4

С общим характером поэзии искровцев, с их пониманием социальной роли искусства связаны особенности их поэтического языка. Б. Н. Алмазов писал: «Стих г. Курочкина, хотя и вышел из школы Пушкина и не имеет ничего общего со стихом гг. Мея, Полонского, Майкова и Щербины, но по-своему очень хорош. Это стих рукописных комических стихотворений, стих г. Некрасова, стих лучших пародий Нового поэта (т. е. И. И. Панаева. — И. Я.) — бесцеремонный, но сильный, бойкий и отличающийся затейливыми и звучными рифмами. На Руси существует целая школа такого рода поэзии; отличительная черта поэтов этой школы — умение укладывать в стих обыкновенную разговорную речь».¹ Представление Алмазова о школе Пушкина тенденциозно и антиисторично, но в этом полупохвальном, полуснисходительном отзыве отмечены некоторые существенные черты поэзии не только Курочкина, но и всех искровцев.

Преодоление разрыва между «высокими» и «низкими» предметами, не достойными якобы отражения в искусстве, нарушение запрета для целых областей жизни и обращение к действительности во всем ее многообразии привели к принципиальным изменениям языка поэтов некрасовской школы. Новый быт, новые социальные явления, новые герои, оказавшиеся в центре внимания, а не в качестве слегка намеченного контрастирующего фона, потребовали новой лексики. Противопоставление языка поэзии и практического языка как двух самостоятельных, замкну-

¹ «Взгляд на русскую литературу в 1858 году»//Алмазов Б. Н. Соч. М., 1892. Т. 3. С. 364—365.

тых систем было отвергнуто. Демократизация языка, сближение стихотворной речи с разговорной, с языком передовой публицистики, науки, использование профессиональной лексики, простонародных слов и выражений были в середине XIX века одним из существенных признаков реализма в поэзии и шли в русле общего развития русского литературного языка. О «простом языке, свойственном поэзии нашего времени», писал в рецензии на стихотворения Щербины Чернышевский, отмечая, что Щербина «не решается сойти с треножника пифии» и заговорить этим языком.¹

Искровцам, как и другим поэтам некрасовской школы, была чужда условная поэтическая речь; они не считали нужным говорить о взволновавших их фактах и явлениях, о своих чувствах и переживаниях необычными, «красивыми» словами, тем самым как бы возводя их в ранг «поэтического». Напротив, сугубо «поэтические» слова и словосочетания, получившие права гражданства в «чистой поэзии» и превратившиеся в штампы у второстепенных ее представителей и эпигонов, поэтические слова и словосочетания, благодаря которым конкретные черты реальной действительности опосредствуются традиционными литературными связями и ассоциациями, часто употреблялись ими в пародийном и ироническом контексте. С другой стороны, так называемые прозаизмы не ощущались ими как нарушение каких-то незыблемых законов искусства; самое понятие прозаизма для них, собственно, не существовало: оно возникло на основе совершенно иных эстетических воззрений.

Изысканным метафорам и их прихотливому сочетанию, преобладанию субъективной эмоциональной окраски слова над его логическим смыслом искровцы противопоставляли предметность слова. Им нужны были такие слова, которые помогают раскрыть и обнажить сущность изображаемых явлений, повернуть эти явления к читателю с иной стороны, показать в новом свете. «Музыкальности», нередко заглушавшей смысловое наполнение стиха, равно как и «гладкому», а у многих к тому времени уже застывшему, окаменевшему стиху, они предпочитали, с одной стороны, свободные разговорные интонации сатирического фельетона, а с другой — пафос и эмоциональную насыщенность публицистической лирики.

В. Курочкин и его соратники стояли за предельную простоту формы. Однако свое стремление к простоте и доходчивости они решительно отделяли от намеренного упрощения, от пошлой и примитивной лженародности. «Стремление выражать идеи в доступной каждому форме, — читаем в статье И. И. Дмитриева «Расшаркивающееся искусство», — не должно переходить в ту оскорбительную, барскую замашку *снисходить* до мужицкого мирозерцания, с каким многие часто адресуются к народу. Так, многие имеют пошлую привычку, разговаривая с детьми, коверкать по-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1948. Т. 4. С. 531.

детски слова и картавить. Ясности это не только не помогает, а даже вредит».¹ Лженародность и сюсюканье, равно как и либерально-обличительная поэзия, наиболее типичным представителем которой был М. П. Розенгейм, поэзия с обнаженной и крайне куцей тенденцией и лишенная каких бы то ни было художественных достоинств, вызывали у искровцев не меньший отпор, чем «искусство для искусства». Та простота, та заостренность и целенаправленность стиха, которой нередко добивались искровцы, являлась итогом серьезной работы над словом, серьезных исканий в области поэтической формы.

Критика враждебного лагеря неоднократно утверждала, что у них есть бойкие куплеты на злобу дня, но эти куплеты не имеют-де ничего общего с подлинным искусством. Искровцы, действительно, очень часто пользовались куплетами и довели технику куплета с рефреном до большого мастерства. Такое отношение к куплету как к очень доходчивой и выразительной форме вполне естественно у поэтов, ориентировавшихся на широкую демократическую аудиторию.

Обратившись к куплету с рефреном, искровцы не могли не учитывать поэтического опыта французских песенников, в первую очередь Беранже, с которым у них были и существенные идейные связи. В процессе выработки своей поэтической техники — прежде всего это относится к сатире — они (а до них и Некрасов) использовали также некоторые особенности русского водевиля 1830—1840-х годов. Стихотворения, написанные от имени разоблачаемого сатириком лица, часто напоминают монолог, как бы извлеченный из водевиля. За это сходство с водевилем Курочкина и других искровцев, как, впрочем, и Некрасова, не раз упрекали неприязненно относившиеся к ним литераторы. Ап. Григорьев, в целом высоко ценивший талант Некрасова, вместе с тем пренебрежительно отзывался о «водевильности тона» многих его произведений, «водевильно-александринских пошлостях».² Вслед за ним и Н. Н. Страхов писал о Некрасове: «Стихи его по тону и манере очень часто сбиваются на водевильные куплеты того особого рода, который некогда процветал в нашей „Александринке“».³ Аналогичный отзыв об искровцах встречаем в статье критика В. К. Иванова,⁴ а за несколько лет до этого А. Н. Майков писал Я. П. Полонскому по поводу курочкинских переводов из Беранже: «Три-четыре пьески хороши, прочее — куплеты Александринки».⁵ Но все они умалчивали

¹ «Искра». 1863, № 38. С. 527.

² «Стихотворения Н. Некрасова»//Григорьев А. Литературная критика. М., 1967. С. 460, 479.

³ «Некрасов и Полонский»//Страхов Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. 2-е изд. Киев, 1897. С. 135.

⁴ См. его статью о пьесе А. Н. Островского «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» («Отеч. зап.». 1862, № 8. С. 214—215).

⁵ Рукоп. отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР, арх. Я. П. Полонского.

о том, что, заимствуя из водевиля легкость, бойкость, доходчивость стиха, технику каламбура и т. д., Некрасов и поэты «Искры» поставили их на службу передовым идеям своего времени, и представляли дело таким образом, что те механически возрождают и повторяют потерявшие всякое значение пустые, бессодержательные водевильные куплеты.

Важным оружием в руках сатириков была и пародия, отмеченная большими успехами в эти годы. К лучшим пародистам своего времени, наряду с Добролюбовым, принадлежали и искровцы Минаев, Ломан (Н. Л. Гнут) и Сниткин (Амос Шишкин). В своих пародиях они брали под обстрел и идейную сущность, и эстетические принципы, и литературную манеру, стилистику чуждых им литературных явлений. Они боролись с пережитками романтических представлений об исконном антагонизме между художником и «толпой» (см., например, «Монолог художника...» Минаева), с основным литературным врагом демократического лагеря — «артистической теорией» или теорией «искусства для искусства», с узостью тематики и замкнутостью в пределах индивидуалистической лирики, с казенно-патриотической и либерально-обличительной поэзией. Лирика мимолетных и нарочито неясных настроений, установка на иррациональность человеческих переживаний, мистические мотивы, облеченная в поэтические одежды эротика, романтическая лексика и романтический пейзаж (в частности, перенесение человеческих чувств на явления природы), внешняя красота и экзотика — таков широкий диапазон пародийного творчества искровцев. Так, влечение к таинственному, загадочному, необъяснимому высмеяно в остроумной пародии Ломана на Случевского «Давно любовь в обоих нас остыла...». Обращаясь к произведениям, в которых уход от противоречий современной действительности проявляется в форме увлечения экзотикой далеких стран и эпох, Ломан в пародии на того же Случевского снижает «высокий» сюжет и противопоставляет экзотической обстановке и образам неприглядный серенький быт, показывая, с чем же мы сталкиваемся в самом деле («Коварство и любовь»). Многие пародии искровцев направлены против отдельных стихотворений Фета, Полонского, Майкова, Тютчева, Мея, Щербины, Крестовского, Бенедиктова и других поэтов. Но есть у них и пародии, так сказать, синтетические, высмеивающие те или иные общие тенденции, жанры современной поэзии, например, антологические и идиллические мотивы переводчиков и подражателей Гейне, усвоивших лишь внешние признаки и искажавших подлинную сущность его поэзии, и т. п. Пародисты используют при этом разные приемы, иногда присоединяя к пародируемому стихотворению лишь одну какую-нибудь дополнительную черточку и тем самым дискредитируя в глазах читателей его эмоциональный смысл. Кое в чем пародисты «Искры» перекликались, естественно, со своими современниками и предшественниками — названным выше Добролюбовым, а также Козьмой Прутковым и Новым поэтом — И. И. Панаевым.

Не следует, однако, принимать за пародию обычное в сатирах искровцев и очень характерное для их поэтики использование отдельных строк, строения строфы, сюжетной схемы, персонажей из многих произведений предшествующих десятилетий. Иначе «Явление гласности» В. Курочкина — сатиру на либерального публициста Громеку — пришлось бы признать пародией на «Истину» Баратынского, его эпиграмму на Б. Н. Чичерина «Слышу умолкнувший звук ученой Чичерина речи...» — пародией на двустиишие Пушкина «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...», «Молитву» Минаева, направленную против «Отцов и детей» Тургенева, — пародией на «Молитву» Лермонтова, сцены В. Курочкина «Два скандала» и Минаева «Москвичи на лекции по философии» — пародиями на «Горе от ума» Грибоедова, «Ах, где та сторона...» Минаева — пародией на известную агитационную песню Рыльева и Бестужева-Марлинского «Ах, где те острова...», наконец, его разговор трех теней о сатирической поэзии — пародией на соответствующую сцену из «Макбета» Шекспира и т. д. и т. д. Между тем ни о какой пародии здесь не может быть и речи. Пародия всегда связана с дискредитацией идейного смысла произведения или поэтической системы писателя, а в перечисленных и многих других случаях этого нет. В отличие от пародии это явление можно условно назвать «перепевом» — разумеется, не в обычном значении подражания. Таких «перепевов» у искровцев очень много, и они имеют разнообразный характер: одни охватывают все стихотворение, другие — одну или несколько строк; в одних случаях поэт использует строение строфы, в других — сюжетную ситуацию и т. п. В «перепевах» могут быть элементы пародии, но основная их направленность иная. Широко известная сюжетная схема, ритмико-синтаксическая структура стихотворения, слегка измененная словесная формула прилагаются к высмеиваемому в сатире материалу, и неожиданность такого применения, разрушающая круг привычных ассоциаций, создает комический эффект. Непременным условием комического эффекта является, как указано выше, достаточно широкая известность используемого источника. Но смех направлен не против литературного источника «перпева», а против объекта сатиры.

Большое значение в поэзии искровцев имеют острота и каламбур. То естественно вырастая из общего иронического тона повествования, то возникая совершенно, казалось бы, неожиданно, они усиливают сатирическое жало произведения, способствуют посрамлению высмеиваемого человека, его взглядов, сочинений. Особенно важную роль играет каламбур в эпиграмме. Эпиграммы писали многие искровцы, но особенно много писал их Минаев, один из лучших мастеров этого жанра. На эпиграммах Минаева следует остановиться несколько подробнее.

Игра на двойном значении слова «донесет», разоблачающая публицистическую деятельность Б. М. Маркевича («Б. М(аркеви)чу»), ирони-

ческое согласие с поэтом, который сравнивает себя с Байроном: «Поэт Британии был хром, А ты — в стихах своих хромаешь» («Аналогия стихотворца»), характеристика «текущей журналистики»: «Она поистине «текущая», Но только вспять» («Необходимая оговорка») — таких примеров можно было бы привести немало.

Наряду с двойным значением слов Минаев использует также звуковую близость далеких по своему смыслу понятий: пьеса сыграна «с шиком, с шиком: громко шикали» («После бенефиса»). Иногда каламбур строится на том, что читатель в сочетании более или менее «невинных» слов разгадывает другие, звучащие почти так же, но имеющие острый политический смысл. Примером могут служить строки из стихотворения (не эпиграммы) «Кумушки», связанного со студенческими волнениями 1861 года: «Лупят под лопатку ли» («Лупят подло Паткули») и «Гнать, и гнать, и гнать его» («Гнать и гнать Игнатьева»).

Не всегда, впрочем, стержнем эпиграммы Минаева является каламбур. Многие неожиданные и остроумные концовки не связаны с игрой слов. Таково упоминание о «всеобщем знакомце» Хлестакове в последней строке превосходной эпиграммы «Вопрос», собирающее в одном фокусе перечисленные факты:

Послушать вас — вам все сродни на свете.
Заговорят случайно о Гамбетте —
Окажется Гамбетта ваш confrère;
Рошфор — ваш кум, граф Бисмарк — друг завзятый,
Гюго — земляк и однокашник — Тьер,
И, кажется, сродни немножко Пий IX.
Везде у вас друзья — их сорок сороков —
В Париже, в Лондоне, в Берлине и в Мадриде,
И вертится вопрос у ваших земляков:
Как вам приходится, пожалуйста, скажите,
Знакомец наш всеобщий — Хлестаков?

Иногда в качестве концовки использована пословица: эпиграмма на кн. В. П. Мещерского завершается строкой «В семье не без урода». Есть у Минаева эпиграммы, построенные в виде характеристики («История одного романиста», «Вестнику Европы», «Вопрос»), в форме диалога («Печальный выигрыш», «После бенефиса») и др.

Сжатость и отточенность, блестящая изобретательность, разнообразие приемов отличают его эпиграммы. В одной из них речь идет о двух авторах, которые «на удивленье многим Являются одним четвероногим» («При чтении романа „При Петре I...“»); в другой говорится о «сумасшедшей задаче», возникшей под впечатлением картины Лемана «Дама под вуалью» — «картину написать на тему „Дама, Из комнаты ушед-

шая“»; в третий воздается похвала художнику, нарисовавшему картину «Сапожник»:

Сюжет по дарованью и по силам
Умея для картины выбирать,
Художник хорошо владеет... шилом —
Тьфу! — кистью — я хотел сказать.

К остроте и каламбур, наиболее ярко ощутимым в небольшой эпиграмме, Минаев прибегает и в сатирическом фельетоне и в сатирической поэме. При этом необходимо подчеркнуть, что в большинстве случаев они не могут быть расценены как простые словесные вычуры, а являются одним из компонентов социальной или художественной оценки.

5

Уже из сказанного выше ясно, что искровцы были не только сатириками, хотя сатира и преобладала в их творчестве. Они писали также лирические стихотворения и несатирические поэмы (из-за недостатка места образцы последних не включены в сборник). Лирика искровцев в значительной своей части не отличалась самостоятельностью — и все же необходимо сделать о ней несколько дополнительных замечаний.

Прежде всего нужно отметить, что между лирикой и сатирой не было у них резкой границы. Конечно, были у них и чисто лирические и чисто сатирические произведения, но во многих случаях невозможно с определенностью отнести их к той или иной группе. Эта черта характерна для всей некрасовской школы и для самого Некрасова. Такой специфически некрасовский сплав сатиры и лирики мы находим, например, в стихотворении Минаева «1-е января».

Иногда в пределах одного стихотворения поэтическое «я» вдруг меняется и от лирического тона поэт переходит к злой иронии, подставляя вместо себя уже другое, ему совершенно чуждое «я». Такова «Ода на современное состояние Франции» Н. Курочкина. Прославление революционного прошлого Франции и ненависть к режиму Наполеона III облечены в своеобразную форму: авторское «я» и «я» сатирическое, интонации гневной сатиры и юмористического фельетона соседствуют, причем их смена отражает сюжетное движение стихотворения. Начиная со строки «И сладко мне! я вижу, победил», перед нами новое «я» — собирательное «я» буржуа-обывателя, на которого был обращен гнев поэта в первой части стихотворения.

То лирическое «я», которое объединяет в нашем сознании творчество поэта, не является тождественным у всех поэтов демократического лагеря. Этот образ поэта имеет у каждого из них свои особенности, свою, так сказать, биографию, но в очень существенном они все же близки. Для

поэтов некрасовской школы главным, основополагающим являются соотношения этого лирического «я» не с природой, с космосом (как у Фета и Тютчева), а с другими людьми, с обществом, и характер этих взаимоотношений определяет весь тон и колорит, всю проблематику их творчества.

Говоря о том, что «разлад человека со всем окружающим» издавна является объектом литературного изображения, но что его причины искали «то в таинственных силах природы, то в дуалистическом понимании человеческого существа», Добролюбов в 1860 году в рецензии на сборник стихотворений Никитина заметил, что теперь утверждается «более простой взгляд... обращено внимание на распределение благ природы между людьми, на организацию общественных отношений». Роман, по его словам, «прямо вытек из нового взгляда на устройство общественных отношений как на причину всеобщего разлада, которая тревожит теперь всякого человека, задумавшегося хоть раз о смысле своего существования». Серьезные изменения претерпела в связи с этим и драма. «В лирике нашей мы видели до сих пор только начатки и попытки в этом роде, но отсюда вовсе не следует, что новое содержание поэзии было недоступно для лирики или несовместно с нею».¹ Отчетливо характеризуя этот переворот в литературном сознании, Добролюбов явно преуменьшал его отражение в русской поэзии середины XIX века. Достаточно вспомнить о Некрасове. Разумеется, по своему таланту искровцы несоизмеримы с ним, но их поэзия развивалась в том же направлении, шла теми же путями.

Проблема личного и общего (точнее — общественного) стояла в центре лирики демократического лагеря. При этом личное начало в ней неразрывными нитями связано с социальным. Противоречия между личностью и обществом не были для Некрасова и поэтов его школы некими исконными и вечными противоречиями. Это были противоречия передового сознания с отжившей и враждебной народу социально-политической системой, с несознательностью самого народа. Народное счастье и благополучие было для них не абстрактным идеалом, а существеннейшим вопросом их внутреннего мира.

Лирика поэтов-демократов, в том числе поэтов «Искры», имеет свою специфическую окраску. Бытовая обстановка, обрамляющая рассказанное, вводит читателя в совсем особую атмосферу — атмосферу горя, неудач, бедности и притеснений. Иногда лирическое «я» представляет рядового труженика, «бедного человека» большого столичного города, где остро ощущаются социальные противоречия; иногда это интеллигент-демократ, но в обоих случаях это страдающий от социального неустройства, недовольный жизнью, часто раздраженный человек. Однако эта раздражительность, недовольство собой и другими не являются только

¹ Добролюбов Н. А. Т. 6. С. 176—177.

личными психологическими свойствами поэта или его героя. Он зол на социальные условия, калечащие человека, и с желчью говорит об этом. Это те именно недовольство и злость, о которых писал Некрасов Л. Н. Толстому в ответ на его нападки на Чернышевского: «Вам теперь хорошо в деревне, и Вы не понимаете, зачем злиться. Вы говорите, что отношения к действительности должны быть здоровые, но забываете, что здоровые отношения могут быть только к здоровой действительности. Гнусно притворяться злым, но я стал бы на колени перед человеком, который лопнул бы от искренней злости — у нас ли мало к ней поводов?»¹

Особое место занимает в поэзии искровцев городской пейзаж, картины городской жизни. В большинстве случаев это столица, Петербург, но не Петербург величественный, торжественный, Петербург блестящих архитектурных созданий, а Петербург как вместилище социального зла, Петербург будничныи, такой неуютный для бедняков, неприветливый и жестокий к ним. Стихотворения искровцев о городе — это, на первый взгляд, беглые, несвязные зарисовки, сделанные проходящим по городским улицам человеком, простая регистрация того, что бросилось ему в глаза и что он, не мудрствуя лукаво, перенес на бумагу. См., например, начало стихотворения Вейнберга «Двое похорон»: «Шел я по Литейной...» и дальше: «Я пошел за ним...»² Но из городского пейзажа, из бытовой сценки естественно возникает нечто большее; сквозь разрозненные впечатления проступает трагическая сторона повседневной действительности. Таковы некоторые стихотворения Вейнберга, Минаева, Богданова.

Характерна в этом отношении поэма Минаева «Та или эта?».³ Передавая тягостные впечатления, тоску, охватившую его в темном квартале, где его застала зимняя ночь, поэт пишет, что по случайным уличным впечатлениям, мелькнувшему в окне профилю усталого человека и т. п. он воссоздает «незримые драмы» (о «незримых драмах» Минаев упоминает и в стихотворении «Осенний день»).⁴ Это типично некрасовское восприятие города. Вспомним признание Некрасова: «Мерещится мне всюду драма», являющееся заключительным аккордом его цикла «На улице» (1850) и своеобразным смысловым ключом ко всем его произведениям о городе. Нужно, впрочем, оговориться, что подобное восприятие характерно не для одного Некрасова и его поэтического направления, но и для всей демократической линии русской литературы, возникшей на почве «натуральной школы».

Весьма интересны с этой точки зрения размышления Герцена в его «Капризах и раздумье», появившихся за несколько лет до цикла Некрасова. Герцен обронил здесь мысль о необходимости ввести употребление

¹ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1952. Т. 10. С. 284.

² «Искра». 1862, № 39. С. 516.

³ «Рус. слово». 1861, № 11.

⁴ «Искра». 1860, № 43. С. 463.

микроскопа при изучении нравственного мира: «Надобно рассмотреть ить за нитью паутину ежедневных отиошений, которая опутывает самые сильные характеры, самые огненные энергии»; нужно подумать «об ежедневных, будничных отиошениях, обо всех мелочах, к которым принадлежат семейные тайны, хозяйственные дела, отиошения к родным, близким, присным, слугам». И дальше Герцен с большой лирической силой пишет: «Когда я хожу по улицам, особенно поздно вечером, когда все тихо, мрачно и только кое-где светится ночник, тухнувшая лампа, догорающая свеча,— на меня находит ужас: за каждой стеной мне мерещится драма, за каждой стеной виднеются горячие слезы — слезы, о которых никто не сведает, слезы обманутых надежд,— слезы, с которыми утекают не одни юношеские верования, но все верования человеческие, а иногда и самая жизнь».¹ Совершенно очевидно, что словесное совпадение («за каждой стеной мне мерещится драма», «мерещится мне всюду драма», «и я вижу незримые драмы») не случайно. Речь идет не о нейтральной детали, нейтральном, хотя бы и ярком, образе, а о словах, выражающих общий строй чувств и переживаний, концентрирующих особый тип восприятия большого города, в «мелочах» и повседневных проявлениях которого просвечивают острые конфликты и противоречия современной жизни.

6

Большое место в литературном наследии искровцев занимают переводы. Они переводили Данте и Шекспира, Байрона, Шелли, Гуда и Лонгфелло, Гёте, Шиллера и Гейне, Мольера, Беранже, Барбье, Мюссе, Виньи и Гюго, Джустини, Мицкевича, Шевченко, Гавличка и многих, многих других. Искровцы впервые перевели на русский язык немало произведений европейской классической поэзии. Значительная часть их переводов несовершенна, не отвечает современным требованиям, но их общекультурная роль была очень велика. Широкие круги русской читающей публики знакомились по ним с зарубежными классиками. Вот как характеризует, например, известный фельетонист В. М. Дорошевич значение переводческой деятельности Вейнберга: «Я обязан вам многими часами восторга, как обязано все поколение, к которому я принадлежу. Вы осветили нашу молодость — и каким светом! Вы были пророком, который принес нам откровение литературных богов!»² Но кроме общекультурного значения нужно отметить, что переводы таких поэтов, как Беранже и Гейне, пользовавшихся большой популярностью в демократических кругах русского общества, как и оригинальное творчество искровцев, способствовали революционизированию общественного сознания.

Вершиной переводческой деятельности искровцев являются песни

¹ Герцен А. И. Т. 2. С. 77, 80—81.

² «Мое первое знакомство с П. И. Вейнбергом»//Дорошевич В. М. Собр. соч. М., 1905. Т. 10. С. 87.

Беранже в переводе В. Курочкина. Они представляют особый интерес и заслуживают специального рассмотрения.

Беранже знали в России еще в начале XIX века, но только в 1850—1860-е годы он приобрел (в большой степени благодаря Курочкину) широкую читательскую аудиторию. Однако оценки творчества Беранже резко расходились. Одни считали его «апостолом безнравственности» (А. К. Толстой)¹ и «певцом анакреонтических предметов, достойных самой ветреной юности» (Дружинин),² а другие подчеркивали глубоко народный характер его поэзии; по их словам, это был человек, стремившийся «к достижению блага народного» (Добролюбов),³ писатель, произведения которого «внушены идеями гуманности и улучшения человеческого участия» (Чернышевский).⁴ Именно так смотрел на Беранже и Курочкин, давший русскому читателю подлинно демократического поэта. Недаром в качестве вступительной статьи к последнему, шестому, изданию своих переводов он перепечатал часть рецензии Добролюбова.

Каковы же те принципы, которые характеризуют Курочкина — переводчика Беранже?

В них есть немало пропусков и изменений, вызванных цензурными условиями того времени. Так, он систематически исключал неместные и кощунственные упоминания о монархах, скипетре, короне, боге и пр. («Падающие звезды», «Старый капрал», «Кукольная комедия», «Сон бедняка» и др.). Но наряду с этими вынужденными смягчениями оригинала Курочкин нередко вносил в песни Беранже отдельные изменения и совершенно независимо от цензуры. В предисловии к первому изданию своих переводов он сам характеризовал их как отчасти переводы, отчасти «переделки», в которых он, впрочем, тоже стремился «не изменять духу подлинника».

Характеры, бытовые черты, общественно-политические отношения, обрисованные в переводных произведениях, русские читатели издавна привыкли применять к аналогичным явлениям окружающей их социальной действительности. Подобным образом воспринимались, конечно, и песни Беранже. Одной из существенных особенностей переводов Курочкина было то, что он активно содействовал такому восприятию.

Поэт прибегал при этом к разнообразным приемам. Французские имена он часто заменял русскими или, во всяком случае, более привычны-

¹ Письмо к жене от 3 июля 1855 г. // Толстой А. К. Собр. соч. М., 1964. Т. 4. С. 78.

² «Повести и рассказы И. С. Тургенева» // Дружинин А. В. Т. 7. С. 346.

³ Рецензия на «Песни Беранже» // Добролюбов Н. А. Т. 3. С. 441.

⁴ «Очерки гоголевского периода русской литературы» // Чернышевский Н. Г. Т. 3. С. 302.

ми для русского уха либо вовсе опускал их. В ряде переводов не воспроизведены географические названия, что создавало возможность расширительно толковать сюжет и отдельные образы стихотворения и облегчало читателям перенесение места действия в Россию. «L'aveugle de Bagnolet» озаглавлен Курочкиным «Слепой нищий»; нет упоминаний о Bagnolet и в тексте перевода. В «Соловьях» речь идет опять-таки не о Париже, как у Беранже, а вообще о «столице веселья и слез»; благодаря этому все, о чем говорится в стихотворении, могло быть в равной степени применено и к русской столице.

Лексика переводов Курочкина действовала на восприятие читателей в том же направлении. Поэт вводил иногда такие слова, которые придавали содержанию песен Беранже русский колорит. Он сознательно употреблял кое-где разговорные и идиоматические выражения, диалектизмы и пр. Таковы «налей-ка мне по рубчик» в «Расчете с Лизой», «детина» в «Будущности Франции», «стоит двух, кто не был бит» в «Уроке», «служивые» в «Песни труда», «парень не один» (вместо «sujets» — подданные) в «Царе Додоие». В «Уроке» вместо «А, В, С» в рефрене каждый раз повторяется «Буки-аз, буки-аз», а в переводе строк «n'as tu pas du honte De prendre un *n* pour un *u*?» («не стыдно ли тебе принимать «*n*» за «*u*»?») появляется «Это *иже*, а не *наш*». Не то важно, конечно, что французское «*u*» заменено русским «*и*»; это совершенно естественно, поскольку речь идет о смешении букв, имеющих сходное начертание; более существенно, что все буквы носят у Курочкина старинные русские названия. Вместе с именем «Митя», выражением «стоит двух, кто не был бит» они сразу переносят нас в русскую обстановку.

Повторяю, мы имеем дело не с бессознательным приспособлением переводимых произведений к своей собственной стилистической системе, свойственным в той или иной мере большинству переводчиков, а с вполне осознанными и последовательно проводившимися переводческими принципами. В ряде переводов специфически французские бытовые явления и понятия опять-таки заменены русскими. Вместо «petits jesuits billeux» (маленькие желчные иезуиты) мы находим у Курочкина: «Мелки шпиончики, ио чутки; В крючках чиновнички ловки» («Будущность Франции»). В стихотворении «Кукольная комедия» («Les nègres et les marionnettes») говорится об английском капитане, который вез негров «из Африки далекой» в Америку. Негры мрут как мухи; капитан, чтобы поднять их настроение, показывает им театр марионеток. И вот Курочкин заменил Полишенеля Петрушкой, а «monsieur le commissaire» (господина комиссара) будочником, то есть натолкнул читателя на то, чтобы видеть в неграх не только негров, но и русских крепостных, а в работаровце, везущем их на невольничий рынок, — отечественное «благородное сословие». Недаром этот перевод, как особенно вредный с точки зрения цензурного ведомства, был в 1866 году вырезан из «Собрания стихотворений» Курочкина. В «Сне бедняка» исчезло решительно все, что при-

крепляет действие к Франции. В рефрене вместо «Voici venir l' huissier du roi» (вот идет королевский судебный пристав) все время повторяется «Подать в селе собирают с утра», а вместо имени крестьянина «Jacques» — «кормилец»; заглавие тоже вместо «Jacques» — «Сон бедняка». Таким образом, этот разоряемый непосильными налогами крестьянин в переводе Курочкина столько же русский, сколько француз, и, пожалуй, даже скорее русский: в стихотворении несколько раз повторяется специфически русское слово «кормилец», а в одном месте даже «вечор» («Боже! недаром стонал он вечор»). В «Доброй фее» появляется «зерцало», отсутствующее, конечно, у Беранже («Перед зеркалом глядела Фей в судейский устав»).

Но дело не ограничивается подобными заменами. Иногда поэт вводил в текст Беранже прямые указания на факты русской политической и общественной жизни. Один из ярких примеров («Навуходоносор») был в иной связи приведен выше. В стихотворении «Над цензурою, друзья...» это сказалось еще более резко. Курочкин перевел только рефрэн из «La censure» Беранже, а остальные два четверостишия — о министрах Головинне и Путятине, о реформах, о Герцене — полностью принадлежат, разумеется, ему самому. В «Господине Искарниотове», самое заглавие которого является замечательной находкой, прекрасно переданы общий замысел и построение «Monsieur Judas», но отдельные детали тоже почти все приближены к русской обстановке 1860-х годов. У Беранже нет строк о «гласности», о «всеобщем зле от взяток» и пр. Как видно из черновых набросков на полях принадлежавшего ему экземпляра песен Беранже, Курочкин, приступая к переводу этого стихотворения, сразу решил заменить ряд мотивов оригинала другими: возле второй строфы он написал «гласность», возле третьей — «взятки».¹

Эта черта переводов Курочкина особенно беспокоила правительственные круги. Самый выбор песен Беранже для переводов был во многих случаях тесно связан с фактами русской политической жизни. Чиновник особых поручений министерства внутренних дел граф П. И. Капнист писал о Курочкине в «Очерке направления русской лирической поэзии с 1854 по 1864 г.», составленном по поручению министра внутренних дел П. А. Валуева: «Обладая гибким и звучным стихом, г. Курочкин посвятил себя преимущественно не переводам, а переделке на русский лад песен Беранже. Сохраняя часто дух подлинника, он очень ловко умеет применять разные куплеты Беранже к нашим современным обстоятельствам, так что, в сущности, Беранже является только слепым орудием, и под прикрытием его имени г. Курочкин преследует свои цели, например: известно, как в последнее время пристрастно смотрит периодическая литература наша на отношения нашего дворянского сословия к народу: г. Курочкин, принадлежа к гонителям высших слоев нашего

¹ Этот экземпляр («Oeuvres complètes», Paris, 1836) хранится в Гос. литературном музее в Москве.

общества, переводит известную пиесу Беранже «Маркиз де Караба», где между прочим находятся подобные стихи:

...Слушать, поселяне!
К вам, невеждам, дряни,
Сам держу я речь.
Я — опора трона

и т. д.¹

Нечто аналогичное можно сказать о возникновении ряда других переводов. Когда в связи с ростом революционного движения шпион, агент тайной полиции становится бытовым явлением русской жизни, Курочкин переводит «Господина Искарियोта». В связи с революционной ситуацией и надеждами демократических кругов на то, что в ближайшее время в России произойдет переворот, Курочкин переводит стихотворение «Птицы». Беранже написал его на прощание своему другу поэту Арно, изгнанному из Франции в 1816 году. Курочкин же, по свидетельству современников, переводя «Птиц», имел в виду Герцена и Огарева.² Это к ним относятся прочувствованные строки рефрена:

Зима их выгнала, но к нам
Они воротятся весною.

Отметим и такой факт приближения Беранже к современности. В перевод стихотворения «*Les infiniment petits ou la gérontocratie*», напечатанный под заглавием «Будущность Франции» летом 1871 года, Курочкин ввел строку «Париж войсками осажден», которая, без сомнения, напоминала читателям о недавних событиях франко-прусской войны и Парижской коммуны.

Историческое значение и идейное содержание переводов Курочкина, их большая роль в политической борьбе своего времени метко охарактеризованы в стихотворении Демьяна Бедного «Знаменательные поминки». Демьян Бедный говорит здесь о том, «как трогательны были усилия Курочкина Василия, Прикрывая усмешкой язвительность, Балансируя на

¹ «Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 гг.». СПб., 1865. С. 104.

² Пятковский А. Две встречи с А. И. Герценом // «Наблюдатель». 1900, № 2. С. 289—290; «Русская муза»/сост. П. Я. Кубович. 3-е изд. СПб., 1914. С. 269. Намекает на это и чиновник особых поручений Министерства внутренних дел Ю. М. Богушевич в своем донесении о журнале «Век»: «„Птицы“ Курочкина — аллегорическое воззвание к каким-то вольным птицам и голосам, улетевшим от нас и долженствующим скоро возвратиться» (Дело Особ. Канцелярии министра нар. просвещения, 1862, № 94. Л. 36 об. // ЦГИА, ф. 773).

цензурном ноже, Разъе́дать крепостную действительность Мотивами Беранже».¹

Разумеется, не все переводы Курочкина равноценны: в некоторых из них имеются невыразительные места, не переданы существенные детали. Курочкин не всегда сохранял неизменным количество строк в строфе, ее ритмический рисунок, расположение рифм, менял, как мы видели, отдельные мотивы. Вообще он не стремился к буквальной точности перевода, но в большинстве случаев великолепно передал и идейный смысл и общие художественные принципы оригинала и в то же время сделал Беранже, по выражению одного критика, «как бы русским народным поэтом».² Нередко в переводах Курочкина хорошо передана интонационная основа стиха Беранже. По словам К. И. Чуковского, «отчетливость синтаксиса, выразительность и блеск интонаций» являются главным достоинством и Василия Курочкина и другого замечательного переводчика этой эпохи — М. Л. Михайлова.³ Очень удавались Курочкину рефрены песен Беранже, бывшие камнем преткновения для ряда переводчиков. Многие он перевел совершенно точно, другие — близко к оригиналу, а некоторые заменил своими, для них оригинал послужил лишь исходным пунктом. Так, например, не Беранже, а Курочкину принадлежат широко известные и близкие к духу поэзии Беранже рефрены «Слава святому труду» из «Песни труда» («Les gueux») и «Какое счастье! Честь какая! Ведь я червяк в сравненьи с ним!» и т. д. из «Знатного приятеля» («Le sénateur»).

Переводы Курочкина из Беранже — одно из значительных явлений литературы середины XIX века. Они принадлежат к числу тех творческих переводов, вернее — пересозданий, которые органически входят в русскую литературу и воспринимаются как оригинальные произведения.

У каждого из поэтов «Искры» были свои особенности, свои пристрастия, свой поэтический голос. Они были людьми разной степени таланта. Но вся их поэтическая и журналистская деятельность вливалась как составная часть в мощное демократическое литературно-общественное движение середины XIX века; они примыкали к тому поэтическому направлению, во главе которого стоял Некрасов.

В своих лучших образцах поэзия искровцев вошла в сознание

¹ «Лит. газета». 1932, 17 июля, № 32. Те же переводческие принципы лежат в основе некоторых других произведений Курочкина, в первую очередь — «Принца Лутони». Недаром в предисловии к «Принцу Лутоне» он называет себя «автором-переводчиком». Но есть у Курочкина и переводы иного типа — например, переводы Барбье, Мюссе, Виньи.

² Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы. С. 491.

³ Чуковский К. Искусство перевода. М.; Л., 1936. С. 153. Высокую оценку переводов Курочкина из Беранже дал также Н. М. Любимов; см. его книгу «Несгораемые слова» (М., 1983. С. 88, 255).

демократической интеллигенции не только 1860-х годов, но и последующих десятилетий. Об этом говорят многочисленные сочувственные упоминания о В. Курочкине и «Искре» М. Горького в его статьях, письмах и художественных произведениях. Н. К. Крупская не раз вспоминала о том, какой популярностью пользовались поэты «Искры» у людей ее поколения, в семье Ульяновых, как много стихотворений искровцев знали и Ленин и она. В своей статье по поводу первого издания сборника «Поэты „Искры“» она писала: «Поэты «Искры», их сатира имели несомненное влияние на наше поколение. Они учили всматриваться в жизнь, в быт и замечать в жизни, говоря словами Некрасова, «все недостойное, подлое, злое», они учили разбираться в людях... Мне кажется, что на нашу оценку людей сильнейшее влияние оказали поэты „Искры“».¹

Искровцы оказали несомненное воздействие на дальнейшее развитие русской демократической поэзии, в первую очередь сатирической и юмористической. В связи с этим уместно вспомнить о поэзии «Сатирикона», и прежде всего Сашу Черного. Уже в наши дни политическая острота и злободневность поэзии искровцев, ее техническая оснащенность были восприняты Маяковским и Демьяном Бедным и целым рядом других советских поэтов, сыграв известную роль в выработке их поэтического стиля.

И. Ямпольский

¹ «Лит. газета», 1934, 10 авг.

ВАСИЛИЙ КУРОЧКИН

ВАСИЛИЙ КУРОЧКИН

Подводя итоги истекшего 1875 г., П. Л. Лавров в своем лондонском журнале «Вперед» так откликнулся на смерть Василия Курочкина: «Он не был в наших рядах, но он был одним из подготовителей русской мысли к восприятию социальной истины; он был один из честных борцов недавнего прошлого, и теперь, когда наше доброе слово не может уже повредить ему, мы заносим его имя с почетом на наши страницы, как имя одной из крупных сил отжившего периода, но сил задушенных и измельченных». ¹ Несколько раньше Н. К. Михайловский, сетуя на равнодушие русского интеллигентного общества 1870-х годов, писал в некрологе Курочкина: «Тридцать-сорок человек шло за гробом человека, который каких-нибудь пятнадцать лет тому назад был одним из самых популярных людей в России, журнала которого боялись, стихи которого выдержали не одно издание». ²

Облик Василия Курочкина как человека, поэта и журналиста теснейшим образом связан с эпохой 1860-х годов. Незаурядный поэт, замечательный переводчик, редактор знаменитой «Искры», он играл весьма заметную роль в литературном и общественном движении этого времени.

Отец поэта, Степан Иванович Курочкин, был дворовым кн. В. А. Шаховской. С детских лет Степан Иванович «был употребляем... к письменным делам», а в 1813 г., когда ему уже шел тридцать второй год, Шаховская отпустила его вместе с женою и малолетним сыном на волю. С. И. Курочкин переехал из Нижегородской губернии в Петербург и поступил на государственную службу. Мало-помалу повышаясь в должности, он в 1822 г. получил чин коллежского асессора, который давал тогда потомственное дворянство. ³

Василий Степанович Курочкин родился 28 июля 1831 г. в Петербурге.

¹ «Минувший год»//«Вперед». 1875, № 24. С. 748.

² «Записки профана»//Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Спб., 1909. Т. 3. С. 594.

³ Более подробные сведения о происхождении В. С. Курочкина см. в моей заметке в журнале «Звезда» (1933, № 7. С. 168—170), где опубликован ряд архивных документов.

Еще ребенком он лишился отца и воспитывался в доме своего отчима, полковника Е. Т. Готовцова (ум. в 1846 г.). Десяти лет Курочкина отдали в 1-й кадетский корпус, а в 1846 г. он перешел в другое военно-учебное заведение — Дворянский полк. Характер обучения в Дворянском полку, казарменная обстановка, палочная дисциплина, малограмотные педагоги подробно описаны в воспоминаниях одноклассника Курочкина, впоследствии известного географа и путешественника М. И. Венюкова. Были среди педагогов и некоторые исключения, например петрашевец Ф. Л. Ястржембский, читавший курс статистики (в нем излагались и общие основы политической экономии) и оказывавший благотворное, гуманное влияние на своих воспитанников.

М. И. Венюков писал: «Остроумный поэт, издатель «Искры», Вас. Курочкин был моим одноклассником; в способностях его сомневаться трудно, за поведение упрекнуть было нельзя, потому что оно всегда было благородно, независимо-честно. Но вот эта-то честная независимость и некоторая небрежность в одежде и слабость по фронту заперли ему дорогу в мир горний. Начальство в лице скота Рышковского (ротного командира) преследовало бедного отрока-поэта и вместо того, чтобы содействовать развитию его таланта доставлением ему возможности читать лучшие произведения поэзии, мучило его мелкими придирками».¹

В 1849 г., по окончании Дворянского полка, Курочкин был выпущен прапорщиком в гренадерский принца Вюртембергского полк. Не чувствуя никакого влечения к военной карьере, он тем не менее прослужил офицером гренадерского полка около четырех лет. Однажды, еще в самом начале службы, «во время следования батальона... с Семеновского плаца после высочайшего смотра», он оставил его и уехал. Это заметил Николай I (а по другой версии — великий князь Михаил Павлович), и по его распоряжению молодого прапорщика отдали под суд. Курочкин был заключен на месяц в Петропавловскую крепость. Кроме того, по решению суда, «сие оштрафование считалось ему препятствием на права и преимущества по службе».² Годы 1850—1852 Курочкин провел вместе с полком в Порхове и Старой Руссе. В 1852 г. он был произведен в подпоручики.

Военная муштра и полковой быт были Курочкину не по душе, начальство относилось к нему недоброжелательно, и он решил либо поступить для получения высшего образования в Военную академию, либо выйти

¹ Венюков М. И. Из воспоминаний. Амстердам, 1895. Кн. 1. С. 55—113.

² Там же. С. 65.

³ Дело департамента ревизии отчетов Гл. упр. путей сообщения и публичных зданий, № 85. Л. 5 об. // Центр. гос. архив СССР в Ленинграде (далее: ЦГИА), ф. 223, оп. 1. Из дела ясно, что это решение возымело впоследствии свое действие — Курочкин «к повышению чином аттестовался достойным; к знаку же отличия беспорочной службы не аттестовался по бытности под судом».

в отставку. В академию он не попал и летом 1853 г., добившись отставки, определился канцелярским чиновником в департамент ревизии отчетов Главного управления путей сообщения и публичных зданий. Около двух лет Курочкин принужден был довольствоваться ничтожным жалованьем (четырнадцать рублей в месяц), затем был переведен на должность помощника контролера, но в 1857 г. навсегда бросил службу и всецело отдался литературной работе.

Интерес к литературе возник у Курочкина еще в раннем детстве: целые дни он проводил за чтением, а с десяти лет начал сочинять. Первые литературные опыты Курочкина — три комедии в стихах — были написаны под влиянием того, что он читал в «Библиотеке для чтения» и «Репертуаре и пантеоне», за которыми внимательно следил. В кадетском корпусе и Дворянском полку русскую словесность преподавал известный переводчик Иринарх Введенский — человек, близкий к передовым общественным кругам. Он заметил у своего ученика литературные способности и помогал ему советами. Курочкин (как и его товарищ по Дворянскому полку Д. Д. Минаев) принял активное участие в выпуске рукописного журнала. Их однокашник А. М. Миклашевский рассказывает в своих воспоминаниях: «В одну из лекций Введенского мы поднесли ему довольно объемистую тетрадь, величиною в лист писчей бумаги... На первой странице сияли стихи В. С. Курочкина, потом какой-то рассказ в прозе Д. Д. Минаева, и, наконец, критический отдел был мой... конечно, на второй уже месяц журнал не вышел за недостатком материала».¹ Детские и юношеские произведения Курочкина, за немногими исключениями, до нас не дошли. Но, по свидетельству Миклашевского, еще в годы учения в Дворянском полку он начал переводить Беранже.² В эти же годы обнаружилось у него и влечение к сатире (сатира на эконома Дворянского полка; несколько позже — «Путешествие хромого беса из Парижа в Старую Руссу»).

Курочкин впервые выступил в печати (если не считать стихотворения к юбилею великого князя Михаила Павловича, написанного в 1848 г. для избавления товарищей от суровых наказаний и тогда же напечатанного в «Журнале для чтения воспитанникам военно-учебных заведений») в 1850 г., в октябрьской книжке «Сына отечества». С редакцией этого журнала Курочкина связал его старший брат Николай. Принесенное Курочкиным стихотворение «Мы рано стали жить, игривыми мечтами...» было забраковано одним из руководителей «Сына отечества», третьестепенным беллетристом П. Р. Фурманом, который заявил: «...это какая-то философия и сентиментальные признания» — и посоветовал ему написать «что-нибудь в русском духе, захватывающее, а если он в состоянии, то

¹ Миклашевский А. М. Дворянский полк в 40-х годах // «Рус. старина». 1891, № 1. С. 177.

² Там же. С. 125.

еще лучше попробовать написать повесть». ¹ Курочкин написал тогда стихотворение «Русская езда» и наивную повесть «Незванное чувство», для которой использовал рассказ одного своего знакомого. Обе эти вещи и появились на страницах «Сына отечества». Приведенный эпизод характерен в том отношении, что, осуждая попытку Курочкина выразить настроения современного человека, не удовлетворенного окружающей действительностью, подавленного моральной обстановкой «мрачного семилетия», Фурман толкал его к давно изжитым романтическим штампам и внешнему псевдопатриотизму.

Вторая повесть Курочкина — «Жильцы маленького домика», напечатанная в «Сыне отечества» под псевдонимом «В. Арлекинов» (1851, № 1), представляет собою гораздо более интересное и зрелое произведение. Она написана в духе «натуральной школы» и свидетельствует о наблюдательности и гуманистических тенденциях ее автора, его сочувственном отношении к судьбе маленьких, забытых людей. Вместе с братом Курочкин перевел много песен и баллад из сборника К. Мармье «*Chants populaires du Nord*» («Песни северных народов»), а также ряд комедий А. Мюссе, пользовавшихся в те годы в России популярностью; одну из них — «Каприз» — они напечатали в 1850 г. в том же «Сыне отечества».

Через год по материальным соображениям Курочкин оставил этот журнал и стал сотрудничать в «Пантеоне», где переводил рассказы для «Смеси». Временами, испытывая острую нужду, он принужден был писать и по заказу «книжников, торговавших на ларях под Пассажем». ² Курочкин писал также для театра. Некоторые его водевили («Сюрприз» — 1854; написанный вместе с Н. Круглополевым «Между нами, господа!» — 1853) шли на сцене. Водевиль «Вертящиеся столы», в котором была высмеяна начинавшая распространяться в русском обществе страсть к спиритизму, на сцену не попал.

Курочкин долго не мог найти свое настоящее призвание. Так, в начале 1850-х годов он писал большой роман «Увлечение», который ему нигде не удалось пристроить. Как и большая часть первых опытов Курочкина, рукопись романа до нас не дошла.

В эти же годы Курочкин много работал над переводом «Мизантропа» Мольера, возлагая на него большие надежды. Поэт думал напечатать его в «Библиотеке для чтения», но А. В. Старчевский предложил за перевод мизерный гонорар. Тогда Курочкин послал первый акт комедии в «Современник» на имя И. И. Панаева, присоединив несколько оригинальных стихотворений.

Летом 1854 г. три стихотворения Курочкина появились в «Литера-

¹ Быков П. В. Слышты далекого прошлого. М.; Л., 1930. С. 122.

² Пашино П. Мои старые знакомые // «С.-Петербург. ведомости». 1882, 17 янв.

турном ералаше» «Современника» с несколькими сопроводительными словами о приславшем стихи молодом, подающем надежды поэте «г-не К—не». «Едва ли что-нибудь нужно говорить в похвалу приведенным стихотворениям... — писал «Современник». — Г-ну К — ну двадцать два года. Мы советовали и советуем ему продолжать свои опыты, не спешить писать и печатать и стараться развить свой литературный вкус, несовершенство которого много повредило некоторым его стихотворениям, здесь не помещенным».¹ Такой способ опубликования его стихотворений огорчил Курочкина.

В 1855 г. по совету друзей Курочкин снова вернулся к переводам из Беранже. Он исправил один из давних переводов — «Старый капрал» — и отдал его в «Отечественные записки», но редакции журнала перевод не понравился. Другой, тоже старый, перевод («Весна и осень») Курочкин отдал в «Библиотеку для чтения», где он вскоре и появился. С этих пор в писательской судьбе Курочкина наступил явный перелом. Он постепенно приобретал все более широкие литературные связи и стал систематически печататься сначала в «Библиотеке для чтения», затем в реформированном «Сыне отечества» А. В. Старчевского, «Отечественных записках», «Русском вестнике» и целом ряде других периодических изданий, выступая и как оригинальный поэт и — преимущественно — как переводчик. Больше всего в эти годы Курочкин был связан с «Библиотекой для чтения» и «Сыном отечества», где печатал не только стихотворения, но и обзоры журналов, хронику иностранной литературы и жизни и пр. В 1857—1858 гг. Курочкин помещал время от времени фельетонные обозрения «Петербургская летопись» в газете «С.-Петербургские ведомости». Один его перевод (из Мюссе) появился в «Современнике».

В середине 1850-х годов Курочкин выступает уже как вполне сложившийся и своеобразный поэт. «Несколько переводов из Беранже, — читаем в воспоминаниях П. И. Пашино, — разом обратили на него внимание всего общества: они были до того рельефны и звучали таким естественным юмором, что сейчас же клались на ноты и распродавались в бесчисленном количестве экземпляров. Конечно, выгоды от продажи оставались в карманах спекуляторов и приносили самую ничтожную пользу переводчику».² В 1858 г. Курочкин издал свои переводы из Беранже отдельной книгой, и с этих пор его имя приобрело широкую известность. Курочкин переводил любимого поэта в течение всей своей жизни и, неоднократно переиздавая книгу, каждый раз дополнял ее все новыми вещами.

Уже раннее творчество Курочкина характеризуется отчетливо выра-

¹ «Современник». 1854, № 6, «Лит. ералаш», тетр. 4. С. 59. «Мизантроп» не был помещен в «Современнике». Лишь в 1866 г. в первом томе «Собрания стихотворений» Курочкина был напечатан третий акт, а весь перевод — в «Невском сборнике» 1867 г.

² «Мои старые знакомые» // «С.-Петерб. ведомости». 1881, 6 дек.

женными антикрепостническими настроениями и демократическими симпатиями. Достаточно указать, например, на резко антикрепостническое стихотворение «Рассказ няни», стихотворение «Ни в мать, ни в отца», где с большой симпатией говорится о демократических стремлениях «молодого поколения», восстающего против традиций «отцов», стихотворения «Счастливец» и «Общий знакомый», в которых высмеиваются пошлость, пустота, эгоизм господствующих классов. К середине 1850-х годов относится стихотворение Курочкина «Двуглавый орел», направленное против самодержавия как основного источника всех зол русской жизни. Оно не могло быть, естественно, напечатано в России и появилось в 1857 г. в «Голосах из России» Герцена. О тех же настроениях и симпатиях Курочкина свидетельствуют и его переводы из Беранже.

О популярности Курочкина в эти годы говорят хотя бы такие факты. Через несколько месяцев после появления в печати стихотворения «Общий знакомый» в стихотворении В. Г. Бенедиктова «Посещение»¹ «сын Курочкина милый — Вечно милый Петр Ильич» упоминается как персонаж, хорошо известный читателям; вскоре после опубликования стихотворения «Счастливец» рефрен его цитирует Н. Г. Помяловский в первом своем напечатанном произведении — рассказе «Вукол»;² несколько стихотворений Курочкина с весьма похвальными отзывами о них переписывает в дневник Т. Г. Шевченко; уже в 1858 г. стихи и переводы Курочкина вошли в «Сборник лучших произведений русской поэзии», изданный Н. Ф. Щербиной.

С конца 1850-х годов жизнь и поэтическая деятельность Курочкина неразрывно связаны с журналом «Искра», в котором его талант поэта-сатирика проявился с наибольшей силой и глубиной.

Человек молодой, веселый, общительный и к тому же прирожденный редактор, Курочкин стал душой «Искры». Многие с благодарностью вспоминали о его помощи, добрых советах, тактичных, товарищеских отношениях с сотрудниками. «В В. С. Курочкине я встретил добродушного и милого редактора, — писал Н. М. Ядринцев, — никакого генеральства в нем не было. Я часто проводил у него редакционные утра и слушал весьма дельные разговоры и пользовался советами и замечаниями... Это был знаток литературы, замечательно образованный человек и деятель с неуклонно честными убеждениями. Я помню «Искру» и в хорошие и в дурные времена. Несмотря на то что дела «Искры» под конец шли плохо, В. С. Курочкин делился с сотрудниками последним».³ Курочкин жил исключительно литературно-общественными интересами. Журнал был для него не коммерческим предприятием, а любимым детищем, которому он отдавал всю свою энергию и незаурядное дарование. «У покойного был

¹ «Сын отечества». 1857, № 36. С. 870.

² «Журнал для воспитания». 1859, № 1. С. 15.

³ Н. Я. Студенческие и литературные воспоминания сибиряка // «Восточное обозрение». 1884, 23 авг. С. 10.

и крупный талант и крупные силы,— писал другой современник,— и если он не создал крупного литературного произведения, зато он создал крупное литературное направление. Ради своей цели он отказался от более заманчивой славы. Он не разменялся на мелочи, как говорили о нем другие,— он, напротив, понял, что только беглыми и меткими замечками, смелыми и честными обличениями, остроумными набросками можно сделать то дело, которое он сделал. Это не автор мелких статей «Искры», это — автор ее направления».¹ Пусть не со всем в приведенных выше словах можно согласиться, но последнее утверждение очень точно передает роль Курочкина в «Искре». Курочкин обладал блестящими организаторскими способностями. По словам Н. К. Михайловского, он «топил свой талант» в журнальной работе; «здесь давал мысль, предоставляя выработку формы другим, там брал на себя только форму, и я думаю, что весьма трудно было бы определить, что именно принадлежало в «Искре» Курочкину и что другим. Он и создавал, и вербовал солдат, и сам исполнял невидную солдатскую работу... Он вполне отвечал своему собственному идеалу газетного человека... Газетным человеком он называл такого, который может схватить на лету какой-нибудь даже мелкий факт текущей жизни и придать ему общее, типическое освещение».²

Первые несколько лет Курочкин редактировал «Искру» совместно с Н. А. Степановым, а с 1865 г., когда Степанов начал издавать другой сатирический журнал, «Будильник», — один. Курочкин был не только редактором, но и одним из самых активных сотрудников журнала. В течение пятнадцати лет он печатал в нем все свои стихотворения, переводы, фельетоны, статьи, лишь изредка отдавая их в другие журналы. Отдельные его произведения появились в «Иллюстрации» в то время, когда ее редактировал Н. С. Курочкин (1861—1862), в «Веке», когда он перешел в руки писательской артели, членами которой были оба брата (1862), в «Современнике» (1864), «Неделе» (1868), «Отечественных записках» Некрасова. В «Отечественных записках» кроме переводов он поместил под псевдонимом «Сверхштатный рецензент» несколько театральных обзоров. В 1871 г. Курочкин был приглашен редактировать «Азиатский вестник». Он сговорился с рядом видных публицистов радикального лагеря и решил сделать его живым, боевым журналом. Однако удалось выпустить только один номер (1872, кн. 1), после чего журнал был прекращен.

В 1866 г. поэт предпринял издание своих стихотворений, но выпустил лишь первый том, где были собраны его переводы. Кроме «Песен» Беранже и «Мизантропа» Мольера Курочкин перевел также ряд произведений Вольтера, Грессе, Виньи, Мюссе, Барбье, Надо, Гюго, Шиллера,

¹ Вагбе-блеу (Немирович-Данченко В. И.) Фельетон//«Всемирная иллюстрация». 1875, № 347. С. 162.

² «Записки профана»//Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 596—597.

Бёрнса и др. Однако многие из этих переводов относятся к более поздним годам и не попали поэтому ни в издание 1866 г., ни в двухтомное собрание стихотворений Курочкина, вышедшее в 1869 г. В него вошли также далеко не все оригинальные стихотворения Курочкина.

Отдельными книжками были изданы две переделанные им для Александринского театра французские оперетты: «Фауст наизнанку» («*Le petit Faust*», 1869) и «Дочь рынка» («*La fille de m-me Angot*», 1875). Другие переведенные и переделанные им оперетты и комедии («Дворников, Шиповников и компания», «Прежде смерти не умрешь», «Разбойники» и др.) ставились на сцене, но изданы не были; большинство из них сохранилось в рукописи. Эта часть литературного наследия Курочкина представляет наименьший интерес. Курочкин нередко обращался к театру просто ради заработка и принужден был считаться со вкусами театральной публики. Однако даже в «Фаусте наизнанку», «Дочери рынка» и других есть ряд политически острых откликов на злобу дня, которые встречали иногда цензурные препятствия.¹

В 1860-х годах — и особенно в первую их половину — Курочкин, по свидетельству современников, приобрел широкую популярность. «Стихи Курочкина, — вспоминает один из них, — твердила на память вся читающая Русь». Как редактор «Искры», «он считался деятелем, имя которого упоминалось сейчас же за именами столпов «Современника»... Если бы могли заговорить Глеб Иванович Успенский, Помяловский и другие люди 60-х годов, они сказали бы, как сильно было на них влияние этого человека».²

С самого начала 1860-х годов Курочкин был тесно связан с революционными кругами и революционным движением.

В мае 1861 г. он отправился за границу. Подробности этой поездки нам неизвестны, но кое о чем можно все же догадываться. Через несколько лет на вопрос следственной комиссии по делу Каракозова Курочкин ответил, что он в течение трех месяцев жил в Германии, Франции, Англии и Швейцарии.³ Артур Бенни на допросе в III Отделении в 1863 г. показал, между прочим, что он познакомился с Курочкиным до своего возвраще-

¹ Так, в «Дочери рынка» из полной намеков песни Клеретты сначала были исключены иронические слова: «милостивый, правый, скорый суд», высмеивающие известную формулу из указа Александра II 1863 г. о введении судебных уставов, а затем вся она была зачеркнута цензором, после чего Курочкин заменил ее более невинным вариантом (Театр. библиотека им. А. В. Луначарского в Ленинграде; там же хранятся и ненапечатанные пьесы Курочкина).

² О к р е й ц С. С. Встречи и впечатления. В. С. Курочкин // «Русский листок». 1900, 14 авг.

³ Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге следственной комиссии, 1866, № 196. О литераторе Василии Курочкине, имевшем запрещенные сочинения весьма вольного содержания. Л. 15, 18. // Центр. гос. архив Октябрьской революции в Москве (далее: ЦГАОР), ф. 95, оп. 1.

ния в Россию — еще в Лондоне. Бенни вернулся в Россию летом 1861 г.; незадолго до этого он и был как раз в Лондоне; тогда, следовательно, и состоялось их знакомство.¹

Отвечая следственной комиссии, Курочкин, разумеется, хотел убедить ее, что, находясь за границей, он никаких предосудительных знакомств не заводил и ни с кем в переписке не был. Однако трудно себе представить, чтобы такой человек, как Курочкин, не использовал своего пребывания в Лондоне для того, чтобы повидать Герцена и Огарева. В пользу такого предположения говорит и самое знакомство с Бенни, близким к герценовскому окружению, — естественнее всего предположить, что они познакомились именно у Герцена. Да и вообще «быть в Лондоне и не видеть Герцена в 50-х и в начале 60-х годов было, по словам современника, то же, что быть в Риме и не видеть папы».² Но есть и еще один довод, делающий предположение о посещении Курочкиным Герцена почти бесспорным. В конце июня 1861 г. в «Искре», под псевдонимом «Н. Огурчиков», был напечатан фельетон Герцена «Из воспоминаний об Англии». Вероятнее всего, Курочкин получил его непосредственно у Герцена во время своего пребывания в Лондоне.

Этим, конечно, не разрешается вопрос о цели и характере поездки Курочкина в Лондон, но возможно, что он поехал туда специально для того, чтобы повидаться с Герценом и Огаревым и поговорить с ними о путях и задачах революционного движения в России. 1 июля 1861 г. в «Колоколе» появилась статья Огарева «Что нужно народу?». Она была написана при участии Н. Н. Обручева — впоследствии одного из руководителей «Земли и воли» — и рассматривалась как программа будущей революционной организации. В это именно время был в Лондоне Курочкин. Есть основания думать, что он был участником разговоров, связанных с этим кругом вопросов, — ведь очень скоро после этого, осенью 1861 г., Курочкин вступил в члены тайного общества, принявшего позже название «Земля и воля», а уже весной 1862 г. был одним из пяти членов (Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, А. А. Слепцов, Н. Н. Обручев и он) ее центрального комитета.³ Осенью 1861 г., после освобождения из-под ареста за речь, произнесенную им на панихиде по убитым в селе Бездна крестьянам, известный историк А. П. Шапов сообщил своему казанскому знакомому: «Из литературных бесед мне особенно нравятся

¹ Рейсер С. Артур Бенни. М., 1933. С. 25—26, 118; Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Пб., 1920. Т. 15. С. 409.

² Кельсиев В. И. Рецензия на «Загадочного человека» Н. С. Лескова // «Заря». 1871, № 6. С. 25. Эта рецензия была, по-видимому, изъята из журнала по требованию цензуры; в некоторых известных мне экземплярах июньского номера «Зари» она отсутствует.

³ См. воспоминания А. А. Слепцова, напечатанные М. К. Лемке в примечаниях к т. 16 Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена (Пб., 1920. С. 74, 76).

беседы у Курочкина; *ближе к делу*. Знакомство мое с Курочкиным запечатлевается подарком мне отличного портрета Искандера».¹

«Земля и воля» была самой крупной революционной организацией 1860-х годов. Исходя из твердой уверенности в неизбежности всероссийского крестьянского восстания, она стремилась объединить все революционные силы, чтобы в нужный момент стать во главе движения и привести его к победе. «Земля и воля» была связана как с Герценом и Огаревым, так и с Чернышевским; ее руководители не раз обращались к ним за советами и указаниями. «Земля и воля» вела большую революционную работу — притом не только в столицах, но и в провинции, посылая туда своих членов для пропаганды и привлечения новых сил; в ряде провинциальных городов она имела отделения. Члены «Земли и воли» вели деятельную пропаганду в деревне, в войсках и даже на фабриках. «Земля и воля» была связана — и накануне восстания 1863 г., и во время его — с польскими революционными кругами. Наконец, она выпустила ряд прокламаций.

Курочкин, как член центрального комитета, не мог, разумеется, не принимать участия во всей этой работе. В агентурном донесении, полученном петербургским обер-полицмейстером И. В. Анненковым в апреле 1863 г., позиция Курочкина в «Земле и воле» охарактеризована как «крайняя». Здесь читаем: «Курочкин отправил письмо в Лондон. Он жалуется русскому комитету в Лондоне и на петербургский комитет и на главную Земскую думу за то, что они, во 1-х, действуют чрезвычайно медленно, во 2-х, за то, что петербургский комитет не стал весеннюю прокламацию распространять в Петербурге, дабы отклонить тень подозрения, что она печаталась здесь, и, в 3-х, за то, что великорусская партия мешают и сдерживает крайнюю партию».²

Еще в 1862 г. Курочкиным начинают усиленно интересоваться полицейские органы. В марте этого года у него был произведен обыск в связи с напечатанием и распространением портрета М. Л. Михайлова, на котором он изображен в тот момент, когда его заковывают в кандалы в Петропавловской крепости; согласно донесениям агента III Отделения, портрет этот нарисовал М. О. Микешин, «а Курочкин продавал в Шах-Клубе, но это пока еще трудно доказать».³ За ним было установлено секретное наблюдение — до нас дошли два донесения агента III Отделения, относящиеся к лету 1862 г. В одном из них, за несколько дней до ареста Чернышевского, Курочкин был охарактеризован как его «большой

¹ В у л ь ф с о н Г. Н., Б у ш к а н е ц Е. Г. Общественно-политическая борьба в Казанском университете в 1859—1861 годах. Казань, 1955. С. 82. Курсив мой.— И. Я.

² Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 173.

³ «Н. Г. Чернышевский по донесениям агентов III Отделения (1861—1862 гг.)» // «Красный архив». 1926, № 1. С. 112—115.

приятель».¹ В следующем, 1863 г. у Курочкина снова сделали обыск. И. В. Анненков в своем отношении к управляющему III Отделением А. Л. Потапову, перечисляя лиц, которые в последнее время «наиболее обращали на себя внимание вредным направлением», первым назвал «редактора и издателя газеты «Искра» Курочкина». Непосредственной причиной обыска были полученные Анненковым сведения, что выпущенная «Землей и волей» прокламация «Свобода» (№ 2) «положительно исходит из кружка Благосветлова и Василия Курочкина» и что «готовится новое воззвание, которое должно появиться в первых числах августа». В типографии Г. Е. Благосветлова, книжном магазине П. А. Гайдебурова и редакции «Искры» должна была, по его предположению, «сосредоточиваться главная деятельность тайных обществ». В отобранных у Курочкина бумагах не оказалось ничего особенно предосудительного, и никаких последствий для него обыск не имел.²

С октября 1865 г. Курочкин, как и ряд других писателей революционного лагеря и представителей демократической интеллигенции, «по поводу заявления... учения своего о нигилизме», был отдан под постоянный и «бдительный» негласный надзор полиции.³ Разумеется, Курочкин возбуждал особый интерес властей предрежащих и своими связями с революционными кругами, и как редактор вызывавшей их злобу и негодование «Искры».

После каракозовского выстрела Курочкин был арестован и просидел в Петропавловской крепости свыше двух месяцев. Сподвижник назначенного председателем следственной комиссии М. Н. Муравьева П. А. Черевин, вспоминая о 1866 г., писал, что Муравьев «в лице Чернышевского, Некрасова, Курочкиных и др. объявил войну литературе, ставшей на ложном пути».⁴ Весьма показательно, что братья Курочкины названы рядом с Некрасовым и Чернышевским как наиболее заметные и опасные для самодержавия революционные писатели и журналисты. Полицейский надзор был снят с Курочкина только в 1874 г., через год после прекращения «Искры» и за год до его смерти.

Работа в обстановке непрерывных цензурных преследований, при твердом решении не сдавать революционных позиций, подтачивала силы. С начала 1870-х годов бороться с цензурой стало невозможно. Вспоминая

¹ «Н. Г. Чернышевский и III Отделение»//«Красный архив». 1928, № 4. С. 178. Курочкину скоро стало известно, что он находится под надзором,— см.: Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 86.

² Дело III Отделения, 1-й экспедиции, 1863, № 97, ч. 11. Л. 91, 94, 101 об.//ЦГАОР, ф. 109.

³ Дело департамента полиции исполнительной... о лицах, состоящих под надзором полиции за 1867 год//ЦГИА, ф. 1286, № 1250. Л. 656 об.— 657. Здесь Курочкин, как и Минаев охарактеризованы как «нигилисты», которые «мало дают надежды к исправлению».

⁴ Черевин П. А. Записки: (Новые материалы по делу каракозовцев). Кострома, 1918. С. 41.

о своей встрече с Курочкиным в 1871 г., после шестилетнего перерыва, П. Д. Боборыкин писал: «Я помнил его еще очень свежим, с мягкими блестящими глазами и благообразной бородой, с некоторым изяществом в туалете и с той особенной бойкой посадкой, какую тогда, т. е. в начале шестидесятых годов, имели люди, веровавшие в свою прогрессивную звезду. А тут мне пожимал руку человек уже далеко не свежий, с сильной проседью, с тревожным взглядом, с несколько осунувшимся лицом и слабым голосом, довольно небрежно одетый».¹

В 1873 г. «Искра» была закрыта правительством. Для Курочкина это был тяжелый удар. После прекращения журнала, последние два года своей жизни, он «выглядел совсем надломленным человеком. В нем оставалась лишь тень того, что жило в нем во дни оны... В речах Курочкина и в его сухом отрывистом смехе звучала угрюмая, нехорошая нота. Он был рассеян, желчен, недоволен».² Вместе с тем, по словам другого современника, «иногда он, оживясь, рассказывал про свою прежнюю жизнь, про блестящую пору «Искры», про писателей, которых он знал. С большою любовью и уважением вспоминал он про Т. Г. Шевченко, с которым сблизился в 1860 г., и про Добролюбова. Об этих двух личностях он говорил мне с чисто юношеским восторгом и со сверкающими глазами. «Вот были люди! — восклицал он. — Ну где вы теперь таких найдете? ...Перед памятью Добролюбова он благоговел».³

Курочкину, который был в «Искре» полным хозяином, приходилось теперь, при сношениях с разными редакциями, переживать подчас тяжелые минуты. Когда он вскоре после прекращения «Искры» передал свой перевод поэмы А. Виньи «Гнев Самсона» в «Вестник Европы», А. Н. Пыпин предложил поэту напечатать его анонимно. Курочкин, как ни нуждался, ответил отказом: «Если Вы находите, что подпись моя в цензурном отношении неудобна, прошу Вас стихотворения этого вовсе не печатать».⁴ После этого перевод был все же напечатан.

Курочкин дал несколько фельетонов в «Неделю» П. А. Гайдебурова и «Новое время» О. К. Нотовича, а затем — что было ему нелегко — принужден был, в значительной степени ради заработка, помещать еженедельные фельетоны в либеральных «Биржевых ведомостях» В. А. Полетники. Курочкин сумел, однако, сохранить независимость в чуждой ему по направлению газете; в его фельетонах нет слов, написанных под диктовку редактора; в них много злых и остроумных насмешек, ряд ярких стихотворений, но они свидетельствуют вместе с тем и о душевной

¹ «Из воспоминаний о пишущей братии. В. С. Курочкин»//«Биржевые ведомости». 1878, 25 апр.

² За с од и м с к и й П. Из воспоминаний. М., 1908. С. 305—306.

³ С и л ь ч е в с к и й Д. П. Из воспоминаний о В. С. Курочкине//«Северный курьер». 1900, 15 авг.

⁴ Письмо от 5 сент. 1873 г.//Арх. Пыпина в рукоп. отд. Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

усталости поэта, и о трудной обстановке, в которой ему приходилось работать. Некоторое время Курочкин заведовал также театральным отделом «Биржевых ведомостей». Говоря о сотрудничестве Курочкина в этой газете, необходимо вместе с тем отметить, что с ноября 1874 г. в ней одновременно с Курочкиным начали писать еще несколько сотрудников «Отечественных записок»: его брат Николай, Н. А. Демерт, А. М. Скабичевский, А. Н. Плещеев. Некрасов давно мечтал кроме журнала получить также газетную трибуну, но все попытки в этом направлении неизменно срывались.¹ Когда Полетика обратился к Некрасову с просьбой рекомендовать ему сотрудников, Некрасов решил использовать эту возможность. Он «послал» в «Биржевые ведомости» несколько видных писателей и публицистов с тем, что они негласно (выступая под псевдонимами) будут «проводить взгляды» «Отечественных записок» в «Биржевых ведомостях».² И эта попытка не увенчалась успехом, однако в свете указанных фактов сотрудничество Курочкина в «Биржевых ведомостях» приобретает особый смысл.

В последние годы жизни, несмотря на тяжелые условия существования, Курочкин создал ряд острых сатирических пьес «на манер простонародных марионеток, писанных простонародным размером стиха на различные общественные темы».³ К сожалению, до нас дошла лишь одна из них — «Принц Лутона» (переделка «Le roi Babolein» М. Монье), но и она была напечатана уже после смерти поэта с цензурными искажениями.

Умер Курочкин еще не старым человеком, на сорок пятом году жизни, 15 августа 1875 г. от слишком большой дозы морфия, вприснутой ему врачом. До конца своих дней Курочкин жил интересами литературы и продолжал мечтать о новом сатирическом журнале. Незадолго до своей смерти он развивал своим знакомым один из таких планов.⁴

¹ См.: Папковский Б. и Макашин С. Некрасов и литературная политика самодержавия//«Лит. наследство». М., 1946. Т. 49/50. С. 512—524; Бушканец Е. Г. Некрасов и «С.-Петербургские ведомости»//«Н. А. Некрасов и его время». Калининград. 1983. Вып. 7. С. 61.

² Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М.; Л., 1928. С. 315—321.

³ Чуйко В. В. Современная русская поэзия в ее представителях. СПб., 1885. С. 182.

⁴ См., напр.: Устинов М. Памяти В. С. Курочкина//«Пчела». 1875, № 33. С. 403.

1

Мы рано стали жить, игривыми мечтами
Действительную жизнь наивно заменив;
Наш вкус, взлелеянный волшебными плодами,
Отбросил зрелые плоды, едва вкусив.
Мы в ранней юности взлелеяли опасный
Людей и общества тщеславный идеал;
Мы сжились сердцем с ним, как с женщиной
прекрасной;
Он жажду подвигов и славы в нас вселял.
Он выкинул вдали обманчивое знамя,
Он ложным светом нам сулил счастливый день;
Как мошки мелкие, мы бросились на пламя,
Как дети глупые, свою ловили тень...
Слезами и тоской мы жизни заплатили
За светлые мечты, за вдохновенный взгляд,
За всё, в чем прежде мы смысл жизни находили,
В чем нынче видим мы сомнений грустный ряд...
Жизнь сбросила для нас воскресные наряды,
Мечты о счастии заботами сменя...
Так блеск задумчивый и трепетный лампы
Бледнеет перед светом дня.

⟨1850⟩

2. НИ В МАТЬ, НИ В ОТЦА

Твой отец нажил честным трудом
Сотни тысяч и каменный дом;
Облачась в дорогой кашемир,
Твоя мать презирует весь мир;
Как же ты — это трудно понять —
Ни в отца уродилась, ни в мать?

Мать — охотница девок посечь,
А отец — подчиненных распечь;
Ты — со всеми на свете равна,
С молодежью блестящей скучна,
Не умеешь прельщать, занимать.
Ни в отца уродилась, ни в мать!

Из столицы отец ни ногой;
Мать в Париж уезжает весной;
А тебя от туманных небес
Манит в горы, да в степи, да в лес...
Целый день ты готова блуждать...
Ни в отца уродилась, ни в мать!

Мать готовит тебя богачу,
А отцу крупный чин по плечу —
Чтоб крестов было больше да лент;
А с тобою — какой-то студент...
Душу рада ему ты отдать...
Ни в отца уродилась, ни в мать!

Не сулит тебе брачный венец
Шумной жизни, какую отец
За любовь твоей матери дал.
Разобьется и твой идеал...
Эх! уж лучше, чтоб горя не знать,
Уродиться в отца или в мать!

1853

3. РАССКАЗ НЯНИ

«Няня, любила ли ты?»
— «Я, что ли, барышня? Что вам?»
— «Как что?.. Страданья... мечты...»
— «Не оскорбить бы вас словом.
Нашей сестры разговор
Всё из простых, значит, слов...
Нам и любовь не в любовь,
Нам и позор не в позор!

Друг нужен по сердцу вам;
Нам и друзей-то не надо:
Барин обделает сам —
Мы ведь послушное стадо.

Наш был на это здоров...
Тут был и мне приговор...
 Нам и любовь не в любовь,
 Нам и позор не в позор!

После... племянник ли... сын...
Это уж дело не наше —
Только прямой господин —
Верите ль: солнышка краше.
Тоже господская кровь...
Лют был до наших сестер...
 Нам и любовь не в любовь,
 Нам и позор не в позор!

Раньше... да что вспоминать!
Было как будто похоже,
Вот как в романах читать
Сами изволите тоже.
Только уж много годов
Парень в солдатах с тех пор...
 Нам и любовь не в любовь,
 Нам и позор не в позор!

Там и пошла, и пошла...
Всё и со мной, как с другими...
Ноне спасаюсь от зла
Только летами своими,
Что у старухи и кровь
Похолодела и взор...
 Нам и любовь не в любовь,
 Нам и позор не в позор!

Барышня, скучен рассказ?
Вот и теперь подрастает
Девушка... девка для вас...
А уж господ соблазняет...
Черные косы да бровь
Сгубят красавицу скоро...
 Господи! Дай ей любовь
 И огради от позора!»

1855

Как в наши лучшие года
 Мы пролетаем без участия
 Помимо истинного счастья!
 Мы молоды, душа горда...
 Как в нас заносчивости много!
 Пред нами светлая дорога...
 Проходят лучшие года!

Проходят лучшие года —
 Мы всё идем дорогой ложной,
 Вслед за мечтою невозможной,
 Идем неведомо куда...
 Но вот овраг — вот мы споткнулись...
 Кругом стемнело... Оглянулись —
 Нигде ни звука, ни следа!

Нигде ни звука, ни следа,
 Ни светлых дней, ни сожаленья,
 На сердце тяжесть оскорбленья
 И одиночество стыда.
 Для утомительной дороги
 Нет силы... Подкосились ноги...
 Погасла дальняя звезда!

Погасла дальняя звезда!
 Пора, пора душой смириться!
 Над жизнью нечего грумиться,
 Вкусив от горького плода,—
 Или с бессильем старой девы
 Твердить упорно: где вы, где вы,
 Вотще минувшие года!

Вотще минувшие года
 Не лучше ль справить честной тризной?
 Не оскверним же укоризной
 Господень мир — и никогда
 С бессильной злобой оскорбленных
 Не осмеем четы влюбленных,
 Влюбленных в лучшие года!

⟨1856⟩

5. ОБЩИЙ ЗНАКОМЫЙ

Не высок, ни толст, ни тонок,
Холост, средних лет,
Взгляд приятен, голос звонок,
Хорошо одет;
Без запинки, где придется,
Всюду порет дичь —
И поэтому зовется:
Милый Петр Ильич!

Молодое поколение
С жаром говорит,
Что брать взятки — преступленье,
Совесть не велит;
Он сейчас: «Уж как угодно,
Взятки — сущий бич!»
Ах! какой он благородный,
Милый Петр Ильич!

Старичков остаток злобный,
Чуя зло везде,
Образ мыслей неподобный
Видит в бороде;
Он сейчас: «На барабане
Всех бы их остричь!»
Старички-то и в тумане...
Милый Петр Ильич!

С дамами глядит амуром
В цветнике из роз;
Допотопным каламбуром
Насмешит до слез;
Губки сжав, в альбомы пишет
Сладенькую дичь —
И из уст прелестных слышит:
Милый Петр Ильич!

Там старушки о болонках
Мелют, о дровах,
Приживалках, компаньонках,
Крепостных людях...

Он и к этим разговорам
Приплетает дичь;
А старушки дружным хором:
Милый Петр Ильич!

С сановитыми тузами
Мастер говорить
И умильными глазами
Случай уловить.
Своему призванью верный,
Ведь сумел достичь
Аттестации: примерный,
Милый Петр Ильич!

Польки пляшет до упада,
В картах черту брат;
И хозяйка очень рада,
И хозяин рад.
Уж его не разбирают,
Не хотят постичь,
А до гроба величают:
Милый Петр Ильич!

〈1856〉

6. В РАЗЛУКЕ

Расстались гордо мы; ни словом, ни слезою
Я грусти признака тебе не подала.
Мы разошлись навек... но если бы с тобою
Я встретиться могла!

Без слез, без жалоб я склонилась пред судьбою.
Не знаю: сделав мне так много в жизни зла,
Любил ли ты меня... но если бы с тобою
Я встретиться могла!

〈1856〉

7. ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол.

.. Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

Я сошлюсь на народное слово,
На великую мудрость веков:
Двуголовье — эмблема, основа
Всех убийц, идиотов, воров.
Не вступая и в споры с глупцами,
При смущающих душу речах,
Сколько раз говорили вы сами:
«Да никак ты о двух головах!»

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол.
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

Оттого мы несчастливы, братья,
Оттого мы и горькую пьем,
Что у нас каждый штоф за печатью
Заклеймен двуголовым орлом.
Наш брат русский — уж если напьется,
Нет ни связи, ни смысла в речах;
То целуется он, то дерется —
Оттого что о двух головах.

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол.
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

Взятки — свойство гражданского мира,
Ведь у наших чиновных ребят
На обоих бортах вицмундира
По шести двуголовых орлят.
Ну! и спит идиот безголовый
Пред зеркалом, внушающим страх,—
А уж грабит, так грабит здорово
Наш чиновник о двух головах.

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол.
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

Правды нет оттого в русском мире,
Недосмотры везде оттого,
Что всевидящих глаз в нем четыре,
Да не видят они ничего;
Оттого мы к шпионству привычны,
Оттого мы храбры на словах,
Что мы все, господа, двуязычны,
Как орел наш о двух головах.

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол.
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

〈1857〉

8. СЧАСТЛИВЕЦ

Розовый, свежий, дородный,
Юный, веселый всегда,
Разума даже следа
Нет в голове благородной,
Ходит там ветер сквозной...
Экой счастливец какой!

Долго не думая, смело,
В доброе время и час,
Вздумал — и сделал как раз
Самое скверное дело,
Не возмущившись душой...
Экой счастливец какой!

С голоду гибнут крестьяне...
Пусть погибает весь свет!
Вот он на званный обед

Выехал: сани не сани!
Конь, что за конь вороной!
Экой счастливец какой!

Женщину встретит — под шляпку
Взглянет, тряхнет кошельком
И, насладившись цветком,
Бросит, как старую тряпку,—
И уж подъехал к другой...
Экой счастливец какой!

Рыщет себе беззаботно,
Не о чем, благо, тужить...
В службу предложат вступить —
Вступит и в службу охотно.
Будет сановник большой...
Экой счастливец какой!

Розовый, свежий, дородный,
Труд и несчастный расчет
Подлым мещанством зовет...
Враг всякой мысли свободной,
Чувства и речи родной...
Экой счастливец какой!

⟨1857⟩

9. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Годы пройдут, словно день, словно час;
Много людей промелькнет мимо нас.
Дети займут положение в свете,
И старики поглупеют, как дети.
Мы поглупеем, как все, в свой черед,
А уж любовь не придет, не придет!
Нет, уж любовь не придет!

В зрелых умом, скудных чувствами летах
Тьму новостей прочитаем в газетах:
Про наводнения, пожары, войну,
Про отнятую у горцев страну,
Скотский падеж и осушку болот —
А уж любовь не придет, не придет!
Нет, уж любовь не придет!

Будем, как все люди добрые, жить;
Будем влюбляться, не будем любить —
Ты продашь сердце для партии громкой,
С горя и я заведусь экономкой...
Та старика под венец поведет...
А уж любовь не придет, не придет!
Нет, уж любовь не придет!

Первой любви не сотрется печать.
Будем друг друга всю жизнь вспоминать;
Общие сны будут сниться обоим;
Разум обманем и сердце закроем —
Но о прошедшем тоска не умрет,
И уж любовь не придет, не придет —
Нет, уж любовь не придет!

⟨1857⟩

10. 18 ИЮЛЯ 1857 ГОДА

Зачем Париж в смятении опять?
На площадях и улицах солдаты,
Народных волн не может взор обнять...
Кому спешат последний долг воздать?
Чей это гроб и катафалк богатый?
Тревожный слух в Париже пролетел:
Угас поэт — народ осиротел.

Великая скатилась звезда,
Светившая полвека кротким светом
Над алтарем страданья и труда;
Простой народ простился навсегда
С своим родным учителем-поэтом,
Воспевшим блеск его великих дел.
Угас поэт — народ осиротел.

Зачем пальба и колокольный звон,
Мундиры войск и ризы духовенства,
Торжественность тщеславных похорон
Тому, кто жил так искренно, как он,
Певцом любви, свободы и равенства,
Несчастливым льстил, но с сильными был смел?
Угас поэт — народ осиротел.

Зачем певцу напрасный фимиам,
Дым пороха в невыносимом громе —
Дым, дорогой тщеславным богачам, —
Зачем ему? Когда бог добрых сам,
Благословив младенца на соломе,
Не быть ничем поэту повелел?

Угас поэт — народ осиротел.

Народ всех стран — страдание, и труд,
И сладких слез над песнями отрада
Громчей пальбы к бессмертию зовут!
И в них, поэт, тебе верховный суд —
Великому великая награда,
Когда поэт песнь лебедя пропел —
И, внемля ей, народ осиротел.¹

1857

11. СТАРАЯ ПЕСНЯ

Песни, что ли, вы хотите?
Песня будет не нова...
Но для музыки возьмите:
В ней слова, слова, слова.
Обвинять ли наше племя,
Иль обычай так силен,
Что поем мы в наше время
Песню дедовских времен?

Жил чиновник небогатый.
Просто жил, как бог велел, —
И, посты хранивши свято,
Тысяч сто нажить умел.
Но по злобному навету
Вдруг от места отрешен...
Да когда ж мы кончим эту
Песню дедовских времен?

Мой сосед в своем имени
Вздумал школы заводить;
Сам вмешался в управление,
Думал бедных облегчить...

¹ Слова, напечатанные курсивом, — перевод собственных выражений Беранже из разных песен.

И пошла молва по свету,
Что приятель *поврежден*.
Да когда ж мы кончим эту
Песню дедовских времен?

Сам не знаю — петь ли дальше...
Я красавицу знавал:
Захотелось в генеральши —
И нашелся генерал.
В этом смысла даже нету,
Был другой в нее влюблен...
Да когда ж мы кончим эту
Песню дедовских времен?

Песню старую от века,
Как языческий кумир, —
Где превыше человека
Ставят шпоры и мундир,
Где уму простора нету,
Где бессмысленный силен...
Да когда ж мы кончим эту
Песню дедовских времен?

Да когда ж споем другую?
Разве нету голосов?
И не стыдно ль дрянь такую
Петь уж несколько веков?
Или спать, сложивши руки,
При движении племен,
Богатырским сном под звуки
Песни дедовских времен?

〈1858〉

12. <В. В. ТОЛБИНУ>

Василий Васильевич, вот
Издания Генкеля томик,
Бессонных ночей моих плод —
Известности карточный домик.
Здесь молодость, слава, любовь,
Интрижки, Лизеты, Жаннеты,
Которых так любят поэты,
И Вакх, согревающий кровь;

Намеки равенства, свободы,
По коим цензура прошла,
Горячее чувство природы
И — барышни тра-ла-ла-ла!
Здесь ненависть к дряни мишурной
И злоба без всяких прикрас
На всё, что во Франции дурно
И вчетверо хуже у нас;
В борьбе с нищетою и ленью
Здесь я, переводчик-поэт,
Стою за великою тенью
Лучом его славы согрет.

1858

13. НАПУТСТВИЕ

(н. с. к(урочки)ну)

Покоряясь пред судьбою,
Поезжай — господь с тобою! —
К чуждым берегам.
Если счастье навернется —
Оставайся; не найдется —
Возвращайся к нам.

Разъезжай себе покорно
До Марсели, до Ливорно
И иной страны;
Покоряться воле неба
Ради крова, ради хлеба
Мы уж, брат, должны.

Полны гордого сознанья,
Скажем просто: до свиданья! —
Как придется там...
Обессмысленные звуки
Час торжественной разлуки
Не опошлят нам.

Мы словами жизнь не мерим,
Мы уж многому не верим,
Как в былые дни;
Но, исполнившись смиренья,
Помним светлые мгновенья —
Были же они!

Если были — будут снова;
Было б сердце к ним готово
Да свободен ум.
А тебе — и с полугория —
Их навевает воздух с моря,
Моря вечный шум,

Солнце, бури, климат знойный,
Жизни трепет беспокойный,
Неумолчный гам...
Так чего ж? Махнув рукою,
Поезжай — господь с тобою! —
К чуждым берегам.

1858

14. <Н. В. МАКСИМОВУ>

Что? стихов ты хочешь, что ли?
Услужить бы я готов;
Написал бы я для Коли,
Только вот беда: нет воли,
А без воли нет стихов.

В ваши будущие годы
Высоко для вас взойдет
Солнце красное свободы;
А про наши про невзгоды,
Про цензурные походы
Даже память пропадет.

Мы упали в рабской роли.
Коля! вспомни наши дни
В годы равенства и воли
И хоть добрым словом, что ли,
Старых братьев помяни.

1858 (?)

15

Я не поэт — и, не связанный узами
С музами,
Не обольщаюсь ни лживой, ни правою
Славою.

Родине предан любовью безвестною,
Честною,
Не воспевая с певцами присяжными,
Важными
Злое и доброе, с равными шансами,
Стансами,
Я положил свое чувство сыновнее
Всё в нее.
Но не могу же я плакать от радости
С гадости,
Или искать красоту в безобразии
Азии,
Или курить в направлении заданном
Ладаном,
То есть — заигрывать с злом и невзгодами
Одами.

С рифмами лазить особого счастья
К власти я
Не нахожу — там какие бы ни были
Прибыли.
Рифмы мои ходят поступью твердою,
Гордою,
Располагаясь богатыми парами —
Барами!

Ну, не дадут мне за них в Академии
Премии,
Не приведут их в примерах пиитики
Критики:
«Нет ничего, мол, для «чтения народного»
Годного,
Нет возносящего душу парения
Гения,
Нету воинственной, храброй и в старости,
Ярости
И ни одной для Петрушки и Васеньки
Басенки».
Что ж? Мне сама мать-природа оставила
Правила,
Чувством простым одарив одинаково
Всякого.
Если найдут книжку с песнями разными
Праздными

Добрые люди внимания стоящей —
 Что еще?
Если ж я рифмой свободной и смелою
 Сделаю,
Кроме того, впечатление известное,
 Честное,—
В нем и поэзия будет обильная,
 Сильная
Тем, что не связана даже и с музами
 Узами.

⟨1859⟩

16. ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

Старый хапуга, отъявленный плут
 Отдан под суд;
Дело его, по решении строгом,
 Пахнет острогом...
Но у хапуги, во-первых: жена
 Очень умна;
А во-вторых — еще несколько дочек
.....
 (Несколько точек.)

Дочек наставила, как поступать,
 Умная мать.
(Как говорят языком и глазами —
 Знаете сами.)
Плачет и молится каждую ночь
 Каждая дочь...
Ну, и нашелся заступник сиятельный
 !
 (Знак восклицательный.)

Старый хапуга оправдан судом,
 Правда, с трудом;
Но уж уселся он в полной надежде,
 Крепче, чем прежде.
Свет, говорят, не без добрых людей —
 Правда, ей-ей!
Так и покончим, махнув сокрушительный
 ?
 (Знак вопросительный.)

⟨1859⟩

17. ЖАЛОБА ЧИНОВНИКА

Человек я хорошего нрава —
Право!
Но нельзя же служить, как известно,
Честно.
Я вполне соглашаюсь, что взятки
Гадки;
Но семейство, большое к тому же,
Хуже.
Точно: можно ходить и в веригах —
В книгах...
А чтоб эдак-то бегать по свету —
Нету!
Рассуждают, награбивши много,
Строго:
Капитал-де от предков имели!
Все ли?
И меня ведь господь не обидел:
Видел,
Как и те, что статейки писали,—
Брали.
Так за что ж распекать-то сверх штата
Брата?
Одного ведь отца мы на свете
Дети!

⟨1859⟩

18. ТОЛЬКО!..

Нет на свете зла!
Жить — легка наука;
Зло изобрела
Авторская скука.
Вот весна, весна!
Вся природа рада...
Только — холодна...
Согреваться надо.

Нам от стужи дан
Нектар ароматный;
Вина южных стран
Теплотой приятной

Чувства усладят...
Только — снова вздохи:
Вина, говорят,
Дороги и плохи.

Нет — так всё равно!
Что нам пить чужое?
Есть у нас вино,
Русскому родное:
Чарка водки — в зной
И в мороз — находка!
Только — грех какой! —
Дорога и водка.

Пить взамен вина
Просто воду будем;
Трезвость нам нужна,
Как рабочим людям:
В ней — успех труда...
Только — я не скрою —
Чистая вода
Дорога весною.

А весна идет
И, дразня свободой,
Негой обдает...
Поживем с природой
Хоть один денек!
Только — вот забота:
Двери на замок
Заперла работа.

Так трудом живи,
В светлые мгновенья
Находя в любви
От труда забвенье.
С нею, в царстве грез,
Бедных нет на свете!
Только — вот вопрос:
Ну, как будут дети?..

Так одним трудом,
Без мечты нескромной,
Как-нибудь дойдем
До могилы темной.

Труд — надежный друг
Всех несчастных... только —
Сколько в свете рук,
Нет работы столько!

Жить ли без труда
С голодом да с жаждой!
Только... как тогда
Дорог угол каждый!
А весна светла
И поет лукаво:
«Нет в природе зла!
Счастье — ваше право».

⟨1859⟩

19. БЫЛЬ

(ВОЛЬНОЕ ПРЕЛОЖЕНИЕ В СТИХИ ПРОЗАИЧЕСКОЙ «БЫЛИ»
Г-НА МИЛЛЕР-КРАСОВСКОГО — ПОДРАЖАНИЕ БАСНЯМ И СКАЗКАМ ПОЭТА
БОРИСА ФЕДОРОВА)

В семье отец и мать детям своим давали
Пример весьма дурной;
Не то чтоб ссорились: нет, ссор они не знали,—
Но чуть придет отец из должности домой,
Сейчас пойдет ворчать
На деток и на мать.
Привыкли деточки отца весьма бояться,
А посему
Уж стали не к нему,
А к нежной матери ласкаться.
Отец исправно сек малюток каждый день.
Хоть были тяжелы отцовские уроки,
Но в детях всё росли ужасные пороки —
И своеволие и лень.
Скончался папенька, осиротели дети,
И стала ласковая мать
(Хоть было трудно ей) всем царством управлять,
И слушались ее все дети, кроме Пети.
Два года в классе он сидел,
И, несмотря на все внушенья,
Лентяй не знал — и знать как будто не хотел
Таблицы умноженья!!!

Тут было надобно учителя нанять,
В котором долгий опыт
Умел бы обуздать
Греховной воли ропот.

Учитель нанятый сначала ласков был
И нежной кротостью малютку вразумил
И с корнем вырывал в нем терние дурное.
Прошел и месяц так; но новый наступил —
Увы!

Опять по-прежнему ленился сын вдовы
И стал упрямей вдвое.
Однажды поутру (учитель был сердит)
Сидят за кофием с родительницей дети.
Учитель, вежливо раскланявшись, глядит —
Нет Пети!

Где Петя? Пети нет!
Мать шлет к нему слугу и видимо хлопочет.
И что ж? Слуга принес решительный ответ,
Что Петя кофию не хочет!!!

Тогда учителей раздался зычный глас:
«Прокофий,
Сходи к строптивому, и чтоб он шел сейчас
Пить кофий!»

От голоса сего
Внезапно всё умолкло:
Малютки все до одного
Покрыты бледностью, дрожат в окошках стекла.
Мать в страхе тянется к своим птенцам младым,
Меж тем чело ее подернулося тучей!..

Необычайный случай!
Как быть? Пример другим!
Надеясь, что смирится
Строптивное дитя,
Пошел учитель сам, чтоб с ним распорядиться
*Хоть не хотя хотя.*¹
Не тут-то было!

«Зачем ты к кофию, мальчишка, не пришел?» —
Учитель спросил его с сугубой силой.
«Я... я... я не хочу...» — «Не хочешь?»
Произвол!!!» —

Учитель заревел, как вол,

¹ Подражание слогу г. Миллер-Красовского.

И мальчику, что было духу,
Дал плюху,
За нею две влепил, и — если то возможно —
Предание гласит, что дал их *осторожно*.

Мальчишка присмирел и мягок стал, как шелк.

Какой же в басне толк?

Толк этой басни тот, что так же б не мешало
Смирять пощечиной и взрослого нахала,

Да не слегка

(Особенно когда болван учить берется),
А со всего плеча, уж как ни размахнется
Здоровая рука.

1859

20. БЕДОВЫЙ КРИТИК

Уж он ослаб рассудком бедным,
Уж он старик, сухой как жердь,
Своим дыханием зловредным
Небесную коптящий твердь.
Уже, со старческою палкой,
В приюте нравственных калек,
В какой-нибудь газете жалкой
Он жалкий доживает век.
Вдруг, вспомнив прежнюю отвагу,
Рукой дрожащею скорей
Берется в корчах за бумагу —
Чернит бумагу и людей.
Старинный червь сосет и точит;
Но уж в глазах темнеет свет:
Портрет врага писать он хочет —
И выставляет свой портрет.
«Нахальство... мальчик...» — злость диктует;
Но изменившая рука
Строками черными рисует
Нахальство злого старика.
Досада пуще в грудь теснится,
Бессилье сердце жмет тоской —
И, с пеной у рта, старец злится,
Покуда сам не отравится
Своею бешеной слюной.

1859

21. ПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

Идиллия

Надо мною мракобесия
Тяготела суета,
И блуждал, как в темном лесе, я
До Успенского поста;
Но во дни поста Успенского
Я внимательно читал
Господина Аскаченского
Назидательный журнал.

Чудо вочью совершилось:
Стал я духом юн и смел;
Пелена с очей свалилася —
И внезапно я прозрел.
Я провидел все опасности,
Что грозят родной стране
С водворением в ней гласности —
Столь враждебной тишине.

Погибает наша нация,
Думал я, с тех пор, как в ней
Поднялась цивилизация
И брожение идей,
И стремление гуманное —
Это всё придумал бес —
Наважденье окаянное!
Окаянский ваш прогресс!

За свое спасенье ратуя,
В Летний сад я поспешил:
Там, смотрю: нагая статуя!
Камнем я в нее пустил.
Вдруг хожалый очень явственно:
«Ты мазурик!» — закричал.
И за этот подвиг нравственный
Потащил меня в квартал.

И в квартале размышлениям
Предавался я один.
Думал: вот каким гонениям
Здесь подвержен гражданин
За боязнь соблазна женского!

Ах, зачем же я читал
Господина Аскоченского
Назидательный журнал!

1859

22. ОПЫТЫ ГЛАСНОГО САМОВОСХВАЛЕНИЯ ¹

Привело меня в смущенье
Это объявление.
Неужели только в Вятке
Не берутся взятки?
Нет! В столице есть подобный
Некий муж незлобный;
О себе он также внятно
Возвестил печатно.
Правда держится меж нами
Оными мужами:
Господином Вышнеградским
С прокурором вятским.
Мужи правды и совета!
Вам зачтется это.
Перед честностию вашей,
Всплывшей солнца краше,—
При хвалебном общем клике
Ныне все языки
Благодарныя России
Преклоняют выи.

1859

23—24. ТУРНИР В ПАССАЖЕ

I

ОЖИДАНИЕ

Какое торжество Пассаж готовит нам?
Почто текут народа шумны волны
В его концертный зал, сияющий как храм,
И все места в том зале полны?
Почто в полдневный час пред зданьем проходным,

¹ По поводу заявления вятского прокурора и предшествовавшего ему заявления г. Вышнеградского.

С его туннелем позабытым,
Движенье странное по стогнам городским,
Водопроводами изрытым?
Почто в движении Пассажа вовсе нет
Обычного праздношатанья,
И нет сих барышень, неуловимых лет
И неразгаданного званья?
Почто стекаются и воин, и купец,
Фельетонист-импровизатор,
Моряк, и инвалид, и акций продавец,
И начинающий оратор,
Акционеров друг с внимательным лицом,
Изобразившим страх, чтоб ближних не надули,
И рисовальщик наш с своим карандашом
Из крепкого свинца, идущего на пули?
Что значит этот шум, как вопль одной души
Весь совместившийся в неразделимом звуке,
От зала до кафе, где, чуя барыши,
Буфетчик потирает руки?

Какое торжество Пассаж готовит нам?
Ужели выступит Матрешка
И запоет под лад восторженным сердцам,
Как на бревно ступила ножка;
Ужель «Крамбамбули», «Антипка» и «Туман»
Нам душу освежат преданьями былого?
Ужели выступит на сцену хор цыган
Под управлением Григорья Соколова?
О! Если б этот хор! Увы! К чему мечты!
Цыганки в Любеке¹ влачат свой век унылый —
И в норы на зиму, как некие кроты,
Попрытались цыганофилы.
Науки ль чудеса раскроются для нас
Ее публичными жрецами?
Но нет! В Пассаже есть всему урочный час,
Час, предначертанный в программе.
Какое ж торжество Пассаж готовит нам?
Почто текут народа шумны волны?
Какими чувствами, подобными волнам,
Сердца и головы их полны?

¹ Любек — не город Любек, а бывший на Петровском острове трактир.

Толпа спешит в Пассаж, имея цель одну:
Упиться зрелищем ей новым —
На рыцарский турнир, бескровную войну
Господ Перозио с Смирновым...

.

2

ПРИГОВОР

Прочь от нас, Катон, Сенека,
Прочь, угрюмый Эпиктет!
Пирогов, Щедрин, Громека —
Обличительного века
Беспокойный факультет!

Господа, *«мы не созрели!..»*
Вот какой принес нам плод
За стремление к доброй цели —
В две последние недели
Пятьдесят девятый год!

Как мальчишкам нужны сказки,
Так нам всем, в родном краю,
Нужны помочи, указки.
Так уснем, закрывши глазки,
Баю-баюшки-баю!

Обличительных погромов
Уничтожив самый след,
Будем спать, как спал Обломов
В продолжение двух томов,—
В продолжение ста лет.

Бросив гласности химеры,
Неприличные детям,
Да пребудут полны веры
Господа акционеры
К господам директорам.

И так далее... и выше,
И в судах, и в остальном,
С каждым днем всё тише, тише,
Благодатный мир под крыши
Заберется в каждый дом.

И, неведеньем хранима,
Злом невидимым сильна,
В крепком сне непобедима,
Безглагольна, недвижима
Будет Русская страна!

1859

25. СОН НА НОВЫЙ ГОД

В чертогах, взысканных богами,
В сиянии солнечных лучей,
Разлитых Кумберга шарами
По оживленной панораме
Дерев тропических, дверей,
Тяжелым бархатом висящих,
Ковров, статуй, лакеев, зал,
Картин, портретов, рам блестящих
И на три улицы глядящих,
Атласом убранных зеркал;

В волнах невнятных разговоров,
Алмазов, лент, живых цветов,
Тончайших кружев, ясных взоров,
Почтенных лысин, важных споров,
Мирожиждительных голов,
Прелестных дев, хранимых свято,
Старушек, чуждых суеты,
Умов, талантов чище злата —
В слиянии света, аромата,
Тепла, простора, красоты,—

Как нуль, примкнутый к единицам
Для округленья единиц,
Внимая скромно важным лицам
И удивляясь львам и львицам,
Я всей душой склонялся ниц,
Как вдруг — раздался туш громовой,
Холодный подан мне бокал,
И бой часов густой, суровый
Провозвестил, что ныне новый,
Шестидесятый год настал.

Отдавшись весь теплу и свету,
В волненьях авторской тоски,
Я встал, как следует поэту,
Скользя по светлому паркету
Ногой, обутой щегольски.
По оживленной панораме
Пронесся гул, как ропот вод:
«Mesdames! М-г Знаменский... стихами...
Messieurs!.. желает перед нами
Сказать стихи на Новый год».

Игра и вальс остановились;
С участием детским предо мной
Головки нежные склонилсь,
И все очки в меня вперились...
Лакею сдав бокал пустой,
Подкуплен ужином грядущим
И белизной открытых плеч,
Я возгорелся жаром пущим
И с вдохновеньем, мне присущим,
Провозгласил такую речь:

Я говорил: «В наш век прогресса
Девиз и знамя наших дней
Не есть анархия идей,
А примиренье интереса
С святыми чувствами людей.

Исполнясь гордого сознания,
Что мы кладем основы зданья,
Неразрушимого в веках,
Призванья нашего достойны,
Пребудем мудры и спокойны,
Как боги древних в небесах.

Согласно требованиям века,
Возвысим личность человека,
Свободный труд его почтим
И, поражая зла остатки,
Единодушно: взятки гадки!
На всю Россию прокричим.

Вослед за криком обличенья,
Без лихорадки увлеченья,

Мы станем действовать в тиши;
И, так как гласности мы верим,
Благонамеренно умерим
Порывы страстные души.

Друзья мои, поэта лира
Одни святыя звуки мира
На вещих струнах издает;
И счастья всем — в убогих хатах
И в раззолоченных палатах —
Певец желает в Новый год.

Тебе, Сорокин, — чтобы мог ты
От Бугорков до Малой Охты
Скупить дома до одного;
И чтоб от звуков сладкой лиры
Надбавка платы на квартиры
Не тяготила никого.

Чтоб чарка водки в воскресенье —
Труда тяжелого забвенье —
Была у бедных мужичков;
И вместе с тем, чтоб паки, паки
Разбогатец Тармаламаки,
Снимая пенки с откупов.

Чтоб сметка русских не дремала,
И чтоб торговля оживляла
Все города родной земли,
И чтобы немцы и французы
Из Петербурга денег грузы
В отчизну также увезли.

Чтоб каждый думал с новым годом
Соразмерять приход с расходом,
Свой личный труд и труд чужой;
И чтобы дамские наряды,
Как здесь, пленяли наши взгляды
Неравномерно с красотой.

Чтобы везде, в углу, в подвале,
В тюрьме, в нетопленной избе,
Все также Новый год встречали,
Как мы, в роскошной этой зале,
Позабывая о себе!»

Рукоплесканья заглушили
Мой безыскусственный привет;
Старушки тихо слезы лили,
А старцы громко говорили,
Что я — единственный поэт,
Что Русь талантами богата!..
Все львы сошлись со мной на ты,
В моем лице целуя брата,—
В слияньи света, аромата,
Тепла, простора, красоты.

1859

26. ЧЕЛОВЕК С ДУШОЙ

Идиллия

Ах! человек он был с душой,
Каких уж нынче нет!
Носил он галстук голубой
И клетчатый жилет.

Он уважал отчизну, дом,
Преданья старины;
Сюртук просторный был на нем
И узкие штаны.

Не ведал он во всё житье,
Что значит праздность, лень;
Менял он через день белье,
Рубашки каждый день.

Он слишком предан был добру,
Чтоб думать о дурном;
Пил рюмку водки поутру
И рюмку перед сном.

Он не искал таких друзей,
Чтоб льстили, как рабы;
Любил в сметане карасей
И белые грибы.

В душе не помнил он обид;
Был честный семьянин —
И хоть женой был часто бит,
Но спать не мог один.

До поздней старости своей
Был кроткий человек
И провинившихся детей
Он со слезами сек.

Когда же час его настал —
Положенный на стол,
Он в белом галстуке лежал,
Как будто в гости шел.

В день похорон был дан большой
Кухмистерский обед.
Ах! человек он был с душой,
Каких уж нынче нет!

⟨1860⟩

27. ИДЕАЛЬНАЯ РЕВИЗИЯ

— Дороги у вас в околотке!
Ухабы, озера, бугры!
— Пожалуста, рюмочку водки;
Пожалуста, свежей икры.
— Выходит, что вы не по чину...
За это достанется вам...
— Пожалуста, кюммелю, джину;
Пожалуста, рижский бальзам.
— Пословица службы боярской:
Бери, да по чину бери.
— Пожалуста, честер, швейцарский;
Пожалуста, стильтону, бри.
— Дороги, положим, безделки;
Но был я в остроге у вас...
— Пожалуста, старой горелки,
Галушек, грибочков, колбас.
— Положим, что час адмиральский;
Да вот и купцы говорят...
— Угодно-с ветчинки вестфальской?
Стерлядка-с, дичинка, салат...
— Положим, что в вашу защиту
Вы факт не один привели...
— Угодно-с икемцу, лафиту?
Угодно-с рейнвейну, шабли?

— Положим, что вы увлекались...
Сходило предместнику с рук...
— Сигарочку вам-с: имперьялис,
Регалия, упман, трабук.
— Положим, я строг через меру,
И как-нибудь дело сойдет...
— Пожалуста... Эй! Редереру!
Поставить две дюжины в лед!
(1860)

28. ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА

Здоровый ум дал бог ему,
Горячую дал кровь,
Да бедность гордую к уму,
А к бедности любовь.

А ей — подобью своему —
Придав земную плоть,
Любовь дал, так же как ему,
И бедность дал господь.

Обманом тайного сродства
И лет увлечены,
Хоть и бедны до воровства,
Но были влюблены.

Он видел в ней любви венец
И ей сиял лучом,
И — наших дней концов конец —
Стояли под венцом.

Он не согнулся от трудов,
Но так упорно шел,
Что стал, как истина, суров,
Как добродетель, зол.

Она — в мороз из теплых стран
Заброшенный цветок —
Осталась милой — как обман
И доброй — как порок.

Что случилось с ним, что с ней могло б
Случиться в добрый час —
Благополучно ранний гроб
Закрыл навек от нас.
<1860>

29. ПЕСЕНКА БЕДНЫХ АКЦИОНЕРОВ

(НА ГОЛОС: «МАЛЬБРУГ В ПОХОД ПОЕХАЛ»)

Осьмнадцать миллионов
Минувший год унес!
Схороним их без стонов,
Без стонов и без слез. (bis)

Зачем самоуправно
Дела ревизовать?
Не лучше ль благонаравно
Смириться и молчать? (bis)

В ревизиях заметим
Количество грешков
И лишь рассердим этим
Господ директоров. (bis)

Запутаны и тяжки
Директоров труды;
Так вкусят пусть, бедняжки,
Невинные плоды. (bis)

Самой природой святы
Законы нам даны:
Немногие богаты,
Все прочие бедны. (bis)

Блюда свои законы,
Природа, по уму,
Одним дает мильоны,
Другим дает суму. (bis)

Тому трудней, кто чаще
Считает барыши,—
Сердцам невинным слаще
Спокойствие души. (bis)

Льется и сквозь злато
Горючих слез поток.
Зачем же жить богато —
Ведь бедность не порок. (bis)

Сочтем же недостойной
Мечту о барыше.
Ах! С совестью спокойной
Тепло и в шалаше. (bis)

Не станем же упорно
Искать, откуда зло,—
А вымолвим покорно:
«И хуже быть могло!» (bis)

Схороним же без стонов,
Без стонов и без слез —
Оснадцать миллионов,
Что прошлый год унес. (bis)

1860

30. ЯВЛЕНИЕ ГЛАСНОСТИ

О гласности болея и тоскуя
Почти пять лет,
К прискорбию, ее не нахожу я
В столбцах газет;
Не нахожу в полемике журнальной,
Хоть предо мной
И обличен в печати Н. кварталный,
М. становой.
Я гласности, я гласности желаю
В столбцах газет,—
Но формулы, как в алгебре, встречаю:
Икс, Игрек, Зет.

Так думал я назад тому полгода
(Пожалуй, год),
Но уж во мне свершала мать-природа
Переворот.
Десяток фраз, печатных и словесных,
Пустив умно
Об истинах забытых, но известных
Давным-давно,

Я в обществе наделал шуму, крику
И вот — за них
Увенчанный, как раз причислен к лику
Передовых.

Уж я теперь не обличитель праздный!
Уж для меня
Открылась жизнь и все ее соблазны —
И нету дня,
Отбою нет от лестных приглашений.
Как лен, как шелк,
Я мягок, добр, но чувствую, что — гений!
А гений — долг.
И голос мой звучит по светлым залам:
«Добро! Закон!»
И падает в беседе с генералом
На полутон.

Я говорю, что предрассудки стары —
Исчадья лжи, —
И чувствую, как хороши омары,
Когда свежи.
Я признаю, топча ковры гостиных,
Вкус старых вин
И цену их — друзей добра старинных,
Врагов рутин.
Я слушал их, порок громивших смело,
И понял вдруг,
Где слово — мысль, предшественница дела,
Где слово — звук.

Не знаю, как я стал акционером
И как потом
Сошелся я на ты с миллионером,
Былым врагом.
Но было так всеильно искушенье,
Что в светлом сне
Значенье слов — *уступки, увлечение* —
Раскрылось мне.
Сам деспотизм пришелся мне по нраву
В улыбках дам —
И продал я некупленную славу
Златым тельцам.

Мы купчую безмолвную свершили,
И хитрый спич
Я произнес, когда клико мы пили,
Как магарыч.
Но, всё еще за милое мне слово
Стоя горой,
Я гласности *умеренной, здоровой*
Желал душой.
И голосил в словесности банкетной,
Что гласность — свет,
Хоть на меня глядели уж приветно —
Икс, Игрек, Зет.

Но пробил час — и образ исполинский,
Мой идеал,
Как Истину когда-то Баратынский,
Я увидал.
В глухую ночь она ко мне явилась
В сияньи дня —
И кровь во мне с двух слов остановилась:
«Ты звал меня!..»
«Ты звал меня» — вонзилось в грудь, как жало,
И в тот же миг
Я в ужасе набросил покрывало
На светлый лик.

Почудилось неведомое что-то:
Какой-то враг
Из всех речей, из каждого отчета,
Из всех бумаг
Меня дразнил — и, как металл звенящий,
Как трубный звук,
Нестройный хор, о *гласности болящий*,
Терзал мой слух.
Я полетел со стула вверх ногами,
Вниз головой,
И завопил, ударясь в пол руками:
«Нет! я не твой!

Нет, я не твой! Я звал тебя с задором,
Но этот зов
Был, как десерт обеденный, набором
Красивых слов.
Оставь меня! Мы оба не созрели...

Нет! Дай мне срок.
Дай доползти к благополучной цели,
Дай, чтоб я мог,
Обзаведясь влияньем и мильоном,
Не трепетать —
Когда придешь, со свистом и трезвоном,
Меня карать».

1860

31. ДИЛЕТАНТИЗМ В БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Не о едином хлебе жив
будет человек.

Хоть одной юмористической,
Но любитель я словесности —
И талант мой пиитический
Должен гибнуть в неизвестности.

Нет! Зачем пустая мнительность?
Вдохновенья полный ясного,
Воспою благотворительность —
Отвернувшись от несчастного.

Тщетны все благодеяния
Без высокого смирения —
Лотереи и гуляния,
Сборы, лекции и чтения,

Малонравственные повести,
Пляски вовсе неприличные...
Ах! Добро творят без совести
Благодетели столичные!

Где тщеславие неистово,
Там добра не будет прочного,
Медный грош от сердца чистого
Больше ста рублей порочного.

Что в ней, в помощи существенной,
В хлебе братье голодающей,
Если правдой невещественной
Не украшен помогающий?

Не пойду в концерты бурные,
Не пойду в спектакли модные —
Будь они литературные
Или просто «благородные».

Хоть сестру мою, жену мою
Нищета постигнет в бедствиях,
Я и тут сперва подумаю
О причинах и последствиях.

Где помочь нельзя по строгому
Завещанию народному —
Ни гроша не дам убогому,
Ни крохи не дам голодному;

Помогу словами звучными,
Наставленьями житейскими,
И речами ультраскучными,
И стихами лжебиблейскими;

Дам понятия полезные
О предметах невещественных.
Ах! Не всё же реки слезные
Лить о бедствиях существенных.

1860

32. ДИЛЕТАНТИЗМ В ЛИТЕРАТУРЕ

МОНОЛОГИ

1

**ВОЛЬНОЕ ПРЕЛОЖЕНИЕ ОТВЕТА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ НА ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО Г-НА СЕЛИВАНОВА**

Привет мой вам, сочлен новоизбранный!
Любители Словесности Российской
Высокой честью, сделанной вам ныне, —
Принятьем в члены, признают *законность*
Той отрасли словесности, которой
Вы представителем являетесь меж нами.

Да, в обличительной словесности я вижу
Явление *законное*, сказал я,
Необходимое, скажу, усугубляя,
И, так сказать, *отрадное* явление.
Она не есть пустое раздраженье

Отдельных лиц, но, я заметить смею:
Скорбящее она самопознание,
Глубокий стон из сердца и — осмелюсь
Произнести — народной подоплеки!

Но, к сожалению, должен я заметить,
Что в обличительной словесности я вижу
Еще одно печальное явление,
*Хотя оно естественное тоже.*¹
Таков закон, начертанный природой!
Мы, например, всё зло от самохвальства
Официального здесь признаем открыто
И... продолжаем в наших заседаниях.
Она — едва возделанная отрасль
Словесности — выходит из границы
И очень часто дерзость беззаконья
Свободою законною считает!

(Обращаясь к г-ну Селиванову.)

Я вам упрек *высказываю* смело,
Затем... что *вы* ему *не подлежат*.²
Да, клеветы в журналах и газетах
(Я говорю о «петербургских» только)
Мы, государь мой, видим беспрестанно.
Я привести пример себе позволю:
Один весьма молодой повествователь
Изобразил в своем повествовании
Судебное и подлинное дело.
Он романист — не следовательно просто,—
И в повести выводятся не только
Откупщики, чиновники и судьи,
Но жены их, и дети, и внучата.
Какое он имел на это право,
Писатель-клеветник, писатель-сплетник?³

Пусть в повести имен нет настоящих,
Пусть даже всей губернии известно,
Что откупщик бездетен, что чиновник —

¹ Четыре следующие строки мною прибавлены в видах согласования с правилами пиитики, как антитеза.

² В подлиннике: «смело высказываю упрек *именно потому*, что вы ему не подлежат» — предложение почти буквальное.

³ В подлиннике: «писатель-сплетник, *по всей вероятности* писатель-клеветник».

Положим, N — женат ни разу не был
И что судья — вдовец уже три года;
Пусть будет так. Но *все ли* это знают?
Но *сказано*,¹ что все они женаты,
Что все они детей имеют — *ergo*:
В губерниях Иркутской, Енисейской,
В Шпицбергене, на Ледовитом море,
У полюса — за правду это примут!

По-моему — нет клеветы гнуснее
И отвратительней — сказать себе позволю.

И что ж? Почет и знаки одобренья
Писателя младого увенчали!
Я сам читал — обед публичный в клубе
Ему был дан торжественно — за оный
Поступок, стоящий иного награжденья:
Позорного столба общественного мненья!

По чести, я судил поступок строго,
Но пощажу хвалителей романа
И автора к столбу не поведу...
Хотя в душе мне и прискорбно очень:
Так молод он и так уже порочен!

Ах! нет у нас литературных нравов,
Затем что мы весьма недавно пишем²
И вместо дела споры только слышим
О том, чей город краше и милее
И чей язык пригоднее для фразы.
Ах! нет у нас литературных нравов!
А то б на все подобные явления
Я отвечал улыбкою презренья.

Я указал, сочлен новоизбранный,
На терния и вредные растенья,
Которые недавно засорили
Словесности Российской вертоград, —
Вам, государь мой, смело указал я —
Вы чужды их: вы деятель достойный...
Они для вас как бы не существуют.

¹ В повести — не улеглось в стих.

² Прибавлено для согласования с правилами пниктики.

Я остаюсь затем при убеждении,
Что только гласность может всё исправить.
Помолимся Перуну и Даж-богу¹
И всем иным славянским божествам,
Дабы они писателям внушили
Порочных типов только *очертанья*,
Без всякого прикосновенья к жизни,
И я тогда, и все довольны будут,
Не скажут нам, что меч словесный правды
Мы в клеветы кинжал преобразили —
И в отрасли словесности, которой
Вы представителем являетесь меж нами,
Мы добрые узрим плоды, конечно,
Которые в руках достойных ваших
Должны созреть, конечно, и созреют.²

1860

33. ДИЛЕТАНТИЗМ В НАУКЕ

Он был бравый молодец.

*«Гамлет»,
перевод Н. Полевого*

Знали ль вы норманнов друга?
Он был славен и учен:
Тени Шлецера и Круга
Из могилы вызвал он.
Знаменитым словопреньем
Целый город оживил...
Ну, так знайте: убежденьем
Он шутил, ведь он шутил!

Знали ль вы норманнов друга?
Он был славен и учен.
От сомнения недуга
Исцелил весь город он:
Он сказал нам: «Вы созрели!» —
И восторгом встречен был...

¹ См. предыдущее примечание.

² «Тогда только та отрасль словесности, которая вами избрана вследствие благородного стремления к добру, *принесет те добрые плоды, которые она, конечно, принесет в ваших руках*». Какие плоды принесла эта отрасль словесности в руках г-на Селиванова для «Общества Любителей», знает только грудь да подоплека некоторых любителей.

Ну, так знайте же: на деле
Он шутил, ведь он шутил!

Как профессор и «любитель»,
Он хотел, чтоб целый зал,
Как словесности обитель,
Речи слушал и молчал.
И чтоб он прилежным детям
Слово правды возвестил...
Ну, так знайте, что и этим
Он шутил, ведь он шутил!

Ты — ученый без призванья,
Ты — любитель-журналист.
Ты — поэт без дарованья,
Ты — без мнений публицист.
Ты — ходящий по канату,—
Пусть бы каждый затвердил
Эту дивную кантату:
Он шутил, ведь он шутил!

Поучайте нас, пишите
И смелей! вперед, назад —
Вплоть до старости пляшите,
Если держит вас канат;
Покачнется — и мгновенно
Шест держать не хватит сил,—
Пойте песню откровенно:
Я шутил, ведь я шутил!

1860

34. ВОРЧУН ДОРОФЕЙ

Легенда

По нерушиму условию жизни, этого
мудрого Дорофея (я называю так совесть,
как воистину дар божий,— с греческого:
дорос — дар, феу — божий) нет возможности
ни выгнать из дому, ни заставить молчать.

*А. Башуцкий. Письмо с Спас<ской>
площ<ади> в Акад<емический> пе-
р<еулок>. «Дом<ашняя> бес<еда>»
1860 г., № 29-й*

Наживая грехом
Капитал,
Иногда я тайком
Размышлял:

«Всё бы ладно: ж тье!
Гладкий путь...
Только совесть... ее
Как надуть?»

Мне Башуцкий помог.
Млад и стар,
Веселись — *Фео* — бог,
Дорос — дар;
Значит: совесть людей —
Имя рек —
Божий дар — Дорофей —
Человек.

Я сошелся с таким
И верчу
Дорофеем своим,
Как хочу.
Усмирил я врага
Злых людей:
В моем доме слуга —
Дорофей.

Совесть редко молчит;
Господа,
Дорофей мой ворчит;
Но когда
Дерзость сделает он
(Мой лакей!) —
Я сейчас: «Пошел вон,
Дорофей!»

Я украл адамант.
«Стыдно вам! —
Заворчал мой педант!.. —
Это страм!
Бог и кара людей
Впереди...»
— «Дорофей, Дорофей!
Уходи!»

Я для бедных **сбирал...**
В свой карман;

Зашумел, замычал
Мой грубьян:
«Жить нельзя!.. Ты злодей!
Это сви...»
— «Дорофей, Дорофей!
Не живи».

Умножая доход,
Я пускать
Стал книжонки в народ;
Он опять:
«Ты морочишь людей,
Старый черт!»
— «Дорофей, Дорофей!
Вот паспорт».

Местом он дорожит:
Я плачú.
Он же выпить сердит —
Закачу
«Ерофеичу» штоф
Похмельней,
И — что хочешь — готов
Дорофей!

Будь покорен судьбе,
МалOVER,
И бери — вот тебе —
Мой пример!
Станет стыдно подчас,
Не робей!
Знай, что совесть у нас —
Дорофей.

1860

35. ДРУЗЬЯМ МАРТЫНОВА

Кружась бог знает для чего
И для какой потехи,
Мы все смешны до одного
В своих слезах и смехе.
Друзья мои, когда вам мил
Смех, вызванный слезами,

Почтим того, кто нас смешил,
Смеясь над нами — с нами.

Блуждая ощупью, впотьмах,
От водевилей к драмам,
Смешные в искренних слезах,
Мы жалки в смехе сáмом.
Средь мертвых душ, живых могил,
Полуживые сами,
Почтим того, кто нас смешил,
Смеясь над нами — с нами.

Когда друг друга мы смешим,
Актеры против воли,
И монологи говорим
Пустые в жалкой роли,—
Он откровенным смехом был
Всесилен над сердцами.
Почтим его: он нас смешил,
Смеясь над нами — с нами.

Почтим его! Сердечный смех,
Веселость без предела
Дарили жизнью даже тех,
В ком сердце оскудело.
Тот смех, как милостыня, был
Сбираем богачами...
Почтим его: он нас смешил,
Смеясь над нами — с нами.

Почтим его! Одним лицом,
Менявшим очертанья,
Он вызывал над сильным злом
Смех честного страданья,—
И смех на время уносил
Нужду с ее бедами...
Почтим его: он нас смешил,
Смеясь над нами — с нами.

Почтим его! Припомним зал,
Где, от райка до кресел,
Мужик последний хохотал,
Последний фат был весел!..

Взрыв смеха общего дружил
Ливреи с армяками...
Почтим его: он нас смешил,
Смеясь над нами — с нами.

Почтим его! Нам много слез
Оставлено судьбою,
Но уж Мартынов в гроб унес
Могучий смех с собою,
Которым он один смешил,
Смеясь над нами — с нами,
Который с жизнью нас мирил
И вызван был слезами.

1860

36. ВОЗРОЖДЕННЫЙ ПАНГЛОСС

(АНОНИМНОМУ РЕЦЕНЗЕНТУ-ОПТИМИСТУ
«БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ»)

Откуда ты, эфире житель?
Жуковский

Откуда ты, с твоей статьею,
Вступивший с временем в борьбу,
Панглосс, обиженный судьбою,
Но слепо верящий в судьбу?
Как ты сберег свои сужденья?
Как ты не умер, о Панглосс!
И в «Библиотеку для чтения»
Какой Вольтер тебя занес?

Ну да, мы на смех стихотворцы!
Да, мы смешим, затем что грех,
Не вызывая общий смех,
Смотреть, как вы, искусствоворцы,
Надеть на русские умы
Хотите, растлевая чувства,
Халат «искусства для искусства»
Из расписной тармаламы.

Ну да! мы пишем на смех людям;
Смешим, по милости небес,
И до тех пор смешить их будем,
Пока задерживать прогресс

Стремятся мрака ассистенты,
Глупцов озлобленная рать,—
И на́ смех критики писать
Дерзают горе-рецензенты.

1860

37

Мы всё смешное косим, косим
И каждый день и каждый час...
И вот добычи новой просим
У «Иллюстрации» и вас.

Две параллельные дороги
Пройти нам в жизни суждено:
Мы снисходительны — вы строги;
Вы пьете квас — мы пьем вино.

Мы смехом грудь друзей колышем;
Вы желчью льетесь на врагов.
Мы с вами под диктовку пишем
Несходных нравами богов;

Мы — под диктовку доброй феи;
Вы — гнома злобы и вражды;
Для нас — евреи суть евреи;
Для вас — евреи суть *жиды*.

Мы к сердцу женскому, робея,
С цветами, с песнями идем;
Вам — их учить пришла идея
Посредством плетки с букварем.

Для нас — забавны ваши вздохи;
Для вас — чувствителен наш смех.
Увы! Мы с вами две эпохи
Обозначаем вместо вех.

Что ж спорить нам? Простимся кротко
И станем по своим местам,
Вы — с букварем своим и плеткой,
А мы с запасом эпиграмм.

1860

38. ДРУЖЕСКИЙ СОВЕТ

(ПОСВЯЩАЕТСЯ РЕЦЕНЗЕНТУ, КОТОРЫЙ
ПРИМЕТ ЭТУ ШУТКУ НА СВОЙ СЧЕТ)

Друг мой, вот тебе совет:
Если хочешь жить на свете
Сколь возможно больше лет
В мире, здравьи и совете —
Свежим воздухом дыши,
Без особенных претензий;
Если глуп — так не пиши,
А особенно — рецензий.

1860

39. 1861 ГОД

Элегия

Семь тысяч триста шестьдесят
Девятый год,
Как человек ползет назад,
Бежит вперед;
Семь тысяч триста с лишком лет
Тому назад
Изображал весь белый свет
Фруктовый сад.
Мы, господа, ведем свой счет
С того числа,
Когда Адам отведал плод
Добра и зла.

Семь тысяч лет пошли ко дну
С того утра,
Как человек нашел жену,
Лишась ребра;
С тех пор счет ребрам у друзей
Мужья ведут,
Когда в наивности своей
Их жены лгут.
И всё обман и всё любовь —
Добро и зло!
Хоть время семьдесят веков
Земле сочло.

Потом мудрец на свете жил,—
Гласит молва —
За суп он брату уступил
Свои права.
Потом заспорил род людской,
Забыв урок,
За призрак власти, за дрянной
Земли клочок;
За око око, зуб за зуб
Ведет войну —
За тот же чечевичный суп,
Как в старину.

Прошли века; воюет мир,
И льется кровь —
Сегодня рухнулся кумир,
А завтра вновь
Встают неправда и порок
Еще сильнее —
И служит порох и станок
Страстям людей.
И спорят гордые умы
Родной земли:
«Что нужно нам? Откуда мы?
Куда пришли?

Должны ли мы на общий суд
Тащить всё зло
Иль чтоб, по-старому, под спуд
Оно легло?
Крестьянам грамотность — вредна
Или добро?
В семействе женщина — жена
Или ребро?
Созрел ли к пище каждый рот?
Бить или нет?»
Так вопрошают Новый год
Семь тысяч лет.

1860 или 1861

Видеть, как зло торжествует державно,
Видеть, как гибнет что свято и славно,
И ничего уж не видеть затем —
Лучше не видеть совсем!

Слышать с младенчества те же напевы:
Слышать, как плачут и старцы и девы,
Как неприятно и тягостно всем,—
Лучше не слышать совсем!

Жаждаť любви и любить беспокойно,
Чтоб испытать за горячкою знойной
На сердце холод и холод в крови,—
Лучше не ведаť любви!

Знаť и молитвы и слез наслаждение,
Да и молиться и плакать с рожденья —
Так, чтобы опыт навеки унес
Сладость молитвы и слез!

Каждое утро вверяться надежде,
Каждую ночь сокрушаться, как прежде,
И возвращаться к надежде опять —
Лучше надежды не зناť!

Знаť, что грозит нам конец неизбежный,
Знаť всё земное, но в бездне безбрежной
Спутать конец и начало всего —
Лучше не знаť ничего!

Мудрый лишь счастлив; он смотрит спокойно,
И над его головою достойной
Свыше нисходит торжественный свет...
Да мудрецов таких нет!

⟨1861⟩

41. СТАРИЧОК В ОТСТАВКЕ

Литературой обличительной
Я заклею:
Я слышу говор, смех язвительный
Со всех сторон.

Еще добро б порода барская,
А то ведь зря
Смеется челядь канцелярская
И писаря!

А мне всего был дан родителем
Один тулуп,
И с ним совет — чтобы с просителем
Я не был глуп,
Что «благо всякое даяние»
Да «спину гни» —
Вот было наше воспитание
В былые дни.

В уездный суд судьбой заброшенный
В шестнадцать лет,
Я вицмундир купил поношенный —
И белый свет
С его соблазнами, приманками
Мне не светил
Между обложками и бланками,
В струях чернил.

Я не забыл отцовы правила,
Был верен им:
Меня всегда начальство ставило
В пример другим.
Сносив щелчки его почтительно,
Как благодать,
Я даже мысли возмутительной
Не смел питать.

Я в каждом старшем видел гения,
Всю суть наук,—
И взял жену без рассуждения
Из старших рук.
А как супруга с ребятишками
Пилить пойдут,
Так я ученого бы с книжками
Поставил тут!

Я им опорой был единою.
Всё нужно в дом:

И зашибешься — где полтиною,
А где рублем.
Дорога торная, известная:
Брал — всё равно,
Как птичка божия, небесная
Клюет зерно.

Клюют пернатые, от сокола
До голубков,
Клюют, клюют кругом и около:
На то дан клёв.
За что ж, когда так умирительно
Мир сотворен,
Литературой обличительной
Я заклею?

⟨1861⟩

42. СКАНДАЛ

Они сейчас: — Разбой! Пожар!
И прослывешь у них мечтателем опасным!
(Чацкий. «Горе от ума»)

«На что, скажите, нет стихов?» —
Во время оно Мерзляков
В старинной песне, всем знакомой,
Себя торжественно спросил
И добродушно угостил
Своих читателей *соломой*.

В былые дни для Мерзлякова
Воспеть солону было ново...
Для нас ни в чем новинки нет,
Когда уже австрийский лагерь
Воспел Конрад Лилиеншвагер,
«Свистком» владеющий поэт.

У нас жуки *сшибались* лбами,
Перейра был воспет стихами,
С березой нежничают дуб,
И, наконец, король сардинский
В стих Розенгейма исполинский
Попался, как ворона в суп.

Друзья мои, господь свидетель:
Одну любовь и добродетель,
Одни высокие мечты,
Из лучших в наилучшем мире,
Я б воспевал на скромной лире,
Не тронув праха суеты;

«Лизета чудо в белом свете!»¹ —
Всю жизнь я пел бы в триолете;
«Когда же злость ее узнал»
(Не Лизы злость, а жизни злобу), —
Прищелкнув языком по небу,
Друзья мои, пою *Скандал!*

Скандал, пугающий людей!
Скандал, отрада наших дней!
Скандал! «Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!..
Как много лиц отозвалось»²
В искусстве, в жизни и в науке!

Хвала, хвала тебе, Скандал!
За то, что ты перепугал
Дремавших долго сном блаженным, —
И тех, кто на руку нечист,
И тех, кому полезен свист,
Особам якобы почтенным.

Хвала, хвала тебе, Скандал!
За то, что на тебя восстал
Люд по преимуществу скандальный:
Восстал поборник откупов,
Восстал владелец ста домов,
Восстал Аскóченский печальный;

Восстали мрачные умы,
Восстали грозно духи тьмы,
Надев личины либералов,
Страшась, что справедливый суд
Над ними скоро изрекут
«Литературою скандалов».

¹ Стихи между вносными знаками в этой строфе принадлежат Карамзину (триолет «Лизета»).

² Известные стихи Пушкина из «Евгения Онегина».

Хвала, хвала тебе, Скандал!
С тех пор как ты в печать попал,
С чутьем добра, с змеиным жалом,
Ты стал общественной грозой,
Волной морской, мирской молвой
И перестал уж быть Скандалом.

Скандал остался по углам:
Скандал гнездится здесь и там,
Скандал с закрытыми дверями,
Немой Скандал с платком во рту,
Дурная сплетня на лету
И клевета с ее друзьями.

Хвала, хвала тебе, Скандал!
Твоя волна — девятый вал —
Пусть хлынет в мир литературы!
Пусть суждено увидеть нам
Скандал свободных эпиграмм
И ясной всем карикатуры!

1861

43. Г-Н АСКОЧЕНСКИЙ И Г-Н ЛЕОТАР

(МАСЛЯНИЧНАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ)

О каком ваша речь Аскочѣнском?
Вам Аскочѣнский речь задает.

*Голос из «Домашней беседы».
«Искра» 1861 г., № 1*

В начале сырныя недели
Я звал к Аскочѣнскому так:
«О ты, мой Ментор в каждом деле,
Тебя зовет твой Телемак!
О муж Аскочѣнский, поведай,
Как веселиться должно мне».
И сел «Домашнею беседой»
Питать свой дух наедине.

К занятью этому привычный,
Что нужно — тотчас я нашел:
Прочел «Словарь иноязычный»
И «Блестки с изгарью» прочел;
Нашел статеечку «За чаем»,

Прочел внимательно сейчас
И порешил: теперь мы знаем,
Что позволительно для нас.

«Не загрязнюсь в житейском море! —
За чаем провещал сей муж. —
И не пойду смотреть Ристори
(Она уехала к тому ж).
Она беснуется в Медее...
А Майерони-Олоферн
И остальные лицедеи
Суть скверна хуже всяких скверн.

Васильев, Щепкин и Садовский!
Вас избегаю, как огня...
Ваш этот Гоголь, ваш Островский
Страшнее язвы для меня.
Пусть весь театр в весельи диком
Кричит и воет: Тамберли-и-к! —
При встрече с вашим Тамберликом
Стыдом зардеется мой лик.

А эти нимфы... эти... эти...
Розатти, Кошева... Но нет!
Нет! Ни полслова о балете...
Стыжусь... я сам люблю балет!»
Артистов всех одним ударом
При мне Аскóченский сразил;
Но пред красавцем Леотаром
Свою нагайку опустил.

Как бы в одном театре-цирке
Найдя свой высший идеал,
Для Леотара ни придирки,
Ни резких слов он не сыскал.
И понял я, что боги дали
Обоим одинакий дар
И что Аскóченский в морали —
То, что в искусстве Леотар.

Как Леотар, спокойно-важен,
Сперва качается, плывет...
И сразу в два десятка сажен
Отмерит в воздухе полет;

Так и Аскóченский смиренный
Поет природу, свод небес
И вдруг накинется, надменный,
На человечность и прогресс.

Как Леотар, в трико прозрачном,
Один, свободней всех одет;
Так наш Вельо, в издании мрачном,
У нас один анахорет.
Умея падать без увечья,
Витают оба высоко:
Тот в хитрых хриях красноречья —
А этот в розовом трико.

Кто б ни был ты, читатель, ведай,
Что Леотар один — артист
И что с «Домашнею беседой»
Тебе не страшен общий свист.
В дни девятнадцатого века —
Разврат сердец, страстей пожар —
Лишь два осталось человека:
Аскóченский и Леотар!

1861

44. СТАНСЫ НА БУДУЩИЙ ЮБИЛЕЙ БАВИЯ

(САМИМ ЮБИЛЯРОМ СОЧИНЕННЫЕ)

Друзья, в мой праздник юбилейный,
С погребщиком сведя итог,
Я вас позвал на пир семейный —
На рюмку водки и пирог.
Но чтоб наш пир был пир на диво,
На всю российскую семью,
Стихами сладкими, игриво,
Я оду сам себе спою.

Без вдохновенного волненья,
Без жажды правды и добра
Полвека я стихотворенья
На землю лил, как из ведра.
За то Россия уж полвека —
С Большой Морской до Шемахи —

Во мне признала человека...
Производящего стихи.

Литературным принят кругом
За муки авторских потуг,
И я бы Пушкина был другом,
Когда бы Пушкин был мне друг.
Но в этот век гуманных бредней
На эту гласность, на прогресс
Смотрю я *тучею последней*
Средь прояснившихся небес.

Я — воплощенное преданье,
Пиита, выслуживший срок,
Поэтам юным — назиданье,
Поэтам в старчестве — упрек.
Я протащил свой век печальный,
Как сон, как глупую мечту,
За то, что тканью идеальной
Порочил правды красоту.

За то, что путь я выбрал узкий
И, убоясь народных уз,
Писал, как русский, по-французски,
Писал по-русски, как француз.
Не знал поэзии в свободе,
Не понимал ее в борьбе,
Притворно чтил ее в природе
И страшно чтил в самом себе.

За то, что в диком заблуждении,
За идеал приняв застой,
Всё современное движение
Я называл праздной суетой.
За то, что думал, что поэты
Суть выше остальных людей,
Слагая праздные куплеты
Для услаждения друзей.

О старички, любимцы Феба!
Увы! рассеялся туман,
Которым мы мрачили небо;
Стряхнем же с лиц позор румян,

Язык богов навек забудем
И, в слове истину ценя,
Сойдем с небес на землю, к людям,
Хоть в память нынешнего дня.

1861

45. ЭПИТАФИЯ БАВИЮ

Судьба весь юмор свой явить желала в нем,
Забавно совместив ничтожество с чинами,
Морщины старика с младенческим умом
И спесь боярскую с холопскими стихами.

1861

46. СЛОВО ПРИМИРЕНИЯ

(МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ С ЭЛЕГИЯМИ
И ПЛЯСКОЮ)

Ах! было время золотое,
Когда, недвижимого застоя
И мрака разгоняя тень,—
Прогресса нашего ровесник,
Взошел как солнце «Русский вестник»,
Как в наши дни газета «День».

Ах! были светлые года!
Ах! было времечко, когда
У нас оракул был московский...
В те дни, когда Старчевский стал
Свободный издавать журнал
И в нем посвистывал Сенковский...

То были времена чудес:
Носился в воздухе прогресс,
Упал «Чиновник» и «Тамарин»
И уж под бременем годов
Вкушал плоды своих трудов
В смиренном Карлове Булгарин.

И как Москва в свои концы
Чертоги, храмы и дворцы
Победоносно совместила,
Там в «Русском вестнике» одном
Себе нашла и кров и дом
Литературы русской сила.

Сверкала мудрость в каждой строчке;
Все книжки были как веночки
Из ярких пальмовых листов
И лепестков душистой розы —
Из Павлова изящной прозы
И нежных Павловой стихов.

Вдруг журналистики Юпитер,
Во ужас повергая Питер,
Посредством букв Х., Y., Z.
Как шар, попавший прямо в лузу,
Вооруженную Медузу,
Малютку гласность вывел в свет.

Вдруг, всю Россию ужасая,
Пронесся воплем в край из края
До самых отдаленных мест
Литературно-дружным хором —
И грянул смертным приговором
Противу Зотова протест.

Писавший спроста, без расчетов,
Склонил главу Владимир Зотов;
Да как же не склонить главы:
Чуть *список лиц* явился первый,
У Зотова расстроив нервы,
Вдруг — *дополнение* из Москвы!

Кто не участвовал в протесте?
Сошлись негаданно все вместе:
«Гудок» с «Журналом для девиц»,
Известный критик Чернышевский
И рядом с ним Андрей Краевский...
Какая смесь одежд и лиц!

Все литераторы в печали
Протест сердитый подписали,
Не подписал один «Свисток»,
За что и предан был проклятьям,
Как непокорный старшим братьям,—
Высоконравственный урок!

Так «Русский вестник» в дни движенья
Кружился в вихре увлеченья,

Отменно в спорах голосист,
В журнальных иксах видел дело,
Как самый юный и незрелый
Санктпетербургский прогрессист.

Иное выступило племя.
«День», «Русский вестник», «Наше время»
Струю кастальскую нашли:
И князя Вяземского гений
Из них каскадом песнопений
Разлился по лицу земли.

Расставшись с милой и единой
Англо-московскою доктриной,
Забыв весь юношеский вздор,
Поэзии отведав неги,
Журналом жалостных элегий
Стал «Русский вестник» с этих пор.

Э л е г и я

«„Печально век свой доживая,
С днем каждым сами умирая,
Мы в новом прошлогодний цвет.
Сыны другого поколенья,
Живых нам чужды впечатленья“,—
Как древле говорил поэт.

Всё как-то дико нам и ново,
Звучит *бессовестное слово* —
Уж мы не рвемся в жизнь, как в бой,
А всё у моря бы сидели
Да песни слушали и пели,
На целый мир махнув рукой.

Зачем для них свобода мнений?
Где *raison d'être*¹ таких явлений?
Всё это гниль и фальшь кружков.
Мы, как начальники-поэты,
Ответим им: вы пустоцветы!
Вы прогрессисты без голов!

¹ Смысл существования (франц.).— *Ред.*

Явление жалкое минуты!
Ведь вы одеты и обуты?
А вам, чтоб каждый был одет?
Так это *зависть пешехода*,
Вражда того, кто без дохода,
Как древле говорил поэт.

Нам нужны формулы для дела;
Чтоб жизнь созрела, перезрела,
Как с древа падшие плоды;
Хоть бы пожар случился дома,
Вы, без Ньютонова бинорма,
Не смейте требовать воды.

Не вы, а внуков ваших внуки
Должны вкусить плоды науки
И фрукты жизни,— а пока
Пляшите прозой и стихами!..»
И «Русский вестник» с свистунами
Плясать пустился трепака.

1861

47. МИРМИДОНЫ — КУРОЛЕСОВЫ

Эх! надел бы шлем Ахилла —
Медный шлем на медный лоб,—
Да тяжел, а тело хило:
Упадешь под ним, как сноп!

Если б панцирь мне Пелида —
Не боялся б ничего;
Да ведь панцирь — вот обида! —
Втрое больше самого!

Щит бы мне, которым копья
Отражал в бою Пелид,—
Так натуришка холопья
Не удержит этот щит.

Взял бы меч его победный
И пошел бы!.. Да ведь вот:
Меч поднять — так нужно, бедно,
Мирмидонов штук пятьсот.

Тщетны оханья и стоны,
Справедлив и мудр Зевес!
Там бессильны мирмидоны,
Где уж рухнул Ахиллес!

1861

48

Над цензурою, друзья,
Смейтесь так же, как и я:
Ведь для мысли и для слова,
Откровенно говоря,
Нам не нужно никакого
Разрешения царя!

Если русский властелин
Сам не чужд кровавых пятен —
Не пропустит Головнин
То, что вычеркнул Путятин.

Над цензурою, друзья,
Смейтесь так же, как и я:
Ведь для мысли и для слова,
Откровенно говоря,
Нам не нужно никакого
Разрешения царя!

Монархическим чутьем
Сохранив в реформы веру,
Что напишем, то пошлем
Прямо в Лондон, к Искандеру.

Над цензурою, друзья,
Смейтесь так же, как и я:
Ведь для мысли и для слова,
Откровенно говоря,
Нам не нужно никакого
Разрешения царя!

1861 или 1862

49. СЕМЕЙНАЯ ВСТРЕЧА 1862 ГОДА

Читатели, являясь перед вами
В четвертый раз,
Чтоб в Новый год и прозой и стихами
Поздравить вас,
Хотел бы вам торжественно воспеть я,
Да и пора б,
Российского весь блеск тысячелетья —
Но голос слаб...
Читатели, серьезной русской прессе
Оставим мы
Всё важное, все толки о прогрессе
И «царстве тьмы».
Довольствуясь лишь неизбежно сущим
И близким нам,
Поклонимся во здравии живущим
Родным отцам.
Пусть юноши к преданиям спесивы,
Не чтут родных,—
Но бабушки и дедушки все живы,
Назло для них.
Не изменив себе ни на полслова,
Как соль земли,
Все фазисы развития векового
Они прошли.
Понятья их живучи и упруги,
И Новый год
По-прежнему в семейном тесном круге
Их застает.
Привет мой вам, старушка Простакова!
Вы всех добрей.
Зачем же вы глядите так сурово
На сыновей?
Порадуйтесь — здесь много Митрофанов —
Их бог хранит;
Их никаким составом химик Жданов
Не истребит.
Их детский сон и крепок и невинен
По старине.
Поклон тебе, мой друг Тарас Скотинин,
Дай руку мне!
Свинюшник твой далек, брат, до упадка;
В нем тьма свиней.

Почтенный друг! В них нету недостатка
Для наших дней.
По-прежнему породисты и крупны,
А как едят!
НажрутсЯ так, что, братец, недоступны
Для поросят.
От поросят переходя к Ноздреву,
Мы узнаем,
Что подобру живет он, поздорову
В селе своем.
Всё так же он, как был, наездник ражий
Киргизских орд,
И чубуки его опасны даже
Для держиморд.
Берет в обмен щенков и рукоделья,
И жрет и врет,
Но уж кричит, особенно с похмелья:
«Прогресс! Вперед!»
— Прогресс! Прогресс! Ты всем нам задал дело!
Никто не спит.
Коробочка заметно отупела,
Но всё скрипит.
Уж Чичиков с тобой запанибрата.
На вечерах
Он говорит гуманно, кудревато
Об *мужичках*,
Про грамотность во всех посадах, селах,
По деревням,
И, наконец,— детей в воскресных школах
Он учит сам.
Замыслил он с отвагою бывалой,
Трудясь как вол,
Народный банк, газету, два журнала
И общий стол.
Об нем кричит публично Репетилов;
Его вознес
До облаков чувствительный Манилов
В потоках слез:
Мол, Чичиков гуманен! Идеален!
Ведет вперед!
С Петрушкою знакомится Молчалин,
На чай дает.
Все бегают, все веселы, здоровы,
Движенье, шум —

Особенно заметны Хлестаковы,
Где нужен ум.
На раутах, на чтениях, по клубам
Свои стихи
Тряпичкины читают Скалозубам
За их грехи.
Абдулины усердно бьют поклоны
Своим властям.
Пошлепкины и слесарские жены —
Все по местам.
Как человек вполне великосветский,
Мильоном глаз
Везде Антон Антоныч Загорецкий
Глядит на нас.
От Шпекиных усердьем в службе пышет
И болтовней,—
И Фамусов, как прежде, всё подпишет —
И с плеч долой!

1861 или 1862

50. МОСКОВСКИЙ ФИГЛЯР

Всякий пляшет, да не так, как скоморох.

Пословица

Лицо намазав сажей,
Как английский фигляр,
Московский парень ражий
Выходит на базар.
Кричит, народ сзывая:
«Вот фокус! — Раз! Два! Три! —
Вот штука! Вот другая!
Честной народ, смотри!»

Оделся он — умора!
На голове колпак,
Из тряпок коленкора
На нем двуцветный фрак;
Одна нога людская,
Другая... Раз! Два! Три!
Копытом бьет другая,—
Честной народ, смотри!

Смотри мою отвагу:
«Вот шпага. Видишь? Ну,
Я проглочу всю шпагу
И глазом не сморгну».
Шпажонка, исчезая,
Блеснула... Раз! Два! Три!
Он смотрит не мигая,—
Честной народ, смотри!

За несколько копеек
Пересвистать готов
Заморских канареек
И курских соловьев.
На всё он мастер, словом!
Вот свищет... Раз! Два! Три!
Вот рожу сделал клёвом,—
Честной народ, смотри!

Награды — грош да гривна!
За бесполезный труд...
Как жалко, как противно,
Когда такой же шут
Проглотит шпагу разом
В журнале... Раз! Два! Три!
Да не сморгнет и глазом,—
Честной народ, смотри!

⟨1862⟩

51. ПРИГЛАШЕНИЕ К ТАНЦАМ

Весь Петербург затанцевал,
Как девочка, как мальчик;
Здесь что ни улица, то бал;
Здесь что ни бал — скандальчик.
Все веселятся от души,
Всё ладно в нашем быте.
Пляши, о! град Петра, пляши!
Друзья мои, пляшите!

Пляши, веселенький старик,
Нафабрившись как надо;
Ведь ты давно плясать привык
От мины, жеста, взгляда,

От приглашений красоты
На старческие шутки.
Пляши, старик! Здесь все, как ты,
По женской пляшут дудке.

Пляши, о! муж — на склоне лет
Обиженный судьбою,
Пусть скользкий, как твой путь, паркет
Мирит тебя с бедою.
Смирись, сравнив публичный суд
С публичными балами,—
Где спин перед тобой не гнут,
Хоть шаркают ногами.

Ты, что на службе, говорят,
Лежал среди дороги,—
Лети на бал. В канкане, брат,
Спеши расправить ноги!
Хоть службой тяжкий дан урок,
Но на публичном бале —
Представь себе — один скачок:
И ты всех выше в зале!

Пляши и ты, водевилист,
Островского учитель,
И ты, Обломов-журналист,
Сфер идеальных житель.
Вы — публицистов стройный хор —
Вы сладко голосите;
Вы песни пели до сих пор,—
Подите ж попляшите!

Пляшите все, хотя б в тоске
Скребли на сердце кошки.
Вся мудрость наших дней — в носке
Поднятой кверху ножки.
Отдайте пляске каждый час,
И господин Ефремов,
Наверно, выпишет для вас
Красавиц из гаремов.

Пусть уравниет наконец
Все возрасты, все званья
Единый наших дней мудрец —
Учитель танцеванья!

Вина и пляски резвый бог
Да будет вечно с нами,
И наш прогресс, как сбитый с ног,
Запляшет вверх ногами.
(1862)

52—56. КАЗАЦКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Отуманилась «Основа»,
Омрачается «Сион»,
«Наше время» в бой готово,
«Русский вестник» оскорблен.

Доктринеров слышны крики
С берегов Москвы-реки,
И в ответ им держат пики
Наготове казаки.

2

На «Наше время» упованья
Я возложил: в нем мысль ясна.
Читай его. Его сказанья
Суть слаще мирра и вина.
Его прогресс не скор, но верен.
В нем наложил на каждый лист
Свою печать Борис Чичерин,
Медоточивый публицист.
Склонись к нему душою нежной
И ты почиешь безмятежно,
И не разгонит даже «День»
В твоём уме ночную тень.

3

Если «День» тебя обманет,
Не печалься, не сердись.
С «Днем» ненастным примиришь,
«День» хороший, верь, настанет.
Сердце в будущем живет;
Только в тех днях будь уверен,
На которые Чичерин
Или Павлов восстает.

Отцы московские, опекуны журналов,
 Витая в области доктрин и идеалов,
 Великосветских снов, англо-московских дум,
 В которой уличной, базарной жизни шум
 Не может отравить их олимпийской неги,
 Сложили множество внушительных элегий
 Про петербургские артели *свистунов*,
 Иррегулярные станицы *казаков*,
Пустоголовые фаланги *пустоцветов*
 И юбилеями не взысканных поэтов.

Их удержал мой слух, твердят мои уста,
 Но всех приятней мне и всех милее та,
 Что в «Русском вестнике» является и слишком
 Определенный цвет дает зеленым книжкам:
 «Бог журналистики! не дай душе моей
 Дух озлобления, змеи сокрытой сей,
 Дух отрицания неправды, *нигилизма*,
 Но вознеси меня во области лиризма,
 Где жизнь прелестною является для глаз
 Всеобщей формулой, потоком громких фраз,
 Неприменимою к отечеству доктриной,
 В соединении с любезной нам рутиной».

5

Слышу умолкнувший звук ученой Чичерина речи,
 Старца Булгарина тень чую смущенной душой.

1862

57

Юмористическим чутьем
 Под вашей докторскою тогой,
 Под вашим мудрым париком,
 В изгибах речи вашей строгой
 Нагайку чуем казака,
 Хоть видим в выпушках, петличках
 И в полемических привычках,
 Что вы не нашего полка.

1862

58. БЛАГОРАЗУМНАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

(РУКОВОДСТВО ДЛЯ НЕСОЗРЕВШИХ СТАРЦЕВ И ЮНОШЕЙ)

Я уверен в прогрессе отечества,
В просвещенных стремленьях дворян
Дать богатство наук для купечества
И духовно насытить крестьян,
Но в поспешности юного племени,
Беспристрастно когда я взгляну
С точки зрения «Нашего времени»,—
Неурядицу вижу одну.

Убежденный глубоко, что родина
Обновилась и минул ей срок,
По словам господина Погодина,
Дать народам Европы урок;
Ибо к правде дорога затеряна
В исторической фальши веков,—
С точки зренья Бориса Чичерина,
Я ко всяким реформам готов.

Ни малейшей не вижу опасности
И статейку бы мог написать
В пользу так называемой гласности.
Уж наверно прошла бы в печать!
Изумила бы всё человечество
Верность взгляда в твореньи моем,—
С точки зрения «Сына отечества»
И Ципринусов, пишущих в нем.

Пусть все мнения прямо, сознательно
Возникают с различных сторон,
Ибо Павлов сказал основательно:
«Невозможно-де петь в унисон».
Я согласен, чтоб с мыслию правою
Дан простор был и мысли кривой,—
С точки зренья, покрывшею славою
Льва Камбека с его ерундой.

Появилась везде юмористика.
Все кричат как о чем-то дурном.
Но на днях с наслаждением три листика
Я прочел в фельетоне одном.

Было столько в нем юмора милого,
Что я понял всю пользу сатир,—
С точки зренья Никиты Безрылова,
Удивившей читающий мир.

Уважая свободные мнения,
Быт, обычай, преданья и род,
Я читаю газет рассуждения
Как философ, юрист, патриот.
Но, конечно, с достоинством барина
Я смотрю беспристрастно на них,—
С точки зрения Бланка, Самарина,
Безобразова Н. и других.

Для меня равноправны все нации,
Ненавистен мне неграми торг,
На сиамцев взглянув в «Иллюстрации»,
Прихожу я в невольный восторг;
Но еврея, греховно упавшего,
Мне «Основа» и разум велит,—
С точки зрения Зотова младшего,
Звать позорною кличкою: жид.

Я на женщин гляжу снисходительно,
С точки зренья ученых врачей,
И с Юркевичем в розге внушительный
Замечаю *мотив* для детей.
Новый взгляд доктринера московского
В сладкий трепет приводит мой дух,—
С точки зрения Миллер-Красовского,
Разгадавшего смысл оплеух.

Формулируя жизни явления
С соблюдением *мер и границ*,
Я на всё приобрел точку зрения
Из журналов обеих столиц.
Эта точка достойна известности,
Ибо нежным растеньем цветет
В вертограде российской словесности,
Чтобы вкусный дать обществу плод.

1862

Поморная муза резва:
В стихах, понимаете, надо
Уметь, как расставить слова,
Чтоб свистнуло с первого взгляда.

Умеючи надо шутить
С богиней веселых мелодий;
Как вам нужно кушать и пить,
Так нужен размер для пародий.

Богине мелодий верны,
Поморные — все староверы
И скромно, как все свистуны,
Свистят, соблюдая размеры.

За то им богинею дан,
Надежнее стали звенящей,
Для битвы с врагом талисман:
Стих, мягко и нежно свистящий,

Одним услаждающий слух,
Других повергающий в холод,
И главное: легкий, как пух,
Но пошлость дробящий, как молот.

1862

60. ДВА СКАНДАЛА

(СЦЕНА ИЗ КОМЕДИИ «ГОРЕ ОТ УМА»,
РАЗЫГРАННАЯ В 1862 ГОДУ)

Л И Ц А

Графиня Хрюмина 113 лет.
Графиня, ее внучка 68 лет.
Хлестова 99 лет.

1	}	княжны Тугоуховские (младшей 61 год, старшей 66).
2		
3		
4		
5		
6		

(ДЕЙСТВИЕ В ПЕТЕРБУРГЕ)

Гостиная графини Хрюминой. Величавая запущенность; полинялые драпри и портьеры. Графиня Хрюмина, одетая как на бал, сидит в больших креслах, неподвижно во все время действия. Графиня-внучка сидит у стола с книжкою стихотворений Милонова.
Входит г-жа Хлестова.

1

Хлестова

(входя)

Уф! дайте отдохнуть... Как высоко, мой свет,
Живете в Питере... Одышка... ноют ноги...
Хоть были б лестницы отлоги!
Легко ли в девяносто лет
Взбираться чуть ли не на крышу...

Графиня-бабушка

Не слышу, матушка, не слышу.

Хлестова

Из силы выбилась... расстроена притом...
Арапка утром нагрубила:
Разбила блюдечко собачье с молоком —
А в церковь уж звонят... Мерзавку-то прибила,
Да в церковь, знаете, в горячке... *agitée*...¹
Ну так вот и теснит под ложечкой и в груди...
Не простудиться бы... Ох, право, нынче люди —
Скот на скоте!

(Заметив графиню-внучку.)

А, здравствуй, ангел мой.

Графиня-внучка

Bonjour, ma chère,² ну, что вы?

Здоровы?

¹ Взволнованная (франц.). — *Ред.*

² Здравствуйте, моя дорогая (франц.). — *Ред.*

Хлестова

(отдает ей ридикюль)

На, возьми. Бог милости прислал.

Какое, матушка, здоровы!

Последний час пришел, последний век настал!

Нет страха божьего... обрезаны доходы...

Дороговизна — страсть... весь свет пошел вверх дном,

Всё новые пошли, вишь, моды!

Недавно... Голова, мой друг, идет кругом...

Графиня, матушка, послушайте-ка тоже...

Недавно... Господи! Ни на что не похоже!

Молчалин, видите, привез ко мне билет

На чтение... Как его?.. Ну вот, что нынче в моде...

Ли-те-ра-тур-ное...

Графиня - бабушка

Вы ездили в балет?

Графиня - внучка

Grand'mère,¹ совсем не то.

Хлестова

Совсем не то, мой свет.

Нет, это зрелище совсем в особом роде,

И говорить-то даже грех!

Тут... я вам расскажу... выходят вольнодумцы,

Читают — кто про что... один кричал: *безумцы!*

Ей-богу! Обозвал безумцами нас всех.

Другой... другого-то и слушать я не стала...

Но хлопали — чуть-чуть не обвалилась зала...

Другой расписывал какой-то *мертвый дом*,

Про каторжников всё... ну просто стыд стыдом!

Я с Надей Хворовой насилу усидела...

Графиня - бабушка

В Сенате скоро вы обделаете дело?

Ну... поздравляю вас.

Графиня - внучка

Совсем не то, grand'mère.

¹ Бабушка (франц.). — Ред.

Хлестова

Мой свет, совсем не то. Представьте, например,
Что вы бы, взяв билет, сидели в креслах сами
И вдруг бы выскочил какой-то шематон...

Графиня - бабушка

Там всё был моветон?

Хлестова

Напротив, весь beau monde...¹ мужчины со звездами...
И перед ними-то... и вдруг передо мной —

Афронт какой!

На сцену выскочил какой-то вольтерьянец
И грубо начал так... Афронт, совсем афронт!

Графиня - бабушка

Как?! Губернатору корнет не сделал фронт!
Тесак ему и ранец!

Хлестова

Да нет, вы слушайте... Вдруг выскочил и сел,
Зовут... позвольте... Чернышевский...
Да как пошел... пошел...

Графиня - бабушка

Зовут: Андрей Краевский?

А! Знаю... слышала! Так долго жить велел?
Жаль... Это, говорят, был умный сочинитель...

Стихи он, помнится, писал

В «Московский зритель».

В альбуме у меня его есть мадригал.

Хлестова

Да нет!..

(Обращаясь к графине-внучке.)

Вот видишь ли, читал он про кого-то,
Должно быть, умника такого же, как сам,
Пьянчужку, ветреника, мота...
Вдруг... Я не верила глазам!

¹ Высший свет (франц.). — Ред.

Забылся до того... ты рассуди, ведь дочку
На эти зрелища смотреть приводит мать —
Цепочку в руки взял и начал с ней играть!!

Г р а ф и н я - в н у ч к а
(с ужасом)

Играл цепочкою!!

Г р а ф и н я - б а б у ш к а
(с испугом)

Как?! он украл цепочку?!

Х л е с т о в а
(торжественно)

На стол облокотясь, цепочкою играл!

2

Входят шесть княжон и, не снимая шляпок, не здороваясь, начинают говорить, перебивая одна другую, чрезвычайно оживленно и громко, несколько в нос и размахивая руками.

1 - я к н я ж н а

Mon ange,¹ вы слышали?

2 - я к н я ж н а

Ma chère, какой скандал!

Г р а ф и н я - в н у ч к а

Про Чернышевского?

3 - я к н я ж н а

Да нет!

4 - я к н я ж н а

Вы не слышали?

5 - я к н я ж н а

Сейчас на лекции...

6 - я к н я ж н а

На Невском...

¹ Мой ангел (франц.).— Ред.

2 - я княжна

В Думе...

4 - я княжна

В зале...

1 - я княжна

Да подожди, Мими!

6 - я княжна

Зизи, дай мне сказать.

Явилась женщина...

1 - я княжна

Не женщина — *фигура!*

5 - я княжна

С мужчиною никак нельзя бы распознать!

2 - я княжна

Ну просто польский ксендз...

3 - я княжна

Кухарка!

4 - я княжна

Повар!

5 - я княжна

Дура!

3 - я княжна

В какой-то кофточке...

2 - я княжна

С мужским воротничком...

4 - я княжна

Немытым...

1 - я княжна

Грязный весь...

5 - я к н я ж н а

Как есть чернее сажи!

1 - я к н я ж н а

С мужскою шапкою...

4 - я к н я ж н а

Закутана платком...

6 - я к н я ж н а

В кружок обстрижена...

1 - я к н я ж н а

Без кринолина даже!

2 - я к н я ж н а

Да нет...

4 - я к н я ж н а

А главное...

3 - я к н я ж н а

А главное... Ха-ха!

5 - я к н я ж н а

Хи-хи!

1 - я к н я ж н а

Ученая!

3 - я к н я ж н а

Профессорша!

2 - я к н я ж н а

Студентка!

Все шесть княжон

С немытой шеею!!!

Общий ужас.

5 - я к н я ж н а

Ну точно наша Ленка!

Общий хохот.

1 - я княжна

И всё с студентами!

Графиня - внучка

Ну долго ль до греха!

3 - я княжна

Читают...

6 - я княжна

Руки жмут...

5 - я княжна

Передают записки...

Хлестова

Ах! дни последние, должно быть, очень близки!

1 - я княжна

Mesdames, я думаю, нам следует подать...

4 - я княжна

Я тоже думаю...

5 - я княжна

В набат я приударю!

1 - я княжна

В Сенат прошение...

6 - я княжна

К министрам...

5 - я княжна

К государю!

Графиня - внучка

А я так думаю: Молчалина позвать.

Напишем... un article... un feuilleton...¹ Теперь я
На Чернышевского и на студентку зла.

(Звонит.)

¹ Статью... фельетон (франц.).— *Ред.*

Бумаги нам! Чернил! Mesdames, скорей за перья.
Пишите: «Лекция». «Такого-то числа...»
«Неуважение ко всем приличьям светским...»

(Звонит.)

Скорей Молчалина! Скорей за Загорецким!
Они помогут нам... Они...
Как?! С грязной шеей в наши дни!

Г р а ф и н я - б а б у ш к а
(заснувшая было под шумок, от сильного звонка
просыпается)

Зачем Молчалина? Заняться, нешто, вистом?

Х л е с т о в а

Молчалин, матушка, придет поправить слог.

Г р а ф и н я - б а б у ш к а
Не слышу, матушка... В постель Молчалин слег?

Г р а ф и н я - в н у ч к а
Нет, сделался фельетонистом!

Входят Молчалин и Загорецкий, выходят 70 № «Северной
пчелы» и февральская книжка «Библиотеки для чтения».

1862

61. КОНСКИЙ ДИФИРАМБ

Сколь славен господин Скарятин,
Изобразить двуногий слаб;
Людской язык лицеприятен.
Зато правдив табунный храп.

Чего не выразит словами
Российских звуков алфавит,
Мы нежно выскажем хвостами
И звучным топотом копыт.

Подобно господину Бланку,
О коем слух проник и к нам,—
Людскую показав изнанку,
Он дорог сделался скотам.

Освободясь от взглядов узких,
Нечеловечьим языком,
Как добрый конь, все сходки русских
Он назвал смело табуном.

Он человек *без чувства стада*,
Царю зверей дал карачун,—
Его принять за это надо
Почетным членом в наш табун.

Дадим ему овса и сена
За то, что он, по мере сил,
Разоблачил Ледрю-Роллена
И Чернышевского убил.

И пусть журналы с завываньем
Начнут глумления над ним;
Табунным топотом и ржаньем
Мы свист журнальный заглушим.

1862

62. МОЛИТВОЙ НАШЕЙ БОГ СМЯГЧИЛСЯ

(АРХИТЕКТУРНАЯ ФАНТАЗИЯ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»)

Молитвой нашей бог смягчился:
Роман Тургенев сочинил —
И шар земной остановился,
Нарушив стройный ход светил.

Под гнетом силы исполинской
Уже хрустит земная ось...
И некий критик, как Кречинский,
В испуге крикнул: «Сорвалось!»

И нигилист за нигилистом,
Как вихри снежные с горы,
Казнимы хохотом и свистом,
Летят стремглав в тартарары.

Агенты «Времени», все лупы
Направив париям вослед,
Смешали черные их трупы
С теньями «жителей планет».

И публицисты *Ер* и *Ерик*,
Узрев бегущих со стыдом,
Кричат отважно: «Берег, берег!
Созиждем здесь обширный дом!

Вы, *Синеус* и *Прогрессистов*,
Из остроумных ваших строк
На пепелище нигилистов
Везите щебень и песок.

Чтоб заложить фундамент прочный —
Своих рецензий вкус и такт
Пушай везет сюда *Заочный*
Через большой почтовый тракт.

Размерит здания все части
Борис Чичерин,— а кирпич
Для нас заменит полный страсти
Громеки пламенного спич.

Дружней! труд легок и приятен:
Нам для работы дан топор,
Которым сокрушил *Скарятин*
Всею юной Франции задор».

Чего робеть: дружней, ребята!
Работай с богом, в добрый час,
По плану, данному когда-то
В стихах *Воейкова* для вас.

Воздвигнуть зданье суждено вам
Неизглаголаных чудес:
Глухие в зданьи этом новом
Расслышат явственно: «Прогресс!»

У лысых дыбом станет волос,
Слепой увидит вальс калек,
Издаст Андрей Краевский «Голос»,
И золотой наступит век.

1862

63. НИГИЛИСТ-СТАРИЧОК

В молодом поколении может так же
не быть пути, как не было его и в старом;
ясность глаз, свежесть щек, длинный ряд
годов впереди — это еще не права на
общественное внимание.

«Наше время», № 107

Молодежь легковерна,
Молодежь весела,—
В нигилизме, примерно,
Недалеко ушла.
Нигилизм ядовитый,
Отрицания сок
Выжал только маститый
Нигилист-старичок.

Вот Базаров освистан —
Ну какой он герой?
Ну какой нигилист он?
Просто — прынцип такой!
Нет-с! У нас по прынсипу
За землишки клочок
Обдерет вас, как липу,
Нигилист-старичок.

Нигилист, если молод,
Носит в сердце любовь...
Но когда в сердце холод,
Но когда стынет кровь,—
Как шалит под секретом
У хорошеньких ног
Подогретый балетом
Нигилист-старичок!

Нигилист в молодежи,
Если молод и сам,
Замечает не рожи,
А стремление к трудам.
Только рожи — не боле,
Ясность глаз, свежесть щек
Видит опытный в роли
Нигилист-старичок.

Нигилист самый юный
В зрелой мысли отцов
Слышит вещие струны,
К делу честному зов.
С отрицанием мутным
Мысли братьев итог
Называет беспутным
Нигилист-старичок.

Отравясь не от знания,
Затаив без любви
Тонкий яд отрицанья
Не в уме, а в крови,—
Головы не повесил,
Нажил землю, домок,—
Совесть к черту! — и весел
Нигилист-старичок.

Черт ли в том, что уж кости
Ждут последнего дня,—
Он, где требуют злости,
Жарче летнего дня.
Голос мягкий и плавный
И что слово — урок!
У! какой он забавный,
Нигилист-старичок!

1862

64. ПИСЬМО ОБ РОССИИ ФУКИДЗИ-ЖЕН-ИЦИРО К ДРУГУ ЕГО ФУКУТЕ ЧАО-ЦЕЕ-ЦИЮ

(ПЕРЕВОД С ЯПОНСКОГО И ПРИМЕЧАНИЯ ТАЦИ-ИО-САКИ)

Милый друг, Фукута Чао-Цее-Цию,
Мы благополучно прибыли в Россию,

Через порт Кронштадтский к Петербургу прямо.¹
Будь благословенно имя Тентосама!²

Всё нам здесь по нраву: уци, хадомадо,
Данмио, но-ками — лучше быть не надо.³

Хоть теплей в Европе, например в Париже,
Здесь суровый климат, к полюсу поближе,

Но всей грудью дышишь и вольней и шире,
Точно на Нипоне или Кунашире,

Ибо под суровым петербургским солнцем
В русском очень много общего с японцем,

Даже утверждают здешние витии —
Сходство это резче в глубине России.

Потому что, видишь, милый друг Фукута,
Строить государство начал очень круто

Кумбо Петр Великий, славный в целом мире,
Как наш Кумбо Первый, свергнувший Даири.⁴

Обучать народ свой он велел голландцам
Всяким европейским фокусам и танцам,

Как ногами шаркать, лить из меди пушки,
Из науки пули и из глины кружки,

Чтобы в оных кружках, Азии на диво,
Пить под страхом казни в ассамблеях пиво.

Бороды всем выбрил... Не пришло время
Брить, как у японцев, маковку и темя,

Ибо перед нами русские, как дети,
Только на границе двух тысячелетий,⁵ —

Даже не созрели в доблести гражданской,
Как сказал в Пассаже баниос Ламанский.⁶

Так лились в Россию волны просвещения,
Силясь переспорить волны наводнения,

Ибо, поглощенный думами о флоте,
Кумбо им построил город на болоте.

В этом-то болоте, в Петербурге то есть,
Я насчет России сочиняю повесть.

Минуло столетье. Там, где были топи,
Выросли громады западных утопий.

.
На проспекте Невском появились франты,
Из печати вышли первые куранты.

Кумбо сам в то время корректуры правил⁷
И для сочинений образцы оставил,—

Нынче ж заправляют этими делами
Заиджю-Арсеньев и Катков-но-ками.⁸

В десять раз, конечно, менее, чем Едо,⁹
Чуждая для русских, страшная для Шведа,

Стала украшаться нельская столица.
Земно поклонилась ей Москва-вдовица,¹⁰

Продолжая, впрочем, жить по Домострою
(Книга вроде *Дзинов*, чтимая Москвою),

Чад и домочадцев плеткой обучая,
До седьмого пота напиваясь чая,

Каждую субботу в жарких банях прея,
Фраками гнушаясь и бород не брея.

Да и петербуржец зоркий глаз японца
Не надует фракком тонкого суконца.

Здесь для виду носят, как в Европе, фраки,
А живут, как наши деды в Нагасаки.

Люди всех сословий, звания и сорту,
Как домой приходят — фраки тотчас к черту

И уж не снимают целый день халатов,
Лежа на перинах вроде наших матов.¹¹

Так прошел бесследно славный век Петровский...
Впрочем... есть проспект здесь —
Каменноостровский,

На проспекте зданье — тех времен затея —
И на оном зданьи надпись: «Ассамблея».¹²

В зданьи этом ночью множество народу,
Данмио, но-ками пьют сакй, как воду,

Как пивали древле предки их славяне;
Там басят тирольки, там ревут цыгане,

Там старик стоягу, сделавшись ребенком,
Шепчет по-французски нежности чухонкам,¹³

Там бушуют немцы, там народ толпами,
Как за диким зверем, следует за нами;

Барства и холопства там видны остатки:
Там всё сохранилось в дивном беспорядке,

Европейски-модном, азиатски-диком,
Как при Кумбо Первом, при Петре Великом!

Примечания к письму об России

¹ Дабы судить о столице Российской империи, недостаточно прочесть «Описание Петербурга» Пушкарёва. Еще менее может удовлетворить сочинение о том же предмете Башуцкого, ныне юродствующего в «Домашней беседе». Любопытному японцу рекомендую, впрочем, прочесть сочинение «Дружеская переписка Петербурга с Москвою», помещенное прежде в «Свистке», а ныне вошедшее в полное собрание сочинений Добролюбова. Автор с одинаковым беспристрастием относится к обеим столицам; озлобленный ум его как в той, так и в другой находит для себя обильную жатву. Есть предание, что по выходе в свет оной поэмы более ста человек, из числа самых зажиточных обывателей города, почитая себя обиженными автором, подали на него жалобы начальству. Это совершенно в здешних нравах — даже самые знатные ученые книжники и газетчики оным средством удовлетворения не пренебрегают.

Добролюбова считают также основателем зловерной секты нигилистов, злокозненно подкапывающейся под самые чистые верования россиян, как напр. — в достоинство «Русского вестника» и т. п. Обо всем этом будет ниже. Люди благонамеренные сожалеют, что бесспорно талантливый Добролюбов пошел по ложной дороге.

Можно читать также «Петербургский вестник» с приложениями «Ерунды», дабы судить, на какой еще низкой степени просвещения стоят россияне даже в столичном городе Петербурге.

² Слову *тентосама* соответствует русское слово *бог*. Об религиозных верованиях россиян издам в свет особое сочинение. Здесь замечу только, что в Петербурге находятся последователи всех известных у нас исповеданий. Почти все баниосы суть поклонники звезд. Многочисленную, ныне, впрочем, исчезающую, секту поклонников луны называют поэтами, влюбленными, сумасшедшими, кабалистами и пр. Переселение душ понимается здесь довольно своеобразно: фякшо-сшто полагают, что каждая душа в сем свете имеет право свободно переходить от владельца к другому, с земли на землю; землевладельцы до последнего указа 19 февраля 1861 г. совершенно отрицали переселение душ; некоторые и теперь огра-

ничивают это понятие переселением фякшо-сшто с земель удобных для хлебопашества на неудобные. Как те, так и другие, хадомато и фякшо-сшто, охотно переселяют в себя души животных, неумеренно напиваясь сотчию и саки, особенно на так называемой масляной неделе, исключительно посвящаемой пьянству. По поводу сего всеобщего переселения обычай воспрещает даже на оной неделе употреблять в пищу мясо животных.

³ Слова *уци, хадомато, данмио, но-ками* не исчерпывают всего содержания, заключающегося в русских словах: князья, графы, дворяне, бояре, бары, благородные, высокоблагородные, высокородные, сиятельные и пр. Для полнейшего ознакомления с оным предметом следует читать Павлова, Чичерина и др. специалистов.

⁴ Петр Великий первый из русских царей принял титул императора, подобно тому как наш Кумбо Первый назвался Кумбо-сама, ограничив власть духовного императора Даири.

⁵ Подобно тому как японцы спорят о своем происхождении, и русские не могут с достоверностью определить, от кого они происходят — от норманнов или от литвы. Некоторый ученый Духинский полагает даже, что от китайцев. Положение это не заслуживает вероятия. Во времена младенчества истории в Японии (а в России это младенчество еще продолжается) наши даже знаменитые ученые утверждали, что и мы и курильцы происходим от китайцев, ныне каждый мальчик презрительно улыбнется, если ему скажут, что доблестные японцы одного происхождения с псами-китайцами.

⁶ Пассажами в Европе называют крытые галереи, построенные для удобства при переходах из улицы в улицу. Сколько мне случалось видеть, пассажи эти постоянно заняты магазинами и наполнены толпами проходящего народа; в Петербурге пассаж неизвестно для чего построен, и магазины в нем по большей части стоят пустые.

⁷ Здесь автор грешит против исторической истины, перенеся царствование Петра Великого через сто лет после основания Петербурга. Подобные промахи в русской поэзии, впрочем, допускаются и носят название поэтических вольностей.

⁸ *Заиджю* собственно переводится русским, введенным в язык Петром Великим, словом *секретарь*, так что в администрации «Северной почты» скорее секретаря редакции Лебедкина следовало бы назвать *заиджю*. Очевидно, почтенный Фукидзи-Жен-Ициро употребил это слово в применении к Арсеньеву по малому знакомству с русским языком и совершенному незнанию канцелярских штатов.

⁹ В С.-Петербурге, по официальным сведениям, считается 520 131 житель. В Едо на главных больших улицах 280 000 домов; полагая, по малой мере, по 30 жителей на дом, получим 8 400 000 — цифру народонаселения, не считая императорской гвардии, свиты, стражи князей и обывателей хижин, разбросанных в разных закоулках. В Едо по крайней мере 10 000 000 жителей. Одних слепых в Едо считается 36 000. Неверующие русские могут прочесть об этом предмете в книге: «Записки Василия Михайловича Головинина в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах».

¹⁰ И перед новою столицей
Главой склонилась Москва,
Как перед юною царицей
Порфиноносная вдова,—

говорит Пушкин, как все русские поклонники луны склонный к метафорам.

¹¹ Наши маты стелются на полу; у русских перины кладут на деревянные доски. Чем богаче и знатнее русский, тем мягче у него перины и тем больше их кладут одна на другую.

Поморные говорят, что в Москве в богатых купеческих семействах муж с женою спят на десяти и более перинах, восходящих почти до потолка, наравне с висящею под образами лампадою. Здесь нельзя не заметить разнообразия в нравах, очень понятного, впрочем, в такой обширной стране, как Россия. Члены зловредной секты нигилистов (по большей части пролетарии — вроде фякшо-сито) не только не имеют по нескольку перин, но даже отрицают вовсе перины, простыни, подушки, халаты, а спят как придется, часто даже во фраках.

¹² Почтенный Фукидзи-Жен-Ициро, говоря об ассамблее, понимает вообще петербургские загородные гулянья. Сколько мне известно, в ассамблее он не был, а был в саду графа Кушелева-Безбородко и г-на Излера. Ему, очевидно, хотелось блеснуть своими сведениями об эпохе Петра Великого.

¹³ Загородные гулянья преимущественно посещаются чухонками, составляющими обширное сословие камелий, над которыми автор, как слышно, ныне производит исследование.

17 августа 1862 года

65. ГЛАСНОСТЬ 1859 ГОДА И ГЛАСНОСТЬ 1862 ГОДА

(НА ГОЛОС «МАЛЮТКА, ШЛЕМ НОСЯ, ПРОСИЛ»)

Наконец-то мы дождались настоящей, не алгебраической гласности!

*«Рус(ский) вест(ник)» 1859 г.
по делу г. Якушкина*

За шум, бывало, так и знают,
Народ на *съезжую* ведут.
Теперь в *журнальную* сажают:
Там им расправа, там и суд.

Князь Вяземский

Малютка-гласность как-то раз,
Не оскорбив цензурных правил,
Рассказом поразила нас,
Как был пленен Якушкин Павел.
Малютка милая свой нрав
Не скрыла от суда мирского,
Как должно, *Гемпелем* назвав
Полицеймейстера псковского.

Три года минуло с тех пор:
Уж перешли в века два «Века»,
Промчался «Светоч»-метеор
За ерундою Льва Камбека.

Якушкин издал свой дневник,—
Вдруг о расправе допетровской
Вновь повествует *Доминик*
(Не ресторатор, а *Тарновский*).

Судьба обрушилась над ним
За то, что в простодушие грубом
Сказать решился он, что «дым
Вверх, а не вниз идет по трубам».
Таких обид нельзя снести:
Его связать сейчас велели,
Держали десять дней в части,
В тюремном замке две недели.¹

Малютка милая! Тебе
Якушкин Павел был обязан
Рассказом о своей судьбе,
Хоть и ничем он не был связан.
В части он много вынес мук,
Но, хоть и был в простой поддевке,
Ему не связывали рук
Неблагородные веревки.

Тогда, не тратя лишних слов,
Ты вышла в свет без покрывала,
Назвала прямо древний Псков
И прямо Гемпеля назвала.
Теперь ты скромницей глядишь
И, позабыв о прежнем форсе,
«*В одной столице...*» — говоришь...
(В Варшаве или в Гельсингфорсе?)

Полковник N... столица Z...
Всё недосказано, всё глухо...
О гласность, гласность! В цвете лет
Ты стала шамкать, как старуха!

¹ «Пришло в голову стряпчему,— говорит г. Тарновский,— протестовать против незаконности акта и его определения (об аресте), но в доказательство несостоятельности протеста меня сейчас же отправили в тюремный замок, а акт представили уже высшему полицейскому управлению, которое, соглашаясь с мнением стряпчего, предписало освободить меня немедленно; но слово немедленно осуществилось едва только через две недели» («История моего ареста», «С.П(етер)б(ургские) вед(омости)», 1862 г., № 227).

Останься ж при своих складах,
Но за былые заблужденья
Надень вериги — и в слезах
Моли у Гемпеля прощенья!

1862

66. ЛОРД И МАРКИЗ, ИЛИ ЖЕРТВА КАЗЕННЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ¹

(ТРАГИЧЕСКАЯ СЦЕНА — ПОДРАЖАНИЕ ФРАНЦУЗСКИМ КОМЕДИЯМ:
«TARTUFFE» И «LES EFFRONTÉS»)

Театр представляет кабинет лорда, роскошно убраний à la reaction.²

Л о р д

How do you do, marquis?³

М а р к и з

Mylord, je vousalue.⁴

Л о р д

Садитесь!

(В сторону.)

Ну постой!

М а р к и з

Merci.

(В сторону.)

Уж насолю!

(Вслух.)

Я рад, милорд, что вам досталась газета.

¹ Материалом для предлагаемой трагической сцены автору послужила полемика, происходившая в 1862 году по поводу казенных объявлений между двумя газетами (см. «Наше время», № 231, и «Современную летопись», № 44). Автор от себя ничего не прибавил; скорее его можно упрекнуть в излишней деликатности выражений. Для изложения сцены автор нарочно избрал александрийские стихи, как самые тяжелые и, следовательно, ближе всего подходящие к предмету сцены.

² В стиле реакции (франц.). — *Ред.*

³ Как вы поживаете, маркиз? (Англ.) — *Ред.*

⁴ Приветствую вас, милорд (франц.) — *Ред.*

Л о р д

(встает и кланяется)

Маркиз, позвольте вас благодарить за это.

М а р к и з

Милорд, не я один, весь свет вас оценил.

Л о р д

Маркиз, мы трудимся по мере наших сил.

М а р к и з

Милорд, вы трудитесь поистине как нужно.

Л о р д

Маркиз, мы действовать привыкли с вами дружно.

М а р к и з

Нам врознь нельзя идти.

Л о р д

Нам легче труд вдвоем.

О б а в м е с т е

(не без оттенка иронии)

Теперь горячую работу мы начнем.

М а р к и з

Милорд, я лести враг, — но ваше объявление
Прочел я — и душа поверглась в умиление!
Какая точность в нем, какой изящный слог!

Л о р д

Благодарю, маркиз, я написал как мог.

М а р к и з

Скромны, как девушка; но я скажу вам гордо:
В Москве и за морем известен слог милорда.

Л о р д

И я отвечу вам, хоть скромность ваш девиз,
Что вы единственный во всей Москве маркиз.

М а р к и з

Когда уж так, милорд...

(В сторону.)

Начать с размаху, что ли?

(Едко.)

Милорд, вы были враг когда-то монополий?

Л о р д

Враг монополий — да.

(Строго.)

Но я не утаю,

Что я, как собственник, за собственность стою,

(еще строже)

И полагаю я, что вы б не захотели...

М а р к и з

Я?!. Нет!.. У нас, милорд, одни и те же цели.

Л о р д

Благодарю, маркиз. Я вижу, в наши дни

На поле гласности остались не одни

Ломаки...

М а р к и з

Свистуны...

Л о р д

Горланы...

М а р к и з

Нигилисты...

О б а в м е с т е

Но есть подобные милорду журналисты.
маркизу

Жмут руки друг другу. Продолжительное молчание.

М а р к и з

Милорд...

(В сторону.)

Ей-богу, я не знаю, как начать...

Л о р д

Маркиз, я слушаю.

(В сторону.)

Попробуй-ка опять.

М а р к и з

(в очевидном замешательстве)

Милорд, наш век... есть век... реформ...

Л о р д

Маркиз, вы правы:

Эмансипация смягчила наши нравы.

М а р к и з

Нет больше откупов... но привилегий след
Еще мы видим, сэр, в столбцах *иных газет*.

Л о р д

(иронически)

Маркиз хотел сказать, что след их не затерян
В статьях, что пишет он и господин Чичерин?

М а р к и з

(гордо)

Милорд, умерьте ваш не свойственный вам тон.
Я не Марат, и вы, надеюсь, не Прудон.

Л о р д

(скрывая смущение)

Маркиз! Вы шутите, надеюсь, но, однако,
Вы не свистун, маркиз!

М а р к и з

Милорд, вы не кривляка.

О б а в м е с т е

О нет, $\frac{\text{милорд}}{\text{маркиз}}$, о нет! Я против свистунов

С милордом
маркизом под руку всегда идти готов.

Рукопожатия и молчание.

М а р к и з

Милорд! Мы, помнится, сходились с вами в мненьях
Об... об... я...

Л о р д

Да, маркиз, об *частных* объявлениях?
Мы бурю подняли, статей писали тьмы
И выиграли...

М а р к и з

Да-с... и выиграли мы.
Но... в обстоятельствах, как я, весьма стесненных,
Я поднял бы, милорд, вопрос и об *казенных*.

Л о р д

(*разражаясь хохотом*)

Ха, ха, ха, ха, маркиз!

М а р к и з

(*подсмеиваясь*)

Хи, хи, хи, хи, милорд!

Л о р д

(*в сторону*)

Еще смеется, бес!

М а р к и з

(*в сторону*)

Еще хохочет, черт!

(*Вслух.*)

Мне в петлю лезть, милорд, а вам, милорд, забава!

(*С язвительным упреком.*)

Зачем же *вам* одним досталось это право?

Л о р д

(*продолжая хохотать*)

На объявления?

М а р к и з

(робко)

Н... да...

Л о р д

(хохочет)

Ка-зен-ные?

М а р к и з

Ну да-с...

При нашей бедности недурно б и для нас.

Л о р д

(покатываясь со смеху)

Да право-то, маркиз,— про бедность слова нету,—
Принадлежит не мне, а университету.

М а р к и з

(значительно)

В законе нет, милорд.

Л о р д

(еще значительнее)

Маркиз, в законе есть.

Я вам советую законы перечесть.

М а р к и з

Поверьте мне, милорд, когда б в законе было,
Я начал бы...

(Выпрямляя стан и закидывая голову.)

Милорд, во мне осталась сила,
Я стал бы сетовать, роптать, негодовать,
Писать протест!..

Л о р д

(очень строго)

Маркиз, советую молчать!

Мальчишки в наши дни молчат перед законом,
А вы... опять-таки вы смотрите Прудоном!

М а р к и з

(оробев)

Не досказал, милорд... позвольте... Ропот мой
Я б задушил в себе пословицей святой,
Сказал бы набожно: *солома ломит силу*.
В Москве прилично лишь роптать славянофилу.
Я западный маркиз.

Л о р д

Я западнейший лорд.

О б а в м е с т е

Я рад, маркиз
милорд, что мы поем в один аккорд.

Усиленные рукопожатия и продолжительное молчание.

М а р к и з

Милорд, скажите мне... скажите мне: во храме
Прилично ли жрецам дрожать над барышами?
Ученый может ли стоять за лишний грош?

Л о р д

Я нахожу, маркиз, что лишний грош хорош.

М а р к и з

Так, сэр. Но видите: цель университета
Не деньги наживать, а лить потоки света;
Не может же идти его святая цель
С сбиранием грошей, *pour ainsi dire, pêle-mêle*.¹
Возможно ли, милорд, чтоб ваш высокий гений
Спустился до грошей казенных объявлений?
Ужели вы — пророк, оратор и мудрец —
На стойку променять готовы свой венец?
Скрижаль истории нам подает примеры...

(Со вздохом.)

Ах, сэр! Лишь в бедности рождаются Гомеры!

Л о р д

Маркиз!..

¹ Так сказать, впережку (франц.). — *Ред.*

М а р к и з
(воодушевляясь)
Кореньями питался Цицерон!
Л о р д

Маркиз...

М а р к и з
В темнице был свободен Кальдерон!
Л о р д

Маркиз...

М а р к и з
В нужде окреп талант Лопе де Веги!
Л о р д

Маркиз...

М а р к и з
Клод Сен-Симон не ведал привилегий...
Л о р д

Маркиз...

М а р к и з
А Диоген доволен бочкой был!
Так пусть все граждане, как стройный хор светил,
Все равноправные, свершают путь согласный...

Л о р д
(с ужасом)
Маркиз, опомнитесь! Вы — коммунист! Вы — *красный*!

М а р к и з
Я — *красный*?

Л о р д
Вы, маркиз! Вы — к вашему стыду!
М а р к и з
(оробев окончательно)

Я — *красный*?!. Я не то, милорд, имел в виду...

Л о р д
(грозно)

И где набрались вы таких превратных мнений?..

М а р к и з
(скромно)

Я только, сэр... насчет казенных объявлений...

(Встает.)

Я друг порядка... но... я человек... я слаб...

Л о р д

Маркиз, я верю вам. Садитесь.

Маркиз садится.

Но когда б

Для личной выгоды вы стали коммунистом,
Я не свистун, но вас — я оглушил бы свистом!
Но вы раскаялись, маркиз, я очень рад.

О б а в м е с т е

Идем, маркиз
милорд, идем на Запад и назад.

Продолжительное молчание.

М а р к и з

Ноябрь уж на дворе, милорд, и дело близко
К подписке...

Л о р д

Да, маркиз.

М а р к и з

Я, собственно, подпиской
Не озабочен, сэр... «Times», «Siècle», «Débats» и
«Presse»

Не от подписчиков имеют интерес.
Подписчик! Фи, милорд, как тривиально это!
Без них обходится хорошая газета.
И лучший журналист, по-моему, есть тот,
Кто не для чтения газету издает,
А больше для других, возвышенных, стремлений...

Л о р д

Маркиз, но в «Таймсе» нет казенных объявлений.

М а р к и з

Не всё же, сэр, идти за Англиею вслед.

Л о р д

Маркиз, пример ее полезен для газет.

М а р к и з

Но в данном случае, милорд, скажу вам смело:
До английских газет Россия не созрела.

Молчание.

Л о р д

(зевая)

Маркиз, но как внушить присутственным местам,
Чтоб с объявлениями все обращались к вам?

М а р к и з

Милорд, известен я как журналист невздорный...

Л о р д

Маркиз, не ведает об этом *суд надворный*.

М а р к и з

Милорд, отечеству я посвятил труды...

Л о р д

Маркиз, не знают их *уездные суды*.

М а р к и з

Милорд, статьи мои язвительны и сжаты...

Л о р д

Маркиз, их не прочли *гражданские палаты*.

М а р к и з

Милорд, я думаю, моей газеты взгляд...

Л о р д

Маркиз, не думает об нем *комиссарьят*.

М а р к и з

Милорд, но, наконец, газеты направление...

Л о р д

Маркиз, об нем молчит *губернское правление*.

М а р к и з

(нетерпеливо)

Но я печатаю *казенные*...

Л о р д

(торжественно)

Закон

Вам запрещает их печатать.

(Берет со стола *Св<од> зак<онов>*, т. I.)

Вот вам он!

(Читает.)

«Частные лица могут, если желают, обращаться с объявлениями своими и к издателям газет или журналистам; *(громко и внушительно)* но *объявления от правительства в частных изданиях не допускаются*» (*Св<од> зак<онов>*, т. I, ч. I, кн. III, прилож. к ст. 472, § 21).

М а р к и з

(падая в обморок)

Милорд! что слышу я? Дрожат во мне все нервы...

Л о р д

(спокойно подает ему *Свод законов*)

Маркиз, вот вам статья: параграф двадцать первый.

М а р к и з

(в бреду)

Как? Без подписчиков и без казенных мест?

(Хныкая.)

Милорд! подумайте, как мне тяжел мой крест.

(Рыдает.)

Л о р д
(снисходительно)

Утешьтесь, о маркиз! При нынешнем прогрессе
Для стонов места нет в отечественной прессе.
Маркиз, вы — опытный, солидный журналист
(Хоть в отношении к подписке нигилист), —
В России, где цветут кунсткамеры, музеи,
Наук, искусств, ремесл различные затеи,
Где ценится талант и признается труд, —
И ваши доблести, маркиз, не пропадут!

Жмет руку маркизу, маркиз улыбается, засыпая.

Картина.

1862

67

Ты помнишь ли, читатель благосклонный,
Те дни, когда мы пели в унисон,
Когда Зарин и Охочекомонный
Еще тебя не погружали в сон,
Когда тебя не оскорблял Безрылов
И «Парусом», разорванным судьбой,
Ты связан был с судьбой славянофилов,
Ты помнишь ли, читатель добрый мой?

Ты помнишь ли период русской прессы,
Когда Катков на мнимой высоте
Из кололац¹ российские прогрессы
Выделывал в сердечной простоте,
Какие он отмачивал коленцы,
Как он ходил на Зотова войной
И как к нему стекались ополченцы,
Ты помнишь ли, читатель добрый мой?

Ты помнишь ли, какой был строгий тон дан
С Олимпа, где верховодил Катков,
Как им в Москве основан был Нью-Лондон

¹ Кололацы — известное выражение московского пророка Ивана Яковлевича Корейши, усвоенное после его смерти М. Н. Катковым, выражение, вероятно, заключающее в себе глубокий смысл, к сожалению непонятный поморным сочинителям.

Недалеко от Пресненских прудов,
Как он сразил профессора Крылова,
Как он был горд своим Байбородой,
Все подвиги, все шалости Каткова
Ты помнишь ли, читатель добрый мой?

Ты помнишь ли, как он, попеременно,
То строг, как Зевс, то нежен, как Амур,
Нас забавлял своею несравненной
Полемикой с Евгениею Тур;
Как Николай Филиппыч был с ним дружен,
Как Соллогуб был жертвой дружбы той
И как Дюма был Павловым сконфужен,
Ты помнишь ли, читатель добрый мой?

Ты помнишь ли, как некогда в Пассаже
Сказали нам, что не созрели мы,
Ты помнишь ли, как все восстали, даже
Действительно незрелые умы.
И как потом, в варяго-русском деле,
Муж, вспоенный московскою водой,
Погодин сам сказал, что мы созрели...
Ты помнишь ли, читатель добрый мой?

Ты помнишь ли... Ах! помнить это надо!
Тогда еще Скарятин не решил,
Что общество российское есть стадо.
Прошли года. Корейша путь свершил;
Московского юродивого братцы
Пошли за ним дорогою прямой.
Нью-Лондон пал — и только кололацы
Остались нам, читатель добрый мой.

1862

68. ТИК-ТАК! ТИК-ТАК!

Тик-так! Тик-так! Спокойно, ровно
Свершает маятник свой круг.
Тоска томит меня, и словно
Меня пугает этот стук.
Как будто с явною насмешкой,
Связав мне ноги, лютый враг
Мне говорит: «Иди! Не мешкай!»
Тик-так! Тик-так!

Увы! по-прежнему исправно
Кружась, как белки в колесе,
Вдруг слышать явственно недавно
Тик-так, тик-так мы стали все.
Мы маршируем, пляшем, пишем,
Дни коротаем кое-как,
А ночью все с тоскою слышим:
Тик-так! Тик-так!

Звук, с детства каждому знакомый,—
Тик-так, тик-так — известный звук.
Не знаем сами, отчего мы
Его пугаться стали вдруг.
То страх возьмет, то вспыхнет злоба...
Ты будто слышишь в нем, земляк,
Стук молотка о крышку гроба —
Тик-так! Тик-так!

Чертог твой вижу изукрашен,
Делами предков гордый муж!
Ты вчуже для меня был страшен,
Владея тысячами душ.
Ты грезишь в сумраке со страхом,
Что всех людей твоих, собак
Уносит время с каждым взмахом —
Тик-так! Тик-так!

Чертог твой вижу либеральный,
Нинон Лянкло из русских дам,
И разговор патриархальный
Об *мужичках* я слышу там.
Но вам неловко... Вслед за спором
Вдруг смолкнет весь ареопаг,
И простучит для всех укором:
Тик-так! Тик-так!

Я вижу, канцелярский гений,
Твой кабинет, и труд ночной,
И ряд твоих соображений,
Где распустить, где крикнуть «стой!».
Но тщетны мудрые уловки!
Ты стал бледней своих бумаг,
Услышав стук, без остановки:
Тик-так! Тик-так!

Смотри: усердный твой поклонник —
Медоточивый публицист,
Трудясь над составленьем хроник,
Не кончив, вдруг бросает лист.
Он вдруг почуял, в страшной муке,
Всех этих гимнов ложь и мрак
В победоносно-ровном стуке:
Тик-так! Тик-так!

Тик-так, тик-так — в спокойной силе
Волнует сердце, гонит сон...
Что ж это? Скука просто — или
«Глагол времен, металла звон»?
Мы слышим в ровном этом ходе
За звуком — звук, за шагом — шаг:
Движенье вечное в природе:
Тик-так! Тик-так!

Мы слышим в звуках всем понятных
Закон явлений мировых:
В природе нет шагов попятных,
Нет остановок никаких!
Мужайся, молодое племя!
В сияньи дня исчезнет мрак.
Тебе подсказывает время:
Тик-так! Тик-так!

⟨1863⟩

69. ПРИРОДА, ВИНО И ЛЮБОВЬ

(ИЗ БЫЛЫХ ВРЕМЕН)

Трагедия в трех действиях, без соблюдения трех единств, так как происходит в разное время, в разных комнатах и под влиянием различных страстей и побуждений.

Л И Ц А:

Поэт, Редактор, Цензор.

ДЕЙСТВИЕ 1. ПРИРОДА

Комната Поэта.

Поэт

(пишет и читает)

Пришла весна. Увы! Любовь
Не манит в тихие дубравы.

Нет! негодующая кровь
Зовет меня на бой кровавый!

Кабинет Редактора.

Редактор

(поправляет написанное Поэтом и читает)

Пришла весна. Опять любовь
Раскрыла тысячу объятий,
И я бы, кажется, готов
Расцеловать всех меньших братьев.

Кабинет Цензора.

Цензор

(поправляет написанное Поэтом и поправленное Редактором и читает)

Пришла весна. Но не любовь
Меня влечет под сень дубравы,
Не плоть, а дух! Я вижу вновь
Творца во всем величьи славы.
(Подписывает: «Одобрено цензурою».)

ДЕЙСТВИЕ 2. ВИНО

Поэт

Люблю вино. В нем не топлю,
Подобно слабеньким натурам,
Скорбь гражданина — а коплю
Вражду к проклятым самодурам!

Редактор

(поправляет)

Люблю вино. Я в нем топлю
Свои гражданские стремленья,
И видит бог, как я терплю
И как тяжел мой крест терпенья!

Цензор

(поправляет)

Люблю вино. Но как люблю?
Как сладкий мед, как скромный танец.

Пью рюмку в день — и не терплю
Косматых нигилистов-пьяниц.

(Подписывает.)

ДЕЙСТВИЕ 3. ЛЮБОВЬ

Поэт

Люблю тебя. Любовь одна
Дает мне бодрость, дух и силу,
Чтоб, чашу зла испив до дна,
Непобежденным лечь в могилу.

Редактор

(поправляет)

Люблю тебя. Любовь к тебе
Ведет так сладко до могилы
В неравной роковой борьбе
Мои погубленные силы.

Цензор

(поправляет)

Люблю тебя. И, не скорбя,
Подобно господам писакам,
Обязан век любить тебя,
Соединясь законным браком.

(Подписывает.)

Занавес падает. В печати появляется стихотворение «Природа, вино и любовь», под которым красуется имя Поэта. В журналах выходят рецензии, в которых говорится о вдохновении, непосредственном творчестве, смелости мысли, оригинальности оборотов речи и выражений, художественной целостности и гражданских стремлениях автора.

⟨1863⟩

ВСТУПЛЕНИЕ

Героические времена нигилизма прошли. Вдохновенно призывавший на битву Петр Пустынник-Тургенев, санкционировавший первый поход против нигилистов папа Урбан-Катков, горячий Бульон московский-Юркевич с братом своим Балдуином-Лонгиновым, мудрый Роберт-Краевский с племянником своим неустрашимым Танкредом-Громекою принадлежат уже истории. На священных скрижалях оной бесстрастный Галахов изобразит приводящие во ужас сердце кровопролитные войны, для получения воспитанников средних учебных заведений, в новом издании своей хрестоматии. Суд истории мудр и нетороплив. Неизгладимые борозды на ее каменистой почве проводятся событиями медленно. Время, в которое войны постепеновцев с нигилистами отразятся в ее ровном зеркале во всей величавой правдивости, еще не определено провидением. Прагматической истории обыкновенно предшествует художественный эпос. Бледнее и отступая в смущении перед великостью задачи, я тем не менее берусь быть певцом этой войны, ибо вдохновенные барды наши не берутся: Аполлон Майков в Неаполе, князь Петр Вяземский в Киссингене, Афанасий Фет, повесив на стенку свою лиру, взялся за плуг селянина, граф Толстой принял из рук Клио свиток с мрачными письменами времен Иоанна Грозного, Страхов для увеселения «Времени» играет, как мячиком, глобусом Урании, Всеволод Крестовский шалит с снисходительною Эрато, а Щербина вымаливает у Полигимнии новых мифов для своего народного *читальника*. Каллиопа тщетно зовет русских бардов; кроме меня, никто не откликается на ее зов.

Я делаю что могу: песни мои суть не что иное, как рапсодии эпохи нигилизма. Потомству предстоит составить из них величественно-поучительный эпос.

24 марта 1863

Пр. Знаменский

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Происхождение или, лучше сказать, возникновение *нигилизма* доселе покрыто еще мраком неизвестности. Первое веяние духа нигилизма замечается в Орловской

губернии, славной в географии Российской империи как место рождения И. С. Тургенева, который даже временно проживает в оной губернии, когда на несколько дней покидает Париж, сию вторую родину образованных россиян. Дух нигилизма зоркие Собакевичи и Ноздревы орловские воплощают в Базарове, лекаре, кончившем курс в императорской медико-хирургической академии. Вместе ли с Базаровым родился дух нигилизма и когда родился Базаров—еще не исследовано г-ми Геннадии и Бартеневым; полагают, что в начале тридцатых годов, когда еще издавался «Благонамеренный» Измайлова. Собакевичи и Ноздревы предполагают присутствие нигилизма в Базарове потому, что он режет лягушек и у него есть микроскоп. Жак Араго точно так же неприязненно встречен был дикими, потому что обходился посредством носового платка и имел при себе компас. Жака Араго дикие хотели съесть; Базарова Куролесовы хотят отодрать на конюшне. Общее совещание по этому поводу. Базаров, говорят Собакевичи, начинает с лягушек, а кончит нами. Он рассматривает в микроскоп всякие гадости во внутренностях лягушек, говорят Ноздревы, а потом будет высматривать внутренние гадости наши. Надо отодрать его! — говорят Ноздревы и Собакевичи. Надо отодрать его! — восклицает за ними весь хор. Благовоспитанный Кирсанов в краткой, но сильной речи доказывает, что система подобных наказаний несовременна, и советует лучше идти жаловаться соседу своему И. С. Тургеневу. После долгих прений все соглашаются. Из области обыкновенных деревенских сплетен и выдумок зараза нигилизма переходит в область так называемого литературно-художественного вымысла. Слово *нигилизм* всё еще не произнесено. Воспоминание об улице Рогатице древнего Новгорода.

Неожиданно, негаданно,
Как зловещий запах ладана,
Предвещающий покойника,
Словно бес, из рукомойника
Появлявшийся пустынным,—
Перестав бродить по клиникам
И начальству сдав экзамены,
Юный плотью, духом каменный,
Родом подлый, нрава ярого,
Внук кутейника Базарова

Вдруг в губернию Орловскую
Всю заразу внес бесовскую.

Внес с собою он цинический
Некий запах хирургический,
Весь пропитанный алкоголем
(Вроде запаха, что Гоголем
Укреплен был за Петрушкою);
И лягушку за лягушкою
Истреблять пошел в селения,
Полон духа разрушения.

Чтоб внутри у всякой гадины
Видеть все бугры и впадины,
Обзавелся микроскопами,
Хороводился с холопами,
А в туземные гостиные,
Спокон века благочинные
(Точно так же, как столичные),
Внес манеры неприличные
И намеренно враждебные
Разговоры непотребные.

Расходились все окрестные
Курдюки мелкопоместные,
Петухи любвеобильные,
Все Кирсановы жантильные,
Все Багровы многодушные,
Все Расплюевы послушные,
Собакевичи тяжелые
И Ноздревы развеселые —
И, простившись с домочадцами,
Жен оставивши за святцами,
Вышиваньями, вареньями
И Авдеевых твореньями,
Кто с арапником, кто с палкою,
Кто вороною, кто галкою,
Рты раскрыв, с глазами странными —
Неподвижно оловянными —
Все с испуганными лицами,
На совет слетались птицами.

И неслось их слово дикое:
«Горе, горе нам великое!
Ходит тучею огромною

Гром над кушей нашей скромною,
Деревенскими пенатами,
Самоварами, халатами,
Буколическими нравами
И господскими забавами.
Погибает всё отечество!
Где же наше молодечество?
Мы ль потерпим посрамление!»
И решили во мгновение —
Все, от малого до старого, —
На конюшне драть Базарова.

Словно вишенка на веточке,
Как картинка на конфеточке,
Посреди толпы неистовой
Вдруг, в рубашечке батистовой,
В сюртучке сукна атласного,
Цвета трюфельно-колбасного,
И в шотландской легкой шапочке,
На груди скрестивши лапочки,
Встал Кирсанов — от Кирсанова
Всею лавкою Рузанова,
Всех mille-fleurs ¹ благоуханием
Пронеслося над собранием —
И собранье это шумное
Слово слышало разумное:

«Укротитесь, други-братия!
Должно взять мероприятия
Не веками освященные,
А гуманно-современные:
Я приятель с сочинителем —
Он да будет нам хранителем».

Поднялись тут рассуждения:
— Что такое сочинения?
— И какие там писатели?
— И просить их будет кстати ли?
— Петухам-де унижительно... —
Но Кирсанов так внушительно
Объяснил движение новое,
Что всё общество суровое

¹ Сорт цветочных духов. — *Ред.*

С ним к Тургеневу за славою
Устремилось всей оравой.

Так на улице Рогатице,
В неописанной сумятице,
Чадь Новгорода Великого,
Преисполнясь гнева дикого
На Василия Буслаева,
Чтобы в руки мать взяла его,
Подвигалась легионами
Ко вдове честной с поклонами.

Конец 1-й песни

71

С дымом пожара
Рынок толкучий,
После угара
Бред неминуемый,
Дикие слухи,
Праздные толки
Вызвал в старухе
«Северной пчелке».
В год, как нарочно,
Рынок успели
Выстроить прочно,—
Но и доселе
Веет от старой
Тем же пахучим
Дымом пожара
В рынке толкучем.

1863

72

Нет, положительно, роман
«Что делать?» нехорош!
Не знает автор ни цыган,
Ни дев, танцующих канкан,
Алис и Ригольбош.
Нет, положительно, роман
«Что делать?» нехорош!

Великосветскости в нем нет
Малейшего следа.
Герой не щеголем одет
И под жилеткою корсет
Не носит никогда.
Великосветскости в нем нет
Малейшего следа.

Жена героя — что за стыд! —
Живет своим трудом;
Не наряжается в кредит
И с белошвейкой говорит —
Как с равным ей лицом.
Жена героя — что за стыд! —
Живет своим трудом.

Нет, я не дам жене своей
Читать роман такой!
Не надо новых нам людей
И идеальных этих швей
В их новой мастерской!
Нет, я не дам жене своей
Читать роман такой!

Нет, положительно, роман
«Что делать?» нехорош!
В пирушках романист — профан,
И чудеса белил, румян
Не ставит он ни в грош.
Нет, положительно, роман
«Что делать?» нехорош!

1863

73. ПРЕДВЕЩАНИЯ НА 1865 ГОД

Жди ясного на утро дня.
Стрижи мелькают и звенят.

А. Фет

Оставив оханья и вздохи,
Начнем жить мирно, без забот —
«Заправский» календарь «Эпохи»
Сулит нам счастье круглый год.
Пуškai дни пасмурны, ненастны

(Приметы правду говорят),—
Не нынче — завтра будут ясны!
Стрижи мелькают и звенят.

Не нынче — с будущего года
Наступит наконец для всех
Всегда хорошая погода,
Всего хорошего успех.
Уж это время близко... близко...
Уж всё идет на новый лад...
Уж на «Эпоху» есть подписка —
Стрижи мелькают и звенят.

Не нынче — завтра все народы
Забудут разницу племен
И развернутся в хороводы
Из боевых своих колонн.
Любовь смешает все знамена
Канкан танцующих солдат,—
Уж есть программа — Сан-Леона...¹
Стрижи мелькают и звенят.

Не нынче — завтра, с новым годом
Произойдет у всех в глазах
Сближение общества с народом —
В банкетных спичах и речах.
И сколько будет нежных слитий,
Демократических тирад —
В местах «продажи разных питей».
Стрижи мелькают и звенят.

Во всех избушках самовары
Вознаградят крестьянский труд;
На иностранные товары
Внезапно цены упадут.
Уж не довольствуясь речами,
Иной пресыщенный магнат
Пьет нынче кофе с калачами.
Стрижи мелькают и звенят.

Воров не будет. Полон злобы
(Хоть сам из книжек захватил)

¹ Зри «Конек-горбунок», балет г-на Сан-Леона.

Их всех к Краевскому в «Трущобы»
Загнал гишпанский алгвазил;
Ну, а оставшийся излишек
Сметет Сикевич ¹ зауряд,
Карая уличных мальчишек.
Стрижи мелькают и звенят.

Наука выйдет из пустыни
На путь народно-бытовой;
Для школ народных по-латыни
Переведется Домострой.
На зависть западного мира,
Ерыжным веяньем объят,
Затмит Аверкиев Шекспира.
Стрижи мелькают и звенят.

Исчезнут сонмы фарисеев,
На карте сыщется Тамбов,
Аксаков обоймет евреев,
Свой четвертак найдет Катков.
Не будет слабых, нищих, бедных,
Судьба всем равный даст оклад —
Златых надежд и денег медных.
Стрижи мелькают и звенят.

Всё так устроится, что не в чем
Судьбу нам будет обвинять.
Блажен, кто верит птицам певчим
И рад всю жизнь погоды ждать.
И я бы пел в веселом тоне,
Но, утомляя слух и взгляд,
Кругом, на сером небосклоне,
Стрижи мелькают и звенят.

1864

74. ДАМА ПРИЯТНАЯ ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ

Общество было весьма либеральное;
Шли разговоры вполне современные,
Повар измыслил меню гениальное,
Вина за ужином были отменные.

¹ Бывший редактор «Петербургского листка».

Мы говорили о благе людей,
Кушая, впрочем, с большим аппетитом.
Много лилося высоких идей,
С хересом светлым и теплым лафитом.
Вот, заручившись бокалом клико,
Встал, улыбаясь, оратор кружка,
Бодро взглянул и, прищурясь слегка,
Будто мечтой уносясь далеко,
Начал свой спич свысока.

Мы уж не слушали спич...
Мы будто сделались немые и слепы.
Мало того: даже вкусная дичь —
Тетерева, дупеля и вальдшнепы
Будто порхнули и скрылись из глаз;
С ними порхнуло и самое блюдо...
Так поразило всех нас
Вдруг происшедшее чудо.

Кто она? Кто ее звал?
Расположилась как дома,
Пьет за бокалом бокал,
Будто со всеми знакома.
Бойко на всех нас глядит...
Просит у общества слова...
Тс... поднялась... говорит...
«Ну ее!» — молвил сурово,
Гневно махнувши рукой,
Некто, молчавший весь ужин,
Сдержанный, бледный и злой.
Он никому не был нужен;
Был он для всех нас тяжел,
Хоть говорил очень мало...
С ним мы боялись скандала,
Так что, когда он ушел,
Легче нам будто бы стало...

Впрочем, мы шикнули обществом всем
(Он уже был за дверями)
И обратились затем
К вновь появившейся даме.

Дама собой недурна —
Круглые формы и нежное тело...
Полно! Да вновь ли явилась она?
Нет, эта дама весь вечер сидела.
Раньше ее мы видали сто раз;
Нынче ж, увлекшись общественной ломкою,
И не заметили милых нам глаз...
Нет! Положительно каждый из нас
Встретился с нею как с старой знакомкою.

Безукоризнен на даме наряд:
Вся в бриллиантах; вся будто из света...
Внемлет и дремлет ласкающий взгляд;
Голос — как будто стрижи в нем звенят...
Дама хоть в музы годится для Фета.

Бог ее ведает, сколько ей лет,
Только, уж как ни рассматривай тщательно,
Вовсе морщин на лице ее нет;
Губы, и зубы, и весь туалет
Аранжированы слишком старательно.

Впрочем, чего же? Румяна, бела,
Как госпожа Одинцова опрятная,
Вся расфранченная, вся ароматная,
Самодовольствием дама цвела;
Дама, как следует дама была —
Дама во всех отношениях приятная.

Общество наше совсем расцвело.
Самодовольно поднявши чело,
Как королева пред верным народом,
Дама поздравила нас с Новым годом.

«Я в Новый год,— говорила она,—
Слово сказать непременно должна.
 (Слушать мы стали внимательно.)
Праздник на улице нынче моей.
 (И согласились мы внутренно с ней,
 Все, как один, бессознательно.)

Полной хозяйкой вхожу я в дома;
Я созвала вас сегодня сама;

Утром, чуть свет, легионами,
Всюду, где только передняя есть,
Шубы висят и валяется «Весть»,
Я поведу вас с поклонами.

Слово мое лучше всех ваших слов.
Много вы в жизни сплели мне венков;
Вам укажу на соседа я.
(Дамы сосед был оратор-мудрец.)
Милый! Ты был мой усерднейший жрец,
Сам своей роли не ведая.

Он собирался вам речь говорить,
Прежде всего бы он должен почтить
Вашего доброго гения.
Я вам дороже всех жен и сестер.
(Лоб свой оратор при этом потер,
Будто ища вдохновения.)

Верная спутница добрых людей,
Нянчу я вас на заре ваших дней,
Тешу волшебными сказками;
Проблески разума в детях ловлю
И отвечаю «агу!» и «гулю!»
И усыпляю их ласками.

В юношах пылких, для битвы со злом
Смело готовых идти напролом,
Кровь охлаждаю я видами
Близкой карьеры и дальних степей
Или волну гораздо сильней
Минами, Бертами, Идами.

Смотришь: из мальчиков, преданных мне,
Мужья солидные выйдут вполне,
С знаньем, с апломбом, с патентами;
Ну а мужей, и особенно жен,
Я утешаю с различных сторон —
Бантами, кантами, лентами,

Шляпками, взятками... черт знает чем
Тешу, пока успокою совсем
Старцев, покрытых сединою,
С тем чтоб согреть их холодную кровь

Фетом, балетом, паштетом и вновь
Идами, Бертами, Минами.

Горе тому, кто ушел от меня!
В жизни не встретит спокойного дня,
В муках не встретит участия!
Пью за здоровье адептов моих:
Весело вносит сегодня для них
Новый год новое счастье.

Прочно их счастье, победа верна.
В битве, кипящей во все времена
С кознями злыми бесовскими,
Чтоб защитить их надежным щитом,
Я обернусь «Петербургским листком»,
«Ведомостями Московскими».

Всё я сказала сегодня вполне,
Некуда дальше, и некогда мне,
Но... (тут улыбка мелькнула злодейская,
В дряхлом лице вызвав бездну морщин)
Надо сказать мое имя и чин:
Имя мне — „Пошлость житейская“».

Дрогнул от ужаса весь наш совет.
«Пошлость!» — мы вскрикнули. Дамы уж нет.

И до сих пор мы не знаем наверное:
Было ли это видение скверное

Или какой-нибудь святочный шут
Нас мистифицировал десять минут;

Только мы с Пошлостью Новый год встретили,
Даже морщины ее чуть заметили,—

Так нас прельстила, в кокетстве привычная,
Вся расфранченная, вся ароматная,
Дама во всех отношениях приличная,
Дама во всех отношениях приятная.

1864 или 1865

Я выпался сегодня превосходно,
 Мне так легко — и в голове моей,
 Я чувствую, логично и свободно
 Проходит строй рифмованных идей.
 — Что ж? Пользуйтесь минутой вдохновенья.
 Воспойте нам прогресс родной страны,
 Горячие гражданские стремленья...
 — Нет, господа, давайте есть блины.

— Мы шествуем путем преуспеванья,
 Запечатлев успехом каждый шаг;
 Рассеял свет победоносный знанья
 Невежества и самодурства мрак.
 Омаров уж осталось очень мало,
 Аттилы уж нисколько не страшны.
 Карайте их сатирой Ювенала!
 — Нет, господа, давайте есть блины.

— Заметно уж смягчились наши нравы,
 На честный смех нельзя уж нападать,
 В свои права вступил рассудок здравый,
 И в корне зло преследует печать.
 Уж на нее утихли все нападки,
 Враги ее бессильны и смешны...
 Раскройте нам все наши недостатки.
 — Нет, господа, давайте есть блины.

— Во всем прогресс! С его победным ходом
 В понятиях везде переворот.
 Свершается слияние с народом.
 Что чувствует в такие дни народ!
 В своих стихах восторженно-свободных
 Вы, как поэт, изобразить должны
 Избыток чувств и радостей народных.
 — Нет, господа, давайте есть блины.

Нет, господа, любя страну родную,
 Стремясь к тому, чтоб каждый в ней был сыт,
 Я никого стихами не взволную
 И портить вам не стану аппетит.
 Мы круглый год и так себя морочим.

Уж если петь — так песни старины.
Давайте петь вино, любовь... а впрочем —
Нет, господа, давайте есть блины!
<1865>

76. ПРИМЕРНЫЙ ФАТ

Пускай сатирики кричат,
Что ты презренный фат,
Но ты мне мил.
Ты во всю жизнь ни разу, брат,
Не изменил
Своих воззрений и манер.
Buvons, mon cher! ¹

Кругом тебя кричат, орут
Про гласность, вольный труд —
Плечами лишь
Ты пожимаешь, тверд как Брут,
И говоришь
О пользе всех химер и мер:
«C'est drôle, mon cher». ²

Когда в собрании Ноздрев,
Подняв бокал, подымет рев
За мужика —
Ты взглянешь в стеклышко без слов
На дурака
И выпьешь молча редерер.
Умно, mon cher.

Не признаешь ты женских прав,
Но, Гретхен милую обняв,
Портного дочь,
Рад, где попало, подгуляв,
Плясать всю ночь,
Хоть в шустер-клубе, например.
Aïmons, mon cher! ³

¹ Выпьем, мой милый! (Франц.) — *Ред.*

² Это смешно, мой милый (франц.). — *Ред.*

³ Будем любить, мой милый! (Франц.) — *Ред.*

Благую часть ты выбрал, брат,—
Театр французский, маскарад,
Обед, балет —
И черт ли в том, что говорят
В столбцах газет
Катков, Камбек, Лягерроньер...
Всё вздор, mon cher.

Ты также мил в кругу повес,
Хоть потерял кредит и вес,
Хоть испытал,
Что значит время и прогресс,
Но капитал
Еще остался для гетер.
Vivons, mon cher! ¹

Как в оны дни, хоть век не тот,
Без размышлений, без забот,
По старине,
Пока кондрашка не сшибет
С бровей пянсне,
На рысаках во весь карьер
Валяй, mon cher!

Валяй, mon cher! Ты мил для нас;
Живешь без сердца, напоказ,
Без головы,
Но ты стыдишься пошлых фраз.
В наш век — увы!
И это доблестный пример.
Vivons, mon cher!

⟨1865⟩

77. ЗАВЕЩАНИЕ

Мой сын, я в вечность отхожу
Из мрака суеты;
Сказал бы: в рай, да не скажу,
И не поверишь ты.
Мой сын, я в вечность отхожу
Из мрака суеты.

¹ Живем, мой милый! (Франц.) — *Ред.*

Мой сын, вверяясь небесам,
Надейся, уповай;
Но, на бога надеясь, сам,
Мой милый, не плошай.
Мой сын, вверяясь небесам,
Надейся, уповай.

Мой сын, учись — ученье свет,
А неученье тьма;
А жизнь на всё уж даст ответ,
По-своему, сама...
Мой сын, учись — ученье свет,
А неученье тьма.

Мой сын, любовь — союз сердец,
К блаженству первый шаг;
Второй шаг будет под венец,
А третий под башмак.
Мой сын, любовь — союз сердец,
К блаженству первый шаг.

Мой сын, твоя опора — труд,
Твое всё счастье в нем;
Хотя с трудом в больницах мрут
Живущие трудом.
Мой сын, твоя опора — труд,
Твое всё счастье в нем.

Мой сын, спокойствие души —
Отрада беднякам;
Зато уж в нем все барыши
И все утехи нам.
Мой сын, спокойствие души —
Отрада беднякам.

Мой сын, будь честен и горяч
В борьбе для счастья всех,
Да только после уж не плачь,
Услышав общий смех.
Мой сын, будь честен и горяч
В борьбе для счастья всех.

Мой сын, я в вечность отхожу
Из мрака суеты;

Сказал бы: в рай, да не скажу,
И не поверишь ты.
Мой сын, я в вечность отхожу
Из мрака суеты.
(1865)

78. ЗАТИШЬЕ

Как будто бы после блестящего
Затеями барскими праздника
В селе самодура-проказника,
В губернии целой гремящего;

Как после эффекта финального
В французской плохой мелодраме,
Пора отрезвленья печального
Пришла и смеется над нами.

Сады, и долины с озерами,
И горы — в чуланы заброшены,
Костюмы плохие изношены
И спрятаны в шкаф бутафорами.

По форме сменив бакенбардами
Мужицкие бороды, все мы
Надели фуражки с кокардами
На лбы, надевавшие шлемы.

По-прежнему зажили панами
И, дома валяясь в халатике,
Пейзан называем мужланами
По правилам русской грамматики.

Свободнее всем как-то дышится,
И в сходках вечерних у нас
Опять беззаботное слышится:
«Куплю!», «Бескозырная!», «Пас!».

1865

Минувший год я весь провел прекрасно.
 Как он прошел — я не заметил сам,
 Но вообще прошел он не напрасно:
 Есть вспомнить что и детям и отцам!
 Я в Новый год обедал у вельможи.
 К шести часам собрался высший свет.
 Скучали все — и я был скучен тоже,—
 Но вообще прекрасный был обед.

Ученых и общественных вопросов
 Тьму тьмушую поставил этот год.
 Прошло сто лет, как умер Ломоносов;
 Как далеко мы двинулись вперед!
 Обедал я в роскошной, светлой зале.
 Названий блюд мне не забыть сто лет...
 Не помню уж зачем и что читали,—
 Но вообще прекрасный был обед.

С наукою шло об руку искусство,
 Как гибкий плющ обвив могучий дуб;
 Еще обед припомню не без чувства:
 Художники у нас открыли клуб.
 Ковры, драпри и мебель — всё отлично...
 Ну, кое-что сказал бы про буфет,
 Да кое-что о выставке годичной...
 Но вообще прекрасный был обед.

Принадлежа и сам к числу «хозяев»,
 Я посещал усердно каждый съезд;
 Там слушали так жадно краснобаев,
 Что за столом недоставало мест.
 Сияли там, переливаясь тонко,
 Свет знания и люстр громадных свет...
 Особенно понравилась мне жженка —
 И вообще прекрасный был обед.

Минувший год во многом вспомнить люблю,
 Вот, например, еще обед возьмем —
 Открытие служительского клуба —
 Участие я тоже принял в нем.
 Не показал ни жестом я, ни взглядом,
 Что для меня противен мой сосед...

Представьте — я сидел с лакеем рядом...
Но вообще прекрасный был обед.

Все высшие ценил я интересы
И временем им жертвовал всегда:
Обедал я за процветанье прессы,
Обедал я в честь женского труда;
Пил за успех «Русалки» и «Рогнеды»,
За оперу, за драму, за балет...
Тьфу! Черт возьми! Не вспомню все обеды!
Но каждый раз прекрасный был обед!

Держась всегда вдали от нигилистов,
В серьезные вопросы погружен,
Я был введен в кружок экономистов
И на обед был ими приглашен.
Сводили там итоги и балансы;
Я тоже свел: ведь круглый год банкет!
Однако я растрес-таки финансы...
Но вообще прекрасный был обед.

Как год прошел — я, право, не заметил;
Весь год не знал, что значит слово — **лень**.
И Новый год с бокалом также встретил
И на обед поехал в первый день.
Шумели там, решали то и это;
Разъехались — на улице уж свет.
Вопросы все остались без ответа,—
Но вообще прекрасный был обед.

1865 или 1866

80. ВЕЛИКИЕ ИСТИНЫ

(ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД ИЗ СБОРНИКА «LA GOGUETTE»)

Повсюду торжествует гласность,
Вступила мысль в свои права,
И нам от ближнего опасность
Не угрожает за слова.
Мрак с тишиной нам ненавистен,
Простора требует наш дух,
И смело ряд великих истин
Я первый возвещаю вслух.

Порядки старые не новы
И не младенцы — старики;

Больные люди — не здоровы,
И очень глупы дураки.
Мы смертны все без исключения;
Нет в мире действий без причин;
Не нужно мертвому леченья.
Одиножды один — один.

Для варки щей нужна капуста;
Статьи потребны для газет;
Тот кошелек, в котором пусто,
В том ни копейки денег нет;
День с ночью составляет сутки;
Рубль состоит из двух полтин;
Желают пищи все желудки.
Одиножды один — один.

Москва есть древняя столица;
По-русски медик значит врач,
А *чудодейка* есть вещьца,
О коей публикует Кач.
Профессор — степень или званье;
Коллежский регистратор — чин;
Кнуты и розги — наказание.
Одиножды один — один.

Покуда кость собака гложет,
Ее не следует ласкать,
И необъятного не может
Никто решительно обнять.
Не надо мудрствовать лукаво,
Но каждый честный гражданин
Всегда сказать имеет право:
Одиножды один — один.

В сей песне сорок восемь строчек.
Согласен я — в них смыслу нет;
Но рифмы есть везде и точек
Компрометирующих нет.
Эпоха гласности настала,
Во всем прогресс — но между тем
Блажен, кто рассуждает мало
И кто не думает совсем.

⟨1866⟩

1

Сто человек, никак, ты запер в казематы;
И мало всё тебе, всё мрачен, как чума, ты!
Утешься, ведь господь царя благословил —
Отвел от родины тягчайший из ударов!
— Эх, братец! черт ли в том! Ведь я бы заморил
Сто тысяч в крепости, когда б не Комиссаров!

2

Холеру ждали мы, и каждый был готов
Диету соблюдать и жить себе здорово.
Но фурия хитра: надула докторов —
Прислала за себя из Вильны Муравьева.

1866

83. CAUSERIE¹

(ЭКЛОГА ЛИТЕРАТОРА-ВЕТЕРАНА)

С тех пор как «Пчелки» больше нет
Да умер Павлов, журналист,
Хоть не читай родных газет,
Меня в них бесит каждый лист.
Тоска в статьях передовых,
А в фельетон хоть не смотри.
Увы! Давно исчезла в них
Времен минувших causerie!

Cette causerie gentille et douce,
Qui instruit, en amusant,²
Вся из bon-mots,³ как лучших бус
Un fil léger et luisant.⁴
Ее Булгарин к нам занес,
Взяв в образец Альфонса Карр,
И в книжке под названием «Ос»
(Les guêpes) принес отчизне в дар.

¹ Легкий разговор, светская болтовня (франц.). — *Ред.*² Эта изящная и милая causerie, которая поучает, забавляя (франц.). — *Ред.*³ Острот, метких словечек (франц.). — *Ред.*⁴ Легкая и блестящая нить (франц.). — *Ред.*

Oh! Le beau temps! Oh! Les beaux jours! ¹
Они исчезли без следа!
Я лишь с Евгениею Тур
Схожусь во взглядах иногда.
А остальные! Nom de dieu! ²
Вы обратили фельетон
В plaisanteries des mauvais lieux. ³
«Хорош российский Геликон!»

Так Пушкин молвил в старину
(Я тоже с Пушкиным был друг).
Увы! Уж нет его! Одну
Бездарность вижу я вокруг,
Нахальство без границ и мер,
Нигилистический туман.
Кто ж остается? Я, prince Pierre... ⁴
Oh! Les beaux jours du bon vieux temps! ⁵

Да! Геликон наш не хорош;
Mais nous avons un bon journal,
Bien rédigé par Méssaroche,
Un homme de lettres libéral. ⁶
C'est ⁷ «Женский вестник». Нынче в нем,
Как отблеск утренней зари,
Блеснула радужным огнем
Времен минувших causerie!

La causerie du bon vieux temps —
Ведь это грация сама,
Ведь это лучше, чем роман
Фейдо, Феваля и Дюма!
Ее давно уж нужно нам,
И, чтоб пополнить сей пробел,
В журнале для девиц и дам
Так называется отдел.

¹ О! Прекрасное время! О! Прекрасные дни! (Франц.) — *Ред.*

² Черт возьми! (франц.). — *Ред.*

³ Шутки дурного тона (франц.). — *Ред.*

⁴ Князь Пьер (франц.). — *Ред.*

⁵ О! Прекрасные дни доброго старого времени! (Франц.) — *Ред.*

⁶ Но у нас есть хороший журнал, отлично редактируемый либеральным литератором Мессарошем (франц.). — *Ред.*

⁷ Это (франц.). — *Ред.*

В отделе этом мы найдем
Всё, что нам нужно с давних пор,
Весь этот милый сердцу вздор,
Блестящий чувством и умом.
В его живой калейдоскоп
Войдет весь пестрый светский мир,
«Грейт Истерн» с критикой «Трущоб»,
«Миантономо» и Шекспир,

Поэта светлая мечта
И философии урок,
Балы, наряды и плита,
И доктор Хан, и доктор Бок,
Огонь и лед, и мрак и свет,
Et Jean qui pleure, et Jean qui rit,¹
Et Turluru, et Turlurette!..
Да процветает causerie!

1866

84. СВИСТОК И СТАКАН

Свистать! Свистать!
Нам вторит эхо.
Но, чур! Не лгать
Орудьем смеха!
Приходит срок,
Взял верх обман —
Бросай свисток,
Бери стакан.

Пей, чуть слышна
Фальшивость нотки,
Оксгоф вина
И четверть водки,
Ведро эль-кок,
Эль-кукельван.
Бросай свисток,
Бери стакан.

Чем разделять
Кастратов славу,

¹ Жан, который плачет, и Жан, который смеется (франц.).— *Ред.*

Уж лучше спать
Вались в канаву,
Без задних ног,
Мертвецки пьян.
Бросай свисток,
Бери стакан.

Уж лучше, брат,
Пить мертвой чашей
Забвенья яд,
Чем в прессе нашей
Зловонных строк
Впивать дурман.
Бросай свисток,
Бери стакан.

Газетный лай
И обезьянства
Пренебрегай
В величьи пьянства.
Оно порок,
Но не обман.
Бросай свисток,
Бери стакан.

1866

85. НОВОГО СЧАСТЬЯ ЧИТАТЕЛЮ И НОВЫХ БОГАТСТВ!

Редакция вполне понимает, что интересы, которыми всего более дорожит всякое общество, суть интересы его спокойствия.

*Объявление г. Тиблена об издании
«Современного обозрения».*

При анализе экономических явлений мы будем иметь в виду, главным образом, задачи накопления новых богатств, а не перераспределения старых.

Там же

Капиталы — суть деятели современного прогресса.

«Пятикопеечник», соч. г. Карповича

Знаю я, читатель, что делами
Важными по горло ты завален,

Чтоб моими тешиться стихами,
Как бы ни был взгляд мой идеален.
Но утешься: я не древний эллин;
Я, как ты, забыл об идеале;
Жизнью я достаточно обстрелен,
И поэт во мне «скончался вmale».

Как Полонский, я «блохой укушен»
(То есть: жизни опытом пришиблен),
Лишь к богатствам я неравнодушен,
Как Карпович и издатель Тиблен.
В 200 000 выигрыш билета —
Вот источник светлый накоплений
Вдохновенья и богатств поэта
Современных русских обозрений.

«Наше время» Павлова пропало!
Ныне с «Новым временем» Киркора,
Говорят, блаженство близко стало,
Богатеть должны мы очень скоро.
С этим новым временем условясь,
Пред одним богатством я склоняюсь —
Как поэт, вполне *обсоловьеваясь*,¹
Перед ним лишь я *утибленняюсь*.²

С новым годом вовсе не желая
Слыть врагом спокойствия заклятым,
Я тебе, читатель, поздравляя,
Одного желаю: быть богатым.
Чтобы ты вкушал, как на Парнасе
Некий бог, роскошнейшие яства,—
А уж там Карпович в «гласной кассе»
И без нас распределит богатства!

1867 или 1868

¹ Производное от имени существительного собственного: *Н. Соловьев*, т. е. молодой критик старого режима, известный своими статьями в «Эпохе», «Времени», «Всемирном труде» и в других несуществующих или несовременных изданиях.

² Производное от имени существительного собственного: *Тиблен*, т. е. журналист, публицист, капиталист и не нигилист. Г. Карпович тоже журналист, капиталист и не нигилист, да к тому же еще и филантроп. Г. Полонский просто поэт, действительно укушенный блохой жизни (зри его собственное признание в поэме «Свежее предание») и потому значительно *обсоловьевившийся*.

86. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ДРОГИ

Que j'aime à voir un corbillard!

*A. Gouffé*¹

Последний экипаж людской
Пою я в песне, дроги.
Вот выбор песни! Что ни пой,
А всё протянешь ноги.
Придется всем от всяких бед
Навек освободиться;
Что ж за несчастье — в лучший свет
На дорогах прокатиться?

В былые дни, без лишних слов,
В урочный час к могиле
И богачей и бедняков —
Всех на руках ташили.
Стал ныне человек умней
И самых бедных даже
Препровождает в мир теней
В приличном экипаже.

Богач со смертью всего
Лишается и плачет.
Я — не оставлю ничего;
Я — в выигрыше, значит.
Я в этот мир пришел пешком,
Но на свиданье к деду
Хоть и на дорогах, хоть шажком,
А все-таки поеду.

За колесницей богача —
Тщеславия затеи —
Ливрейный траур волоча,
Толпой идут лакеи.
А я богат и без ливрей,
Богатствами иными:
Пойдет кружок моих друзей
За дорогами моими.

¹ Как я люблю смотреть на погребальные дроги! *А. Гуффе* (франц.). — *Ред.*

Веселость, гений мой! я жив,
Покуда ты со мною;
Когда ж и ты, на мой призыв,
Окажешься мечтою —
Тогда скажу, махнув рукой,
Совсем готов к дороге:
Что ж делать! Стих пришел такой;
Закладывайте дроги!

⟨1868⟩

87. НА МОГИЛЕ Д. И. ПИСАРЕВА

(БРАТЬЯМ-ПИСАТЕЛЯМ)

Еще один из строя выбыл вон,
Где уж и так ряды не слишком тесны.
Мир памяти скончавшегося — он
Писатель был талантливый и честный.

Талантливый и честный! В двух словах
Заклучена властительная сила:
Одушевлен был ею этот прах,
Освящена теперь его могила.

В борьбе со злом, идущей без конца,
Им двигала полезная идея,—
И юношам в их чистые сердца
Он внес ее, умами их владея.

Усопший брат! Мир памяти твоей.
Увы! Ты жил, как Добролюбов, мало.
Ты чист, как он; зерна твоих идей
Не подточило опытности жало.

Мы видели, как старились умы
И как сердца прекрасные скудели.
Поклонимся ж могиле ранней мы —
Созревшие для неизвестной цели.

1868

88. РАЗДУМЬЕ

Зол я впервые сегодня вполне;
Зол — оттого что нет злости во мне.

Нет этой злости, которая смело
Прямо из сердца срывается в дело.

Нету ее — ненавистницы фраз,
Злобы святой, возвышающей нас.

Есть только жалкая, мелкая злоба,
Не доводящая даже до гроба;

Злоба, с которой хоть семьдесят лет
Можно прожить без особенных бед

И умереть, чтобы видели внуки
Самый пошлейший род смерти — от скуки.

⟨1869⟩

89. НАДОЛГО ЛИ? ¹

Надолго ли? Надолго ли! С двух слов,
Произнесенных, впрочем, благосклонно,
Я видел ночью много диких снов
И целый день бродил как полусонный.
И лишь теперь, два месяца спустя,
Отдавшись весь работе благодатной,
Отвечу я, все шансы разочтя:
Надолго ли? Надолго, вероятно.

Когда больного с смертного одра,
Где видел он вблизи мученья ада,
Вдруг на ноги поставят доктора,
Покорный им, он станет жить как иадо.
Он в меру ест, он в меру пьет и спит.
Спросите вы у доктора, примерно,
Надолго ль он здоровье сохранит?
Ответит врач: надолго — это верно.

И с «Искрой» так. Она была больна
Болезнью женской — недостатком воли;

¹ Одно из высокопоставленных лиц, когда вышло разрешение издавать «Искру» без предварительной цензуры, заметило издателю: «Вам теперь дано право, которое вы искали, — *надолго ли?*» Слова эти вызвали предлагаемое стихотворение, которое печатается здесь именно потому, что подобный вопрос так же естественно может возникнуть и в публике

В истериках так мучилась она,
Что прикусить язык пришлось от боли.
Теперь характер возвратился к ней.
— Что ж, женщина с характером! Прекрасно!
Она послушней станет и скромней...
— Надолго ли? — Надолго, очень ясно.

Свободу слова, право на журнал
В наш век, когда кредит во всем непрочный,
Как драгоценный некий капитал
Дают вам в долг, с вас вексель взяв бессрочный.
— Ну-с, вы теперь спокойны или нет? —
Вам кредитор сказал бы, встретясь с вами: —
Надолго ли? — Вздохнете вы в ответ:
— Надолго ли-с? Решать извольте сами.

Все вообще писатели у нас
Народ неизбалованный, небурный;
В самих себе мы держим про запас
И ножницы и карандаш цензурный.
Тот, кто сберег среди житейских гроз,
В сознании общественного долга,
Для дела мысль — тот смело на вопрос:
Надолго ли? — ответит: да, надолго.

Пока стремится общество вперед,
В грядущее спокойным смотрит взглядом
И сбить себя с дороги не дает
Корыстным и шипящим ретроgrадам,
До тех пор в нем, для счастья людей,
Не может быть свободной мысли тесно —
И, как залог грядущих светлых дней,
Надолго всё задуманное честно.

1869

90—91. В НАШЕ ВРЕМЯ...

1

ПРОЛОГ

Роскошь так уж роскошь — истинно беспутная;
Бедность так уж бедность — смерть ежеминутная;
Голод так уж голод — областию целою;
Пьянство так уж пьянство — всё с горячкой белою.

Моды так уж моды — всё перемудренные;
Дамы так уж дамы — полуобнаженные;
Шлейфы так уж шлейфы — двух- и трехсаженные;
На пол нагло брошены камни драгоценные.

Нечто лучше женщины в красоте искусственной,
С шиком нарисованной, чувственно-бесчувственной:
Обаянье демона, ангела незлобие —
Во втором издании «божие подобие».

Похоть так уж похоть — с роковою силою
Деньгам, сердцу, разуму — всем грозит могилкою:
Старцы льнут и падают, как грудные деточки,
И за ними дети их — плод от той же веточки.

Воры так уж воры — крупные, с кокардами;
Кражи так уж кражи — чуть не миллиардами;
Жуликов-мазуриков в эту пору грозную —
Как на небе звездочек в ноченьку морозную.

Мелкие скандальчики с крупными беспутствами;
Разоренья честные с злостными банкротствами;
Фокусы бумажные, из нулей могущества —
И на каждой улице описи имущества.

И на каждой улице, с музыкою, с плясками,
Разоряют вежливо, обируют с ласками,
И — притоны мрачные, кутежи с злодействами,
И убийства зверские целыми семействами.

И работа вечная и неугомонная,
И холодность мертвая, строгость непреклонная,
И с трибун словесников речь всегда медовая,
И нужда молчащая, но на всё готовая.

Скорбь так скорбь безмолвная. Горе, как нахлынуло,
Всё существование разом опрокинуло:
Знает погибающий, что никто не сжалится,
И, как сноп бесчувственный, сам в могилу валится.

Смех так смех насильственный, злобы не скрывающий,
Или разухабистый и стыда не знающий,
Или уж отчаянный, с умоисступлением —
Над собой, над ближними и над всем творением.

ХЛЕБА И ЗРЕЛИЩ!

Денег! денег! денег! Вопль над целым краем,
 Все ожесточились, даже страшно стало...
 Мы друг друга гоним, топим, убиваем...
 Странно: ведь и прежде денег не бывало.

Нравы стали мягче, — молвить вообще-то, —
 Но еще ужасней вопли, стоны, вздохи.
 Что же дальше будет? Есть ответ на это:
 Разные потребности в разные эпохи.

Древний Рим был страшен всем земным
владыкам.
 В нем существовала общая потреба —
 И не допускавшим отлагательств криком
 Грозно выражались: «Зрелищ нам и хлеба!»

Это был период варварского Рима.
 Нам такое зверство даже незнакомо.
 С знаменем прогресса, вьющимся незримо,
 Мы идем учебным шагом в три приема.

Но мечту Мадзини и добычу Пиев
 В стороне оставим, дело там не наше:
 Нам милей Архангельск, Петербург и Киев,
 А Москвы-старушки ничего нет краше.

Древле нам прогрессом не трубили в уши.
 Жили мы спокойно, жили-поживали,
 Продавали души, чтобы бить баклуши,
 И с душой девичье тело покупали.

Было всё согласно, было всё послушно —
 Старики, старухи, бабы, мужичонки
 В мнениях сходились все единодушно:
 Никакой душонки нет, мол, у девчонки.

Нынче хоть и то же, но не то уж дело —
 Сказано в писаньи: дню довлеет злоба —
 Так же продается и душа и тело,
 Но особо тело и душа особо.

Так же продается каждый шут приказный,
Так же ждет в передней ласки и подачи
И, хоть в новой форме, «целесообразной»,
Всё на тех же лапках комнатной собачки

Служит и доносит, хоть никто не просит,
Хоть в какой поступит комитет негласный,
Только не смотрите, что ливрею носит —
Черт его ведь знает, может быть, он *красный!*

Всё переменилось. Женщины — поди-ка! —
Так же ведь тела их продает нужда нам;
Только вздоржали, как зимой клубника,
А разврат дешевый пахнет чемоданом.

Зрелищ! зрелищ! зрелищ! — вскрикнули **мы**
дружно.

Подавай театров — частных и народных!
Для людей развитых развлечение нужно,
Средство от запоя для крестьян свободных.

Зрелища иные жизнь дает без платы,
В зале, где, святою скорбью томимый,
С полотна на судей смотрит бог распятый —
Христианской эры первый подсудимый.

(1870)

92. LA PAIX À TOUT PRIX!
FRIEDE UM WAS ES NICHT GELTE!
МИР ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО!

Страшный призрак грозно встал;
Страсти вечные щекочет;
От всех зол универсал —
Кровь открыть Европе хочет.
Но в разумный век поэт
Уж не фельдшер, как бывало,
И одно поет в ответ:
Мир во что бы то ни стало!

Уж настолько мы умны
В наши дни, что каждый лирик
Скажет призраку войны:

«Прочь, чудовище-эмпирик!
Мир гниет от старых ран —
Новых, что ли, не хватало?
Я поэт, а не боян.
Мир во что бы то ни стало!»

Займодавец иудей,
Будь расчетлив и скупенек:
Для дерущихся людей
Не давай ни гроша денег.
Помни то, что каждый грош
Из мирского капитала
Для прогресса лишь хорош.
Мир во что бы то ни стало!

Ну, а тем, что в наши дни
К драке слишком уж охочи,
Ты лукаво подмигни,
Указав вопрос рабочий.
Поработай, мол, на мир,
Чтобы денег *тут* достало...
А чтоб драться... Ой, вей-мир! ¹
Мир во что бы то ни стало!

В честолюбии владык
Смысл солдатского задора;
Но в народах общий крик:
«В честном мире нет позора».
Пусть воинственно глядит,
Но не сходит с пьедестала,
Марс — шевронный инвалид.
Мир во что бы то ни стало!

Бог военной суеты
Лучше пусть шалит с Кипридой...
Ты, богиня красоты,
Человечество не выдай!
А вопрос про старый Рейн
Мы поставим так сначала:
Мил лафит, хорош рейнвейн.
Мир во что бы то ни стало!

1870

¹ Горе мне! (Евр.) — *Ред.*

93. СТИХИЙНАЯ СИЛА

Где приют для мира уготован?
Где найдет свободу человек?
Старый век грозой ознаменован —
И в крови родился новый век.

Шиллер. «Начало нового века»

Только одно поколение людей
Выступит с новым запасом идей —
И с барабанным, торжественным боем
В вечность наш век отойдет под конвоем
Умственных бурь и военных тревог,
Время подпишет в кровавый итог,
Что в девятнадцатом веке царила
Грубая сила, стихийная сила.

Тщетен был опыт минувших веков,
Слава героев, умы мудрецов;
Тщетно веками скоплялись богатства
Равенства, знания, свободы и братства.
Нужны усилия страшные вновь,
Жертвы, мученья, темницы и кровь,
Чтоб хоть крупницы от них уступила
Грубая сила, стихийная сила.

Все силы духа во все времена
В лапах железных держала она.
Чтоб услужить ей, из всех мифологий,
Переодевшись, слетаются боги.
Непобедимым считался прогресс,
Но в наши дни беспримерных чудес
Времени дух, изловчась, покорила
Грубая сила, стихийная сила.

Вместе с богами и верой людей
Времени дух в услуженьи у ней.
Жиждущий дух плодотворных сомнений,
Зло отрицающий творческий гений
Духом сомненья в великих делах,
Гением смерти стал ныне в умах, —
Так чудотворно умы извратила
Грубая сила, стихийная сила.

Знания для жизни святой идеал
В формулах мертвых бесследно пропал,

Новым циклопам дав знание природы
Для истребления людей и свободы.
В кузницах смерти движение и стук
И — благо занято множество рук —
Светоч сознания совсем загасила
Грубая сила, стихийная сила!

Только сознания светоч угас —
Двинулось многое множество масс
Несокрушимым ни зноем, ни стужей
Грамотным мясом безграмотных ружей,
Неувядаемым цветом страны,
Где для крошечного ада войны
Женщин любить и рожать обучила
Грубая сила, стихийная сила!

Массы другие в раздумьи стоят,
Видя солдатского зверства разврат,
Гимны поют о кровавой расплате
Граждан, погрязших в греховном разврате;
Даже приветствуют век золотой
Равенства всех — перед смертью одной,
В тучах, которыми солнце затмила
Грубая сила, стихийная сила.

«Новый в крови нарождается век;
Где же свободу найдет человек?» —
Спрашивал Шиллер, взывая к свободе.
И девятнадцатый век на исходе —
Швабскому гению отзыва нет.
Самую жажду свободы в ответ
Порцией крови, смеясь, утолила
Грубая сила, стихийная сила!

1870

94. ВО ВСЕХ ТЫ, ДУШЕНЬКА, НАРЯДАХ ХОРОША!

Когда любил я в первый раз,
Не зная брачной обстановки,
Для ради взгляда милых глаз
Я разорялся на обновки.
И, от волненья чуть дыша,
Любуясь милой и нарядом,

Я страстно говорил, прельщенный нежным взглядом:
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Когда ж узнал и рай и ад
Посредством брачного обряда,
Я нахожу, что дамский взгляд
Дешевле дамского наряда.
Не тратя лишнего гроша,
Стал хладнокровно напевать я:
Тебе к лицу, мой друг, и простенькие платья —
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Времен минувших стрекулист
Еще владычествует в мире,
Хоть вымыт, выбрит, с виду чист,
В благопристойном вицмундире, —
Но всё чернильная душа
Хранит подьячества привычки —
Так черт ли — выпушки, погончики, петлички...
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Другой, хожалый древних лет,
Стал журналистом не на шутку
И перенес в столбцы газет
Свою упраздненную будку.
На черемиса, латыша,
На всю мордву валит доносом —
Хоть и зовет его общественным вопросом, —
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Времен минувших ростовщик,
Чуждаясь темного позора,
Усвоил современный шик
И назвал свой вертеп конторой;
Но та же алчность барыша
Томит и гласного вампира —
Так черт ли в том, что ты надел костюм банкира...
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Расставшись с шулерством прямым,
В виду общественного мненья,
Стал шулер зайцем биржевым,
Потом директором правленья.
Ты сделал ловко антраша,
И мастерски играешь роль ты;

Но всё равно: из карт или из акций вольты,—
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Хоть в наше время не секут
Дворовых Филек, Ванек, Васек;
Но ведь с того же дерева прут
В новейших школах держит классик.
Греко-латинская лапша —
Родня с березовою кашей,
Так скажем, встретившись с кормилицею нашей:
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Закон преследует разбой
Со взломом ящиков и ларцев,
Но вежливо зовет «войной»
Убийство жен, детей и старцев;
Хоть человечество кроша,
Аттила всё равно «бич божий»,
Какою ни прикрыт национальной кожей,—
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Пустил бы я во весь карьер
Куплет свободно за куплетом;
Но в скачках с рифмами барьер
Поставлен всадникам-поэтам,
Хоть каждый может, не спеша,
Предупредительные вожжи
Сравнить с карательным арапником... попозже...
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Что ты посеял — то пожнешь,
Сказали мудрецы в деревне;
В веках посеянная ложь
Костюм donaшивает древний.
Когда ж, честных людей смеша,
Форсит в одежде современной —
Мы с дружным хохотом в глаза споем презренной:
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Но скажем твердо, не шутя,
Хоть светлым днем, хоть темной ночью,
Когда — заблудшее дитя —
Сойдет к нам истина воочью,

Хотя б краснея, чуть дыша,
Хотя б классически раздета,
Хоть в гаерском плаще веселого куплета:
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!
(1871)

95. ЗА КОТОРУЮ ИЗ ДВУХ?

(НЕЙТРАЛЬНАЯ НОВОГОДНЯЯ ЗДРАВИЦА)

Друзья мои, мы строго нейтральны
На свой, чужой и на казенный счет;
Но русский же завет патриархальный
Велит встречать шампанским Новый год.
Смотрите, вот: кипучею игрою
Дух Франции в бокалах засверкал...
Подыдем же свободною рукою
За Францию хотя один бокал!

Естественной к своей земле любовью
В сознании оправдана война,
Народный меч святым стал, если кровью
Родных детей земля окроплена.
Права земли дает сама природа —
Тому и хлеб, кто ниву запахал.
Подыдем же, во имя прав народа,
За Францию еще один бокал!

Вне жизни нет искусства, нет науки!
В Париже — центр и знаний и искусств.
Не ум, сердца сложили эти звуки —
В сердцах людей нет нейтральных чувств.
Народам чужд пригодный для скитаний
По всем дворам туманный идеал.
Подыдем же, во имя светлых знаний,
За Францию еще один бокал!

Растет, растет в Германии «единой»
Союз штыков, но Франция одна —
И под сапог, подбитый дисциплиной,
Изменою повергнута она,
Чтоб новые гражданственности всходы
На почве их он в корне затоптал.
Подыдем же за будущность свободы,
За Францию еще один бокал!

За будущность? Но даже в наше время
В России уж былого рабства нет.
Где ж брошено святой свободы семя?
Где равенства блеснул впервые свет? —
Во Франции восемнадцатого века.
Подыдем же, во имя тех начал,
Во имя прав природных человека,
За Францию еще один бокал!

Двойную цепь, впотьмах, рукой дрожащей
Предательство осаде подает;
Но тверд в борьбе Париж, за всех скорбящий,—
В нем думает и действует народ,
В сияньи дня, над тем великим делом,
Которое бог мира указал.
Подыдем же — о мире в мире целом —
За Францию последний наш бокал!

1871

96—99. РЕАЛЬНЫЕ СОНЕТЫ

1

СОВРЕМЕННЫЙ СОНЕТ

Суровый Дант не презирал сонета.
«Сонет». Пушкин

«Суровый Дант не презирал сонета» —
Так заверял в былые дни поэт.
Я нахожу весьма разумным это:
Чем заслужил презрение сонет?

Что может быть удобней для поэта,
За каждый стих дающего ответ,
В том обществе, где более уж нет
На прежние стремления ответа?

К стихам своим поэт, конечно б, мог
Прибавить, сверх четырнадцати строк,
Горячую пятнадцатую строчку;

Но, в кандалах гармонии, он сам,
Предупреждая цензора, к стихам,
Как «Гражданин» к реформам, ставит точку.

1872 или 1873

НА ПРАЗДНИКАХ

Мы рождены для вдохновенья,
 Для звуков сладких и молитв.
«Чернь». Пушкин

Веселый трезвон по церквам
 На всех колокольнях окрестных,—
 И «чистые сердцем» во храм
 Стремятся в одеждах воскресных.

Отпущены людям грехи!
 И только поэт, одиноко,
 Творит не молитву — стихи —
 В беспраздничной скорби глубокой.

Он видит, как в будничной мгле
 Об воздухе, свете, тепле
 Идет окаянная битва —

И в бой с торжествующим злом
 Кидает сатиру, как гром;
 Сатира есть тоже молитва.
 (1873)

ПРИТЧА О СНЕГУРОЧКЕ

Как некогда Дарья застыла ¹
 В своем заколдованном сне —
 Так образ Снегурочки милой
 Теперь представляется мне.

В раздумьи склонилась уныло —
 Не знает, что делают с ней.
 Мертвящею мощью своей
 Над ней распростерся Ярило.

Излила бы в песнях святых
 Всю правду для ближних своих...
 Ни звука! Душа умирает...

¹ «Мороз Красный Нос», поэма г. Некрасова.

Недвижно сомкнулись уста.
Ни звука! Кругом пустота...
И тает Снегурочка, тает...

⟨1873⟩

4

НА ЗЕРКАЛО НЕЧА ПЕНЯТЬ...

Прекрасное — только в добродете-
ли; скверное — только в пороке.

Антисфен (первый циник)

Нравственность как будто бы слово всем известное;
Что ж такое нравственность — мы еще не знаем:
Рубище ль мужицкое, грязное, но честное?
Маска ли, надетая зверем-шелопаем?

Что такое чистое? что такое грязное?
Всё слова известные — но слова без связи.
По болезням общества и лечение разное:
Есть весьма целебные для гангрены грязи.

Против лицемерия, обществу ненужного,
Искренность — картешица люда безоружного.
Если переполнилась в наше время клиника

Русскому противными русскими тартюфами —
Выпалим в бесстыдников фарсами и буффами
И высоконравственным грубым смехом циника!
⟨1873⟩

100. <П. А. ЕФРЕМОВУ>

Изданну книжицу мной подношу вам, друже.
Аще и не нравен слог — мните, мог быть хуже.
Чтите убо без гневу, меня не кляните:
Невозможно на Руси Беранжерам быти.

1873

101. НОВЫЙ ПАНТЕЛЕЙ-ЦЕЛИТЕЛЬ
(ПОДРАЖАНИЕ СТАРОМУ «ПАНТЕЛЕЮ-ЦЕЛИТЕЛЮ»
ГРАФА А. К. ТОЛСТОГО)

ФЕЛЬЕТОННАЯ БАЛЛАДА

И на этих людей,
Государь Пантелей,
Палки ты не жалей
Суковатыя!

Гр. Толстой

Граф Сальяс-Турнемир ополчается.
Пантелеем он, слышь, величается,
Государь Пантелеем-целителем,
Земли русской, российской спасителем
От всей скверны и внешней и внутренней.
Уж как встал Турнемир перед утреней,
Не с крестом, не с честною молитвою,
Как оно надлежит перед битвою,
А за палку схватясь суковатую:
«Сам не знаю за что,— бает,— ратую!»

Граф Сальяс-Турнемир,
Государь Пантелей,
Не смеси божий мир,
Сам себя пожалей!

Ох ты, гой еси, ваше сиятельство!
Неприличны в печати ругательства,
И не вырастут травы целебные,
Коль посеешь слова непотребные.
Али речь ты повел с «пугачевцами»?
Аль считаешь читателей овцами?
Как же ты, с воспитанья-то светского,
Речь повел крепостного дворецкого,
Забубенную, слышь, залихватскую
И как быдто б маненько — кабацкую?

Ох ты, гой, граф Сальяс,
Турнемир Пантелей,—
Пощади, сударь, нас
И себя пожалей!

На врага ополчаясь газетного,
Дай нам речь убежденья заветного.
Метким словом поди — переспорь его,

А не фразой актера Григорьева,
Водевильной, отжившей, негодною,
Никогда и не бывшей народною!

Да еще разумей,
Турнемир-Пантелей:

Журналист, убеждающий палкою,
Конкурирует с куклою жалкою,
С деревянною детской игрушкою,
С драчуном балаганным Петрушкою,
А у кукол для споров все данные —
Только палки одни барабанные

Оттого, государь,
Что башки их, как встарь,
Деревянные!

1875

102. <М. Н. КАТКОВУ>

Поверь, для всех смешон шпионский твой задор,
С твоим доносом заученным,
Как разрумяненный трагический актер,
Махающий мечом картонным.

1875

103. ПОЭТУ-АДВОКАТУ (РЕАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКИЙ СОНЕТ)

Не бойся, адвокат, общественного мненья,
Когда имеется в виду солидный куш
И убеждения податливы к тому ж,
Берись за все дела! Какие тут сомненья!

В тебе, в твоём нутре таятся убежденья,
Вполне согласные со злобой наших дней:
Тем преступления доходней, чем крупней,
И только мелкие позорны преступленья.

Что значит суд толпы? Ты сам свой высший суд.
Конечно, оценить сумеешь ты свой труд
Дороже, чем богач, не только пролетарий.

Так плюнь на суд толпы и на газетный свист.
Запомни лишь одно, как адвокат-юрист:
Тем выше подвиг твой, чем выше гонорарий!
1875

**СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ
КУРОЧКИНУ**

104

Долго нас помещики душили,
Становые били,
И привыкли всякому злодею
Подставлять мы шею.
В страхе нас квартальные держали,
Немцы муштровали.
Что тут делать, долго ль до напасти,
Покоримся власти.
Мироеды тем и пробавлялись,
Над нами ломались,
Мы-де глупы, как овечье стадо,
Стричь да брить нас надо.
Про царей попы твердили миру
Спьяна или с жиру —
Сам-де бог помазал их елеем,
Как же пикнуть смеем?
Суд Шемякин, до бога высоко,
До царя далеко;
Царь сидит там в Питере, не слышит,
Знай указы пишет.
А указ как бисером нанизан,
Не про нас лишь писан;
Так и этак ты его читаешь —
Всё не понимаешь.
Каждый бутарь звал себя с нахальством
Малым начальством.
Знать, и этих, господи ты боже,
Мазал маслом тоже.
Кто слышал о 25-м годе
В крещеном народе?
Когда б мы тогда не глупы были,
Давно б не тужили.

Поднялись в то время на злодеев
Кондратий Рылеев,
Да полковник Пестель, да иные
Бояре честные.
Не сумели в те поры мы смело
Отстоять их дело,
И сложили головы за братьей
Пестель да Кондратий.
Не найдется, что ль, у нас иного
Друга Пугачева,
Чтобы крепкой грудью встал он смело
За святое дело.

⟨1861⟩

105

Много прошло их с безличной толпою,
Юношей честных с горячей душою,
Светлые кудри по плечам их вились,
Ясные очи любовью светились,
В добрых сердцах их кипела отвага
Страстно бороться для общего блага,
В них зарождались могучие звуки
Счастья во имя любви и науки!

Чистые девы шли об руку с ними,
Грезами жизнь озарив золотыми...
Сердце в них к ближним сочувствием билось,
Чувство их в жизнь перелиться просилось,
Всюду внести утешенье, отраду,
В подвиге трудном стяжая награду;
Отклик на всё благородное — смело
Выразить чувство их внятно умело!

Годы прошли заповедной чредою,
Люди — всё той же ничтожной толпою,
Только знакомые лица сменились...
Где же они-то, вам близкие, скрылись?
С ними ли мы или в мире другом!
Барынь, чиновников видим кругом,
Тщетно их ищем... Откликнитесь, где вы,
Страстные юноши, чистые девы?

Или их жизнь без пощады сломала,
Мысль их и помыслы чистые смяла?
Бороды их сединой убелились...
Где ж из них те, что вполне проявились
Делом прекрасным, высоким трудом?..
Знают их — если и знают о ком —
Немцы, хозяева скромных гарниров,
Да половые известных трактиров...

Но умирает ли в жизни стремленье?
Новое чутко встает поколение,
Те же порывы в сердцах молодых,
Те же надежды, отвага у них,
Тот же огонь... помогай же им, боже,
Да чтобы юноши были моложе,
Чтоб за добро ополчались смело
И — да подвинется общее дело!

⟨1862⟩

Песни Беранже

106. СТАРЫЙ КАПРАЛ

В ногу, ребята, идите.
Полно, не вешать ружья!
Трубка со мной... проводите
В отпуск бессрочный меня.
Я был отцом вам, ребята...
Вся в седирах голова...
Вот она — служба солдата!..
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Да, я прибил офицера!
Молод еще оскорблять
Старых солдат. Для примера
Должно меня расстрелять.
Выпил я... Кровь заиграла...
Дерзкие слышу слова —
Тень императора встала...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Честною кровью солдата
Орден не выслужить вам.
Я поплатился когда-то,
Задали мы королям.
Эх! наша слава пропала...
Подвигов наших молва
Сказкой казарменной стала...

В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Ты, землячок, поскорее
К нашим стадам воротись;
Нивы у нас зеленее,
Легче дышать... поклонись
Храмам селенья родного...
Боже! Старуха жива!..
Не говори ей ни слова...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Кто там так громко рыдает?
А! я ее узнаю...
Русский поход вспоминает...
Да, отогрел всю семью...
Снежной, тяжелой дорогой
Нес ее сына... Вдова
Вымолит мир мне у бога...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Трубка, никак, догорела?
Нет, затанусь еще раз.
Близко, ребята. За дело!
Прочь! не завязывать глаз,
Целься вернее! Не гнуться!
Слушать команды слова!
Дай бог домой вам вернуться.
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

〈1855〉

Друзья, природою самою
 Назначен наслажденьям срок:
 Цветы и бабочки — весною,
 Зимой — виноградный сок.
 Снег тает, сердце пробуждая;
 Короче дни — холодеет кровь...
 Прощай вино — в начале мая,
 А в октябре — прощай любовь!

Хотел бы я вино с любовью
 Мешать, чтоб жизнь была полна;
 Но, говорят, вредит здоровью
 Избыток страсти и вина.
 Советам мудрости внимая,
 Я рассудил без дальних слов:
 Прощай вино — в начале мая,
 А в октябре — прощай любовь!

В весенний день моя свобода
 Была Жаннете отдана;
 Я ей поддался — и полгода
 Меня дурачила она!
 Кокетке всё припоминая,
 Я в сентябре уж был готов...
 Прощай вино — в начале мая,
 А в октябре — прощай любовь!

Я осенью сказал Адели:
 «Прощай, дитя, не помни зла...»
 И разошлись мы; но в апреле
 Она сама ко мне пришла.
 Бутылку тихо опуская,
 Я вспомнил смысл мудрейших слов:
 Прощай вино — в начале мая,
 А в октябре — прощай любовь!

Так я дошел бы до могилы...
 Но есть волшебница: она
 Крепчайший спирт лишает силы
 И охмеляет без вина.
 Захочет — я могу забыться,

Смешать все дни в календаре:
Весной — бесчувственно напиться...
И быть влюбленным в декабре!
(1855)

108. ПАДАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ

— Неужто звездочки, пастух,
Над нашими судьбами
На небе смотрят? — Да, мой друг!
Невидимая нами
Звезда для каждого горит...
— Ах, дедушка, кто знает,
Чья это звездочка блесит,
Блесит — и исчезает?

— То умер человек, мой друг,
И с ним звезда упала.
Его веселость тесный круг
Друзей одушевляла;
Его бокал едва допит...
Он мирно отдыхает...
— Еще звезда, блесит-блесит,
Блесит — и исчезает.

— Ясней и чище в эту ночь
Звезды не зажигалось!
Отец оплакивает дочь;
Ей счастье улыбалось:
Венок из роз невесте свит...
Алтарь любви сияет...
— Еще звезда, блесит-блесит,
Блесит — и исчезает.

— Дитя, с мелькнувшею звездой
Сын умер у вельможи.
Покрыто тканью золотой
Младенческое ложе...
Голодный льстец, смутясь, глядит,
Как жертва ускользает...
— Еще звезда, блесит-блесит,
Блесит — и исчезает.

— Мой сын, надменный временщик
Упал звездой кровавой...
Он думал: силен я, велик!
Упал — и раб лукавый
Иному идолу кадит,
Его портрет бросает...
— Еще звезда, блестит-блестит,
Блестит — и исчезает.

— Она упала! Сын мой, плачь!
Лишились мы опоры:
С душою доброю богач
Смежил навеки взоры;
К порогу нищий прибежит —
И горько зарыдает...
— Еще звезда, блестит-блестит,
Блестит — и исчезает.

— Скатилась яркая звезда
Могущества земного!
Будь чист, мой сын, трудись всегда
Для блага мирового.
Того, кто суетно гремит,
Молва уподобляет
Звезде — которая блестит,
Блестит — и исчезает.

⟨1855⟩

109. СТАРУШКА

Ты отцвешь, подруга дорогая,
Ты отцвешь — твой верный друг умрет...
Несется быстро стрелка роковая,
И скоро мне последний час пробьет.
Переживи меня, моя подруга,
Но памяти моей не изменяй —
И, кроткою старушкой, песни друга
У камелька тихонько напевай.

А юноши по шелковым сединам
Найдут следы мииувшей красоты
И робко спросят: «Бабушка, скажи нам,

Кто был твой друг? О ком так плачешь ты?»
Как я любил тебя, моя подруга,
Как ревновал, ты всё им передай —
И, кроткою старушкой, песни друга
У камелька тихонько напевай.

И на вопрос: «В нем чувства было много?»
— «Он был мне друг», — ты скажешь без стыда.
«Он в жизни зла не сделал никакого?»
Ты с гордостью ответишь: «Никогда!»
Как про любовь к тебе, моя подруга,
Он песни пел, ты всё им передай —
И, кроткою старушкой, песни друга
У камелька тихонько напевай.

Когда к тебе, покрытой сединами,
Знакомой славы донесется след,
Твоя рука дрожащая цветами
Весенними украсит мой портрет.
Туда, в тот мир невидимый, подруга,
Где мы сойдемся, взоры обращай —
И, кроткою старушкой, песни друга
У камелька тихонько напевай.

⟨1855⟩

110. КАК ЯБЛОЧКО, РУМЯН

Как яблочко, румян,
Одет весьма беспечно,
Не то чтоб очень пьян —
А весел бесконечно.
Есть деньги — прокутит;
Нет денег — обойдется,
Да как еще смеется!
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, говорит, потеха!
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

Шатаюсь по ночам
Да тратясь на девчонок,

Он, кажется, к долгам
Привык еще с пеленок.
Полиция грозит,
В тюрьму упрятать хочет —
А он-то всё хохочет...
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, говорит, потеха!
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

Забился на чердак,
Меж небом и землею;
Свистит себе в кулак
Да ежится зимою.
Его не огорчит,
Что дождь сквозь крышу льется:
Измокнет весь, трясется...
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, говорит, потеха!
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

У молодой жены
Богатые наряды;
На них устремлены
Двусмысленные взгляды.
Злословье не щадит,
От сплетен нет отбою...
А он — махнул рукою...
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, говорит, потеха!
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

Собрался умирать,
Параличом разбитый;
На ветхую кровать
Садится поп маститый
И бедному сулит

Чертей и ад кромешный...
А он-то, многогрешный,
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, говорит, потеха!
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

⟨1856⟩

111. ЗНАТНЫЙ ПРИЯТЕЛЬ

Я всей душой к жене привязан;
Я в люди вышел... Да чего!
Я дружбой графа ей обязан.
Легко ли! Графа самого!
Делами царства управляя,
Он к нам заходит как к родным.
Какое счастье! Честь какая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!
В сравненьи с ним,
С лицом таким —
С его сиятельством самим!

Прошедшей, например, зимою
Назначен у министра бал;
Граф приезжает за женою,—
Как муж, и я туда попал.
Там руку мне при всех сжимая,
Назвал приятелем своим!..
Какое счастье! Честь какая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!
В сравненьи с ним,
С лицом таким —
С его сиятельством самим!

Жена случайно захворает —
Ведь он, голубчик, сам не свой:
Со мною в преферанс играет,
А ночью ходит за больной.
Приехал, весь в звездах сияя,
Поздравить с ангелом моим...
Какое счастье! Честь какая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!

В сравненьи с ним,
С лицом таким —
С его сиятельством самим!

А что за тонкость обращенья!
Приедет вечером, сидит...
«Что вы всё дома... без движенья?..
Вам нужен воздух...» — говорит.
«Погода, граф, весьма дурная...»
— «Да мы карету вам дадим!»
Предупредительность какая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!
В сравненьи с ним,
С лицом таким —
С его сиятельством самим!

Зазвал к себе в свой дом боярский:
Шампанское лилось рекой...
Жена уснула в спальне дамской...
Я в лучшей комнате мужской.
На мягком ложе засыпая,
Под одеялом парчевым,
Я думал, нежась: честь какая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!
В сравненьи с ним,
С лицом таким —
С его сиятельством самим!

Крестить назвался непременно,
Когда господь мне сына дал,—
И улыбался умиленно,
Когда младенца восприял.
Теперь умру я, уповая,
Что крестник взыскан будет им...
А счастье-то, а честь какая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!
В сравненьи с ним,
С лицом таким —
С его сиятельством самим!

А как он мил, когда он в духе!
Ведь я за рюмкою вина
Хватил однажды: ходят слухи...
Что будто, граф... моя жена...

Граф, говорю, приобретаю...
Трудясь... я должен быть слепым...
Да ослепит и честь такая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!
В сравненьи с ним,
С лицом таким —
С его сиятельством самим!

⟨1856⟩

112. ТОСКА ПО РОДИНЕ

«В Париж, пастух, в Париж! Ты молод,— вы
сказали,—
Отдайся склонностям любимым и мечтам;
Познания, золото и роскошь побеждали
Любовь к родным полям».
Но здесь рассеялись мечтанья золотые;
Морщины у меня прорезались на лбу...
Отдайте мне поля мои родные,
Мой лес, мою избу!

Вы мой развили ум, вы дали мне дар слова,
Искусства унесли меня за облака;
Но мне здесь холодно, здесь тяготит больного
По родине тоска.
На ваших женщинах наряды дорогие,
Но на пирах у вас блуждаю я, как тень.
Отдайте мне поля мои родные
И наш воскресный день!

Мы жалки, мы смешны, мы дети перед вами,
С своими сказками и песнями отцов;
Блеск вашей оперы смутил бы чудесами
Крестьянских колдунов.
Я слышал ваш концерт: в нем гимны неземные
Крылатых жителей заоблачной страны.
Отдайте мне поля мои родные
И песни старины!

Мне грустно самому смотреть на избы наши,
На церковь бедную из почернелых плит;
Здесь высятся дворцы, один другого краше,
Здесь мрамор и гранит;

В лучах заката здесь чертоги золотые
Воздушным призраком являются очам.
Отдайте мне поля мои родные
И деревенский храм!

Я вяну с каждым днем, я ночью, засыпая,
Страшусь, чтоб родину во сне не увидеть:
Там воет верный пес, там ждет меня, рыдая,
Моя больная мать,
Стада, мои стада терзают волки злые,
Избушку бедную разрушила метель...
Отдайте мне поля мои родные,
Мой посох и свирель!

Что слышу я? Сбылись мои ночные грезы!
«Ступай, пастух, ступай! — вы говорите мне. —
Пусть солнце светлое твои осушит слезы
В родимой стороне».
Прости, волшебный край! Пускай толпы иные
На чудеса твои бегут со всех сторон, —
Увижу снова я поля мои родные,
Избу, где я рожден!

⟨1856⟩

113. ПТИЧКА

В самой страсти цепь привычки
Я с трудом ношу —
И на крылья вольной птички
С завистью гляжу.
Сколько воздуха, простора,
Недоступного для взора,
Свод небес открыл!
Я летал бы скоро-скоро,
Если б птичкой был!

Завещала б Филомела
Тайну звуков мне;
Птичка б весело запела
В дикой стороне,
Где пустынный, в чаще бора,
Не спуская с неба взора,
Братьев не забыл...

Я летал бы скоро-соро,
Если б птичкой был!

Знойной страстью бы гремели
Песни по полям;
Поселяне бы хмелели
В честь красавиц там.
Я бы с неба в дни раздора
Всем несчастным без разбора
В звуках радость лил.
Я летал бы скоро-соро,
Если б птичкой был!

Огласил бы казематы
Звонкий голос мой,
И, мечтаньями объятый
О стране родной,
Накануне приговора
Хоть на миг бы цепь позора
Узник позабыл.
Я летал бы скоро-соро,
Если б птичкой был!

Чуя в воздухе страданья
И потоки слез,
Я бы на берег изгнанья
Мира ветвь принес.
Царь Саул бы в звуках хора
Дух унынья и раздора
И свой гнев забыл.
Я летал бы скоро-соро,
Если б птичкой был!

Только злых не усладил бы
Пеньем никогда,
Разве птичку подстрелил бы
Бог любви; тогда,
Покорясь ему без спора,
Я на зов родного взора,
Из последних сил,
Полетел бы скоро-соро,
Если б птичкой был.

<1856>

114. СЛЕПОЙ НИЩИЙ

Из села в село бредет
Старый нищий ковыляя
И, по струнам ударяя,
Слабым голосом поет:
— У народа молодого,
У честных прошу людей:
Бросьте несколько грошей!
(И дают ему без слова!)
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

Ходит с девочкой слепой;
Шумный праздник в околотке:
— Веселитесь, красотки,
В пляске резвой и живой!
Ради друга дорогого
Молодых прошу парней:
Бросьте несколько грошей —
Я за парня слыл лихого!
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

В темной роще, слышит он,
Поцелуй звучит украдкой.
— Ах,— поет он,— здесь так сладко,
Здесь любовь со всех сторон!
Вспомнил я грешки былого...
Смех, как взглянешь на мужей!
Бросьте несколько грошей
Ради мужа отставного...
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

Ходят девушки толпой,
Раздается смех беспечный.
— Ах,— поет,— любите вечно
И цветите красотой!
Оттолкнет меня сурово
Целомудрие ханжей.
Бросьте несколько грошей —
Вы характера иного...

Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

К разгулявшимся жнецам
Подойдет, напоминая,
Что и в годы урожая
Жатвы нету беднякам.
— Вам небось от золотого
Винограда веселей?
Бросьте несколько грошей —
Так и я хвачу простого!
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

У солдат ли пир горой —
Кружки двигаются живо.
— Я ведь тоже был служивый,—
Говорит старик слепой,—
И теперь душа готова,
Кабы годы-то с костей!
Бросьте несколько грошей —
В память славного былого!
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

Он канючить не пойдет
В позлащенные чертоги,
А в селеньях, по дороге,
Где поваднее, поет,
Где рука подать готова,
Там поет он веселей:
Бросьте несколько грошей!
Счастья нет для сердца злого...
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

⟨1856⟩

115. ЛУЧШИЙ ЖРЕБИЙ

Назло фортуне самовластной
Я стану золото копить,
Чтобы к ногам моей прекрасной,
Моей Жаннеты, положить.

Тогда я все земные блага
Своей возлюбленной куплю;
Свидетель бог, что я не скрываю —
Но я люблю, люблю, люблю!

Сойди ко мне восторг поэта —
И отдаленнейшим векам
Я имя милое: Жаннета —
С своей любовью передам.
И в звуках, слаще поцелуя,
Все тайны страсти уловлю:
Бог видит, славы не ищу я —
Но я люблю, люблю, люблю!

Укрась чело мое корона —
Не возгоржусь нисколько я,
И будет украшением трона
Жаннета резвая моя.
Под обаяньем жгучей страсти
Я все права ей уступлю...
Ведь я не домогаюсь власти —
Но я люблю, люблю, люблю!

Зачем пустые обольщенья?
К чему я призраки ловлю?
Она в минуту увлеченья
Сама сказала мне: люблю.
Нет! лучший жребий невозможен!
Я полон счастьем моим:
Пускай я беден, слаб, ничтожен,
Но я любим, любим, любим!

⟨1856⟩

116. ДОБРАЯ ФЕЯ

Некогда, милые дети,
Фея Урганда жила,
Маленькой палочкой в свете
Делав большие дела.
Только махнет ею — мигом
Счастье прольется везде...
Добрая фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?

Ростом — вершок с половиной;
Только когда с облаков
Фею в коляске сапфирной
Восемь везли мотыльков —
Зрел виноград по долинам,
Жатвы виднелись везде...
Добрая фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?

Царь был ей крестник; заботы
Царства лежали на ней —
Ну, и министров отчеты
Были, конечно, верней:
Средств не имелось к поживам
Рыбкою в мутной воде...
Добрая фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?

Перед зеркалом глядела
Фея в судейский устав.
Бедный выигрывал дело,
Если по делу был прав;
Плут, не спасаясь и чином,
Назван был плутом в суде,—
Добрая фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?

Матерью крестной хранимый,
Царь был примером царям;
Сильным народом любимый,
Страшен заморским врагам.
Фею с ее крестным сыном
Благословляли везде...
Добрая фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?

Добрая фея пропала...
Где она — нет и следа:
Плохо в Америке стало —
В Азии плохо всегда.
Нас в нашем царстве орлином
Холят, как птичек в гнезде...
Все-таки, фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?

〈1856〉

Шел некогда корабль из Африки далекой —
На рынок негров вез британец-капитан;
Бессильных жертв, как мух, давил удел жестокий,
И их десятками валили в океан.
Вот дело-то смекнув, стал капитан лукавить:
— Чего вы хнычете? не били вас давно!..
Постойте,— говорит,— вас надо позабавить:
Рабы! вот куклы вам — смотрите, как смешно.

Сейчас на палубе театр соорудили..
Известно: ширмочки и больше ничего.
Петрушку буйного бесчинствовать пустили —
А этот рассмешить способен хоть кого!
Ну, негры в первый раз спектаклем наслаждались.
Сначала хлопали глазами — мудрено!
Потом улыбочки на лицах показались..
Рабы! вот куклы вам — смотрите, как смешно.

Одну комедию играют куклы вечно:
К Петрушке будочник откуда ни явись,
Петрушка бить его, избил его, конечно,—
И страж спокойствия за ширмами повис.
Ну, тут уж черные до слез расхохотались
(Ведь смысл комедии понять немудрено).
Забыли, что навек с отечеством расстались..
Рабы! вот куклы вам — смотрите, как смешно.

Черт вызвал их любовь своею чернотою:
Глаза уставили и наострили слух;
Как взял Петрушку он, да как увлек с собою —
От наслаждения у негров замер дух.
Смеясь и радуясь, что хоть в пустой забаве
Над белым *черному* торжествовать дано,
Несчастные, в цепях, задумались о славе..
Рабы! вот куклы вам — смотрите, как смешно.

Так умный капитан смешил их всю дорогу,
Пока в Америку на рынок не привез
И там не продал их. Благодаренье богу,
Что дело обошлось без палок и без слез.
Я назвал баснею; теперь бы наставленьем..

Да этой басни смысл понять немудрено...
Вы многим бы вещам хотели объясненья —
Довольно кукол с вас — смотрите, как смешно.

⟨1856⟩

118. ПОРТНОЙ И ВОЛШЕБНИЦА

В Париже, нищетой и роскошью богатым,
Жил некогда портной, мой бедный старый дед;
У деда в тысячу семьсот восьмидесятом
Году впервые я увидел белый свет.
Орфея колыбель моя не предвещала:
В ней не было цветов... Вбежав на детский крик,
Безмолвно отступил смутившийся старик:
Волшебница в руках меня держала...
И умирало ласковое пенье
Мой первый крик и первое смятенье.

В смущеньи дедушка спросил ее тогда:
«Скажи, какой удел ребенка в этом мире?»
Она в ответ ему: «Мой жезл над ним всегда.
Смотри: вот мальчиком он бежит в трактире,
Вот в типографии, в конторе он сидит...
Но, чу! Над ним удар проносится громовый
Еще в младенчестве... Он для борьбы суровой
Рожден... но бог его для родины хранит...»
И умирало ласковое пенье
Мой первый крик и первое смятенье.

«Но вот пришла пора: на лире наслажденья
Любовь и молодость он весело поет;
Под кровлю бедного он вносит примиренье,
Унынью богача забвенье он дает.
И вдруг погибло всё: свобода, слава, гений!
И песнь его звучит народною тоской...
Так в пристани рыбак рассказ своих крушений
Передает толпе, испуганной грозой...»
И умирало ласковое пенье
Мой первый крик и первое смятенье.

«Всё песни будет петь! Не много в этом толку! —
Сказал, задумавшись, мой дедушка-портной. —
Уж лучше день и ночь держать в руках иголку,
Чем без следа пропасть, как эхо, звук пустой...»

— «Но этот звук пустой — народное сознание! —
В ответ волшебница. — Он будет петь грозу,
И нищий в хижине и сосланный в изгнание
Над песнями прольют отрадную слезу...»
И умирало ласковое пенье
Мой первый крик и первое смятение.

Вчера моей душой уныние овладело,
И вдруг глазам моим предстал знакомый лик.
«В твоём венке цветов не много уцелело, —
Сказала мне она, — ты сам теперь старик.
Как путнику мираж является в пустыне,
Так память о былом отрада стариков.
Смотри, твои друзья к тебе собрались ныне —
Ты не умрешь для них и будущих веков...»
И умирало ласковое пенье,
Как некогда, души моей смятение.

⟨1857⟩

119. СОЛОВЬИ

Ночь нависла тяжелою тучей
Над столицей веселья и слез;
С вечной страстью и с песнью могучей
Вы проснулись, любовники роз!
Сердце мыслит в минуты покоя;
О, как счастлив, в ком бодрствует дух!
Мне понятно молчанье ночное:
Соловьи, услаждайте мой слух.

От чертогов, где царствует Фрина,
Улетайте, влюбленные, прочь:
Заповедные льются там вина
С новой клятвой каждую ночь;
Хоть не раз испытало потерю
Это сердце, сжимаясь от мук,
В правду чувства я всё еще верю...
Соловьи, услаждайте мой слух.

Вот чертоги тельца золотого:
Не запасть вашим песням туда!
Очерствелому сердцу скупого
Благодать этих песен чужда.

Если ночь над богатым витает,
Принося в каждом звуке испуг,—
В бедный угол мой муза влетает.
Соловьи, услаждайте мой слух.

Улетайте далеко, далеко
От рабов, к вашим песням глухих,
Заковавшихся с целью жестокой
Заковать в те же цепи других.
Пусть поет гимны лести голодной
Хор корыстью измученных слуг —
Я, как вы, распеваю свободно...
Соловьи, услаждайте мой слух.

Громче, громче доносятся трели...
Соловьи, вы не любите злых:
Ароматы весны долетели
В ваших песнях ко мне золотых.
В моем сердце вселилась природа,
От восторга трепещет мой дух...
Ах, когда бы всю ночь до восхода
Соловьи услаждали мой слух!

⟨1857⟩

120. БЕДНЫЙ ЧУДАК

Всем пасынкам природы
 Когда прожить бы так,
Как жил в былые годы
 Бедняга-весельчак.
Всю жизнь прожить не плача,
 Хоть жизнь куда горька...
Ой ли! Вот вся задача
 Бедняги-чудака.

Наследственной шляпенки
 Пред знатью не ломать,
Подарочек девчонки —
 Цветы в нее вплетать,
В шинельке ночью лежа,
 Днем — пух смахнул слегка!
Ой ли! Вот вся одежа
 Бедняги-чудака.

Два стула, стол трехногий,
 Стакан, постель в углу,
Тюфяк на ней убогий,
 Гитара на полу,
Швеи изображенье,
 Шкатулка без замка...
Ой ли! Вот всё именье
 Бедняги-чудака.

Из папки ребятишкам
 Вырезывать коньков,
Искать по старым книжкам
 Веселеньких стишков,
Плясать — да так, чтоб скука
 Бежала с чердака,—
Ой ли! Вот вся наука
 Бедняги-чудака.

Чтоб каждую минуту
 Любовью освятить —
В красавицу Анюту
 Всю душу положить,
Смотреть спокойным глазом
 На роскошь... свысока...
Ой ли! Вот глупый разум
 Бедняги-чудака.

«Как стану умирать я,
 Да не вменят мне в грех
Ни бог, ни люди-братья
 Мой добродушный смех;
Не будет нареканья
 Над гробом бедняка».
Ой ли! Вот упованья
 Бедняги-чудака.

Ты, бедный,— ослепленный
 Богатствами других,
И ты, богач,— согбенный
 Под ношей благ земных,—
Вы ропщете... Хотите,
 Чтоб жизнь была легка?
Ой ли! Пример берите
 С бедняги-чудака.

⟨1857⟩

121. «НЕТ, ТЫ НЕ ЛИЗЕТА»

Как, Лизета, ты —
В тканях, шелком шитых?
Жемчуг и цветы
В локонах завитых?

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизета.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Кони у крыльца
Ждут Лизету ныне;
Самый цвет лица
Куплен в магазине!..

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизета.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Залы в зеркалах,
В спальне роскошь тоже —
В дорогих коврах
И на мягком ложе.

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизета.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Ты блестишь умом,
Потупляешь глазки —
Как товар лицом,
Продавая ласки.

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизета.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Ты цветком цвела,
Пела вольной птицей,
Но тогда была
Бедной мастерицей.

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизета.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Как дитя проста,
Сердца не стесняя,
Ты была чиста,
Даже изменяя...

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизета.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Но старик купил
Сам себе презренье
И — позолотил
Призрак наслажденья.

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизета.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Скрылся светлый бог
В невозвратной дали...
Он швею берег —
Вы графиней стали.

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизета.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

⟨1857⟩

122. СТАРЫЙ БРОДЯГА

Яма эта будет мне могилой.
Умираю немощный и хилый...
Здесь толпа беспечная пройдет;
Скажут: пьян, должно быть, с горя, **бедный!**
Кто добрее, грош мне бросит медный
И глаза, краснея, отвернет...
Что жалеть? Венчайтесь цветами!
А бродяга старый в этой яме
Без участия вашего умрет.

Уходили горе, старость, злоба
И шатанье впроголодь до гроба!..
Целый год мечтал я об одном:
Умереть бы только на постели —
Нет больницы, где б меня призрели...
Говорят: наполнены битком.
Всё народ счастливый приютился!
Под открытым небом, как родился,
И уснет бродяга вечным сном.

Прокормиться думал я трудами,
Я просил работы со слезами —
Да просил не в добрый, видно, час:
Никуда бездомного не взяли!
Из окошек кости мне бросали,
И, как пес, я их глодал не раз,
В конурах, в конюшнях засыпая,—
И бродяга старый, умирая,
Богачи, не проклиняет вас.

Воровать и грабить приходилось...
Да на сердце совесть шевелилась.
А соблазн, соблазн со всех сторон!
И пошел канючить, по дороге
Попадая в тюрьмы да в остроги...
Двадцать раз, никак, был заключен!
Наглotalся я казенной пищи!
Солнце всем сияет; старый нищий
Даже солнца светлого лишен.

Разве есть отчизна у бездомных?
Что мне в ваших фабриках огромных,

В тучных нивах, в блеске городов?
В пышных храмах, в важных заседаниях,
В громкой славе вашей и в собраниях
Краснобаев ваших и льстецов?
А ваш город занят был врагами —
Заливался глупыми слезами
Нищий, сытый — от руки врагов.

Червь зловердный — я вас беспокою?
Раздавите гадину ногою.
Что жалеть — приплюсните скорей!
Отчего меня вы не учили?
Не дали исхода дикой силе:
Вышел бы из червя муравей.
Я бы умер, братьев обнимая...
А бродягой старым умирая,
Призываю мщенье на людей!

⟨1857⟩

123. ПЕСНЬ ТРУДА

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

На неподкупленной лире
Громкую славу споем
Тем, кто живет в этом мире
Честным трудом.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Жизни веселой наука
Не тяжела для простых...
Братья мои, вам порука —
В песнях моих.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Бедность несла для примера
В древности мудрость сама;
Вызвали песни Гомера —
Посох, сума.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Доле блестящей, великой
Тяжкий бывает конец;
В бочке, с всемирным владыкой
Спорил мудрец.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Средь раззолоченных клеток
Веет уныньем пустынь;
Лучше уж есть без салфеток,
Спать без простынь!

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Бог легкокрылый порхает
Там, где не видит оков:
Полной хозяйкой влетает
К бедным любовь.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Дружба не знается с злыми;
Но в кабаке, где вино
Тянут служивые, — с ними
Пьет заодно.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

⟨1857⟩

124. БАБУШКА

Старушка под хмельком призналась,
Качая дряхлой головой:
«Как молодежь-то увивалась
В былые дни за мной!

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

— «Как, бабушка, ты позволяла?»
— «Э, детки! Красоте своей
В пятнадцать лет я цену знала —
И не спала ночей...

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

— «Ты, бабушка, сама влюблялась?»
— «На что же бог мне сердце дал?
Я скоро милого дождалась,
И он недолго ждал...

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

— «Ты нежно, бабушка, любила?»
— «Уж как нежна бывала с ним,
Но чаще время проводила —
Еще нежней с другим...

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

— «С другим, родная, не краснея?»
— «Из них был каждый не дурак,
Но я, я их была умнее:
Вступив в законный брак.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

— «А страшно мужа было встретить?»
— «Уж больно был в меня влюблен;
Ведь мог бы многое заметить —
Да не заметил он.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

— «А мужу вы не изменяли?»
— «Ну, как подчас не быть греху!
Но я и батюшке едва ли
Откроюсь на духу.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

— «Вы мужа наконец лишились?»
— «Да, хоть не нов уже был храм,
Кумиру жертвы приносились
Еще усердней там.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

— «Нам жить ли так, как вы прожили?»
— «Э, детки! женский наш удел!..
Уж если бабушки шалили —
Так вам и бог велел.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

〈1857〉

125. ГРОЗА

Пойте, резвитесь, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете —
Пойте, резвитесь, дети!

Книги скорей по шкапам!
В поле из комнаты душной!
Мальчики, девочки... Гам,
Песни и смех простодушный...

Пусть всё притихло кругом,
Мрачной исполнясь тоски;
Пусть собирается гром!
Дети, сплетайте венки.

Пойте, резвитесь, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете —
Пойте, резвитесь, дети!

Грозно молчание мглы...
В воду попрятались рыбки.
Птички молчат... Но светлы
Детские ваши улыбки.

Светел и верен ваш взгляд:
После не страшных вам бурь
Ваши глаза отразят
Ясного неба лазурь.

Пойте, резвитесь, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете —
Пойте, резвитесь, дети!

Жребий нам выпал дурной;
Но мы за правду стояли:
Мстили одною рукой,
Цепи другою срывали.

И с колесницы побед
Пали, не сдавшись врагам,
Но изумившую свет
Славу оставили вам.

Пойте, резвитесь, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете —
Пойте, резвитесь, дети!

В черный родились вы час!
Враг в свои медные горны
Первый приветствовал вас
Днем нашей участи черной;

Отозвались на зов
Средь разоренных полей
Вместе с слезами отцов
Первые крики детей.

Пойте, резвитесь, дети!
Черные тучи над нами;

Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете —
Пойте, резвитесь, дети!

Лучших из ряда бойцов
Вырвала храбрых могила;
Над головами отцов
Буря детей просветила:

Пусть испытанья отцам!
Дети, господь вас хранит!
Нива грядущего вам
Лучшую жатву сулит.

Пойте, резвитесь, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете —
Пойте, резвитесь, дети!

Дети, гроза всё слышней...
Гнев приближается Рока...
Рок, не пугая детей,
Взрослых страшит издалика...

Если я гибну певцом
Бедствий народных и слез,
Гроб мой украсьте венком,
Вами сплетенным из роз.

Пойте, резвитесь, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете —
Пойте, резвитесь, дети!

⟨1857⟩

126. РАЗБИТАЯ СКРИПКА

Что, мой пес, приуныл? Или против врага
И тебя, как меня, точит злоба?
Ешь, покуда остался кусок пирога...
Завтра грызть черствый хлеб будем оба.

Здесь вражий пир вчера справлялся;
Один надменно говорил:
«Играй, старик» — я отказался...
Он скрипку мне разбил.

Веселье, пляски — всё разбито!
Кто здесь теперь возбудит вновь
Беспечный говор, смех забытый?
Кто вызовет любовь?

Ведь эти струны возвещали
Счастливцу ясную зарю,
Когда невесту снаряжали
Родные к алтарю.

Ведь здесь, под этими струнами,
Дрожала вечером земля;
От них расправились бы сами
Морщины короля.

И что ж? за песни нашей славы,
Наследье дедов и отцов, —
Над ней свершился суд неправый
И злая месть врагов.

Что, мой пес, приуныл? Или против врага
И тебя, как меня, точит злоба?
Ешь, покуда остался кусок пирога...
Завтра грызть черствый хлеб будем оба.

Пошлет ли бог благословенье
На труд, без песен начатой?
Как длинно будет воскресенье,
День отдыха святой!

Как в сказках палочка простая
В руках у феи — мой смычок
Был силен, бедных утешая
Везде, где только мог.

Носился смех, блистали взоры,
Когда по струнам он порхал,
И холод, подати, наборы
Бедняк позабывал.

Теперь — вся ненависть поднята...
Воскресла злоба прежних лет:
Давайте ж мне ружье солдата,
Когда уж скрипки нет!

Пойду на смерть с народной славой,
Да скажут внуки обо мне:
Он не хотел, чтоб враг лукавый
Плясал в родной стране.

Что, мой пес, приуныл? Или против врага
И тебя, как меня, точит злоба?
Ешь, покуда остался кусок пирога...
Завтра грызть черствый хлеб будем оба.

⟨1857⟩

127. ЛИЗА

Не дорожа своей весною,
Вы мне дарите свой расцвет:
Дитя мое, ведь надо мною
Лежит, как туча, сорок лет.
В былые дни от поцелуя
Простой швеи я счастлив был...
Зачем любить вас не могу я,
Как Лизу некогда любил?

В карете пара вороная
Вас мчит в наряде дорогом,
А Лиза, юностью пленяя,
Ходила, бедная, пешком.
К ее глазам весь свет ревнуя,
За ними зорко я следил...
Зачем любить вас не могу я,
Как Лизу некогда любил?

Здесь в позлащенные карнизы
Громады высятся зеркал;
Дрянное зеркальцо у Лизы
Я граций зеркалом считал;
Без занавес постель простую
Луч солнца утром золотил...
Зачем любить вас не могу я,
Как Лизу некогда любил?

Поэтам лучшие создания
Вы взглядом можете внушать;
А Лиза — знаков препинанья,
Бедняжка, не могла понять;
Но бог любви, ей грудь волнуя,
Любить без слов ее учил...
Зачем любить вас не могу я,
Как Лизу некогда любил?

Вы лучше Лизы, вы умнее,
В вас даже больше доброты;
Она теряется, бледнея
В сияньи вашей красоты;
Но к ней влекли меня, чаруя,
Мой юный жар, избыток сил —
И уж любить вас не могу я,
Как Лизу некогда любил.

⟨1857⟩

128. НАВУХОДОНОСОР

1

В давно минувшие века,
До рождества еще Христова,
Жил царь под шкурою быка;
Оно для древних было ново.
Но льстили точно так же встарь
И так же пел придворный хор:
Ура! да здравствует наш царь!
Навуходоносор!

2

«Наш царь бодается, так что ж,
И мы топтать народ здоровы,—
Решил совет седых вельмож.—
Да здравствуют рога царицы!
Да и в Египте, государь,
Бык божество с давнишних пор —
Ура! да здравствует наш царь!
Навуходоносор!»

Державный бык коренья жрет,
 Ему вода речная — пойло.
 Как трезво царь себя ведет!
 Поэт воспел царево стойло.
 И над поэмой государь,
 Мыча, уставил мутный взор —
 Ура! да здравствует наш царь!
 Навуходоносор!

В тогдашней «Северной пчеле»
 Печатали неоднократно,
 Что у монарха на челе
 След царской думы необъятной,
 Что из сердец ему алтарь
 Воздвиг народный приговор —
 Ура! да здравствует наш царь!
 Навуходоносор!

Бык только ноздри раздувал,
 Упитан сеном и хвалами,
 Но под ярмо жрецов попал
 И, управляемый жрецами,
 Мычал рогатый государь
 За приговором приговор —
 Ура! да здравствует наш царь!
 Навуходоносор!

Тогда не вытерпел народ,
 Царя избрал себе другого.
 Как православный наш причет,
 Жрецы — любители мясного.
 Как злы-то люди были встарь!
 Придворным-то какой позор!
 Был съеден *незабвенный* царь
 Навуходоносор!

Льстецы царей! Вот вам сюжет
 Для оды самой возвышенной, —
 Да и ценсурный комитет
 Ее одобрит непременно;
 А впрочем, слово «государь»
 Не вдохновляет вас с тех пор,
 Как в бозе сгнил последний царь
 Навуходоносор!

Между 1855 и 1858

129. МАРКИЗ ДЕ КАРАБА

Из чужбины дальной
 В замок феодальный
 Едет — трюх-трюх-трюх —
 На кобылке сивой
 Наш маркиз спесивый,
 Наш отец и друг.
 Машет саблей длинной,
 Но в крови невинной...
 Вот какой храбрец!
 Ой, бедовый, право!
 Честь тебе и слава —
 Ах ты, наш отец!

Слушать, поселяне!
 К вам — невеждам, дряни
 Сам держу я речь!
 Я — опора трона;
 Царству оборона —
 Мой дворянский меч.
 Гнев мой возгорится —
 И король смирится!
 Вот какой храбрец!
 Ой, бедовый, право!
 Честь тебе и слава —
 Ах ты, наш отец!

Говорят, бездельник
 Слух пустил, что мельник
 Жизнь мне подарил.

Я зажму вам глотки!
Сам Пипин Короткий
Нашим предком был.
Отыщу в законе —
Сяду сам на троне...
Вот какой храбрец!
Ой, бедовый, право!
Честь тебе и слава —
Ах ты, наш отец!

Я, как за стеною,
За своей женою
При дворе силен.
Сын достигнет быстро
Звания министра;
Младший... тот хмелен...
Трусоват... глупенек...
Но жена даст денег.
Вот какой храбрец!
Ой, бедовый, право!
Честь тебе и слава —
Ах ты, наш отец!

Не люблю стеснения!
Подати с имения —
Знать их не хочу!
Облечен дворянством,
Государству чванством
Я свой долг плачу.
Местное начальство
Усмирит нахальство...
Вот какой храбрец!
Ой, бедовый, право!
Честь тебе и слава —
Ах ты, наш отец!

А! Другое дело:
Чернь — топчите смело,
Но делиться — чур!
Нам одним охота
И цветки почета
Деревенских дур.
Свято и едино
Право господина.

Вот какой храбрец!
Ой, бедовый, право!
Честь тебе и слава —
Ах ты, наш отец!

Кресло в божьем храме
Перед алтарями
Выставляйте мне.
Мне — почет и слава,
Чтоб дворянства право,
Свято и вполне,
В этом блеске громком
Перешло к потомкам.
Вот какой храбрец!
Ой, бедовый, право!
Честь тебе и слава —
Ах ты, наш отец!

⟨1858⟩

130. УРОК

«Я читал когда-то, где — уж теперь не припомню (говорит Беранже в выноске к этому стихотворению), рассказ путешественника, видевшего Канари, который выходил из школы вместе с маленькими греками, учениками; как дети, он нес книги под мышкою. Герой учился читать, не стыдась. Счастлива страна, где не краснеют, поступая честно! Да наградит бог прямодушие и скромность великого гражданина!»

На лужайке детский крик:
Учит грамоте ребят,
Весь седой, ворчун старик,
Отставной солдат.
«Я согнулся, я уж слаб,
А виды видал!
Унтер не был бы, когда б
Грамоте не знал!
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

У меня ль в саду цветок
Насадил я каждый сам
И из тех цветов венок
Грамотному дам.

Битый — правду говорит
Молвь людей простых —
Стоит двух, кто не был бит,
Грамотей — троих.
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

Митя, видишь карандаш?
За моей следи рукой:
Это *иже*, а не *наш*;
Экой срам какой!
Да, прислушайте: с полком
В Греции я был,
В двадцать, значит... а в каком,
Значит, позабыл.
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

Отстояли мы друзей!
Раз, иду себе один,
Вижу — школа для детей
У ворот Афин.
В школе учится моряк,
Детям не под стать;
Я взглянул — и как дурак
Начал хохотать.
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

Но учитель мне сказал:
«Ты глупей ребенка сам:
Ты героя осмеял,
Страшного врагам.
Он за греков мстил — пред ним
Трепетал султан,
И упал, сожжен живым,
Вражий капитан».
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

«Гордость края моего —
Он Канари — да!
В мире встретили его
Горе и нужда;
Он, умея побеждать,
Сел букварь учить,
Всё затем, чтобы опять
Греции служить!»
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

Весь зардевшись, в стороне
Я в смущении стоял;
Но герой сжал руку мне,
Слово мне сказал...
Мне слышался завет
Бога самого:
«Знание — вольность, знание — свет;
Рабство без него!»
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас».

⟨1858⟩

131. МОЯ ВЕСЕЛОСТЬ

Моя веселость улетела!
О, кто беглянку возвратит
Моей душе осиротелой —
Господь того благословит!
Старик, неверною забытый,
Сию в пустынном уголке
Один — и дверь моя открыта
Бродящей по свету тоске...
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

Она бы, резвая, ходила
За стариком, и в смертный час
Она глаза бы мне закрыла:
Я просветлел бы — и угас!
Ее приметы всем известны;

За взгляд ее, когда б я мог,
Я б отдал славы луч небесный...
Ко мне ее, в мой уголок!
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

Ее припевы были новы,
Смиряли горе и вражду;
Их узник пел, забыв оковы,
Их пел бедняк, забыв нужду.
Она, моря переплывая,
Всегда свободна и смела,
Далеко от родного края
Надежду ссыльному несла.
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

«Зачем хотите мрак сомнений
Внушать доверчивым сердцам?
Служить добру обязан гений,—
Она советует певцам.—
Он как маяк, средь бурь манящий
Ветрила зорких кораблей;
Я червячок, в ночи блестящий,
Но эта ночь при мне светлей».
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

Она богатства презирала
И, оживляя круг друзей,
Порой лукаво рассуждала,
Порой смеялась без затей.
Мы ей беспечно предавались,
До слез смеялись всем кружком.
Умчался смех — в глазах остались
Одни лишь слезы о былом...
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

Она восторг и страсти пламя
В сердцах вселяла молодых;
Безумцы были между нами,
Но не было меж нами злых.
Педанты к резвой были строги.

Бывало, взгляд ее один —
И мысль сверкнет без важной тоги
И мудрость взглянет без морщин...
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

«Но мы, мы, славу изгоняя,
Богов из золота творим!»
Тебя, веселость, призывая,
Я не хочу поверить злым.
Без твоего живого взгляда
Немееет голос... ум бежит...
И догоревшая лампада
В могильном сумраке дрожит...
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

〈1858〉

132. СВЕРЧОК

В уголку, у камелька,
Где мечтаю я бесплодно,
Друг домашний, пой свободно
Под напевы старика.
 Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
 Позабудем обо всем.

Одинаков наш удел:
Над тобой трунят ребята;
Я работника, солдата
Услаждал, когда я пел.
 Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
 Позабудем обо всем.

Но боюсь, не дух ли злой
Скрыт в тебе, мой друг домашний,
Чтоб остаток старых шашней
Подсмотреть под сединой?
 Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
 Позабудем обо всем.

Или феей с облаков
Ты подослан с повеленьем
Разузнать, каким стремленьем

Бьется сердце стариков?
Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
Позабудем обо всем.

Или скрыт в моем сверчке
Бедный труженик, который
Дымом славы тешил взоры —
И погиб на чердаке?
Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
Позабудем обо всем.

Всем, тщеславием влекомым,
Нужен он, хвалебный чад...
Боже! дай им что хотят —
Славы бедным насекомым...
Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
Позабудем обо всем.

Цель страданий, цель трудов!
Мудрый — выше цели этой.
Счастлив тот, кто спас от света
Веру, песни и любовь.
Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
Позабудем обо всем.

Славу зависть сторожит,
И — война любимцам славы!
В мире тесно; люди правы:
Каждый местом дорожит.
Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
Позабудем обо всем.

Пусть тревожный дух уймет
Эта истина простая:
Знаменитость, вырастая,
Независимость гнетет.
Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
Позабудем обо всем.

Будем песни петь свои —
Ты за печкой, я на стуле, —
И дай бог, чтоб мы уснули
Позабытые людьми.
Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
Позабудем обо всем.

133. НЕТ БОЛЬШЕ ПЕСЕН

Нет больше песен — нет! К чему стремленье?
От старика искусство прочь бежит.
У новичка моложе вдохновенье,
И бойкий стих он ловче закруглит.
Когда с душой своей пред небесами
Я говорю один в тиши лесов,
Мне вторит эхо прозой, не стихами —
Бог не дает мне более стихов.

Бог не дает! Как осенью суровой
Поселянин в свой темный сад придет
И дерево сто раз осмотрит снова:
Авось на нем висит забытый плод;
Так я ищу, так я тревожусь ныне —
Но дерево мертво от холодов...
О, скольких нет плодов в моей корзине!
Бог не дает мне более стихов.

Бог не дает! Но всё в душе тревога;
Тебя, народ, запуганный в борьбе,
Поднять хочу и слышу голос бога:
Народ, проснись! Венец готов тебе.
Когда ж, в душе почувствовав отвагу,
Я петь хочу — и, сбросив гнет годов,
Народ-дофин! вести тебя ко благу —
Бог не дает мне более стихов.

1858

134. ПРОСТИ!

Час близок. Франция, прости. Я умираю.
Возлюбленная мать, прости. Как звук святой,
Сберег до гроба я привет родному краю.
О! Мог ли так, как я, тебя любить другой?
Тебя в младенчестве я пел, читать не зная,
И, видя смерти серп над головой почти,
Я, в песне о тебе дыханье испуская,
Слезы, одной твоей слезы прошу. Прости!

Когда стонала ты в руках иноплеменных,
Под колесницами надменных королей,

Я рвал знамена их для ран твоих священных,
Чтоб боль твою унять, я расточал елей.
В твоём падении заря зажглась — и время
Благословения племен должно прийти,
Затем что брошено твоею мыслью семя
Для жатвы равенства грядущего. Прости!

Я вижу уж себя зарытого, в гробнице.
Кого любил я здесь, о! будь защитой их,
Отчизна, вот твой долг пред бедной голубицей,
Не тронувшей зерна на пажитях твоих!
Чтобы к сынам твоим с мольбой дошел мой
пламень —

Удерживая смерть на пройденном пути,
Своей гробницы я приподымаю камень.
Рука изнемогла. Он падает. Прости!

⟨1859⟩

135. СЛАВА БОГУ — Я ЖИВ И ЗДОРОВ

Когда ко мне скука ползет, как змея,
Справляйте поминки: я умер, друзья!
Когда ж наслаждение сойдет с облаков
И манит венком благодатных даров —

Слава богу — я жив и здоров!
Слава богу — я жив и здоров!

Пусть скряга звонит своим золотом — я...
Справляйте поминки: я умер, друзья!
Для звона стаканов, в тумане паров,
С хорошим вином всех возможных сортов —

Слава богу — я жив и здоров!
Слава богу — я жив и здоров!

Когда мне попалась педанта статья —
Справляйте поминки: я умер, друзья!
Когда же при мне, без напыщенных слов,
Читают строфу душевных стихов —

Слава богу — я жив и здоров!
Слава богу — я жив и здоров!

На званом обеде, где графы, князья...
Справляйте поминки: я умер, друзья!
В пирушке с друзьями старинных годов,
В чинах небольших и совсем без чинов —

Слава богу — я жив и здоров!
Слава богу — я жив и здоров!

Когда от ханжей дремлет мудрость моя,
Справляйте поминки: я умер, друзья!
Но если усну, среди буйных голов,
На милых мне персях — от Вакха даров —

Слава богу — я жив и здоров!
Слава богу — я жив и здоров!

Про битвы и драки услышу ли я —
Справляйте поминки: я умер, друзья!
Но с Лизой вдвоем, не считая часов,
До утренних с нею играть петухов —

Слава богу — я жив и здоров!
Слава богу — я жив и здоров!

Угасну для песен, любви и питья,
Справляйте поминки: я умер, друзья!
Но с милой, с друзьями, в тумане паров,
Покуда для песен есть несколько слов —

Славу богу — я жив и здоров!
Слава богу — я жив и здоров!

1859

136. ГОСПОДИН ИСКАРИОТОВ

Господин Искаротов —
Добродушнейший чужак:
Патриот из патриотов,
Добрый малый, весельчак,
Расстилагается, как кошка,
Выгибается, как змей...
Отчего ж таких людей
Мы чуждаемся немножко?

И коробит нас, чуть-чуть
Господин Искаримов,
Патриот из патриотов,—
Подвернется где-нибудь?

Чтец усердный всех журналов,
Он способен и готов
Самых рьяных либералов
Напугать потоком слов.
Вскрикнет громко: «Гласность! гласность!
Проводник святых идей!»
Но кто ведает людей,
Шепчет, чувствуя опасность:
 Тише, тише, господа!
 Господин Искаримов,
 Патриот из патриотов,—
 Приближается сюда.

Без порывистых ухваток,
Без сжиманья кулаков
О всеобщем зле от взяток
Он не вымолвит двух слов.
Но с подобными речами
Чуть он в комнату ногой —
Разговор друзей прямой
Прекращается словами:
 Тише, тише, господа!
 Господин Искаримов,
 Патриот из патриотов,—
 Приближается сюда.

Он поборник просвещения;
Он бы, кажется, пошел
Слушать лекции и чтенья
Всех возможных видов школ:
«Хлеб, мол, нужен нам духовный!»
Но заметим мы его —
Тотчас все до одного,
Сговорившиеся ровно:
 Тише, тише, господа!
 Господин Искаримов,
 Патриот из патриотов,—
 Приближается сюда.

Чуть с женой у вас неладно,
Чуть с детьми у вас разлад —
Он уж слушает вас жадно,
Замечает каждый взгляд.
Очень милым в нашем быте
Он является лицом,
Но едва вошел в ваш дом,
Вы невольно говорите:
Тише, тише, господа!
Господин Искарриотов,
Патриот из патриотов, —
Приближается сюда.

⟨1861⟩

137. БЕЗУМЦЫ

Оловянных солдатиков строем
По шнурочку равняем мы.
Чуть из ряда выходят умы:
«Смерть безумцам!» — мы яростно воем,
Поднимаем бессмысленный рев,
Мы преследуем их, убиваем —
И статуи потом воздвигаем,
Человечества славу прозрев.

Ждет Идея, как чистая дева,
Кто возложит невесте венец.
«Прячься», — робко ей шепчет мудрец,
А глупцы уж трепещут от гнева.
Но безумец-жених к ней грядет
По полуночи, духом свободный,
И союз их — свой плод первородный —
Человечеству счастье дает.

Сен-Симон всё свое достоянье
Сокровенной мечте посвятил.
Стариком он поддержки просил,
Чтобы общества дряхлое зданье
На основах иных возвести, —
И угас одинокий, забытый,
Сознавая, что путь, им открытый,
Человечество мог бы спасти.

«Подыми свою голову смело! —
Звал к народу Фурье.— Разделись
На фаланги и дружно трудись
В общем круге, для общего дела.
Обновленная вся, брачный пир
Отпирует земля с небесами,—
И та сила, что движет мирами,
Человечеству даст вечный мир».

Равноправность в общественном строе
Анфантэнь слабой женщине дал.
Нам смешон и его идеал.
Это были безумцы — все трое!
Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не умеет —
Честь безумцу, который навевает
Человечеству сон золотой!

По безумным блуждая дорогам,
Нам безумец открыл Новый Свет;
Нам безумец дал Новый завет —
Ибо этот безумец был богом.
Если б завтра земли нашей путь
Осветить наше солнце забыло —
Завтра ж целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь!

⟨1862⟩

138. ПТИЦЫ

Зима, как в саван, облекла
Весь край наш в белую равнину
И птиц свободных на чужбину
Любовь и песни унесла.
Но и в чужом краю мечтою
Они летят к родным полям:
Зима их выгнала, но к нам
Они воротятся весною.

Им лучше в дальних небесах;
Но нам без них свод неба тесен:
Нам только эхо вольных песен
Осталось в избах и дворцах.

Их песни звучною волною
Плывут к далеким берегам;
Зима их выгнала, но к нам
Они воротятся весною.

Нам, птицам стороны глухой,
На их полет глядеть завидно...
Нам трудно петь — так много видно
Громовых туч над головой!
Блажен, кто мог в борьбе с грозой
Отдаться вольным парусам...
Зима их выгнала, но к нам
Они воротятся весною.

Они на темную лазурь
Слетятся с громовым ударом,
Чтоб свить гнездо под дубом старым,
Но не согнувшимся от бурь.
Усталый пахарь за сохою,
Навстречу вольным голосам,
Зальется песнями, — и к нам
Они воротятся весною.

⟨1862⟩

139. СОН БЕДНЯКА

Милый, проснись... Я с дурными вестями:
Власти наехали в наше село,
Требуют подати... время пришло...
Как разбужу его?.. Что будет с нами?
Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
Подать в селе собирают с утра.

Ах! не к добру ты заспался так долго...
Видишь, уж день... Всё до нитки, чуть свет,
В доме соседа, на старости лет,
Взяли в зачет неоплатного долга.
Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
Подать в селе собирают с утра.

Слышишь: ворота, никак, заскрипели...
Он на дворе уж... Проси у него
Сроку хоть месяц... Хоть месяц всего...
Ах! если б ждать эти люди умели!..

Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
Подать в селе собирают с утра.

Бедные! Бедные! Весь наш излишек —
Мужа лопата да прялка жены;
Жить ими, подать платить мы должны
И прокормить шестерых ребятишек.
Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
Подать в селе собирают с утра.

Нет ничего у нас! Раньше всё взято...
Даже с кормилицы нивы родной,
Вспаханной горькою нашей нуждой,
Собран весь хлеб для корысти проклятой.
Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
Подать в селе собирают с утра.

Вечно работа и вечно невзгода!
С голоду еле стоишь на ногах...
Всё, что нам нужно, всё дорого — страх!
Самая соль — этот сахар народа.
Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
Подать в селе собирают с утра.

Выпил бы ты... да от пошрины тяжкой
Бедным и в праздник нельзя пить вина...
На, вот кольцо обручальное — на!
Сбудь за бесценок... и выпей, бедняжка!
Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
Подать в селе собирают с утра.

Спишь ты... Во сне твоём, может быть, свыше
Счастье, богатство послал тебе бог...
Будь мы богаты — так что нам налог?
В полном амбаре две лишние мыши.
Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
Подать в селе собирают с утра.

Господи!.. Входят... Но ты... без участия
Смотришь... ты бледен... как страшен твой взор!
Боже! недаром стонал он вчор!
Он не стонал весь свой век от несчастья!
Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
Подать в селе собирают с утра.

Бедная! Спит он — и сон его кроток...
Смерть для того, кто нуждой удручен, —
Первый спокойный и радостный сон.
Братья, молитесь за мать и сироток.
Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
Подать в селе собирают с утра.

⟨1862⟩

140. ЦАРЬ ДОДОН

Жил-был на свете царь Додон.

Об нем уж слух пропал.

О славе, брат, не думал он,

Зато, брат, крепко спал.

Ему короной, братец мой,

Колпак был, связанный женой,

Ночной.

Так вот, брат, встарь

Какой был царь,

Какой, брат, славный царь!

Изба была ему дворец,

И на осле верхом

Всё царство из конца в конец

Он объезжал кругом.

Как добрый царь, он был храним

Взамест конвоя псом своим

Одним.

Так вот, брат, встарь

Какой был царь,

Какой, брат, славный царь!

Он мужику дал много льгот

И выпить сам любил.

Да если счастлив весь народ,

С чего ж бы царь не пил?

Он сам, без винных приставов,

Брал с каждой бочки кабаков

Полштоф.

Так вот, брат, встарь

Какой был царь,

Какой, брат, славный царь!

Как он краснв был из лица,
Так парень не один
Его, пожалуй, за отца
Считал не без причин.
А впрочем, в год — и то сказать —
Любил не часто в цель стрелять.

Раз пять.
Так вот, брат, встарь
Какой был царь,
Какой, брат, славный царь!

Он, брат, спокойный был сосед
И для земли своей
Молнил у бога не побед,
А праведных судей.

Зато как умер царь родной,
Так слезы, брат, лились рекой
Впервой.
Так вот, брат, встарь
Какой был царь,
Какой, брат, славный царь!

Он, брат, народом не забыт:
Сренсован маляром
И вместо вывески прибит
Над старым кабаком.
И каждый праздник, круглый год,
Пьет у портрета и поет
Народ!

Так вот, брат, встарь
Какой был царь,
Какой, брат, славный царь!

⟨1863⟩

141. НОВЫЙ ФРАК

Соблазнами большого света
Не увлекаться нету сил!
Откушать, в качестве поэта,
Меня вельможа пригласил.
И я, как все, увлекся тоже...
Ведь это честь, пойми, чудаки:
Ты будешь во дворце вельможи!

Вот как!

Я буду во дворце вельможи!
И заказал я новый фрак.

С утра, взволнованный глубоко,
Я перед зеркалом верчусь;
Во фраке с тальею высокой
Низенько кланяться учусь,
Учусь смотреть солидней, строже,
Чтоб сразу не попасть впросак:
Сидеть придется ведь с вельможей!

Вот как!

Сидеть придется ведь с вельможей!
И я надел свой новый фрак.

Пешечком выступаю плавно,
Вдруг из окна друзья кричат:
«Иди сюда! Здесь завтрак славный».
Вхожу: бутылок длинный ряд!
«С друзьями выпить? Отчего же...
Оно бы лучше натошак...
Я, господа, иду к вельможе!

Вот как!

Я, господа, иду к вельможе,
На мне недаром новый фрак».

Иду, позавтракав солидно,
Навстречу свадьба... старый друг...
Ведь отказаться было б стыдно...
И я попал в веселый круг.
И вдруг — ни на что не похоже! —
Стал красен от вина, как рак.
«Но, господа, я зван к вельможе —

Вот как!

Но, господа, я зван к вельможе,
На мне надет мой новый фрак».

Ну, уж известно, после свадьбы
Бреду, цепляясь за забор,
А всё смотрю: не опоздать бы...
И вот подъезд... и вдруг мой взор
Встречает Лизу... Правый боже!
Она дает условный знак...
А Лиза ведь милей вельможи!..

Вот как!
А Лиза ведь милей вельможи,
И ей не нужен новый фрак.

Она сняла с меня перчатки
И, как послушного вола,
На свой чердак, к своей кровати
Вельможи гостя привела.
Мне фрак стал тяжелей рогожи,
Я понял свой неверный шаг,
Забыл в минуту о вельможе...

Вот как!
Забыл в минуту о вельможе
И... скинул я свой новый фрак.

Так от тщеславия пустого
Мне данный вовремя урок
Меня навеки спас — и снова
Я взял бутылку и свисток.
Мне независимость дороже,
Чем светской жизни блеск и мрак.
Я не пойду, друзья, к вельможе.

Вот как!
А кто пойдет, друзья, к вельможе,
Тому дарю свой новый фрак.

⟨1863⟩

142. ВОЛШЕБНАЯ ЛЮТНЯ

Во дни чудесных дел и слухов
Доисторических времен
Простой бедняк от добрых духов
Был чудной лютней одарен.
Ее пленительные звуки
Дарили радость и покой
И вмиг снимали как рукой
Любви и ненависти муки.

Разнесся слух об этом чуде —
И к бедняку под мирный кров
Большие, маленькие люди
Бегут толпой со всех концов.
«Идем ко мне!» — кричит богатый.

«Идем ко мне!» — зовет бедняк.
— «Внеси спокойствие в палаты!»
— «Внеси забвенье на чердак!»

Внимая просьбам дедов, внуков,
Добряк на каждый зов идет.
Он знатным милостыню звуков
На лютне щедро раздает.
Где он появится в народе,
Веселье разольется там,—
Веселье бодрость даст рабам,
А бодрость — мысли о свободе.

Красавицу покинул милый —
Зовет красавица его.
Зовет его подагрик хилый
К одру страданья своего.
И возвращают вновь напевы
Веселой лютни бедняка —
Надежду счастья для девы,
Надежду жить для старика.

Идет он, братьев утешая;
Напевы дивные звучат...
И, встречу с ним благословляя,
«Как счастлив он! — все говорят.—
За ним гремят благословенья.
Он вечно слышит стройный хор
Счастливых братьев и сестер —
Нет в мире выше наслажденья!»

А он?.. Среди ночей бессонных,
Сильней и глубже с каждым днем,
Все муки братьев, им спасенных,
Он в сердце чувствует своим.
Напрасно призраки он гонит:
Он видит слезы, видит кровь...
И слышит он, как в сердце стонет
Неоскудевшая любовь.

За лютню с трепетной заботой
Берется он... молчит она...
Порвались струны... смертной нотой
Звучит последняя струна.

Свершил он подвиг свой тяжелый,
И над могилой, где он спит,
Сияет надпись: «Здесь зарыт
Из смертных самый развеселый».

1863

143. НИЩАЯ

Снег вáлит. Тучами заволокло всё небо.
Спешит народ из церкви по домам.
А там, на паперти, в лохмотьях, просит хлеба
Старушка у людей, глухих к ее мольбам.
Уж сколько лет сюда, едва переступая,
Одна, и в летний зной, и в холод зимних дней,
Плетется каждый день несчастная — слепая...

Подайте милостыню ей!

Кто мог бы в ней узнать, в униженной, согбённой,
В морщинах желтого, иссохшего лица,
Певицу, бывшую когда-то примадонной,
Владевшей тайною обворожать сердца.
В то время молодежь, вся, угадав сердцами
Звук голоса ее и взгляд ее очей,
Ей лучшими была обязана мечтами.

Подайте милостыню ей!

В то время экипаж, певицу уносивший
С арены торжества в сияющий чертог,
От натиска толпы, ее боготворившей,
На бешеных конях едва проехать мог.
А уж влюбленные в ее роскошной зале,
Сгорая ревностью и страстью всё сильнее,
Как солнца светлого ее приезда ждали.

Подайте милостыню ей!

Картины, статуи, увитые цветами,
Блеск бронзы, хрусталей сверкающая грань...
Искусства и любовь платили в этом храме
Искусству и любви заслуженную дань.
Поэт в стихах своих, художник в очертаньях,
Все славили весну ее счастливых дней...
Вьют гнезда ласточки на всех высоких зданьях...

Подайте милостыню ей!

Средь жизни праздничной и щедро-безрассудной
Вдруг тяжкая болезнь, с ужасной быстротой
Лишивши зрения, отнявши голос чудный,
Оставила ее с протянутой рукой.
Нет! не было руки, которая б умела
Счастливить золотом сердечней и добрей,
Как эта — медный грош просящая несмело...
 Подайте милостыню ей!

Ночь непроглядная сменяет день короткий...
Снег, ветер всё сильней... Бессильна, голодна,
От холода едва перебирает четки...
Ах! думада ли их перебирать она!
Для пропитанья ей немного нужно хлеба.
Для сердца нежного любовь всего нужней.
Чтоб веровать она могла в людей и небо,
 Подайте милостыню ей!

⟨1865⟩

144. ДЕВИЧЬИ МЕЧТЫ

Страстно на ветке любимой
Птичка поет наслажденье;
Солнцем полудня палима,
Лилия дремлет в томленьи.
Страстно на ветке любимой
Птичка поет наслажденье.

Полузакрыты мечтами
Юной красавицы взоры.
Блещут на солнце, с цветами,
Кружев тончайших узоры.
Полузакрыты мечтами
Юной красавицы взоры.

Ясно улыбка живая
Мысль перед сном сохранила.
Спит она, будто играя
Всем, что на свете ей мило.
Ясно улыбка живая
Мысль перед сном сохранила.

Как хороша! Для искусства
Лучшей модели не надо!
Видны все проблески чувства,
Хоть не видать ее взгляда.
Как хороша! Для искусства
Лучшей модели не надо!

Сон чуть коснулся в полете
Этой модели прекрасной.
Что ж в этой сладкой дремоте
Грудь ей волнует так страстно?
Сон чуть коснулся в полете
Этой модели прекрасной.

Снится ли паж ей влюбленный,
Ночью, на лошади белой?
Обнял ее и, смущенный,
Ручку целует несмело...
Снится ли паж ей влюбленный,
Ночью, на лошади белой?

Снится ль, что новый Петрарка
С песнью приник к изголовью —
И разукрасились ярко
Бедность и слава любовью?
Снится ль, что новый Петрарка
С песнью приник к изголовью?

Снится ль ей небо родное?
Юности небо знакомо.
Так прилетают весною
Ласточки к крову родному.
Снится ль ей небо родное?
Юности небо знакомо.

Вырвался вздох. Голубые
Глазки лениво раскрылись.
— Ну, расскажи нам, какие,
Милая, сны тебе снились? —
Вырвался вздох. Голубые
Глазки лениво раскрылись.

— Ах! Что за сон, что за чудо!
Дивные, светлые чары!

«Будет болтать! — отвечает старик. —
Что ты заладил: мол, редкий да редкий!
Наш брат-хозяин к таким не привык,
В доме потребнее куры-наседки.
А насчет песен — для здешних людей
Песня малиновки будет нежней.
Экое счастье, что гребень блестит:
Редкая птица пусть мимо летит!

Наши прапрадеды видели раз
Феникса этого пепел горящий.
Что ж в нем нашли? Вместо сердца алмаз,
Крупный, взаправду, как солнце
блестящий.
Точно, красив — да тепла, значит, нет.
Не ко двору нам твой феникс, мой свет.
Так-то, не грея, и месяц блесит.
Редкая птица пусть мимо летит!»

〈1869〉

Как Дионисия из царства
Изгнал храбрец Тимолеон,—
Тиран, пройдя чрез все мытарства,
Открыл в Коринфе пансион.
Тиран от власти не отстанет:
Законы в школе издает;
Нет взрослых, так детей тиранит.
Тиран тираном и умрет.

270

Несут, как некогда в столицу,
Орехи, виноград и мед.
Целуйте все его десницу!
Тиран тираном и умрет.

Мальчишка, глупый, как овечка,
Последний в школе ученик,
В задачку раз ввернул словечко:
«Тиран и в бедствиях велик».
Тиран, бессмыслицу читая,
«Он далеко, — сказал, — пойдет» —
И сделал старшим негодяя.
Тиран тираном и умрет.

Потом, другой раз как-то, слышит
Он от фискала своего,
Что там в углу товарищ пишет,
Должно быть, пасквиль на него.
«Как? Пасквиль?! Это всё от воли!
Ремнем его! И чтоб вперед
Никто писать не смел бы в школе!»
Тиран тираном и умрет.

И день и ночь его страшили
Следы измены и интриг.
Раз дети на дворе дразнили
Двоих каких-то забулдыг.
Кричит: «Идите без боязни!
Им нужен чужеземный гнет.
Я им отец — им нужны казни».
Тиран тираном и умрет.

Отцы и матери озлились
На непотребный пансион
И Дионисия решились
И из Коринфа выгнать вон.
— Так чтоб, как прежде, благодатно
Теснить и грабить свой народ —
В жрецы вступил он. Вот так знатно!
Тиран тираном и умрет.

⟨1869⟩

Народной скорбию боля,
 Я впал в мечтательность — и вдруг
 Проходит предо мной идея.
 Идея? Да, трусливый друг.
 Еще слаба, но уж красива;
 Звук речи тверд, взгляд детски прост.
 Никто как бог — увидим живо
 Ее развитие и рост.

Одна навстречу грубой силе!
 Я ей кричу: «Дитя! страшишь:
 Шпионы уши наострили,
 Жандармы грозно собрались».
 — «В мою же пользу их гоненье.
 Иду с надеждою вперед.
 Теперь уж всё мое значенье
 Поймет наверное народ».

«Страшишь, дитя, земля трясется
 Под тяжестью густых колонн,
 И, сабли наголо, несется
 За эскадроном эскадрон».
 — «Я, не трубя, не барабая,
 Бужу уснувших силой слов
 И для вербовки в их же стане
 Пройду одна среди штыков».

«Страшишь, чтоб не был уничтожен
 Здесь на земле твой самый след.
 Беги: фитиль в орудье вложен,
 Минута — и спасенья нет».
 — «А завтра ядра и картечи
 В мою защиту запалят
 Свои ораторские речи;
 Ведь пушка тот же адвокат».

«Ты депутатов раздражила».
 — «Моя же сила их смирит».
 — «В темнице сгинет эта сила».
 — «Темница дух мой окрылит».
 — «Гремят проклятья клерикалов».
 — «А завтра мне кадить пойдут».

— «Уж ополчилась рать вассалов».
— «Я в их рядах найду приют».

И вдруг ужасная картина:
Потоки крови, море зла,
Венок победы дисциплина
С простертой храбрости сняла.
Но побежденным с новой силой
Идея лавры раздает
И, умилясь пред их могилой,
Летит с их знаменем вперед.

⟨1870⟩

148. БУДУЩНОСТЬ ФРАНЦИИ

Я дружен стал с нечистой силой,
И в зеркале однажды мне
Колдун судьбу отчизны милой
Всю показал наедине.
Смотрю: двадцатый век в исходе,
Париж войсками осажден.
Все те же бедствия в народе —
И всё командует Бурбон.

Всё измельчало так обидно,
Что кровли маленьких домов
Едва заметны и чуть видно
Движенье крошечных голов.
Уж тут свободе места мало,
И Франция былых времен
Пигмеев королевством стала —
Но всё командует Бурбон.

Мелки шпиончики, но чутки;
В крючках чиновнички ловки;
Охотно попики-малютки
Им отпускают все грешки.
Блестят галунчики ливреек;
Весь трибунальчик удручен
Караньем крошечных идеек —
И всё командует Бурбон.

Дымится крошечный заводик,
Лепечет мелкая печать,
Без хлебцев маленьких народик
Заметно начал вымирать.
Но генеральчик на лошадке,
В головке крошечных колонн,
Уж усмиряет «беспорядки»...
И всё командует Бурбон.

Вдруг, в довершение картины,
Всё королевство потрясли
Шаги громадного детины,
Гиганта вражеской земли.
В карман, под грохот барабана,
Всё королевство спрятал он.
И ничего, хоть из кармана —
А всё командует Бурбон.

〈1871〉

149. БАРАБАНЫ

(1849)

Барабаны, полно! Прочь отсюда! Мимо
Моего приюта мирной тишины.
Красноречье палок мне непостижимо;
В палочных порядках бедствие страны.

Пугало людское, ровный, деревянный
Грохот барабанный, грохот барабанный!
Оглушит совсем нас этот беспрестанный
Грохот барабанный, грохот барабанный!

Чуть вдали слышит дробные раскаты,
Муза моя крылья расправляет вдруг...
Тщетно. Я зову к ней, говорю: куда ты?
Песни заглушает глупых палок стук.

Пугало людское, ровный, деревянный
Грохот барабанный, грохот барабанный!
Оглушит совсем нас этот беспрестанный
Грохот барабанный, грохот барабанный!

Только вот надежду подает природа
На благополучный в поле урожай,
Вдруг команда: «палки!» И прощай свобода!
Палки застучали — мирный труд прощай.

Пугало людское, ровный, деревянный
Грохот барабанный, грохот барабанный!
Оглушит совсем нас этот беспрестанный
Грохот барабанный, грохот барабанный!

Видя для народа близость лучшей доли,
Прославлял я в песнях братство и любовь;
Барабан ударил — и на бранном поле
Всех враждебных партий побраталась кровь.
Пугало людское, ровный, деревянный
Грохот барабанный, грохот барабанный!
Оглушит совсем нас этот беспрестанный
Грохот барабанный, грохот барабанный!

Барабан владеет Франциею милой:
При Наполеоне он был так силен,
Что немолчной дробью гений оглушило,
Заглушен был разум и народный стон.
Пугало людское, ровный, деревянный
Грохот барабанный, грохот барабанный!
Оглушит совсем нас этот беспрестанный
Грохот барабанный, грохот барабанный!

Приглядевшись к нравам вверенного стада,
Властелин могучий, нации кумир,
Твердо знает, сколько шкур ослиных надо,
Чтобы поголовно оглупел весь мир.
Пугало людское, ровный, деревянный
Грохот барабанный, грохот барабанный!
Оглушит совсем нас этот беспрестанный
Грохот барабанный, грохот барабанный!

Всех начал начало — палка барабана;
Каждого события — вестник барабан;
С барабанным боем пляшет обезьяна,
С барабанным боем скачет шарлатан.
Пугало людское, ровный, деревянный
Грохот барабанный, грохот барабанный!
Оглушит совсем нас этот беспрестанный
Грохот барабанный, грохот барабанный!

Барабаны в доме, барабаны в храме,
И последним гимном суеты людской,

Впереди подушек мягких с орденами,
Мертвым льстит в гробах их барабанный бой.
Пугало людское, ровный, деревянный
Грохот барабанный, грохот барабанный!
Оглушит совсем нас этот беспрестанный
Грохот барабанный, грохот барабанный!

Барабанных песен не забудешь скоро;
С барабаном крепок нации союз.
Хоть республиканец — но тамбур-мажора,
Смотришь, в президенты выберет француз.
Пугало людское, ровный, деревянный
Грохот барабанный, грохот барабанный!
Оглушит совсем нас этот беспрестанный
Грохот барабанный, грохот барабанный!

⟨1871⟩

150. СТАРОСТЬ

Нам лица морщит без пощады
Седого времени рука,
И, хоть сверкают наши взгляды,
Друзья, к нам старость уж близка.
Но перед новым поколеньем
Не заметать самим свой след
На всё живое озлобленьем —
Еще не старость это, нет!

Вином и песнями мы тщетно
Стремимся сбросить гнет годов;
По взорам юношей заметно,
Что в нас уж видят стариков.
Но песни петь, забыв про годы,
С восторгом юношеских лет —
Шатаясь даже — в честь свободы —
Еще не старость это, нет!

Перед красавицей напрасно
Огонь любви волнует нас.
Проходят дни; бедняжке ясно,
Что юный жар в крови угас.
Но без волнений страсти мнимой,
Сорвав любви роскошный цвет,

Что б мы ни пели — мы стареем;
Так что ж — чем старше вся семья,
Тем больше прав мы все имеем
На титул: старые друзья.
Но, идя под гору толпою,
Движенью новому привет
Дрожащей посылать рукою —
Еще не старость это, нет!

Неизвестный автор

ЛИРИЧЕСКАЯ ОПЕРА В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ
И ШЕСТИ РИФМАХ С ПРОЛОГОМ

Госпожи и господа! В этой пьесе
Американский принц женится на африканской
принцессе,
Но долг чести зовет принца в бой кровавый,
Где он и умирает, увенчанный славой.
За добродетель, обаче, ему жизнь возвращается.
Всё сие ново и любопытно. Занавес поднимается.

Принц и Принцесса (входят по совершении брачного обряда).

С законным браком, принц.

И вас, моя дорогая.
Народ, пляши и пой, блаженство выражая.

Н а р о д
Воспляшем, воспоем, блаженство выражая.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ 2

За сценой происходит сражение. Слышны удары сабель. П р и н ц входит, преследуемый врагами, сражается с ними и падает, убиенный. За ним входит П р и н ц е с с а.

П р и н ц е с с а
(с ужасом)

Супруг!

П р и н ц
Супруга!

П р и н ц е с с а
(с сугубым ужасом)

Что!

П р и н ц
(с сугубою слабостью)

Я умер.

П р и н ц е с с а
Ах, как жаль!
Народ, пляши и пой, чтоб выразить печаль!

Н а р о д
Воспляшем, воспоем, чтоб выразить печаль!

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ 3

П а л л а д а усмотрела храбрость американского принца и положила предел преследованиям злобного Рока. Блещущая славой богиня, восседая на позлащенном кресле и указуя на бездыханный труп, глаголет сице:

П а л л а д а
Я жизнь тебе дарю!

П р и н ц е с с а

(умиленно)

О, чудо!

П р и н ц

(вскакивает как бы встрепанный)

Я воскрес!

(Несколько раз перевертывается на одной ноге в восторге.)

Народ, пляши и пой! Се — чудо из чудес!

Н а р о д

Воспляшем, воспоем! Се — чудо из чудес!

Конец третьего и последнего действия

(1875)

Альфред де Виньи

152. СМЕРТЬ ВОЛКА

1

Как над пожарищем клубится дым летучий,

Над раскаленною луною плыли тучи.

Мы просекою шли. Недвижно мрачный лес,

Чернея, достигал верхушками небес.

Мы шли внимательно — и вдруг у старой ели

Глубокие следы когтей мы разглядели;

Переглянулись все, все затаили дух,

И все, остановясь, мы наострили слух.

— Всё замерло кругом. Деревья не дышали;

Лишь с замка старого, из непроглядной дали,

Звук резкий флюгера к нам ветер доносил,

Но, не спускаясь вниз, листвою не шелестил,—

И дубы дольные, как будто бы локтями

На скалы опершись, дремали перед нами.

На свежие следы пошел один из нас —

Охотник опытный: слух чуткий, верный глаз

Не изменял ему, когда он шел на зверя,—

И ждали молча мы, в его уменье веря.
К земле нагнулся он, потом на землю лег,
Смотрел внимательно и вдоль и поперек,
Встал и, значительно качая головою,
Нам объявил, что здесь мы видим пред собою
След малых двух волчат и двух волков больших.
Мы взялись за ножи, стараясь ловко их
Скрывать с блестящими стволами наших ружей,
И тихо двинулись. Как вдруг, в минуту ту же,
Ступая медленно, цепляясь за сучки,
Уж мы заметили — как будто огоньки —
Сверканье волчьих глаз. Мы дальше всё стремились,
И вот передние из нас остановились.

За ними стали все. Уж ясно видел взгляд
Перед волчицею резвившихся волчат,
И прыгали они, как псы с их громким лаем,
Когда, придя домой, мы лаской их встречаем;
Но шуму не было: враг-человек зверям
Повсюду грезится, как призрак смерти нам.
Их мать красиво так лежала перед ними,
Как изваяние волчицы, славной в Риме,
Вскормившей молоком живительным своим
Младенцев, призванных построить вечный Рим.
Спокойно волк стоял. Вдруг, с молнией во взгляде,
Взглянув кругом себя, поняв, что он в засаде,
Что некуда бежать, что он со всех сторон
Людьми с рабами их борзыми окружен,
Он к своре бросился и, землю взрыв когтями,
С минуту поискал, кто злее между псами...

Мы только видели, как белые клыки
Сверкнули, с жертвою, попавшею в тиски.
Казалось, не было такой могучей власти,
Чтоб он разжал клыки огнем дышавшей пасти:
Когда внутри его скрещался нож об нож,
Мы замечали в нем минутную лишь дрожь;
Одна вслед за другой в него влетая, пули
В тот только миг его значительно шатнули,
Когда, задавленный, из челюстей стальных,
Свалился наземь пес в конвульсиях немых.

Тогда, измерив нас уж мутными глазами,
В груди и в животе с вонзенными ножами,

Увидев в близости стволов грозящих круг,—
До выстрела еще, он на кровавый луг
Лег сам — перед людьми и перед смертью гордый,—
Облизывая кровь, струившуюся с морды.
Потом закрыл глаза. И ни единый звук
Не выдал пред людьми его предсмертных мук.

2

Не слыша более ни выстрела, ни шума,
Опершись на ружье, я увлечен был думой.
Охотники давно преследовать пошли
Волчицу и волчат — и были уж вдали.
Я думал о вдове красивой и суровой.
Смерть мужа разделить она была б готова,
Но воспитать детей повелевал ей долг,
Чтобы из каждого хороший вышел волк:
Чтобы не шел с людьми в их городах на стачки,
Чтоб голод выносил, но чтоб не брал подачки,—
Как пес, который гнать из-за куска готов
Владельцев истинных из их родных лесов.

3

О! если б человек был так же духом тверд,
Как званием своим «царя зверей» он горд!
Бесстрашно умирать умеют звери эти;
А мы — гордимся тем, что перед ними дети!
Когда приходит смерть, нам трудно перенять
Величие зверей — умение молчать.
Волк серый! Ты погиб, но смерть твоя прекрасна.
Я понял мысль твою в предсмертном взгляде ясно.
Он говорил, твой взгляд: «Работай над собой
И дух свой укрепляй суровою борьбой
До непреклонности и твердости могучей,
Которую внушил мне с детства лес дремучий.
Ныть, плакать, вопиять — всё подло, всё равно.
Иди бестрепетно; всех в мире ждет одно.
Когда ж окрепнешь ты, всей жизни смысл
проникнув,—
Тогда терпи, как я, и умирай, не пикнув».

<1864>

153. ДЕКАБРЬСКАЯ НОЧЬ

Когда я был еще дитей,
В обширной зале и пустой
Сажу я вечером, все спят...
Войдя неслышною стопой,
Весь в черном, мальчик сел со мной,
Похожий на меня, как брат.

При слабом трепете огня
Взглянул он грустно на меня
И грустно голову склонил;
Всю ночь с участием в очах,
С улыбкой кроткой на устах
Он от меня не отходил.

Я покидал отцовский дом,
И живо помню: знойным днем,
Войдя в заглохший дикий сад,
Увидел я в тени раки —
Весь в черном, юноша сидит,
Похожий на меня, как брат.

Куда идти мне — я спросил.
Он тихо лиру опустил
И, сняв венок из диких роз,
Как друг, кивнул мне головой
И холм высокий и крутой
Мне указал на мой вопрос.

Когда любил я в первый раз —
До утра не смыкая глаз,
Тоской неведомой объят,
Я плакал... Вдруг передо мной —
Весь в черном, призрак роковой,
Похожий на меня, как брат.

Он меч держал в одной руке
И, как в ответ моей тоске,
Другую мне на свод небес
С тяжелым вздохом указал...

Моим страданием он страдал,
Но, как видение, исчез.

На шумном пиршестве потом
Приподнял я бокал с вином,
И вдруг — знакомый вижу взгляд...
Смотрю: сидит в числе гостей
Один, весь в черном, всех бледней,
Похожий на меня, как брат.

Был миртовый венец на нем
И черный плащ, и под плащом
Багряной мантии клочки.
Со мной он чокнуться искал —
И выпал из моей руки
Неопорожненный бокал.

Я на коленях до утра
Всю ночь проплакал у одра,
Где мой отец был смертью взят;
И там, как вечная мечта,
Сидел, весь в черном, сирота,
Похожий на меня, как брат.

Он был прекрасен, весь в слезах,
Как ангел скорби в небесах:
Лежала лира на земле;
Он в багрянице был, с мечом,
В груди вонзенным, и с венцом
Колючих терний на челе.

Как верный друг, как брат родной,
Где б ни был я, везде за мной,
В глухую ночь и в ясный день,
Как демон на моем пути
Или как ангел во плоти,
Следила дружеская тень.

Усталый сердцем и умом,
Оставив родину и дом
И весь в крови от старых ран,
Пустился я в далекий путь,
Чтобы найти хоть где-нибудь
Самозабвения обман.

Куда ни проникал мой взор:
В величии громадных гор,
Среди смеющихся полей,
В уединении дубров,
В тревоге вечной городов
И в вечном ропоте морей;

Везде под сводом голубым,
За Горем старым и хромым
На вечной привязи бродя,
Где я, со всеми зауряд,
И сердце утомлял и взгляд,
Незримо кровью исходя;

В странах, куда летел душой
За вечно жаждущей мечтой
И где встречал я вечно то ж,
Что и бросал, стремившись вдаль,
И с чем расстаться было жаль,—
Других людей и ту же ложь;

Везде, где, встретив то же зло,
Сжимал руками я чело
И, будто женщина, рыдал;
Где рок безжалостной рукой
С души, как шерсть с овцы тупой,
Мечты последние срывал;

Повсюду, где лежал мой путь
И где забыться и уснуть,
Хоть навсегда, я был бы рад,—
Везде, как призрак роковой,
Весь в черном, странник шел за мной,
Похожий на меня, как брат.

Но кто ты, спутник мой, с которым неизбежно
Судьба меня свела?

Я вижу по твоей задумчивости нежной,
Что ты не гений зла:

В улыбке и слезах терпимости так много,
Так много доброты...

При взгляде на тебя я снова верю в бога
И чувствую, что мне над темною дорогой
Сияешь дружбой ты.

Но кто ты, спутник мой? В моей душе читая,
Как добрый ангел мой,
Ты видишь скорбь мою, ничем не облегчая
Тернистый путь земной;
Со мной без устали дорогою одною
Идешь ты двадцать лет:
Ты улыбаешься, не радуясь со мною,
Ты мне сочувствуешь безвыходной тоскою,—
О, кто ты? Дай ответ!

Зачем всю жизнь тебя, с участием бесплодным,
Мне видеть суждено?
— Ночь темная была, и ветер бил холодным
Крылом в мое окно;
Последний поцелуй на бедном изголовьи
Еще, казалось, млел...
А я уж был один, покинутый любовью,
Один — и чувствовал, что, весь омытый кровью,
Мир сердца опустел...

Мне всё прошедшее ее напоминало:
И прядь ее волос,
И письма страстные, что мне она писала,
Исполненные слез;
Но клятвы вечные в ушах моих звучали
Минутной клятвой дня...
Остатки счастья в руках моих дрожали,
Теснили слезы грудь и к сердцу подступали...
И тихо плакал я.

И, набожно свернув остатки, мне святыя,
Как заповедный клад,
Я думал: вот любовь и грезы золотые
Здесь мертвые лежат...
Как в бурю мореход, не видящий спасенья,
На злую смерть готов,
Тонул в забвеньи я и думал: прах и тленье!
Листок, клочок волос спаслися от забвенья,
Чтоб пережить любовь!

Я приложил печать; всё прошлое покорно
Я ей хотел отдать...
Но сердце плакало — и верило упорно
Ее любви опять...

О безрассудный друг! ребенок вечно милый,
Ты вспомнишь обо всем.
Зачем, о боже мой! когда ты не любила,
Зачем рыдала ты и ласками дарила,
Пылавшими огнем?

Ты вспомнишь, гордая, забытые рыдания,
Рыдать ты будешь вновь,
И в гордом сердце вновь проснется, как страданье,
Погибшая любовь;
Прости — ты в гордости найдешь успокоенье, —
Прости, неверный друг!
Я в сердце схоронил минувшие волненья,
Но в нем остались заветные биенья,
Чтоб жить для новых мук.

Вдруг что-то черное в глазах моих мелькнуло
И в тишине ночной
Как будто пологом постели шевельнуло...
Мой призрак роковой,
Весь в черном, на меня смотрел обычным взглядом...
Но кто ты, мой двойник?
Как вещий ворон, ты ко мне подослан адом,
Чтоб в бедствиях меня, как смерть, со мною рядом
Пугал твой бледный лик!

Мечта ль безумца ты? мое ли отраженье?
Быть может, тень моя?
Зачем ты следуешь за мною, привиденье,
Где ни страдаю я?
Кто ты, мой бедный гость, сдружившийся с тоскою,
Свидетель скрытых мук?
За что ты осужден идти моей стезею?
На каждую слезу ответствовать слезою?
Кто ты, мой брат, мой друг?

ВИДЕНИЕ

О мой брат! не злой я гений,
Не из горних я селений;
Но один у нас отец.
Те, кого я посещаю,
Я люблю их — н не знаю,
Где их бедствиям конец.

В мире братья мы с тобою:
Ты бесстрашною судьбою
Вверен мне от детских дней.
За тобой пойду я всюду,
Ты умрешь — я плакать буду
Над могилою твоей.
Не могу тебе сжать руку;
Усладить не в силах муку
И страдания любви;
Но я старый друг печали,
И меня, — как прежде звали, —
Одинокством зови.

⟨1858⟩

Марк Монье

154. ПРИНЦ ЛУТОНЯ

(КУКОЛЬНАЯ КОМЕДИЯ)

Несколько слов от автора-переводчика

Предлагаемая шуточная комедия заимствована (я не могу по совести назвать свой веселый труд переводом) из вышедшей в 1871 году книжки «*Théâtre des marionnettes*» par Marc Moppier и в подлиннике носит заглавие «*Le roi Babolein*». Кроме нее, в книге помещено шесть комедий, представляющих последовательно сатиры на европейские события последнего времени. «*Le roi Babolein*», как сатира, не имеющая непосредственной цели и при общем ее литературном значении не заключающая в себе никаких политических намеков, представляет все удобства для ознакомления русской публики в переводе с замечательною книгою Марка Монье.

К читателю

(Из предисловия Виктора Шербюлье к книге
«*Théâtre des marionnettes*»)

Друг-читатель, позволь тебе рекомендовать этот томик.
Это сборник комедий в стихах, и — не в обиду тебе —

действие их происходит в фантазии, действуют же в них куклы. Не возражай мне раньше времени, что куклы не интересуют тебя, как существо относительно высшей породы. Марионетка пляшет в направлении, сообщаемом ей невидимою ниткою. Если ты можешь объяснить мне, чем это определение не подходит к нам, людям, я — клянусь тебе — соглашусь, что ты перехитрил меня. У нас, кукол, покрытых плотью, разум, конечно, из более тонкой материи, весь механизм наш сложнее, идеи не так просты и страсти менее непосредственны; мы любим пространственные и нелепые рассуждения; мы громадными усилиями достигаем цели: удалиться как можно дальше от нашей природы. У нас нет заблуждения, на котором мы бы не построили теории, красноречиво доказывающей, что мы правы в нашей неправде, — мы никак не можем в оправдание наших пороков сослаться на наивную чистоту нашего сердца: условные требования чести сделали из нас педантов и софистов. Как неизмеримо откровеннее, наивнее и проще нас деревянные куклы! Им неизвестна путаница наших слов и понятий: у них лица действительно зеркала душ, и их страсти приводятся в движение нитками так же произвольно, как их жесты. Эти маленькие механизмы то поют, то плачут, то ругаются — как бог на душу положил, — и при этом физиономии их сохраняют всегда одно и то же выражение. Они прямо вываливают всё, что им ни придет в голову, беззаветно смеются или орут во все легкие, смотря по тому, какая их шевельнет нитка. И всё это просто, всё это уморительно-балаганно, хотя иногда в деревянных дощечках их груди вспыхивает такой гнев, перед которым бледнеет наше холодное, сдерживаемое теориями негодование.

Тебя, может быть, скандализируют палочные удары, обыкновенно в изобилии расточаемые марионетками в этом идеальном королевстве фантазии, где действительно палка является безапелляционным орудием решения наисложнейших вопросов. Не скандализируйся, однако, и не относись к бедным марионеткам презрительно. Не думаешь ли ты, что палочных ударов рассыпается кругом тебя меньше? Когда тебе самому делают честь, угощая ими тебя в форме, несколько менее оскорбляющей твою гордость, неужели ты так наивен, что не чувствуешь на себе их силу? Друг-читатель, поверь, какая бы палка ни управляла нашими судьбами, она всё равно отзывается больно в спине и в душе унижением.

Прими еще вот что во внимание. Во всех комедиях, которые мы привыкли видеть, сидя в театральных креслах, перед тобою обыкновенно проходят великодушные банкиры, бескорыстные чиновники, идеальные лавочники, олицетворяющие собою незыблемые гражданские и семейные начала. Все они действуют как будто взаправду, рассуждают о добродетелях и процентных бумагах, вежливо расшаркиваются с дамами и девицами высшего и среднего круга, иногда даже с умеющими держать себя в обществе и роскошно одетыми пейзажами. Но в конце концов, прежде чем опуститься занавесу, молодой человек Артур непременно на глазах твоих соединяется узами Гименея с девицей Евгенией. Я ничего не имею против этого брака; это уж так определено свыше; но с незапамятных времен — свадьба Артура и Евгении, и каждый день ничего больше, как свадьба Артура и Евгении, — согласись, в этой развязке нет ничего тобою непредусмотренного, следовательно, вряд ли она тебе может всегда доставлять удовольствие. Позабудь же на полчаса свои обычные зрелища, приложи глаз к стеклам вертепа, расставляемого перед тобою поэтом, и перенесись с ним без всякой задней мысли в наивные страны абсурда, чтобы позабыться на время «в чародействе красных вымыслов». Ты увидишь между разными диковинками дровосека, злою игрой случая обратившегося в принца. Ты увидишь, как он сначала счастлив своим новым жребием, и как скоро затем следует разочарование, и он возвращается в лес свой. Его жена — воплощенная житейская мудрость, не лишенная своего рода безыскусственной грации и полная любви. Она рассуждает как нельзя лучше для куклы; правдивое чувство ее еще удивительнее: уверяю тебя, я не много знаю сердец, которые бились бы так верно и правильно, как это деревянное сердце. Послушай, например, ее рассуждения о тщете земного величия и преимуществах перед нею темной, спокойной доли. Всё это, конечно, ты не раз слышал, но автор заставил для тебя говорить кукол их простым безыскусственным языком, чтобы нехитрые истины не затемнялись перед тобою обычными и только условно-необходимыми хитросплетениями.

Еще одно — и последнее слово. Ты будешь смеяться, читая эти комедии, — это удивительно много для нашего времени! Да, марионетки взяли на себя смелость быть

веселыми: их слова могут разогнать твою меланхолию, и, так как смех дело очень серьезное, может быть, ты и призадуматься. Если же ты боишься приливов к голове крови и не хочешь думать — будь доволен тем, что ты посмеешься — все-таки выхватишь у неумолимой злобы жизни веселый час, в который забудешь нестройный тяжелый шум, иногда очень чувствительно терзающий слух твой в вечном поступательном движении нашей старой планеты.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ КУКЛЫ:

Лутоня.
Лутониха.
Слоняй.
Я сам.
Первый старец.
Казначей.
Поэт.
Отец-командир.
Философ.
1-й }
2-й } публицисты.
3-й }
1-й }
2-й } шамбелланы.
3-й }
Мажордом.
Герольд.

1

ХИЖИНА В ЛЕСУ

Лутоня, Лутониха, Слоняй.
За сценой стучат.

Л у т о н я

Кто там?

С л о н я й
(за сценой)
Добрый человек,пусти.
(Входит.)

Здесь в лесу сбился я с пути.
Глушь кругом, даже нет подчасков.
Обогрей, накорми, будь ласков.

Л у т о н я

Доложу милости твоей —
Ты в избе у простых людей.
Что дал бог — кушай вместе с нами.
Хоть изба не красна углами —
Пирогов нетути у нас:
Хлеб да квас — вот и весь тут сказ.

Л у т о н и х а

Не взыщи на мужицкой речи;
Коль пришел, значит, издалече,
Отдохни, господин честной.
Мелет вздор муженек-ат мой.
Мы живем, как бог велел, примерно,
Разносолов нету — это верно...
Ну, а коли каша не претит,
Так садись — будешь пьян и сыт.

С л о н я й

Очень много вам благодарен.

Л у т о н я

Ничего, не серчай, брат-барин.
Ты привык в хоромах тож, чай,
С сахаром внакладку пить чай,
А не то и с ренсковым ромом —
Как живут господа полным домом.
Ну, а здесь, барин, не взыщи:
Рому нет — днем с огнем ищи.

Л у т о н и х а

Господин, прости! Мой медведь
День-деньской готов волчьи песни петь.
Уж послал мне бог мужичище!
Что твой поп — завистливы глазища.
Ведь облом — камаринский мужик
Мелет, благо без костей язык.
Хаяльщик! Готов хоть солнце хаять.
Не на што — так хоть на месяц лаять,
Истинно: одну знал песню волк,
Перенял и ту мужичий толк.

Л у т о н я

Нет, небось, по-твоему, хоть плохо —
Не тужи, Лутонюшка, не охай!
— Не тужи — когда нам в диво хлеб,
А похлебку варим мы из щеп;
Квас-ат пьем, да квас же и хлебаем.
Хлеб до голых рук мы доедаем.
С топором в лесу ты в красный день
Знай торчи, как обгорелый пень.
Будь еще, Лутона, благодарен,
Что с трудов твоих жиреет барин,
Не жалей ни рук, ни плеч, ни ног,
Чтоб работал брюхом лежебок!

Л у т о н и х а

Ой, Лутона, как тебе не стыдно!
Господину слушать, чай, обидно.
Коли гостя к нам послал господь,
Так грешно-те всякий вздор молоть.

(Слоняю.)

Будьте гостем; примем вас как можем.
Чай, и мы не камни тоже гложем,
А что мелет мой-то муженек —
Сдуру-то, как с дубу — не в попрек.

С л о н я й

Ты, любезный, думаешь превратно.
Знатным вовсе жить не так приятно.
Мы несчастней бедных во сто раз.

Л у т о н я

Вот те на!

С л о н я й

Своя печаль у нас.

Л у т о н я

Понимаем: не было печали...

Л у т о н и х а

Ой, Лутона!

Л у т о н я

Черти накачали!

Л у т о н и х а

Ой, Лутона!

Л у т о н я

Барин-то шутник.

Тоже, значит, без костей язык.

Ха, ха, ха! Так мы счастливей?

С л о н я й

Верно.

Л у т о н я

Ха, ха, ха! Хотел бы я, примерно,

Чтоб свое, господское житье

Променял ты, значит, на мое.

С л о н я й

Я согласен.

Л у т о н и х а

(мужу)

Эка молвил сглупа.

Ты держись, вошь, своего тулупа!

(Слоняю.)

Полно, барин, ладно мы живем:

Ты — своим добром, а мы — горбом.

Знай сверчок...

Л у т о н я

Молчи, когда нет смысла.

Бабий ум — что бабье коромысло.

Не кривому тут судить уму.

(Слоняю.)

Милость вашу сам я не пойму.

Будто вам взаправду надоело

День-деньской слоны слонять без дела?

С л о н я й

Надоело — если говорят!

Что ж мне делать — я и сам не рад.

Надоел мне шум неугомонный.

(Сбрасывает с себя плащ и остается в шитом золотом кафтане.)

Л у т о н и х а

Батюшки!

Л у т о н я

(ей)

Мотри: позолоченный!

С л о н я й

Я хочу свободы наконец.
Рано утром бросил я дворец —
Даже стены в нем мне надоели, —
Наудачу я пошел без цели,
Так себе, куда глядят глаза,
Загнала к тебе меня гроза —
Значит, так сама судьба решила,
Отдаю я всё, что мне постыло,
Если уж угодно так судьбе,
Все мои владения — тебе,
Меч, кафтан, корону и кольчугу
За твои лохмотья и лачугу.

Л у т о н я

(низко кланяясь)

Буду век тебя благословлять.

Л у т о н и х а

Как тебя не знаю величать —
Господин-прынец... ваше благородье —
Не модель, чтоб экие угодыя
Отошли да за мужичью голь!
Сам умом раскинуть соизволь:
Рад ломить мужик-ат сиволапый
Не токма што в прынцы, а хоть в папы, —
А послушай бабьего ума —
Иногда премудрость в нем сама:
Ой! трудна работа, тяжеленька
Для того, чья рученька беленька!

С л о н я й

Не боюсь я никаких трудов,
Целый день рубить дрова готов.
Самый тяжкий честный труд полезней
Праздности — болезни из болезней.

(К Лутоне.)

Веришь ли, с здоровым крепким сном
Десять лет как я уж незнаком.
Ерзаю напрасно на кровати...
Принимать уж стал chloral hydrati.
Что ни съем — сейчас выходит вон,
Устрицы ем только да бульон.
Да и то без вкуса, без охоты.
С горя я и стал искать работы:
Труд придаст мне снова бодрый вид
И воротит сон и аппетит...

(С наслаждением.)

Как бы я кваску с работы попил!

Л у т о н и х а

(спокойно)

Квас — ништо! Кисленек, жаль, да тёпел.

С л о н я й

(так же)

Черный хлеб фунтами стал бы есть...

Л у т о н я

(так же)

Хлеб хорош, когда приварок есть.

С л о н я й

(так же)

Попросту! посыпав крупной солью.

Л у т о н и х а

Да, хлеб с солью да водица голью.

С л о н я й

Не пивал воды я никогда,
А ведь может чистая вода
Быть лекарством внутренним и внешним.

Л у т о н и х а

Жаль, с душком вода в колодце здешнем.

С л о н я й

Повара и гастрономы врут.
Лучший соус и жаркое — труд.

(Лутоне.)

Ну? Идет? Твой труд, мое безделье.
Я вот здесь справляю новоселье.
Ты ступай сейчас же во дворец!

Л у т о н и х а

Мой мужик-ат? Сохрани творец!
Господин-прынец — величать не знаю —
Где ему уж? Наша хата с краю.
Лапотнику место во дворце —
Разве што на заднем на крыльце.

Л у т о н я

Цыц! Твоя, Лутониха, дорога
Длинная — от печки до порога.
Нешто мне закажешь все пути?

Л у т о н и х а

Я на ум хотела навести.

Л у т о н я

Бабий ум! Я, чай, не с проходимцем
Говорю, а с господином-прынцем.

(Слоняю.)

По рукам?

Л у т о н и х а

Куда ты, лиходей!
Обожди смешить честных людей.
Прынец Лутоня! Спал ли ты сегодня?

Л у т о н я

Коли воля такова господня —
Как же мы насупротив пойдем?
Царь Давид был тоже пастухом.

Л у т о н и х а

То-то, прынец — и с разума и с виду.
Приравнял себя к царю Давиду!
Царь Давид разбил народов тьмы...

Л у т о н я

Обожди, управимся и мы!
Ведомость не в диво для Лутони.

Л у т о н и х а

Ведомость?

Л у т о н я

Под номером, в законе.
Каждый день выходит в ей картёж.
Мы читали...

Л у т о н и х а

Ой, Лутоня, врешь!

Л у т о н я

Что мне врать? Небось, с дьячком читали.
Летось принцы в город наш въезжали...

Л у т о н и х а

Ну?

Л у т о н я

Так мне дьячок и прочитал
И картёж и целермуренял,
Как ходить, как ездить с этикетой.
Я знаком с политикою этой.

Л у т о н и х а

Ишь, слова без разуму дались.
Выше носа нюхаешь — сморкнись!

Л у т о н я

Цыц! Не пикнуть!

Л у т о н и х а

Так и замолчала.

Л у т о н я

Глупая, пойдем спервоначала
Во дворец-ат.

Л у т о н и х а

Думала! Пойдем!

Л у т о н я

Коли, значит, не идти вдвоем...

Л у т о н и х а

Так нейдешь? Вот так-то больше складу.

Л у т о н я

Коли так — один на троне сяду!

С л о н я й

Гей, Ясам! Иди сюда, Ясам.

Те же, Я с а м (входит).

Я с а м

Ваша светлость, что угодно вам?

С л о н я й

Объяви немедля всенародно,
Что сегодня мне благоугодно
Все дворцы, фруктовые сады,
С рыбами озера и пруды
И поля со всяким хлебом тоже

(указывая на Лутоню)

Подарить вот этой глупой роже.
Такожде дарую: всех шутов,
Всех собак, квартальных и жрецов,
Прокуроров, адвокатов-пьявиц,
Все конюшни и тебя, мерзавец.
Понимаешь?

Я с а м

Слушаю-с.

С л о н я й

Молчи!

Вот от всех дворцов моих ключи...

(Выбрасывает ключи и поворачивается к Лутоне, указывая на Ясама.)

Принц Лутоня! Эта вот скотина
Первого в моих владеньях чина,
Евнух, сводник, ростовщик и шут,
Первый визирь и первейший плут.

Он полезный человек, бывалый.
Воровство — порок в нем самый малый.
И за то угодно было нам,
То есть мне, назвать его *Ясам*,
То есть: *сам я*. Действуя неправо,
Он во всем мне был рукою правой.
Бей его, но совещайся с ним,
И да будет он *тобой самим*.

(*Ясаму.*)

Грабь, каналья, восемь дней в неделе.

(*Махнув обеими руками.*)

Ну! Идите к черту! Надоели!

(*Подходит к Лутонихе.*)

Ну, а ты, Лутониха, друг мой,
Остаешься, что ли, здесь со мной?
Поживем, потрудимся, потужим...

Л у т о н и х а

Нет, зачем же? Я уж лучше с мужем,
Коль послал господь такую шаль...
Глупого-то вдвое больше жаль.

Л у т о н я

Муж с женою что вода с мукою.
Извините, прынц, беспокою:
Как вас звать?

С л о н я й

Я звался принц Слоняй.
Покорили предки этот край.
Он зовется «Нé любо — не слушай»
И лежит на мысе «Бей баклуши».
А теперь простой я дворянин.
Властелин на мысе ты один.
Восседай с достоинством на троне.
Честь тебе и слава, принц Лутоня!

ЗАЛ ВО ДВОРЦЕ

Л у т о н я — в одежде принца на троне, Л у т о н и х а возле него.
Входит Я с а м, за ним ш а м б е л л а н ы.

Л у т о н я

Гей! Иди сюда, Ясам второй.
Я доволен, братец мой, тобой.
Мне прилась по голове корона.
Эка шапка! Первый сорт для трона.
Как на печке, в горнице тепло.
Пол-ат склизкий, что твое стекло.
Трон-ат мягкий. Диво ли, что в свете
Бой идет за роскоши за эти.

Л у т о н и х а

Так-то мягок, что спала б весь день.
Тут и царством править быдто б лень.

Я с а м

Ваша светлость! Время наступает
Выхода большого. Подобаает,
Чтоб супруга ваша в сей момент
Удалилась в свой апартамент.

Л у т о н я

Отчего же, братец мой, без бабы?
И она, чай, посидеть могла бы.

Я с а м

Ваша светлость, это этикет.

Л у т о н я

Этикета?

(Жене.)

Так уйди, мой свет.

Я с а м

Шамбелланы, подходите к трону.

(Лутоне.)

Соизвольте, принц, надеть корону.

Л у т о н я

И без шапки, братец мой, жара.
Я надену, как придет пора.

Я с а м

Ваша светлость, не дано вам права
Этикета нарушать устава.

Л у т о н я

Этикету? Ладно, коли так.

(Неловко надевает корону.)

Помоги ж, осел, надеть колпак.

П е р в ы й ш а м б е л л а н

(тихо)

Кланяйся пред таким холопом!

В т о р о й

(тоже)

Остолоп, так смотрит остолопом.

Т р е т и й

(тоже)

Из лесу, так срублен топором.

П о э т

(тоже)

Мужичишко, дрянью дрянью, облом!

П е р в ы й

(подходя к Лутоне, громко)

Ваша светлость, мудрый сын Минервы,
Вас почтить за долг почел я первый.

В т о р о й

(тоже)

Вашу светлость первый горячо
Лобызать осмелюсь я в плечо.

Т р е т и й

(тоже)

К вашим туфлям, ваша светлость, ныне
Приложусь я первый, как к святыне.

Поэт

(тоже)

Первый я потомству и векам
Имя вашей светлости предам.

(Поэт, играя на лире.)

Суровым вечером палящее светило
За черной тучею на запад уходило;
На всю вселенную простерлась ночи мгла,
Но наша родина как день была светла.
Мы ясно видели на дальнем небосклоне
Слиянье всех светил во образе Лутони.
Когда же с кесарской Лутониhi звезда
Смежилась — се! зима исчезла без следа!

Л у т о н я

(в сторону)

Раскуси, поди-ка, в чем тут сила.
А умеет, леший, влезть без мыла,
В этикете, нечего сказать.

Я с а м

(Лутоне)

Следует господ дворян обнять.

Л у т о н я

Поцелуй под носом — не в кармане.

(Шамбелланам.)

Обоймемся, господа дворяне!

Я с а м

В вашу честь сложивший свой куплет,
Перстня с бриллиантом ждет поэт.

Л у т о н я

За вранье-то это бриллианты?
Дорогоньки при дворе таланты.

Я с а м

Принц, извольте помнить этикет.

Л у т о н я

Этикету?

(Поэту.)

Господин поэт,
Получите!

(Дает перстень.)

Только уж оставьте,
Напредки других болванов славьте.

Те же, Старец и Казначей.

К а з н а ч е й

Суд и право!

С т а р е ц

Прав Изидин суд!

К а з н а ч е й

Черт седой! Долговолосый шут!

С т а р е ц

Мерзкая лягушка из болота!
Адовы утроба и ворота!

Я с а м

Ваша светлость, это казначей
«Бей не палкой, а копейкой бей»,
С ним воюет, как вода и суша,
Первый старец в «Не любо — не слушай».

С т а р е ц

Первый старец — истинно, мой сын,
Небеса я ведаю один.
Жрец я Озириса, Сераписа,
С головой собачьей Анубиса,
Жрец Бубасты кошки, жрец быка
Аписа, Ра — солнца, Фты — жука,
Жрец мартышки — Гамадрилла, Сона,
Ибиса и мыши Фараона.

К а з н а ч е й

Титулы-то все ли отхватал?
Принц, один мой титул — капитал,
Но он главный. В наши дни налоги
Платят все: народ, жрецы и боги.

Мы живем и веруем в кредит...
Ваша светлость, пусть же замолчит
Этот жрец кошачий и собачий.

С т а р е ц

Нечестивец! Замолчи обаче!

Л у т о н я

Помолчите оба, господа,
Коль хотите моего суда.
А то на-кось! лают, как собаки.
Чай, пришли вы не к судье Шемяке!
Спорят, вздорят — леший разберет!
Говорите каждый в свой черед.

С т а р е ц

Принц, извольте удалить от трона
Мерзкое исчадие Тифона.

К а з н а ч е й

Принц, извольте выгнать из дворца
Допотопных выдумок жреца.

С т а р е ц

Или я в отместку за обиды
Проклянущу вас именем Изиды.

К а з н а ч е й

Или я обиды не стерплю —
И казною печку затоплю!

Л у т о н я

Рассудите, господа вельможи:
Ведь и мне не сладок выбор тоже.
Экие напасти с двух сторон:
Или проклят, или разорен!

О б а в м е с т е

Или, принц, усугубленным мщением
Упадет проклятье с разореньем!

Л у т о н я

ТЬфу ты, леший! Вот и выбирай!
Стало быть, и во дворце не рай.

К а з н а ч е й

Ваша светлость!

С т а р е ц

Выслушай, мой сыне.

К а з н а ч е й

Нынче утром...

С т а р е ц

Сын мой, утром ныне...

К а з н а ч е й

Во дворец с докладом я входил —
Вдруг ползет вот этот крокодил...

С т а р е ц

У крыльца встречаюсь с этой харей —
Хуже нет ни в Хиве, ни в Бухаре.

К а з н а ч е й

Принц, представьте: норовит вперед!

С т а р е ц

Принц, представьте: первым так и прет!

К а з н а ч е й

Лезет первый! Слышите ли: первый!

С т а р е ц

И чтоб я шел сзади этой стервы!

К а з н а ч е й

Или нет ни званий, ни чинов!

С т а р е ц

Нет скотов священных, нет богов!

К а з н а ч е й

Дисциплины, армии, закона!

С т а р е ц

Озириса, Нейфы, Ихневмона!

К а з н а ч е й

Принц, судите...

С т а р е ц

Сын мой, в пять минут...

Рассуди.

К а з н а ч е й

В минуту.

С т а р е ц

Здесь!

К а з н а ч е й

Вот тут!

Л у т о н я

Первым делом, господа вельможи:
Перед принцем ссориться не гоже.
Здесь дворец, поймите — не кабак...
А второе: рассуждаю так —
Слушать вас и горе-то и смех-то!
Шли бы вы, как ходят вдоль прищепхта
Рядышком, примерно муж с женой,
Хошь под ручку, хошь рука с рукой.

П о э т

(играет на лире)

Се — сама премудрость, се — Минервин лик,
Се — сам Ибис-цапля, се — сам Апис-бык.
Буйные — изыде!
Кроткие, услышь:
Се речет к Изиде
Фараона мышь.
Се — воссел на троне
С Нейфой Ихневмон —
Юный принц Лутоня,
Мудрый Соломон...

Ш а м б е л л а н ы

Bravo! bis!

(В сторону.)

Проклятый рифмоплет!

Я с а м

Ваша светлость! Псалмопевец ждет
Поощренья, гения по мерке,
Золотой в алмазах табакерки.

Л у т о н я

(дает табакерку)

Получите, господин поэт,

(вслед ему)

Коль уже стыда в глазах нет.

Старец и Казначей в дверях.

К а з н а ч е й

Становись же, что ли, моська, слева.

С т а р е ц

Берегись священной цапли гнева!

К а з н а ч е й

Берегись, чтоб я те не загнул.

С т а р е ц

Нигилист! Разбойник! Караул!

К а з н а ч е й

Вспомнишь, брат, и цаплю и айста!

С т а р е ц

Озирис! Спаси от нигилиста!

Л у т о н я

Вы опять — кому быть впереди?
Сказано: как муж с женой ходи.

С т а р е ц

Сын мой, сам ты рассуди, нельзя же,
Чтоб нам честь была одна и та же.
Место справа подлежит жрецу,
Как почет духовному лицу.
Так велось в древнейшие эпохи,
При покойном...

К а з н а ч е й

При царе Горохе.
В наши дни — прогресс и капитал.

Л у т о н я

Эки черти! Черт бы вас побрал!
Лысый пес дерется с кошкой чахлой!
Чтобы духом вашим здесь не пахло —
Слева, справа, разом с двух сторон —
С глаз моих, в одну секунду вон!

Старец и Казначей бегут и дерутся.

П о э т

(играя на лире)

Се!

Страшен Лутоня в грозной красе!
Очи разверзнет — Кнуфовы очи
В день обращают мрачные ночи,
Склонит их долу — в сумрак ночей
Блеск претворяет солнца лучей.
Се! Трепещите! Се — в хаос и мрак
Мир повергает Кесаря зрак!

Л у т о н я

Ты опять? Пошел же вон отсюда,
Чертов сын!

Ш а м б е л л а н ы

Вон, гадина, паскуда!
Жук навозный! Прокаженный шут!
Вон отсюда, подлый лизоблюд!
(Бьют поэта палками и прогоняют.)

П е р в ы й ш а м б е л л а н

(Лутоне)

Ваша светлость поступили с тактом.
Просвещенный взгляд ваш этим фактом
Обнаружен. Выгнан негодяй...
Как терпел доселе принц Слоняй?
Расточал ему почет и ласки —
А за что? За то, что пел коляски,
Дрожки, упряжь, сбрую, лошадей...

2 - й

От простого звания людей,
Как теперь зовут — «меньшого брата»,
Что и ждать-то, окромя разврата?
Ваша светлость, честь и слава вам,
Что с позором изгнан подлый хам!

3 - й

За версту несет от хама хамом.
Ваша светлость! мудро в корне самом
Вырвали траву дурную вон.
Лезет во дворец со всех сторон
Всякий неуч, лапотник, аршинник,
Целовальник, дровосек и блинник.

Л у т о н я

Ну, уж это милость ваша врет —
Дровосек не трогает господ!

1 - й

Ваша светлость, о подобной дряни
Неприлично думать в вашем сане.
В городах еще туды-сюды
Не видать мужичьей бороды —
Хоть с немецким платьем все знакомы,
В деревнях так уж совсем обломы.

Л у т о н я

Да мужик-ат поит-кормит вас!
Буде врать-то! Замолчать сейчас!
Первого, кто пикнет, так и двину.

Я с а м

(удерживая его)

Ваша светлость, сообразно чину...

Л у т о н я

Так ты — первый? Ты? Второй я сам?

Я с а м

Этикет не возбраняет вам
Обучать придворных, но умненько,
Отчески, келейно, вежливенько.

Л у т о н я

Вежливенько! Дуй тебя горой!
Да на кой ты черт я сам второй,
Коли с сердцем мне чинить по нраву
Не даешь, как следует, расправу!
То надень им шапку, на-поди!
То, как пень, на выставке сиди,
Награждай поэта-попрошайку
И не смей сажать с собой хозяйку;
Лысый бес грозит тебя проклясть,
Крючкотворец старый — обокрасть,
И грызутся, словно быдто звери,
Что войти не могут разом в двери.
Тут придворных шалопаев сброд —
Без стыда хулят простой народ:
Мужичье, мол! хамы да обломы!
Благо, сами заползли в хоромы!
Будет вам, ужо — мужик-облом!
Вон, каналы, из моих хором!
А не то возьму вот эту палку,
Да как всех пойду лупить вповалку,
Не щадя господских ваших спин!..

Ш а м б е л л а н ы

(убегая)

Всех прибьешь — останешься один!

3

СТОЛОВАЯ ВО ДВОРЦЕ

Лутоня, Мажордом, потом Первый публицист.

Л у т о н я

Ну их всех! Ушли! Теперь с охотки
Хорошо б маненько выпить водки!
Заморили с самого утра!
Чай, давно уж полдничать пора!

(Мажордому.)

Эй ты, милый человече. Живо!
подавай закуску, водку, пиво —
Всё, что есть в печи, на стол мечи!

М а ж о р д о м
Ваша светлость, публицист...

Л у т о н я

Молчи.

М а ж о р д о м
Публицист пришел...

Л у т о н я

Неси закуску!

М а ж о р д о м
Он желает...

Л у т о н я

Взять его в кутузку!

М а ж о р д о м
Он с доносом...

Л у т о н я

Засадить сейчас!

М а ж о р д о м
(растворяя Публицисту двери)
Принц просить к себе изволят вас.

Л у т о н я

Я сказал...

М а ж о р д о м
При важности доноса
Без доклада входят и без спроса.

Л у т о н я

Не донос мне нужен, а еда...

М а ж о р д о м
Принц, донос важней всего, всегда!

1 - й п у б л и ц и с т

(входит)

Ваша светлость, первый я газетчик,
Тайных ков, подпольных смут разведчик.
Честь имею донести: поэт
Сочинил в стихах на вас памфлет.

Л у т о н я

Давешний-то лазарь-попрошайка?

1 - й п у б л и ц и с т

Вместе с ним дворян преступных шайка.
Удаленных ныне из дворца,
Против вашей светлости лица
Замышляя заговоры, ковы,
В бунт открытый перейти готовы!..

Л у т о н я

В кандалы!

1 - й п у б л и ц и с т

Принц, с ними казначей
«Бей не палкой, а копейкой бей»,
Овладев казенной вашей кассой,
Поставляет банде хлеб и мясо.

Л у т о н я

Плут!

1 - й п у б л и ц и с т

Он воплощал в себе кредит,
А кредит при деньгах не вредит,
А без денег только он и в силе.
Ваша светлость дурно поступили,
Выгнав казначея.

Л у т о н я

Черт ли в том!

Сам я крепок задним-ат умом.
Делать что — скажи.

1 - й п у б л и ц и с т

Спасать основы.

Л у т о н я

Ну?

1 - й п у б л и ц и с т

Извольте, первым долгом, новый,
Для сего комиссию созвав,
Дисциплины начертать устав,
Разогнать, притиснув и прижав,
Подвижной правительства состав,
Так, чтобы, в соображение взяв
Званье, род, сословье, чин и нрав,
Не было б близ трона человека
Возрастом моложе полувека.

Л у т о н я

Всех прогнать велишь мне? Так и сам
Убирайся вон, ко всем чертям!

(Лакеям.)

Есть давайте! Их не переслушать!

Те же, В т о р о й п у б л и ц и с т.

2 - й п у б л и ц и с т

(входя)

Ваша светлость, не извольте кушать.
На коленях смею донести...

Л у т о н я

Да вставай! Чего тут пол мести!

2 - й п у б л и ц и с т

Ваша светлость, как официозный
Журналист, донос пространный, грозный
Честь имею ныне преподнести.

Л у т о н я

Леший, дьявол! Дай хоша поесть —
Или худо будет.

2 - й п у б л и ц и с т

Будет худо,
Только, принц, дотроньтесь хоть до блюда...

Л у т о н я

До тебя дотронусь — будешь худ!
Ребра все переломаю, плут!

2 - й п у б л и ц и с т

Принц, мы все, как под богом, под вами:
Розгами, нагайками, плетями,
Принц, казни — но выслушай вперед:
Не бери куска сегодня в рот!

Л у т о н я

Да скажи хоть...

2 - й п у б л и ц и с т

Умоляю снова:
Не касайтесь вовсе до съестного.

Л у т о н я

Объясни ж мне толком наконец.

2 - й п у б л и ц и с т

Ваша светлость, в древности мудрец
Прорицал, что украшает троны
Более, чем скиптры и короны,
Добродетель, коей в наши дни
Ваша светлость служите одни.
Ибо что мы ныне примечаем?
Патриарх, поставленный над краем
В качестве оплота против зла, —
Верное подобие козла
В огороде... то бишь в вертограде.

(Таинственно.)

Я далек от мысли о награде,
Но шепну, спасая вас и край:
Первый старец — первый негодяй.

Л у т о н я

Леший! Дьявол! Убирайся к черту!
Есть хочу, а вместо ложки кó рту
То и дело прынцу тычет в нос
Плут на плута пасквильный донос.
Эй! Давай обедать! Люди, черти!

2 - й п у б л и ц и с т

Принц, рабу нижайшему поверьте:
Ваш обед отравлен.

Л у т о н я

Что ты? Как?

2 - й п у б л и ц и с т

В хлебе, в супе, в соусе мышьяк.

Л у т о н я

Кем отравлен? Где мой старший повар?

2 - й п у б л и ц и с т

Старший повар — в кухне общий говор —
Буде не совсем еще издох,
Пролежит три дня без задних ног.
Первый старец чуть не четверть водки
Приобщил его бездонной глотке.

Л у т о н я

Первый старец?

2 - й п у б л и ц и с т

С пьяным вслед за сим
Обменялся платьем он своим

(мрачно)

И под курткой поварскою белой
Черный план пустил спокойно в дело.

Л у т о н я

А чего смотрели повара,
Судомойки, прачки, кучера?

2 - й п у б л и ц и с т

Вашу светлость отравляя ядом,
Первый старец встал к прислуге задом.
А у старцев — кто ж тут виноват? —
С поварами одинакий зад.

Л у т о н я

Черти все — и спереди и сзади —
В поварском, в господском ли наряде!
И с чего он?

2 - й п у б л и ц и с т

Ваша светлость, он
Вами здесь глубоко оскорблен.
Неприлично старцу, хоть злодею,
Уступать дорогу казначею.

Л у т о н я

Так за это отравляет, слышь,
Первый старец принца, словно мышь.
Ну, хорош молещик и предстатель —
Отравитель, изверг и предатель!
Я теперь, изволь-ка, голодай!
Удружил, спасибо, принц Слоняй!
Ах, когда б заранее знать да ведать!
Черти! Гей! Неси сейчас обедаты!
Каково! И ухом не ведут
Господа лакеи. Где же плут,
Где Ясам второй, каналья первый?

2 - й п у б л и ц и с т

Ваша светлость, раздражите нервы
Понапрасну. Не придет Ясам.

Л у т о н я

Он ушел?

2 - й п у б л и ц и с т

По собственным делам.
Он хлопочет, чтобы в связи тесной
С вашей супругой жить совместно.

Л у т о н я

Что ты врешь? С Лутонихой моей?

2 - й п у б л и ц и с т

Вождельем он сгорает к ней.

Л у т о н я

И она с ним?

2 - й п у б л и ц и с т

Утверждать не смею,
Что она с ним; он, однако, с нею.

Л у т о н я

Значит...?!

2 - й п у б л и ц и с т

Ваша светлость, виноват:
Принц Слоняй, однако, был рогат.

Л у т о н я

А! Так вот Ясам какого чина!
Захотела эта образина
Быть во всем, взаправду, мной самим!
Погоди же! Я расправляюсь с ним!

2 - й п у б л и ц и с т

Принц, уж поздно.

Л у т о н я

Поздно?

2 - й п у б л и ц и с т

Тронуть вожжи
Кучер в полдень должен был — не позже.

Л у т о н я

Он уехал?

2 - й п у б л и ц и с т

С нею, не один —
Как у Гете, знаете? — *dahin!*¹

Л у т о н я

Так чего ж ты мне точил балясы?

2 - й п у б л и ц и с т

Первым делом, для спасенья расы,
Ваша светлость, чтобы принц был жив,
А второй и главный мой мотив:
Во вниманье взяв, что зла прогресса
Ангел наш, Лутониха-принцесса,
Не избегла, чистая вполне,—
Вымолить, чтоб ваша светлость мне
Подписали строчку... нет! не строчку...

¹ Туда (нем.).— *Ред.*

(На коленях.)

А к прогрессу точку — только точку!

Л у т о н я

Ах ты, шут юродивый, шальной!

(Бьет его.)

На, вот точка! На, вот с запятой!

2-й публицист плачет.

Экой дурень! Присмирел, дружок.

Мог бы я наставить много точек

На твоей на глупой на спине —

Да дурак ты — значит, нужен мне.

Марш в погоню! Сядь на вороного!

(Вдогонку.)

Да пришли хоть что-нибудь съестного.

Те же, Отец-командир, потом Герольд.

О т е ц - к о м а н д и р

(входя)

Бить тревогу! Строиться в каре!

Л у т о н я

Что случилось?

О т е ц - к о м а н д и р

Ружье напере-

Вес! Равняйся! Дирекция направо!

Арш!

Л у т о н я

Да кто он?

3 - й п у б л и ц и с т

Наша честь и слава.

Командир всех наших войск.

О т е ц - к о м а н д и р

На ру-

Ку!

3 - й п у б л и ц и с т

Пришел, так значит не к добру.

Отец - командир
Кладсь! Пли! Жай!

З - й публицист
Страшатся командира
Больше, чем в бою, во время мира.
Десять тысяч с лишком мусульман
И пятнадцать тысяч душ крестьян
Положил костями, своей рукою...
Уж пришел, так с восточкой дурною.

Отец - командир
Стой-равняйсь!

Л у т о н я
Едва ль страшнее черт!

З - й публицист
Принц, извольте выслушать рапорт.

Отец - командир
(рапортует)
Ваша светлость! Всё благополучно
Обстоит. Сейчас собственноручно
Усмирять я буду у ворот
Пред дворцом собравшийся народ.

Л у т о н я
Бунт?

З - й публицист
Бунт?

М а ж о р д о м
Бунт?

Отец - командир
Так точно: бунт народный.
Просит хлеба всякий сброд голодный.

Л у т о н я
Знамо дело: всякий хочет есть.

Отец - командир

Как же смеют прямо к принцу лезть?
У! Мужланы! Покормить их мне бы!

Лутоня

Хлеб родится для мирской потребности.
Я отец народу — не злодей.

Герольд

(народу, в окно)

Принц пришлет горячих калачей!

Отец - командир

Розгачей бы!

Лутоня

Что?

Отец - командир

Я — сам с собою.

Шум и волнение за сценой усиливаются.

Лутоня

Что опять там?

Герольд

Голосят гурьбою:

Пить хотят.

Лутоня

И водка им нужна.

Герольд

(в окно)

Принц велел вам выкатить вина!

Шум еще усиливается.

Лутоня

Что еще?

Герольд

Гуторят: принц-надёжа,
Очень плоха у нас одежа.

Л у т о н я

Без одёжи как же работáть?
Дать одёжу!

Шум растёт.

Что ещё опять?

Г е р о л ь д

Требуют для жен своих и дочек
Кринолинов, вышитых сорочек.

Л у т о н я

Ну, уж это милость ваша врёт:
Этого не требует народ.

Г е р о л ь д

Требуют для деток зимних кенег
И для светских развлечений денег.

Л у т о н я

Что за притча! Вот народ чудной!

Г е р о л ь д

Требуют театров всей толпой!

Л у т о н я

Что, для них в шуты пойду я, што ли?
Накормил, одел — чего ж им боле?

Г е р о л ь д

Ваша светлость! К этому всему
Требует народ, чтоб вы ему
Отдали все атрибуты власти:
Меч, корону, скипетр.

Л у т о н я

Вот напасти!

О т е ц - к о м а н д и р

Молодцы-ребятушки, ура!
Дать урок горяченький пора
Либеральным принцам-демократам,
Лебезящим перед младшим братом!

Л у т о н я

Это ты? Отец-то командир?

О т е ц - к о м а н д и р

Ваша светлость: это мой мундир.
Есть такая басенка Крылова:
Не теряйте по-пустому слова
Там, где нужно власть употребить:
Сечь, стрелять, колоть, палить, рубить.
Пусть режут сироты, старцы, вдовы —
Были б только спасены основы.

Л у т о н я

Командир, неверен твой расчет:
Чай, лежит в основе-то народ,
А как всех заколешь да зарубишь —
Так основу, значит, и загубишь.

Т е ж е, Ф и л о с о ф.

Ф и л о с о ф

(входя)

Так вещает истина сама
Выводом Лутонина ума.
Истинно: народ есть основанье
И за тем общественное зданье
Вертикально принимает вид
Хаосообразных пирамид,
Разделенных правильно и вечно
Как продольно, так и поперечно.

Л у т о н я

(Герольду)

Землемер он, што ли, аль из тех,
Что, вон, строят?

Г е р о л ь д

Принц, он выше всех.

К построеньям лишь в пространстве склонен.
Он мудрец египетский — Астронин.
Астра — солнце. Нин... должно быть, Нин
По-халдейски значит: *гражданин*.
Он в Египте снял покров с Изиды,
Изучив на месте пирамиды.

Л у т о н я
(Философу)

Что ж нам делать, господин мудрец?

Ф и л о с о ф

Совместить начало и конец —
Разделить хаос на два хаоса.
Вот одно решение вопроса
В области динамики — и два,
Обратимся к статике едва.
Ибо мы, пира́миду построя
Для движенья, можем для покоя
Начертать горизонтально круг.
Этот круг, с пира́мидой сам-друг,
В конусе — дает прогресс с застоем.

Л у т о н я

Да народ-ат как мы успокоим?

Ф и л о с о ф

Стоит только, чтоб смирить народ,
Конусу дать должный оборот,
Ибо в нем совмещена двоякость...

Л у т о н я
(в сторону)

Хоть бы слово понял — эка пакость!

Ф и л о с о ф

В конусе — движенье и покой.
А закон один, весьма простой,
Аналогий единиц и множеств,
Всех иножеств, тождеств и такожеств,
Всех времен, народностей, систем,
Государств центральных — и затем
Диоцезов, графств, провинций, штатов,
Префектур, кантонов, комитатов,
Округов, сатрапий, фил и триб —
Для людей, животных, птиц, для рыб,
Для червей, амфибий и полипов, —
Для отдельных особей и типов,
На земле — сдается даже мне —
На других планетах: на Луне,

На Сатурне, Марсе, на Венере —
С разницей в диаметре, в размере,
Но закон движения один:
Пирамида — или проще: клин —
Клин за клином...

Л у т о н я

Выбивать клин клином,
Что ли?

Ф и л о с о ф

Нет. Но в хаосе едином,
Разделенном на два, — чтобы вдруг
Не упал пирамидальный круг,
Но вращался круглой пирамидой,
Под надежной вашею эгидой,
Чтобы, стоя, двигался народ —
Надлежит к стремящимся вперед,
Следуя примеру мудрых наций,
Применить закон экскорпораций.
Кто вперед — сейчас из ряда вон!
Реактивной акции закон
Не щадит для смелых построений
Областей и целых поколений.

(Восторженно.)

Принц Лутоня! Вы — прогресса ось.
Государство — конус, как ни брось,
Кверху ль, книзу ль — будет в каждом виде
В круге — центр, вершина — в пирамиде.
Ваша светлость! Пусть же весь народ
Вокруг вас завертится вперед.

Л у т о н я

(в сторону, размышляя)

Я не понял...

Ф и л о с о ф

(в сторону)

Я польстил недурно.

(Вслух.)

Принц!.. И то сказал я нецензурно.

(Гордо.)

Но я тем потомству буду мил,
Что с улыбкой правду говорил.

Те же, три публициста.

1 - й

Принц!

2 - й

Принц!

3 - й

Принц!

Л у т о н я

Вы что еще, уроды?

1 - й

Государь...

2 - й

Все выходы...

3 - й

Все входы...

1 - й

Заняты...

2 - й

С рогатиной...

3 - й

С дубьем...

Л у т о н я

(гневно Философу)

Это ты морочил здесь враньем!!
Черт!

Ф и л о с о ф

(спокойно)

Нет, принц. Есть в конусе текучесть,
Государств решающая участь;
Всё равно: тиран, народ, палач —
Сильным будь — задача всех задач!

Л у т о н я

Замолчи!

Ф и л о с о ф

(продолжая)

Сословных, уголовных
И — тем паче — конусо-верховных!

Л у т о н я

(замахиваясь)

Я тебя!..

Философ убегает.

Воистину мудрец —
Убежал.

(К Отцу-командиру.)

Ну, выручай, отец-
Командир. Ты глоткой, что картечью,
Напужаешь...

О т е ц - к о м а н д и р

Нет! К народу с речью
Обращусь теперь я... Так и так...
Вы, мол... Я, мол... Я ведь не дурак.
Я ведь храбр и в голове и в тыле.
Силы долг повиноваться силе.
Кладсь! Пли! Жай! Три темпа. Тот же счет,
Хоть в народ стреляй, хоть за народ.

(Уходит смеясь.)

Л у т о н я

Бог с тобой, когда такой суровый!
Вот они спасают как основы!
Сколько есть их, каждый свой живот,
Свой маммон основою зовет.

Дворянин — так, господи, ты веси,
Сколько в нем господской этой спеси!
Казначей, так всю казну своей
Полагает — я-де казначей!
Командир — так рожь богомерзкой
Нипочем, потехи ради зверской,
Сокрушить всё царство, весь народ.
Кто тут гаже — черт их разберет!
Да еще недоставало сраму —
И жена достанется Ясаму!
Ну их всех! Юродивый мудрец,
Прокаженный лазарь, первый жрец —
Отравитель, изверг! Эки страсти!
Дай бог ноги! Не хочу и власти!
Тот же лес, что наш сосновый бор,—
Так домой, Лутоня, за топор!

4

ОТДАЛЕННАЯ КОМНАТА ВО ДВОРЦЕ

Л у т о н я

(один)

Нет тебя, Лутониха, со мною!
Некого мне звать теперь женою.
Заливаюсь я потоком слез,
Хошь бы ветер весточку принес.
Хошь бы птичка мне прощebetала,
Где моя голубка запропала!
Чуяла ты ноне поутру,
Что дурить я вздумал не к добру,
Говорила, что не будет ладу.
Я сказал: один на троне сяду!
Истинно: один на троне сел —
И жену и царство проглядел!
Без тебя, желанная, Лутоня
Счастья нет, хоть в золотой короне,
И, как перст, весь век свой одинок,
Буду лить горючих слез поток.

Л у т о н я, М а ж о р д о м.

М а ж о р д о м

Ваша светлость...

Л у т о н я

Буде врать, любезный!
Титулы мне ноне бесполезны.
Ваш дворец мне, как тюрьма, постыл...
Я — Лутона, как и прежде был.

М а ж о р д о м

Принц, толпа народа завладела
Всем дворцом...

Л у т о н я

Так что ж, голубчик? Дело!
Пусть его хоть свалит, хоть сожжет.

М а ж о р д о м

Депутата к вам прислал народ.

Л у т о н я

Милый мой! Пущай без депутата
Всё возьмут. Что взято, то и свято.

М а ж о р д о м

Ваша светлость, вот и депутат.

Л у т о н я, С л о н я й.

С л о н я й

Принц, извольте выслушать доклад.

Л у т о н я

Прынц Слоняй?

С л о н я й

Так точно, принц, мне лестно,
Что моя фамилья вам известна.

Л у т о н я

Что за черт!

С л о н я й

Там черт или не черт —
А короток будет мой рапорт.
Ваша светлость, я с дурною вестью.
Вон отсюда! Принц, вас просят честью.

Л у т о н я

Я с охотой...

С л о н я й

Ну, мой друг, прощай!

Л у т о н я

Что за притча! Господин Слоняй —
Вы-то как здесь?

С л о н я й

Я начальник в банде.
Всё восстанье по моей команде.

Л у т о н я

От часу не легче! Да к чему
Бунтовать вам было — не пойму.

С л о н я й

Чтобы трон свой возвратить — хоть силой.

Л у т о н я

Да вольно ж его бросать вам было!

С л о н я й

Отвечай невеждам, мужикам!
Бросил сам — и возвращаю сам!
Хоть во мне мочалки, а не нервы —
В государстве все-таки я первый!
Принцем был, так принцем и умру.
Сам в хандре — и всех вгоню в хандру.
Ты прочти историю Нерона,
Так поймешь всё обаянье трона.
Нет, уж в лес вперед не побегу.
Захочу — все города сожгу.
Захочу — так с нынешним прогрессом
Сделаю всё царство темным лесом.
Лес ко мне — не я к нему приду.
Захочу при жизни быть в аду —
Сделаю из царства ад крошечный...

Л у т о н я

Ну тебя! Угомонись, сердешный!
Это ли тебе еще не ад?
Я уйду — ведь я и сам не рад.

С л о н я й

А ты думал, мы живем здесь праздно,
День за днем, как вы — однообразно?
Намотай себе на бороде:
Праздность — там, у вас, в лесу, в труде!
Здесь — борьба и вечное движенье.

Л у т о н я

Что ни день — то светопреставленье.

С л о н я й

Самолюбие, гордость, зависть, честь
Не дают ни спать, ни пить, ни есть.
Здесь, в броне законов и приличий,
Вечное стремление за добычей.
Здесь не сеют люди и не жнут,
Но чужой, готовый, кровный труд
Превращают для себя, как маги,
В акции, процентные бумаги;
Ваш разврат, невежество, запой
Обирают жадною рукой
И дают патент статей доходных
Фурии всех ужасов народных, —
И ты думал — стану я бросать
Для тебя такую благодать?
Именем одним своим в народе
Ты внушал уж мысли о свободе,
В честь твою уж пьянствовал народ.
Я созвал немедля всякий сброд,
Встал, прямым Слоняем, перед фрунтом
И, как видишь, кончил дело бунтом.

Л у т о н я

Ну, конец, так, стало быть, конец!
Ваша светлость, будь родной отец —
Объяви немедля всенародно,
Что я помер, что тебе угодно...
Отпусти, отец, меня домой.

С л о н я й

Отчего ж? Останься здесь со мной!
Человек ты честный, судишь здраво,
Хочешь быть моей рукою правой?
Вознесу тебя, озолочу...

Л у т о н я

Нет уж, ваша светлость, не хочу
Ни чинов, ни денег, ни почета.
У меня одна теперь забота:
Снизойди на просьбицу одну —
Повели сыскать мою жену.
Охрани — спаси ее от срама.

С л о н я й

Будь спокоен, я сыскал Ясама
И лишаю этого скота
Всех чинов, всех прав — и живота.
(Указывая на входящую Лутониху.)
А тебя — с женой соединяю.

Л у т о н я

Слава принцу-батюшке Слоняю!

Л у т о н и х а

Ну, прощай, да помни, принц Слоняй:
Слов пустых, слоняясь, не роняй.
А веди-ко ты себя пристойно:
Верь мне — будешь жить и спать покойно!

(Обращаясь к публике.)

А теперь, честные господа,
Ожидаем вашего суда.
Здесь театр, мы куклы — а не люди.
Так уж строго не взыщите, буде
Кое слово брошено на *глум*,
Не ровён час — упадет и в ум.

Начало 1870-х годов

Ф р и д р и х Ш и л л е р

155. НАЧАЛО НОВОГО ВЕКА

Где приют для мира уготован?
Где найдет свободу человек?
Старый век грозой ознаменован,
И в крови родился новый век.

Сокрушились старых форм основы,
Связь племен разорвалась; бог Нил,
Старый Рейн и океан суровый —
Кто из них войне преградой был?

Два народа, молнии бросая
И трезубцем двигая, шумят
И, дележ всемирный совершая,
Над свободой страшный суд творят.

Злато им, как дань, несут народы,
И, в слепой гордыне буйных сил,
Франк свой меч, как Бренн в былые годы,
На весы закона положил.

Как полип тысячерукий, бритты
Цепкий флот раскинули кругом
И владенья вольной Амфитриты
Запереть мечтают, как свой дом.

След до звезд полярных пролагая,
Захватили, смелые, везде
Острова и берега; но рая
Не нашли и не найдут нигде.

Нет на карте той страны счастливой,
Где цветет златой свободы век,
Зим не зная, зеленеют нивы,
Вечно свеж и молод человек.

Пред тобою мир необозримый!
Мореходу не объехать свет;
Но на всей земле неизмеримой
Десяти счастливцам места нет.

Заклучись в святом уединеньи,
В мире сердца, чуждом суеты!
Красота цветет лишь в песнопеньи,
А свобода — в области мечты.

⟨1856⟩

П Р И М Е Ч А Н И Я

Настоящее издание подготовлено на основе двухтомного собрания произведений поэтов «Искры», вышедшего в «Библиотеке поэта» в 1955 г.

Большую часть издания составляют произведения В. С. Курочкина (они помещены в первом томе) и Д. Д. Минаева; остальные поэты представлены лишь небольшим количеством стихотворений. Не включены стихотворения Л. И. Пальмина и П. В. Шумахера, которые войдут в сборник «Поэты-демократы 1860—1870-х годов».

Произведения В. С. Курочкина распределены по двум отделам: оригинальные стихотворения и переводы и перепечатки. Произведения Минаева — по четырем. В первый вошли сатирические фельетоны, пародии, а также лирические стихотворения; отделение лирических стихотворений Минаева, как и многих других поэтов его времени, как и В. Курочкина, от сатирических далеко не всегда возможно: лирическая и сатирическая стихи очень часто переплетены в его поэзии; во второй отдел вошли эпиграммы, в третий — поэмы и сатирическая пьеса «Москвичи на лекции по философии», в четвертый — переводы. Оригинальные стихотворения В. С. Курочкина и его переводы из Беранже, произведения Минаева в первых трех отделах расположены в хронологическом порядке; в хронологическом порядке расположены также стихотворения других поэтов; лишь немногие их переводы помещены в конце соответствующих отделов.

В примечаниях приведены библиографические данные, сведения по истории текста и цензурной истории, разъяснены намеки на разнообразные факты общественно-литературной жизни. Сведения об упомянутых в стихотворениях лицах и периодических изданиях состоят из двух частей: то, что относится непосредственно к данному тексту, разъяснено в примечаниях, краткие общие справки о них, чтобы избежать повторений и многочисленных ссылок, вынесены в указатель.

Примечания к каждому стихотворению начинаются с указания на место первой публикации; дальнейшие перепечатки без изменений не отмечаются; фиксируются лишь перепечатки с теми или иными исправлениями (при этом пунктуация не принимается в расчет). Оговаривается также, когда стихотворение в какой-либо из прижизненных сборников поэта, вышедших после его опубликования, включено не было. Последний из указанных источников (если их несколько) заключает в себе окончательный текст стихотворения; он и воспроизводится, как правило, в настоящем издании. Более сложные случаи оговариваются особо. Подпись или ее отсутствие указаны всюду, кроме тех случаев, когда стихотворение было подписано полным именем поэта.

Даты помещены под стихотворениями. Когда дату написания установить не удалось, пришлось руководствоваться датой первой публикации. Даты публикации и вообще даты, не позже которых по тем или иным соображениям написаны стихотворения, заключены в угловые скобки. Стихотворения датированы только годом написания или первой публикации, но материал, приведенный в примечаниях, часто дает возможность уточнить дату внутри года. В тексте приведено лишь несколько подробных дат, принадлежащих самим поэтам.

Принадлежность поэтам псевдонимов, фигурирующих в примечаниях, определяется большей частью тем обстоятельством, что какие-нибудь стихотворения, первоначально напечатанные под этим псевдонимом, были включены в один из сборников поэта.

При подготовке настоящего издания разнообразными справками мне оказали помощь В. Н. Сажин и М. И. Перпер, за что приношу им благодарность.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

Б — журнал «Будильник».

БВ — газета «Биржевые ведомости».

БдЧ — журнал «Библиотека для чтения».

ГБЛ — рукописный отдел Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве.

ГЛМ — Гос. литературный музей в Москве.

ДТЧ — фельетон Д. Д. Минаева «Дневник Темного человека».

ГПБ — рукописный отдел Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

«Заметки» — «Заметки со всех концов света» В. И. Богданова в «Искре».

И — журнал «Искра».

МВ — газета «Московские ведомости».

ОЗ — журнал «Отечественные записки».

ПГ — «Петербургская газета».

ПД — рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР в Ленинграде.

Печ. — печатается.

РБ — журнал «Русская беседа».

РВ — журнал «Русский вестник».

РС — журнал «Русское слово».

С. — страница.

СО — журнал, а с 1862 г. газета «Сын отечества».

«Совр.» — журнал «Современник».

СП — газета «Северная пчела».

СПбВ — газета «С.-Петербургские ведомости».

ст. — строка.

стих. — стихотворение.

ЦГАЛИ — Центр. гос. архив литературы и искусства в Москве.

6-е изд. Ефр. — Песни Беранже. Переводы Василия Курочкина. Изд. 6-е, испр. и значит. доп. СПб., 1874. Экземпляр, подаренный В. С. Курочкиным П. А. Ефремову. Хранится в ЦГАЛИ.

Béranger — Oeuvres complètes de P.-J. Béranger. Edition illustrée par J. Grandville, t. 1—3. Paris, 1836. Экземпляр, принадлежавший В. С. Курочкину, с его пометами и черновыми набросками переводов. Хранится в Гос. литературном музее в Москве.

Все цензурные дела, упомянутые в примечаниях, хранятся в Центр. гос. историческом архиве СССР в Ленинграде: Главное управление цен-

зуры — фонд 772, Особенная канцелярия министра народного просвещения по делам книгопечатания — ф. 773, Центральное управление по цензурному ведомству — ф. 775, Главное управление по делам печати — ф. 776, С.-Петербургский цензурный комитет — ф. 777.

Кроме того, сокращенные обозначения книг включенных в настоящее издание поэтов см. на с. 425—428 второго тома в списке их стихотворных сборников.

ВАСИЛИЙ КУРОЧКИН

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1. «Совр.». 1854, № 6, «Лит. ералаш», тетр. 4. В изд. 1869 г. не включено. Написано не позже 1850 г.; см. с. 48—49.

2. И. 1859, № 36. В изд. 1869 г. Т. 1, с датой: 1853.

3. Изд. 1869 г. Т. 1, с датой: 1855. Литературным фоном стихотворения является разговор Татьяны с няней в «Евгении Онегине» Пушкина.

4. БдЧ. 1856, № 12. Стихотворение очень нравилось Т. Г. Шевченко. «А чтобы не забыть это прекрасное создание поэта, — читаем в его дневнике (запись от 29 нояб. 1857 г.), — то я вношу его в мой журнал» — и дальше следует полный текст стихотворения. Цитату из него и упоминание о нем находим в двух других местах дневника Шевченко (Собр. соч. М., 1949. Т. 5. С. 84, 206—207, 221), а также в его повести «Прогулка с удовольствием и не без морали», где стихотворение названо «гениальным» (Собр. соч. Т. 4. С. 392).

5. БдЧ. 1856, № 12. — Календарь «Искры» на 1866 год. СПб., 1865. — Изд. 1869 г. Т. 1. Автограф — ПД; в нем строфы 4 и 5 в обратном порядке. Из вариантов БдЧ следует отметить один, явно цензурного происхождения: вместо «крепостных людях» (ст. 4 строфы 5) — «о своих людях». В начале «Общего знакомого» есть реминисценция из «Мертвых душ» Гоголя: «В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однакожи и не так, чтобы слишком молод». В стихотворении имеются также отзвуки слов Гоголя о Чичикове, который «в разговорах... очень искусно умел польстить каждому». Наконец, рефрен ср. с VIII гл. «Мертвых душ»: «Павел Иванович! Ах, боже мой, Павел Иванович! Любезный Павел Иванович! Почтеннейший Павел Иванович! Душа моя Павел Иванович!.. Чичиков разом почувствовал себя в нескольких объятиях». *Образ мыслей неподобный Видит в бороде.* В 1850-х годах дворянам, занимавшим выборные должности, придворным, чиновникам, военным было запрещено носить бороду; борода считалась у обывателей признаком некоторого вольномыслия. «*На барабане Всех бы их остричь!*». Стрижка на барабане считалась в те времена в армии позорным наказанием. Так, старший брат П. А. Кропоткина, учившийся в Московском кадетском корпусе, писал ему 19 апр. 1858 г.: «Началось с того, что ротный командир нашей... роты велел трем выходящим в нынешнем году в офицеры кадетам выстричься. Тут ошкали ротного командира... На другой день Лермонтов (начальник корпуса) пришел к нам в роту, стал страшно кричать... и велел на барабане, перед ротой выстречь этих трех» (Кропотки-

ны П. и А. Переписка. М.; Л., 1932. Т. 1. С. 82—83). Положено на музыку В. Т. Соколовым.

6. БдЧ. 1859, № 12. - Изд. 1869 г. Т. 1. Автограф — ПД. Написано не позже конца 1856 г. — см. примеч. 114. Положено на музыку А. С. Даргомыжским, М. П. Мусоргским, А. А. Спиро.

7. «Голоса из России». Ч. 4. Лондон, 1857, без подписи. В изд. 1869 г. не включено. В 1862 г. «Комиссией, учрежденной для исследования о причинах пожаров, бывших в С.-Петербурге», был арестован Б. Б. Кокшаров. Среди отобранных у него при обыске бумаг оказались списки нескольких революционных стихотворений, в том числе «Двуглавый орел», под которым стоит: «Курочкин» (Приложение к делу 3-й экспедиции III Отделения. 1862, № 230. Ч. 118. Л. 26 об.— 27 об.//ЦГАОР, ф. 109). В арх. П. И. Вейнберга (ПД) также сохранился список «Двуглавого орла» с указанием на авторство Курочкина. Автором «Двуглавого орла» считали Курочкина К. К. Сунгуров («Лит. наследство». М., 1973. Т. 86. С. 586), П. Л. Лавров (статья «Минувший год»//«Вперед», Лондон, 1875, № 24. С. 748) и В. И. Розенгейм (см. рукопись биографии ее мужа, М. П. Розенгейма, — ПД, ф. 265, оп. 1, № 35. Л. 671). Но решающим аргументом в пользу авторства Курочкина являются свидетельства таких близких ему людей, как П. А. Ефремов (см.: Бушканец Е. Г. Новое о нелегальной поэзии 1860-х годов//«Известия АН СССР. Отд. литературы и языка», 1962, № 4. С. 342) и Д. Д. Минаев. Эпиграфом к одному из его стихотворений, затертых на страницах старых газет, взяты строки «Я нашел, друзья, нашел» и т. д., под которым обозначено имя автора: В. Курочкин (Общ и й д р у г. Общий враг//ПГ. 1883, 26 июня). О широкой популярности стихотворения см. также: Лемке М. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». Спб., 1908. С. 315 (письмо М. Д. Муравского к В. А. Манасеину от 20 янв. 1861 г. из Бирска); Федорова А. П. А. Куратов. Сыктывкар, 1960. С. 24—25; Крестовский В. Панургово стадо//РВ. 1869, № 3. С. 183—199; № 4. С. 537, 548.¹ Даже через полвека после его создания, в 1905 г., его, по свидетельству Е. Ярославского, распевали революционные рабочие Ярославля (сб. «Из истории рабочего движения в Ярославской и Костромской губерниях». Ярославль, 1939. С. 9). См. также интересный документ о нелегальном концерте в Ярославле, на котором в числе других революционных песен хором распевался «Двуглавый орел» (опубликован в статье А. Я. Альтшуллера в сб.: «Первая русская революция и театр». М., 1956. С. 262). Для датировки стихотворения нет достаточных данных. В книге В. Л. Бурцева «За сто лет» (Лондон, 1897. Ч. 2. С. 38) под 1855 г. в рубрике «Рукописная литература» значится «стих. Курочкина». Оно не названо, и потому неясно, имел в виду Бурцев «Двуглавого орла», или «Русского певца», или оба эти стихотворения. Отмечу, что «Русский певец», появившийся в том же выпуске «Голосов из России», что и «Двуглавый орел», тоже приписывался П. А. Ефремовым Курочкину (см.: Гаркави А. Атрибуция некоторых произведений

¹ В романе Крестовского стихотворение читает гимназист на литературно-музыкальном вечере в провинциальном городе. Есть некоторые основания думать, что описание этого вечера и его последствий в «Панурговом стаде» послужило одним из толчков для создания страниц «Бесов» Достоевского, посвященных «литературному утру». «Панургово стадо» появилось незадолго до «Бесов»; оба романа были опубликованы в РВ, и вряд ли «Панургово стадо» не попало в поле зрения Достоевского. Да и от загл. «Панургово стадо» протягивается нить к словам из Евангелия о стаде свиней и вошедших в них бесов, взятым в качестве эпиграфа к роману Достоевского.

вольной русской поэзии середины XIX века.//«Рус. литература». 1961, № 4. С. 193—194). См. также список в арх. Вейнберга. Однако в других списках в качестве авторов «Русского певца» названы Н. А. Добролюбов («Вольная русская поэзия второй половины XIX века». Л., 1959. С. 564. Б-ка поэта. БС), А. А. Григорьев («Рус. мысль». 1916, № 5. С. 131) и Д. Д. Минаев («Рус. литература». 1959, № 1. С. 130). *Двуглавый орел* — государственный герб Российской империи. *Каждый штоф за печатью*. Бутылки с водкой запечатывались печатью с изображением двуглавого орла. *На обоих бортах вицмундира*. На пуговицах чиновничьих вицмундиров был изображен двуглавый орел. *Зерцало* — трехгранная призма, увенчанная двуглавым орлом, с указами Петра I по ее сторонам, эмблема законности; находилась в судебных и других учреждениях дореволюционной России.

8. ОЗ. 1857, № 12, где строфы 4 и 5 напечатаны в обратном порядке, а ст. 1 строфы 3 смягчена: «Помощи просят крестьяне».- Изд. 1869 г. Т. 1.

9. ОЗ. 1857, № 12.

10. РВ. 1858, май, кн. 1. Черновой автограф — ПД; там же, на другом листке, первые три строки перебеленного текста. Из черновых вариантов строфы 3 интересна относящаяся к Беранже строка: «Властителю простых народных дум». Стихотворение является откликом на смерть Беранже. Начиная со 2-го изд. «Песен Беранже», Курочкин печатал его как программное предисловие к своим переводам. В черновом автографе и в дневнике Шевченко, который высоко оценил стихотворение, назвав его «прекрасным, сердечным» (Собр. соч. М., 1949. Т. 5. С. 217—218), оно озаглавлено «16 июля 1857 года»; в РВ и во всех изданиях «Песен Беранже» — «18 июля 1857 года». Между тем похороны Беранже состоялись 17 июля. Исправляя первоначальное заглавие, Курочкин допустил новую ошибку (ср. с неверной датой смерти в «Биографических данных» о Беранже в 6-м изд. «Песен». С. XVI). Торжественные похороны Беранже были организованы правительством Наполеона III с целью предотвратить народные волнения и демонстрации. *Несчастливым листья* (*Je n'ai flatté que l'infortuné*) — из стих. Беранже «*Le vilain*»; сначала Курочкин предполагал взять эту строку в качестве эпиграфа к своему стихотворению (черновой автограф). «*Б о г д о б р ы х*» («*Le dieu des bonnes gens*») — заглавие другого стихотворения Беранже. «*Б л а г о с л о в и в м л а д е н ц а н а с о л о м е* и т. д.» — перевод двух ст. из его стих. «*A mes amis devenus ministres*».

11. РВ. 1858, июль, кн. 1, с посвящением А. С. Даргомыжскому и с другой строфой 3.- Печ. по изд. 1869 г. Т. 1 с исправл. по РВ. «Старая песня» была, по-видимому, положена на музыку. В ноябре 1858 г. рукопись стихотворения поступила в С.-Петербург. ценз. комитет, не получила одобрения и была возвращена музыкальному издателю Бернару (Дело С.-Петербург. ценз. комитета, оп. 27, № 218. Л. 214 об.— 215). *Слова, слова, слова* — цитата из «Гамлета» Шекспира.

12. Курочкин В. С. Собр. стихотворений. (Л.), 1947 (Б-ка поэта. БС). Автограф — ПД (арх. «Русской старины»). Написано в 1858 г.; на том же листе — черновик перевода стих. Беранже «Сверчок», с датой: 4 мая; «Сверчок» был напечатан в РВ. 1858, май, кн. 1. *Издания Генкеля томик*. Первые три издания «Песен Беранже» в переводе Курочкина были выпущены книгоиздательской фирмой «А. Смирдин (сын) и К^о»; компаньо-

иом Смирдина и фактическим руководителем издательства являлся В. Е. Генкель. *Барышни тра-ла-ла-ла!* — ст. из стих. Беранже «Барышни» в переводе Курочкина.

13. Изд. 1869 г. Т. 1. Написано по случаю отъезда из Петербурга в мае 1858 г. старшего брата Курочкина, тоже поэта, получившего место врача в Русском обществе пароходства и торговли.

14. Курочкин В. С. Стихотворения. (Л.), 1949 (Б-ка поэта. МС). Стихотворение записано Н. В. Максимовым в альбом Н. Н. Михайловского, сына Н. К. Михайловского (ПД. Л. 20 об.). Ему предшествует письмо Максимова к Н. Н. Михайловскому от 23 янв. 1890 г. «Милый друг и брат Коля! — писал он. — Вы воспитываетесь и развиваетесь в кружке умных, чистых, честных и самых искренних людей русской земли. Вы будете вспоминать потом Ваше детство с любовью, как и я вспоминаю конец пятидесятих и начало шестидесятых годов, когда мне пришлось провести детство среди литераторов того времени... Из числа покойников, о которых я вспоминаю, был один поэт, возбуждавший при жизни своей пламенное сердце ребенка. Ваш отец посвятил ему прекрасную статью... Я имею в виду покойного поэта Василья Степановича Курочкина. Будучи ребенком, я обратился к нему с просьбой написать мне в альбом, подобно тому, как и Вы просите меня об этом. В. С. Курочкин написал мне стихи, предсказание которых не сбылось во дни моего зрелого возраста. Но представление счастья, какое сулили стихи, до такой степени прелестно, что позволяете мне передать Вам предсказание поэта с трепетною верою заморенного человека по наследству, как передаются заветы гения — этого народного страдальца, переходящего из поколения в поколение». См. также «Фельетонные наброски» Н. Максимова (за подписью: Случайный фельетонист)//СПбВ. 1875, 17 и 24 авг. В номере от 24 авг. помещен некролог Курочкина; здесь Максимов рассказывает о своем знакомстве с ним. В номере от 17 авг., в связи с восстанием в Боснии и Герцоговине, Максимов приводит, в переделанном виде, 2-ю строфу стихотворения, «которым утешал меня любезный мне поэт, когда мне было десять лет». Таким образом, стихотворение датируется приблизительно 1858 г. (Максимов родился в 1848 г.).

15. И. 1859, № 2, под загл. «Моя исповедь», подпись: Пр. Знаменский. - Изд. 1869 г. Т. 1. Для изд. 1869 г. было значительно переработано; здесь, как программное, открывает отдел оригинальных произведений. По мнению З. Ф. Бовикиной, «уже начало первой строки... воспринимается как перепев известного выражения Рылеева из посвящения к „Войнаровскому“» — «Я не поэт, а гражданин» (Сатирическое творчество В. Курочкина в «Искре»)//«Науч. труды Краснодар. пед. ин-та». 1968, вып. 60. С. 167). «Нет ничего, мол, для „чтения народного“». Курочкин иронизирует над псевдонародными изданиями, проникнутыми официальной идеологией, в изобилии появлявшимися в то время.

16. И. 1859, № 3, подпись: Пр. Знаменский.

17. И. 1859, № 7, подпись: Пр. Знаменский.

18. И. 1859, № 15, с подзаг. «Весенняя песня». - Изд. 1869 г. Т. 1.

19. И. 1859, № 25, с подзаг. «Правдивая басня», эпиграфом из Грибоедова: «Я правду о тебе порасскажу такую, Что хуже всякой лжи» и

рядом примеч. в фельетоне «Педагогическое нововведение (Письмо в редакцию, в стихах и в прозе)», подпись: Борис Фаддеев.--Печ. по изд. 1869 г. Т. 2 с исправл. по И. Стихотворение направлено против педагога Н. А. Миллер-Красовского, выпустившего в 1859 г. книгу «Основные законы воспитания». Миллер-Красовский ратовал за воспитание в строго религиозном, церковном духе и за беспрекословное повиновение детей. В книге рассказана, между прочим, «быль» об одном «благоразумном, беспристрастном наставнике», который вылечил непокорного питомца тремя пощечинами. Она приведена в подтверждение того, что лучший способ сломить «молодую грешную волю» — «сильное моментное потрясение», каким и является «скорая осторожная пощечина». Б. М. Федоров упомянут в подзаголовке как автор многочисленных назидательных произведений для детей, в которых проповедовалась крепостническая мораль, прославлялись послушание, угодливость, умение приспособляться и т. п. Псевдоним «Борис Фаддеев», по догадке А. В. Амфитеатрова («Забывший смех». М., (1914). Сб. 1. С. 174), является контаминацией имен Бориса Федорова и Фаддея Булгарина.

20. И. 1859, № 42, подпись: Пр. Знаменский.--Изд. 1869 г. Т. 2. *Бедовый критик* — К. А. Полевой. Стихотворение вызвано его клеветнической статьей о Белинском в СП. 1859, 22 окт. *Сухой как жердь*. В И эти слова были набраны курсивом и сопровождалась примеч.: «Выражение «сухой как жердь» мною заимствовано из известного стихотворения г. Майкова „Отрывок“». Стихотворение А. Н. Майкова «Отрывок» («Над прахом геня свершать святую тризну...») — отклик на подобную же статью Полевого о Пушкине (СП. 1855, 18 нояб.).

21. И. 1859, № 42, подпись: Пр. Знаменский. Весною 1859 г. СПбВ (3 мая) писали о систематической порче статуй в Летнем саду, оценивая ее как вандализм. В. И. Аскоченский взял хулиганов под защиту, утверждая, что их поступки вызваны нравственными побуждениями. В уста некоего идеального «бородатого» купца Аскоченский вложил такие ханжеские разглагольствования: «Мы, слава богу, не нехристи какие-нибудь, не парижане, не немцы, чтоб, умилненно сложив ручки, стоять перед этими — пусто б им было — богинями!.. Очень мне нужно там разглядывать это такое безобразия!.. Стоит этакий сорванец в чем мать родила, али какая-нибудь там беспутница с открытой грудью и со всем прочим, что прячется под платье: любуйся, дескать, да разжигайся! Ну есть ли в этом хоть искра страха божия? Беспутство, как есть беспутство!» и т. д. («Домашняя беседа». 1859, № 22. С. 212). *Хожалый* — см. примеч. 94.

22. И. 1859, № 45, без загл., в фельетоне «Нечто о честности (Письмо в редакцию)», подпись: Пр. Знаменский.- Изд. 1869 г. Т. 2. В декабре 1858 г. начальник петербургских женских училищ Н. А. Вышнеградский заявил в печати, что ему нередко предлагают взятки лица, желающие получить место в одном из подведомственных ему училищ, но что он неизменно возвращает все их приношения (СПбВ. 1858, 23 дек.). Через год *вятский прокурор* А. И. Сырнев сделал аналогичное заявление в письме в редакцию МВ (1859, 1 нояб.). Эти публичные заявления о своей честности были неоднократно высмеяны И и «Совр.».

23—24. Стих. 1 — И. 1859, № 49, под загл. «Неразрешенный спор. Пролог ирон-эпической поэмы „Современные турниры“», с прозаическим текстом после стихотворения; подпись: Пр. Знаменский; стих. 2 — И. 1859, № 50, под загл. «Размышление по случаю погрома», с другой строфой

вместо последних двух, подпись: Пр. Знаменский. - Печ. по изд. 1869 г. Т. 2, где объединены, с исправл. по И. В конце 1859 г. в периодической печати возникла полемика по поводу деятельности Русского общества пароходства и торговли. 13 дек. в зале петербургского *Пассажа* состоялся диспут между Н. П. Перозио, доказывавшим, что дела ведутся бесхозяйственно, и А. И. Смирновым, защищавшим правление общества. Диспут привлек большое количество публики, шумно реагировавшей на спор, и кончился скандалом. Так как симпатии большинства присутствовавших были явно на стороне Перозио, то суперарбитр диспута Е. И. Ламанский неожиданно закрыл заседание, заявив, что «мы еще не созрели» для публичного обсуждения важных общественных вопросов. Это заявление не раз являлось объектом насмешек И и других журналов.

1. «Перепев» «Умиравшего Тасса» К. Д. Батюшкова.¹ *Стогна* — площадь, широкая улица. *Водопроводами изрытым*. В 1859 г. в Петербурге начались работы по устройству водопровода.

2. *Прочь от нас, Катон, Сенека, Прочь, угрюмый Эпиктет!* — начальные строки «Стансов к Н. М. Карамзину» И. И. Дмитриева. Журнальное загл. «Приговора» — «Размышление по случаю погрома» — комическая переделка загл. другого стихотворения Дмитриева — «Размышление по поводу грома». *Пирогов*. Имеются в виду статьи Н. И. Пирогова по вопросам педагогики, в первую очередь статья «Вопросы жизни», в которой подверглась критике господствующая система воспитания и образования. *Нужны помощи, указки*. Насмешка над статьей о диспуте «Первый блин — да комом!» А. Н. Труворова в СП (1859, 16 дек.). Труворов писал, что «мы без указки ничего дельного не создадим... без помощи не сделаем и шагу вперед». *Так уснем, закрывши глазки и т. д.* — «перепев» двух строк из «Казачьей колыбельной песни» Лермонтова. *Безглагольна, недвижима* и т. д. Ср. в «Споре» Лермонтова: «Безглагольна, недвижима Мертвая страна».

25. И. 1860, № 1, подпись: Пр. Знаменский. *Я возгорелся жаром пушиц*. Ср. стих. И. И. Дмитриева «Ермак»: «И вящим жаром возгоря». *Примиренье интереса С святыми чувствами людей* и ряд других строк новогодней речи Знаменского пародируют какие-то конкретные явления и выражения из публицистики того времени. Курочкин снова воспроизводит их в фельетоне «Одиннадцать миллионов»: «Да... да, д... да,— повторял я мысленно, надевая халат,— примирение интереса... да,— продолжал я, закуривая регалию,— именно примирение интереса с высокими чувствами... Станем действовать в тиши, без лихорадки увлечения,— говорил я в сильном волнении, шагая по комнате,— так как мы верим гласности, то умерим благонамерению... да, именно благонамерению,— продолжал я, неумеренно возвышая голос». И дальше: «Да! мне стало страшно за свою роль поэт-примирителя» (И. 1860, № 3. С. 26—27). *На всю Россию прокричим*. Насмешка над либерально-обличительной комедией В. А. Соллогуба «Чиновник» (1856), весьма благонамеренной по своей идейной тенденции. Ее герой, ходоульный идеальный чиновник Надимов, видит главное и едва ли не единственное зло русской жизни во взяточничестве и произносит на эту тему громкие и пошлые речи. При этом его стремления вызваны желанием не изменить, а, напротив, укрепить устои существующего социально-политического строя. Этим объясняется одобрительный отзыв о «Чиновнике» Александра II; см.: Никитенко А. В. *Дневник*. (Л.), 1955. Т. 1. С. 430—431. Громкие фразы Надимова пришлись по душе части русского ли-

¹ О термине «перепев» см. во вступ. ствтье, с. 30—31.

берального общества, но были зло высмеяны Щедриным и Добролюбовым. Таково же было отношение к «Чиновнику» Курочкина. *И в раззолоченных палатах.* Возможно, что Курочкин пародирует здесь то место обращенного к Александру II (после его коронации) стих. В. Г. Бенедиктова «Встречный голос», где говорится о «министрах», «мужах совета»: «Пусть они в блестящих, золотых палатах Мыслят о лачугах, думают о хатах» («Новые стихотворения». СПб., 1857. С. 4).

26. И. 1860, № 16, подпись: Пр. Знаменский.

27. И. 1860, № 18, подпись: Пр. Знаменский. *Выходит, что вы не по чину...* Ср. со словами городничего в «Ревизоре» Гоголя: «Смотри! не по чину берешь!» Отзвуки «Ревизора» имеются и в других строках стихотворения. *Адмиральский час* — шутивное выражение, обозначающее время предобеденной закуски и выпивки.

28. И. 1860, № 18, подпись: Пр. Знаменский.

29. И. 1860, № 3, в фельетоне «Осьмнадцать миллионов», подпись: Пр. Знаменский. В изд. 1869 г. не включено. Об убытках, понесенных акционерными 32 акционерных обществ в 1859 г.

30. И. 1860, № 13, под загл. «Предостережение (Шутка)», подпись: Пр. Знаменский. — Изд. 1869 г. Т. 1. В основу стихотворения легли некоторые факты биографии либерального публициста С. С. Громеки. Во второй половине 1850-х годов он напечатал несколько наделавших шуму разоблачительных статей о полиции и высказывался за подлинную, ничем не ограниченную гласность при обсуждении государственных и общественных вопросов. В 1859—1860 гг. Громека принимал участие в делах Русского общества пароходства и торговли и редактировал издававшийся им «Листок». Слова *о здоровой* (т. е. умеренной, не выходящей из допустимых границ) гласности взяты Курочкиным из этого «Листка» («Листок Русского общества пароходства и торговли». 1860, 1 февр. С. 58; 11 февр. С. 60). Следует, впрочем, отметить, что Курочкин, по-видимому, не знал о связях Громеки с Герценом: в эти годы Громека сообщал ему документы и факты, которые вслед за этим использовались на страницах «Колокола». См. письма Громеки к Герцену («Лит. наследство». М., 1955. Т. 62) и статью С. Я. Борового «С. С. Громека и А. И. Герцен» (сб. «Революционная ситуация в России в середине XIX века». М., 1986). *Но формулы, как в алгебре, встречаю.* Речь идет об обличительных статьях, в которых, по цензурным причинам или из либеральной «осторожности», имена, место действия и пр. заменялись буквами. *Как Истину когда-то Баратынский. «Явление гласности»* — «перепев» стих. Е. А. Баратынского «Истина». *Мы оба не созрели* — см. примеч. 23—24.

31. И. 1860, № 22, в фельетоне «Дилетантизм во всех его проявлениях (Письмо любителя российской юмористической словесности). 1», с надзаг. «Изящная российская словесность», подпись: Любитель. В начале 1860 г. писатель И. В. Селиванов предложил московскому Обществу любителей российской словесности, в котором руководящую роль играли в эти годы славянофилы и другие консервативные литераторы, устроить чтение для усиления средств незадолго перед тем основанного в Петербурге Литературного фонда. Считая Литературный фонд одним из центров враждебной ему литературы и журналистики, Общество любителей российской словесности отвергло это предложение, после чего между Се-

ливановым и секретарем Общества М. Н. Лонгиновым завязалась довольно резкая газетная полемика. В результате Селиванов принужден был уйти из Общества (МВ. 1860, 10 и 12 февр., 16, 22, 23 и 27 марта, 12 апр.). См. также: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1903. Кн. 17. С. 418—424. В связи с этим в славянофильской РБ (1860, № 1. С. 171—172) была помещена «Отметка о современной благотворительности», пародией на которую и является стихотворение Курочкина. «Книга, серьезные стихи, шуточные куплеты, мимика, не совсем нравственная повесть, не совсем приличная пляска... — все это обращается в пользу бедных», — писала РБ. Этой греховной благотворительности противопоставляется «издревле завещанная нам... христианская, знакомая всему нашему народу». Приведя ряд отрывков из «Отметки», Курочкин иронически восклицает: «Успокойтесь... эта милостыня «Христа ради» была у нас всегда в полной силе. Бросить грош нищему гораздо удобнее и выгоднее, чем заплатить пять, десять рублей за кресло на какой-нибудь концерт в пользу бедных, да и грошей что-то человечество очень мало бросает». Эта полемика восходит еще к 1840-м годам. См. статью «Спор о благотворительности» («Совр.», 1845, № 5), а также: МВ. 1847, 15 февр. (К. Аксаков), 18 февр. (Н. Мельгунов), 20 февр. (С. Шевырев) и статью Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 года» («Совр.», 1848, № 1. С. 25). Было бы ошибочно думать, что Курочкин защищал филантропию и видел в ней средство уничтожения нищеты, напротив, он разделял скептический взгляд на филантропию всего демократического лагеря, что не раз находило отражение на страницах И. Критикой славянофильских мнений Курочкин и его журнал показывали, что перенесение вопроса в плоскость религии и индивидуальной морали не только не способствует уничтожению нищеты и социального неравенства, но всячески затушевывает и тем самым поддерживает их. Последние две строки — цитата из «Ильи Муромца» Н. М. Карамзина. В связи с «Дилетантизмом в благотворительности» в Гл. упр. цензуры возникло целое дело (оп. 1, ч. 2, № 5340) по поводу недопустимости эпиграфов или цитат из Евангелия в юмористических произведениях. Цензору В. Н. Бекетову, пропустившему стихотворение, был сделан выговор.

32. И. 1860, № 24, в фельетоне «Дилетантизм во всех его проявлениях (Письмо любителя российской юмористической словесности). 2», с надзаг. «Изящная российская словесность», подпись: Любитель. В изд. 1869 г. не включено. При вступлении писателя И. В. Селиванова в Общество любителей российской словесности председатель общества славянофил А. С. Хомяков в приветственной речи охарактеризовал обличение как «священный долг для литературы», но тут же заявил, что оно большей частью превращается в клевету и сплетню. В качестве примера он привел, не называя ее впрочем, напечатанную в «Совр.» повесть В. Н. Елагина «Откупное дело». В повести разоблачались злоупотребления екатеринославских властей и нравы губернской аристократии, и она наделала много шума. Стихотворение является пародией на речь Хомякова, напечатанную вместе с другими его речами в РБ (1860, № 1). В нем использован целый ряд выражений Хомякова: «подоплека народная», «словесный меч правды» и др. *Я сам читал — обед публичный в клубе* и т. д. О статье «Литературный обед в Ярославле» (МВ. 1859, 18 нояб.). *Вертоград* — сад.

33. И. 1860, № 24, в том же фельетоне. — Изд. 1869 г. Т. 2. 19 марта 1860 г. в Петербургском университете состоялся диспут между историками Н. И. Костомаровым и М. П. Погодиным о происхождении государства

в Древней Руси: первый защищал литовскую, а второй норманнскую гипотезу. В самом начале своей речи Погодин, как бы полемизируя с Е. И. Ламанским (см. примеч. 23—24), отметил, что интерес широкой публики к такому специальному вопросу является доказательством того, что «мы созрели для рассуждения, для участия в вопросах всех родов для нас важных и нужных, теоретических и практических» («Совр.». 1860, № 3. С. 284). Через некоторое время, когда выяснилось, что победителем диспута считают Костомарова, Погодин заявил, что его письмо к Костомарову с вызовом на «дуэль» имело шуточный характер; Костомаров же принял его всерьез, и уже нельзя было «сказать ему, будто струсив: нет, я пошутил». Более сдержанно отозвался Погодин и о публике: «Я приписал публике зрелость для участия, для суждения о всех вопросах... но я не приписывал ей папской непогрешимости» (РБ. 1860, № 1. С. 134, 155). Обильные материалы о диспуте см.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1903. Кн. 17. С. 272—323. *Тени Шлецера и Круга*. Вызывая Костомарова на диспут, Погодин писал: «Секундантов мне не нужно, разве тени Байера, Шлецера и Круга» (СПбВ. 1860, 17 марта). Все трое были сторонниками норманнской теории. «*Любитель*» — с одной стороны, член Общества любителей российской словесности, с другой — дилетант; см. фельетон Курочкина «Дилетантизм во всех его проявлениях. 1» (И. 1860, № 22). Стихотворение является «перепевом» (с осязательными элементами пародии) песни Офелии из «Гамлета» Шекспира в переводе Н. А. Полевого. Загл. стихотворения заимствовано из одноименной работы Герцена. По-видимому, Курочкин хотел сказать им, что Погодин и ему подобные ученые являются лишь «дилетантами в науке», о которых как о чем-то архаическом писал Герцен еще в 1840-е годы.

34. И. 1860, № 33, подпись: Пр. Знаменский.--Печ. по изд. 1869 г. Т. 2 с исправл. по И. Герой этого стихотворения — А. П. Башуцкий. В конце 1840-х годов, будучи помощником статс-секретаря Государственной канцелярии и правителем дел комитета главного попечительства детских приютов, присвоил деньги и бриллианты, пожертвованные с благотворительной целью. *Готов* — пьян. Слово «готов» в этом значении см., напр., в «Обрыве» Гончарова (ч. 4, гл. 10) и «Идиоте» Достоевского (ч. 1, гл. 15; ч. 3, гл. 4).

35. И. 1860, № 34, под загл. «Друзьям покойного Александра Евстафьевича Мартынова».- Изд. 1869 г. Т. 1. В И ст. 6 строфы 6 другая: «Счастливец с бедняками». Курочкин прочитал стихотворение на поминках в день похорон Мартынова («Петербургское обозрение»//СП. 1860, 17 сент.).

36. И. 1860, № 45, подпись: Пр. Зн.- -Изд. 1869 г. Т. 2, с неправильной датой: 1862. Непосредственным поводом для стих. «Возрожденный Панглосс» и «Скандал» были следующие факты. «Очерки из петербургской жизни» Нового поэта (И. И. Панаева), печатавшиеся в течение ряда лет в «Совр.», вышли в 1860 г. отдельной книгой. Либеральная критика в своих отзывах о ней не ограничилась выпадами против Панаева, но решила воспользоваться случаем для нанесения удара сатире демократического лагеря в целом. Рецензент БлЧ (1860, № 11) утверждал, что Новый поэт — предтеча и глава сатириков И и «Свистка», упрекал их в пустоте, бездарности и вместе с тем взял под защиту К. К. Случевского и других представителей «чистой поэзии». «Возрожденный Панглосс» и является ответом на эту рецензию. Загл. его следующего происхождения. В очерке «Русский джентельмен-оптимист» Панаев высмеял некоего литератора,

которому дал имя Панглосса (герой романа Вольтера «Кандид», олицетворение безграничного оптимизма). Рецензент БдЧ вступился за осмеянного Панаевым героя, и это натолкнуло Курочкина на мысль отождествить с Панглоссом его самого. ОЗ откликнулись на книгу Панаева статьей «Литература скандалов» (1860, № 10). Редакционное послесловие к ней имеет тот же смысл, что и рецензия БдЧ. Демократическая сатира охарактеризована в ней как сплетня, клевета, паясничество. На выпады ОЗ Курочкин ответил «Скандалом». Эпиграф к «Возрожденному Панглосу» — из стих. В. А. Жуковского «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу».

37. И. 1860, № 47, в статье «Опыт об „Иллюстрации“», без подписи. В изд. 1869 г. не включено. Авторство Курочкина устанавливается на основании одного из примеч. к статье: «Лично об нас г-н Зотов может писать, что ему угодно... Г-н Зотов может, как Загорецкий, сказать, что В. Курочкин

Пьет бочками сороковыми!!!».

В стихотворении, как и во всей статье, речь идет о редакторе «Иллюстрации» В. Р. Зотове в связи с антисемитскими выпадами и высказываниями об эмансипации женщины на страницах журнала. В стихотворении пародийно использовано стих. П. А. Вяземского «Старое поколение» («Смерть жатву жизни косит, косит...»).

38. И. 1860, № 48, подпись: Пр. Зн. Обращено к критику СПбВ, который, нападая на стих. Курочкина «Возрожденный Панглосс» (см. стих. 36 и примеч. к нему) и упрекая И в неграмотности, сам спутал Рабле с Вольтером (1860, 2 дек., «Лит. летопись»).

39. И. 1861, № 1, без подписи (вошло в изд. 1869 г.). *Лишась бедра.* По библейской легенде, первая женщина — Ева была сотворена из бедра Адама. *За суп он брату уступил* и т. д. В Библии рассказывается о том, как Исав, старший сын патриарха Исаака, уступил своему брату Иакову право своего первородства, дававшее особые преимущества, за чечевичную похлебку. Слова «чечевичная похлебка» употребляются для обозначения чего-нибудь ничтожного, мелкого, за что отдают что-нибудь ценное, значительное. *Крестьянам грамотность — вредна.* Еще в 1856 г. В. И. Даль в письме к редактору РБ А. И. Кошелеву утверждал, что если грамотности не сопутствует нравственно-религиозное просвещение, то она нередко приносит народу вред (РБ. 1856, № 3; см. также его заметки в ОЗ. 1857, № 2 и в СПбВ. 1857, 10 нояб.). Статья Даля вызвала решительное осуждение передовой печати. В 1860 г. с аналогичными утверждениями выступил священник И. С. Беллюстин («Журнал Министерства нар. просвещения». 1860, № 10). О спорах по поводу статей Даля см.: Евнин Ф. И. «Песня Еремушке» Некрасова и идейно-политическая борьба конца 1850-х годов//Некрасовский сборник. М.; Л., 1956. Т. 2. С. 182—184. *Бить или нет?* В годы, предшествовавшие реформе 1861 г., во многих статьях обсуждался вопрос об отмене телесных наказаний крестьян; в некоторых высказывалось мнение, что они еще не могут быть полностью отменены.

40. «Иллюстрация». 1861, № 185, где строфы 4 и 5 в обратном порядке, подпись: Илья Дубровин.- Изд. 1869 г. Т. 2.

41. И. 1861, № 44, с подзаг. «Элегия».- Изд. 1869 г. Т. 2. *Что «благо всякое даяние».* Здесь Курочкин иронически использовал слова из посла-

ния апостола Иакова о том, что «всякое даяние благо, всяк дар совершеи», нисходит свыше, от бога (гл. 1, ст. 17).

42. И. 1861, № 4, под загл. «Литературный скаandal (Стаисы)», с еще двумя эпиграфами из «Письма постороннего сатирика... по поводу книг г. Панаева и Нового поэта» («Время». 1861, № 1), подпись: Пр. Знаменский. - Изд. 1869 г. Т. 2. О фактах, которыми вызвано стихотворение, см. примеч. 36. «На что, скажите, нет стихов?» и т. д. Автором стих. «Солома», которое начинается этой строкой, является не А. Ф. Мерзляков, а П. А. Межаков — см.: «Стихотворения Павла Межакова». СПб., 1828. С. 200—202. Положенное на музыку А. А. Алябьевым, оно вошло в песенный репертуар и приобрело широкую популярность. *Когда уже австрийский лагерь* и т. д. От имени вымышленного австрийского поэта Якова Хама Добролюбов поместил в сатирическом приложении к «Совр.» — «Свистке» ряд стихотворений, переведенных будто бы другим вымышленным поэтом, *Конрадом Лиленшвагером*. Стихотворения Якова Хама об итальянской национально-освободительной войне 1859 г., воспевающие австрийское владычество в Италии, являются сатирой на шовинистическую, монархическую поэзию. *У нас жуки сшибались лбами* и *С березой нежничает дуб*. Намек на стих. К. К. Случевского «На кладбище» («Совр.». 1860, № 1). В стихотворении Случевского — клен и сосна, а береза и дуб появились в пародии на него Н. Л. Ломана (см. т. 2, стих. 409), напечатанной в И за год до этого; оттуда они и перешли к Курочкину. *Перейра был воспет стихами*. Имеется в виду сатира на А. А. Краевского «Чувства русского журналиста с капиталом при взгляде на банкира Исаака Перейру в собрании Общества железных дорог», включенная в фельетон Ивана Чернокиижинова (А. В. Дружинина) (И. 1860, № 22. С. 235). *Попался, как ворона в суп* — ст. из басни Крылова «Ворона и Курица». «Как много в этом звуке» и т. д. У Пушкина: «Москва... как много в этом звуке... Как много в нем отозвалось!». *Хвала, хвала тебе, Скандал!* — «перепев» строки «Итак — хвала тебе, чума!» из «Пира во время чумы» Пушкина.

43. И. 1861, № 9, без эпиграфа, с рядом примеч., подпись (только в оглавлении): Пр. Знаменский. - Изд. 1869 г. Т. 2. Высмеянный Курочкиным рассказик «За чаем» («Домашняя беседа». 1861, № 8) написан от лица человека, воплощающего собою «нравственное» начало. «Как в танцах, так и в спектаклях и маскарадах, — говорит этот ханжа, — принимают горячее участие только дети и юноши в смысле духовном или вечные недоросли» и т. д. В И в одном из примеч. Курочкин указывает, что «За чаем» — «предмет настоящего песнопения, грозная филиппика против всех драматических писателей, композиторов, либреттистов и против всех актеров и актрис, кроме г-на Леотара». *Ментор* — герой «Одиссеи» Гомера, воспитатель сына Одиссея *Телемаха*. Имя Ментора часто употреблялось как нарицательное в смысле: наставник, руководитель юношества. «Словарь иноязычный» («Иноязычный словарь») и «Блестки и изгарь» — отделы «Домашней беседы». В И в одном из примеч. Курочкин язвительно пишет: «„Иноязычный словарь“ — увеселительный отдел, появляющийся в «Домашней беседе» с 7-го №. В этом отделе г-н Аскоченский, для назидания своих читателей, объясняет, например, что *Э л ь д о р а д о* — место общественного гуляния в Москве»... что «*Г у р и я* или *Х у р и я* (слово араб.) — женщина, обещанная Магометом своим последователям», что «*К а м е л и я* м и в переносном смысле называют теперь несчастные создания, утратившие» и проч. Для полноты словаря недостает только, чтобы г-н Аскоченский сообщил адреса известных камелий и программу

общественных удовольствий в Эльдorado н у Излера. Говорят, все это будет напечатано в 9-м № убогой газетки». Она беснуется в Медее... А Майерони-Олоферн. О двух трагедиях — «Медее» Э. Легуве и «Юдифи» П. Джакометти, которые шли во время гастролей А. Ристори в Петербурге в 1860—1861 гг. А эти нимфы и т. д. К этому месту в И было следующее примеч.: «Всех балетных танцовщиц г-н Аскоченский называет гуриями и в том же № лукаво объясняет значение слова г у р и я; деликатность истинно изумительная».

44. И. 1861, № 10, под загл. «Стансы на будущий юбилей пятидесятилетней русско-французской водевильной и фельетонной деятельности Тараха Толерансова» и с большим примеч., подпись: Тарах Толерансов. - Изд. 1869 г. Т. 2. При печатании в И несколько строк не были пропущены цензурой. Без сомнения, о «Стансах» писал Курочкин цензору Ф. Ф. Веселаго 15 марта 1861 г.: «Барон <Медем> подписал прилагаемую при сем корректуру, согласившись на известное Вам добавление в заглавии... и с условием не печатать трех строк, где говорится о пейзажах и пейзажах» (ГПБ). Строки эти не были восстановлены и в изд. 1869 г. Стихотворение является откликом на празднование 50-летия литературной деятельности П. А. Вяземского в марте 1861 г. В связи с неумеренными восторгами некоторых его почитателей и их выпадами против передовой литературы юбилей вызвал резкую полемику, способствовавшую обострению литературной борьбы. «Стансы» направлены как против самого Вяземского, так и против его апологета В. А. Соллогуба; они пародируют куплеты Соллогуба, спетые им на чествовании Вяземского в Академии наук (впервые появились в статье Н. Греча в СП от 10 марта 1861). Журнальный текст стихотворения даже в большей степени относился к Соллогубу, чем к Вяземскому. Именно Соллогуба, галломанию и французские пьесы которого И не раз высмеивала, имеет в виду первоначальное загл.; в примеч. Тараха Толерансова пародируется ряд деталей статьи Соллогуба о юбилее Вяземского (СПбВ. 1861, 12 марта). В ответ на упреки М. Н. Лонгинова Курочкин писал: «Личность кн. Вяземского во всех статьях, написанных по поводу юбилея его, совершенно случайная. Не выскажи граф Соллогуб того, что он высказал в своих виршах и описании юбилея,— мы уверены, в литературе ни об юбилее, ни о кн. Вяземском не сказали бы ничего... особенного. По крайней мере мы совершенно не имели в виду личности кн. Вяземского в своем стихотворении, написанном по случаю юбилея, что старались объяснить и в примечании к тому стихотворению... Скажи это г. Лонгинов месяцем ранее, мы очень обиделись бы, что он, поняв неправильно наше стихотворение, возводит на нас напрасное обвинение; теперь же мы очень довольны, что в нашем стихотворении находят двойной выстрел. С некоторого времени мы не находим особенных причин проводить слишком резкое различие между личностями графа Соллогуба и князя Вяземского» («Еще кой-что по поводу юбилея князя Вяземского»//И. 1861, № 20. С. 298—299). Еще одним ответом на куплеты В. А. Соллогуба является стих. А. Н. Аммосова, помещенное в СП. 1861, 4 апр.

45. И. 1861, № 40, с подзаг. «Из Anthologie drôlatique», подпись: Пр. Зн.- Изд. 1869 г. Т. 2. Эпиграмма на П. А. Вяземского; «перепев» четверостишия Пушкина «К портрету Вяземского». См. также предыдущее примеч. *Спесь боярскую с холопскими стихами*. Эти слова близки к характеристике Вяземского в письме Беллинского к Гоголю: «...князь в аристократии и холоп в литературе».

46. И. 1861, № 42, с рядом примеч., подпись: Пр. Знаменский.--Печ. по изд. 1869 г. Т. 2 с исправл. по И. Из вариантов журнального текста следует отметить ст. 4 строфы 9: вместо *Известный критик Чернышевский* — «Убитый ныне Чернышевский»; к этим словам в И было сделано примеч.: «Разнесся слух, что Н. Г. Чернышевский скоропостижно умер, прочитав залпом все молниеносные, направленные против него статьи Н. Ф. Павлова, С. С. Громеки и мн. др. Правда ли это?». В 1869 г. слова «Убитый ныне Чернышевский», не сопровождавшиеся примеч., могли быть восприняты иначе: изъятый из общественной жизни, сосланный в Сибирь; этим, возможно, и объясняется сделанное Курочкиным исправление. Две части стихотворения — это своего рода «чем ты был и чем стал» РВ; первая говорит о конце 1850-х годов, когда журнал М. Н. Каткова был органом умеренного либерализма, вторая — о его переходе на откровенно реакционные позиции; при этом оба периода высмеяны в равной степени. «Слово примирения» — загл. стих. П. А. Вяземского («Наше время». 1860, 24 янв.), иронически переосмысленное Курочкиным. *И в нем посвистывал Сенковский*. О СО, в котором О. И. Сенковский в последние годы своей жизни печатал фельетоны под загл. «Листок барона Брамбеуса». *Упал «Чиновник» и «Тамарин»*. «Чиновник» — комедия В. А. Соллогуба; см. о ней примеч. 25. «Тамарин» — роман М. В. Авдеева. Курочкин имеет в виду едкую статью Н. Ф. Павлова о «Чиновнике» (РВ. 1856, июнь, кн. 1, июль, кн. 1) и рецензию Чернышевского на «Роман и повести» Авдеева («Совр.». 1854, № 2). *Карлово* — имение Ф. В. Булгарина. *И как Москва в свои концы* и т. д. Пародия на первые строки стих. Ф. Н. Глинки «Москва». *Журналистики Юпитер* — М. Н. Катков. *Посредством букв X, Y, Z* — см. примеч. 30. *Противу Зотова протест*. О протесте против антисемитской статьи в журнале «Иллюстрация» (1858, № 35), выходившем под редакцией В. Р. Зотова. На эту статью последовали резкие ответы М. И. Горвица («Атеней». 1858, № 42) и И. А. Чацкина (РВ. 1858, сент., кн. 2). «Иллюстрация» не смутилась и заявила, что они подкуплены богатым евреем N (1858, № 43). Тогда в РВ (1858, ноябрь, кн. 1 и 2) был помещен протест против Зотова и «Иллюстраций», подписанный писателями и литераторами различных направлений, в том числе Чернышевским, Тургеневым, Шевченко. Один Добролюбов насмешливо отнесся к протесту, оценивая его как бурю в стакане воды. Он писал от имени провинциала Свиристелева: «Зачем это, думал я, русские ученые и литераторы ополчились в крестовый поход для доказательства того, что клевета гнусна?.. Неужели они полагают, что это все еще предмет неизвестный или спорный для русского общества?» («Совр.». 1859, № 1, «Свисток». С. 201 и 210). Искровцы несколько раз заявляли о своей солидарности с Добролюбовым. «Журнал для девиц» — «Лучи. Журнал для девиц, издаваемый Александрой Ишимовой». Подписей Ишимовой и Г. К. Блока, будущего редактора «Гудка», начавшего издаваться несколько позже, под протестом нет. *Какая смесь одежд и лиц!* — ст. из «Братьев-разбойников» Пушкина. «Элегия» является разоблачением нового политического курса РВ, в частности «Элегической заметки» (1861, № 8), направленной против всей левой журналистики и революционной мысли начала 1860-х годов, и стих. П. А. Вяземского «Заметка», напечатанного в том же номере журнала. Первые пять строк взяты из стих. Вяземского «Старое поколение» (1841), но расположены в ином порядке. *Так это зависит пешехода* и т. д. В стих. Вяземского «Заметка», исполненном вражды к тем общественным силам, которые противостояли дворянской аристократии, есть такие строки:

И то, что выдают за гордую свободу,
Есть часто ненависть к тому, что выше нас.
Есть древняя вражда: к каретам — пешехода,
Ленивой нищеты — к богатому труду,
К барону Штиглицу — того, кто без дохода,
Иль обвиненного — к законному суду.

Целый ряд других строк и выражений «Элегии» (*бессовестное слово, raison d'être, гниль и фальшь кружков, прогрессисты без голов*) непосредственно связан с «Элегической заметкой». Нам нужны формулы для дела и т. д. Отстаивая постепенный «прогресс в понятиях, в идеях», автор «Элегической заметки» писал, между прочим, что «математическая формула таится под явлениями жизни, и она необходима для их уразумения». *Хоть бы пожар случился дома и т. д.* Здесь высмеиваются те места «Элегической заметки», где ее автор ополчается против утилитаризма в науке, видя главный смысл научной деятельности в совершенствовании сознания и придавая улучшению условий жизни второстепенное значение. *Плясать пустился трепака.* Курочкин применил к самому РВ слова «Элегической заметки»: «Нет у нас таких совестливых людей, за которых можно было бы поручиться, что они вдруг, к изумлению окружающих, не пустятся в трепака».

47. И. 1863, № 2, в статье «Шалости мирмидонов», без загл. и без подписи. - Изд. 1869 г. Т. 2. Здесь стихотворение датировано 1861 г. Возможно, впрочем, что эта дата поставлена или по ошибке, или для того, чтобы читатель яснее представлял, о чем идет речь. Мирмидоняне — древнегреческое племя; в «Илиаде» Гомера они отважно воюют под начальством Ахиллеса (сына Пелея — *Пелида*) с троянцами. *Куролесов* — герой «Семейной хроники» С. Т. Аксакова, помещик-самодур и деспот. Курочкин говорит в статье о тщетных попытках крепостников вернуть прошлое: «Эти неблагоприятные мирмидоны все еще тянутся кто за шлемом, кто за панцирем сына Пелеева», но «платье Ахилла им не по росту... Ахиллес рухнул 19 февраля 1861 года». Аналогичное противопоставление Ахилла мирмидонам находим в стих. Беранже «Les mirmidons ou les fupéraitles d'Achille», откуда Курочкин, переосмыслив, применив к иным социальным явлениям, и заимствовал его.

48. «Каторга и ссылка». 1927, № 5, в «Воспоминаниях о шестидесятих годах» Н. Я. Николадзе. «Раз В. С. Курочкин, — пишет Николадзе, — вызванный в зале второй гимназии рукоплесканиями на бис, будучи навеселе, прочел под видом перевода из Беранже следующие стихи». Следует отметить, что рефрен *Над цензурою, друзья* действительно является переводом рефрена из песни Беранже «La censure». *He пропустил Головин* и т. д. В декабре 1861 г. А. В. Головин сменил Е. В. Пютятина на посту министра народного просвещения, которому была в то время подчинена цензура. Стихотворение написано в самом конце 1861 или в 1862 г. Читал его Курочкин, по словам Николадзе, в 1862 г.

49. И. 1862, № 1, под загл. «Семейная встреча 1862 года в области литературного вымысла», подпись: Пр. Знаменский. - Изд. 1869 г. Т. 1. В И после ст. 92 следуют ст. 97—104, а затем 93—96; в самом конце еще 4 ст. См. также вступ. статью, с. 26. *Являясь перед вами В четвертый раз.* Курочкин имеет в виду свои новогодние стихотворения «Через триста шестьдесят пять дней» (1859, № 1), «Сон на Новый год» (1860, № 1) и «1861 год» (1861, № 1). *Российского весь блеск тысячелетья* — см. т. 2,

примеч. 382. *Их никаким составом химик Жданов.* Речь идет о так называемой «ждановской жидкости» (средстве от зловония). *И, наконец,— детей в воскресных школах.* Воскресные школы стали возникать в столицах и провинциальных городах в 1859 г. В них принимали близкое участие представители радикальной интеллигенции (особенно передовая молодежь), а также либеральных кругов русского общества. Сначала школы пользовались полной свободой, но вскоре за ними был установлен строгий надзор, а летом 1862 г. воскресные школы были закрыты правительством. Разумеется, Чичиковы 1860-х годов принимали в них участие лишь на словах. *И Фамусов, как прежде, всё подпишет и т. д.* Здесь использована строка из «Горя от ума»: «Подписано, так с плеч долой!»

50. И. 1862, № 32, подпись: Пр. Знаменский.

51. И. 1862, № 47, подпись: П. З. В начале 1860-х годов в Петербурге расплодилось много танцклассов, в которых танцевали преимущественно канкан; танцклассы являлись, кроме того, домами свиданий. По свидетельству В. В. Крестовского («Кротовый пух». Т. 2, ч. 4. СПб., 1875. С. 19), «пальму первенства взял знаменитый Ефремов, неподалеку от Цепного моста, на углу Моховой и Пантелеймоновской улиц». *Вы песни пели до сих пор и т. д.* В этих строках использована концовка басни Крылова «Стрекоза и Муравей». Загл. взято из произведения композитора К. М. Вебера «Auforderung zum Tanz».

52—56. И. 1862, № 3, подпись: Тарах Толерансов. Цикл связан с выступлениями Б. Н. Чичерина в периодической печати в конце 1861 и начале 1862 г. Первым из них была вступительная лекция в Московском университете, появившаяся в МВ 31 окт. 1861 г. В начале 1862 г. он поместил целый ряд статей о современном положении России и о русском дворянстве в газете Н. Ф. Павлова «Наше время». Все они проникнуты охранительными тенденциями, ненавистью к революционному движению и революционной мысли (которую Чичерин называл «умственным и литературным казачеством»), стремлением доказать необходимость сохранения сословных привилегий дворянства. В своих статьях Чичерин полемизировал с РВ и «Днем». Искровцы, однако, направили свои сатирические стрелы не только на самого Чичерина, но и на его противников. Курочкин принял кличку казака — сторонника казацкой вольницы, но тут же пересмыслил ее и вернул Чичерину с отличительным признаком казака-усмирителя — нагайкой (см. фельетон: «Казаки в Москве!!!»//И. 1862, № 4).

1. О полемике между журналами «Сион» и «Основа» по поводу антисемитских высказываний последней («Основа». 1861, № 6 и 9; 1862, № 1; «Сион». 1861, № 10 и 21). В этой полемике приняли участие и другие газеты и журналы. «Перепев» баллады В. А. Жуковского «Ахилл».

2. «Перепев» стих. Пушкина «В крови горит огонь желанья...».

3. «Перепев» стих. Пушкина «Если жизнь тебя обманет...».

4. «Перепев» стих. Пушкина «Молитва». *Пустоголовые фаланги пустоцветов и Всеобщей формулой.* Здесь имеется в виду «Элегическая заметка» РВ; см. о ней примеч. 46. *Юбилеями не взысканных поэтов.* Намек на юбилей П. А. Вяземского, см. о нем примеч. 44.

5. «Перепев» стих. Пушкина «На перевод Илиады».

57. И. 1862, № 4, в фельетоне «Казаки в Москве!!!», подпись: Тр. Тл. В изд. 1869 г. не включено. Эпиграмма на Чичерина — см. предыдущее примеч. *Хоть видим в выпусках, петличках* — ср. «Горе от ума»,

слова Скалозуба: «А форменные есть отлички: В мундирах выпушки, погончики, петлички».

58. И. 1862, № 6, подпись: Пр. Знаменский. *И Ципринусов, пишущих в нем*. О статье О. А. Пржецлавского «Студии о гласности», напечатанной в СО (1861, № 50) под псевдонимом «Ципринус». *Льва Камбека с его ерундой*. С ноября 1861 г. Л. Л. Камбек начал выпускать литературное приложение к выходившему под его редакцией «Петерб. вестнику», в котором обещал печатать за плату все, что ему ни пришлют. Приложение наполнялось бездарными и безграмотными писаниями графоманов. Под ними сплошь и рядом стояли подписи: Ерунда, Ерундист и т. п. Это и дало повод прозвать «Ерундой» все приложение. *С точки зрения Никиты Безрылова* и т. д. В декабрьской книжке БдЧ за 1861 г. был помещен под псевдонимом «Старая фельетонная кляча Никита Безрылов» фельетон А. Ф. Писемского, в котором он в ироническом тоне писал о воскресных школах, женской эмансипации и т. п. Фельетон вызвал негодование И, которая сравнила Писемского с Аскаоченским (И. 1862, № 5. С. 71). Журналист А. С. Гиероглифов пытался организовать протест литераторов против И, но из этого ничего не получилось, а редакция «Совр.» заявила о своей полной солидарности с ней (И. 1862, № 7. С. 104). *С точки зрения Бланка, Самарина* и т. д. Здесь имеются в виду напечатанные в конце 1861 г. в славянофильском «Дне» статьи П. Б. Бланка «Крестьянские выборы» (1861, 4 нояб.) и Д. Ф. Самарина «Уставная грамота» (1861, 25 нояб.). О последней см. статью Чернышевского «Г. магистр Н. де-Безобразов — псевдоним!» («Совр.», 1862, № 1). В ней Чернышевский высмеял Самарина, показав, что его взгляды по крестьянскому вопросу мало чем отличаются от взглядов крепостника Н. А. Безобразова. О статье Бланка см. т. 2. примеч. 174. *На сиамцев взглянув в «Иллюстрации»*. О ряде рисунков и заметок в № 181 и 182 «Иллюстрации» за 1861 г. *С точки зрения Зотова младшего* и т. д. см. примеч. 46. *С точки зрения ученых врачей*. Речь идет о высшем медицинском образовании женщин. См. т. 2, стих. 360 и примеч. к нему. *И с Юркевичем в розге внушительной* и т. д. См. т. 2, примеч. 169. *С точки зрения Миллер-Красовского* и т. д. См. примеч. 19. *С соблюдением мер и границ*. См. вступ. статью, с. 22—23. *Вертоград — сад*.

59. И. 1862, № 10, без загл., в фельетоне «Юмористические опыты А. А. Краевского», без подписи. - Изд. 1869 г. Т. 2. Здесь стихотворение ошибочно датировано 1863 г. В начале 1862 г. в ОЗ, в подражание «Свистку» «Совр.», появился юмористический отдел. Стихи и фельетоны этого отдела, беззубые и беспомощные в художественном отношении, были направлены преимущественно против демократического лагеря. *Поморными* (помора — умора, смех до упаду, а также повальная болезнь, эпидемия) прозвали искровцев их враги — см., напр.: РВ. 1859, сент., кн. 1, «Соврем. летопись». С. 93; Гымалэ (Волков Ю.). Лит. впечатления// СПбВ, 1860, 2 и 30 сент. Они же пренебрежительно окрестили всю левую журналистику *свистунами*; см.: РВ. 1861, № 1. С. 479, статья «Несколько слов вместо Современной летописи». «Совр.», И и РС подхватили эти клички, приняли их и нередко демонстративно пользовались ими в борьбе со своими противниками.

60. И. 1862, № 11, под загл. «Цепочка и грязная шея (Сцены из современной комедии)», подпись: Пр. Знаменский. - Печ. по экземпляру изд. 1869 г. Т. 1 (Библиотека Академии наук СССР; шифр: IVb 3736), с исправл. по И. В этом экземпляре, как установлено Н. Н. Наумовой (Курочкин В. С.

Стихотворения М.; Л., 1962. С. 469), нет тех цензурных искажений, которые появились в других экземплярах, после перепечатки соответствующих страниц. При этом перепечатка производилась дважды: в двух принадлежащих мне экземплярах текст отличается как от печатаемого, так и один от другого. Литературный и музыкальный вечер, о котором идет речь в первой сцене, был организован Литературным фондом в пользу нуждающихся студентов. Однако, по свидетельству ряда современников, часть сбора (или даже весь чистый сбор) была предназначена для незадолго до этого сосланного на каторгу М. Л. Михайлова и приговоренного к каторжным работам В. А. Обручева; см.: Слепцова М. Н. Штурманы грядущей бури//«Звенья». М.; Л., 1933. Т. 2. С. 450; Шелгунов Н. В. Воспоминания. М.; Пг., 1923. С. 159, 234; «Дело Чернышевского». Саратов, 1968. С. 12, доклад шефа жандармов В. А. Долгорукова Александру II. Выступление Чернышевского с воспоминаниями о незадолго до этого умершем Добролюбове послужило поводом для возобновления его травли реакционной и либеральной печатью — СП, БдЧ, СПбВ. Кроме Чернышевского, в вечере принимали участие В. Курочкин, Некрасов, Достоевский, историк П. В. Павлов и др. Павлов за свою речь о тысячелетии России, в которой подчеркивал пагубность крепостного права и необходимость сближения «образованных достаточных классов» с «низшими разрядами общества», был арестован и выслан в Ветлугу. Публичные лекции в здании Городской думы, о которых идет речь во второй сцене, возникли в начале 1862 г., когда Петербургский университет в связи со студенческими волнениями был закрыт. По мысли организаторов, они должны были материально помочь нуждающимся студентам, как арестованным, так и оставшимся на свободе, поддержать внутреннюю связь между последними и в известной степени заменить чтение университетских курсов. Вслед за высылкой Павлова лекции были демонстративно прекращены. Объектом сатиры Курочкина являются статья СП, в которой в издевательском тоне говорилось о выступлении Чернышевского, и фельетон П. Д. Боборыкина в БдЧ, высмеивавший демократическое студенчество. В И сцены сопровождался пространным примечанием, в котором приводились и иронически комментировались цитаты из них. «Я был убежден, — писал Курочкин, — что ни один из современных русских литераторов, не исключая даже Аскоченского, придя на публичные лекции, посещаемые женщинами, по большей части небогатыми и за модами не следящими, не станет инспектировать их наряды и осматривать, у всех ли вымыты шеи и нет ли у которой-нибудь траура под ногтями... Русский литератор, полагал я, заметив, что собрат вертит часовую цепочку, непременно как-нибудь покривит душою, а не скажет своим читателям с геройскою откровенностью, что, мол, это бахвальство вертеть цепочкою, часов-то, может, и нет у голубчика. Очевидно, оба фельетона написаны не литератором, решил я, и направил свои поиски в иную сторону. Поиски увенчались успехом. Оказалось, что на вечере 2-го марта и на одной из публичных лекций в числе прочих были г-жа Хлестова и шесть княжон Тугоуховских, помните, которые в 1821 году так дружно провозгласили Чацкого сумасшедшим. Княжны всё еще в девушках, они заметно состарились (младшей уже шестьдесят лет с хвостиком), но все еще так же милы, веселы и умны. Я узнал достоверно, что именно шесть княжон, г-жа Хлестова и графиня Хрюмина-внучка (тоже девушка, уже лет десять как отпраздновавшая свой пятидесятилетний юбилей) написали оба эти фельетона. Слог поправлял Молчалии, а в редакции сообщил фельетоны Загорецкий. Как все это происходило, я потихоньку изобразить в предлагаемых сценках». См. также вступ. статью, с. 26.

(С ц.) 1. Один кричал: б е з у м ц ы! Курочкин имел в виду самого се-

бя, свой перевод из Беранже «Безумцы», напечатанный за две недели до вечера — в середине февраля 1862 г. («Век». 1862, № 1/6). В агентурном донесении о вечере говорится: «Курочкин во второй раз читал свое стихотворение из Беранже «Безумец», где он, между прочим, позволяет себе говорить: «Безумец открыл новый свет, безумец дал нам новый завет, а этот безумец был бог». Неужели (говорили) цензура могла это позволить?» («Из истории либеральной общественности шестидесятых годов»//«Красный архив». 1931, № 2. С. 174). Из этих слов можно заключить, что Курочкин прочитал и те строки, которые были запрещены цензурой, — см. примеч. 137. Другой расписывал какой-то мертвый дом. О Достоевском, читавшем отрывки из «Записок из мертвого дома». Шематон, т. е. шеметень, шеметуль, — суетливый человек, хлопотун. Моветон (франц. mauvais ton) — здесь: невоспитанные люди, с плохими (с точки зрения аристократического общества) манерами. Тесак ему и ранец! — т. е. разжаловать в солдаты. Цепочку в руки взял и начал с ней играть!! СП писала: «Г. Чернышевский, явившись перед избранною публикою, вел себя в высшей степени неприлично. Он то ложился на кафедру и боком и животом, то полусадился на нее (?), то делал разные телодвижения, нетерпимые в мало-мальски порядочном обществе, то вертел часовой цепочкой, — у меня, дескать, часы есть! (!!)

Одним словом, при двух или трех тысячах образованных людей Чернышевский вел себя как Ноздрев на губернаторском бале».

⟨С ц.⟩ 2. Не женщина — фигура! В фельетоне Боборыкина читаем: «Стояла кучка молодых людей у выхода.

Подошли от них, облокотясь о скамейку, помещалась какая-то фигура, именно фигура, потому что, говоря совершенно серьезно, нельзя было различить, что это такое — мужчина или женщина, мальчик или девочка.

Трудно даже описать внешность этой особы. Стриженная почти под гребенку голова, мужской (подозрительной белизны) стоячий воротничок, грязная шея, затем какое-то коричневое одеяние, состоящее из кофты и узенькой юбки, и в руках мужская шапка.

— Это католический ксендз, — сказал один из молодых людей.

— Нет, это аптекарский ученик, — заметил другой.

Они подошли поближе к фигуре, постояли, и наконец у одного из юношей вырвалось:

— Если она женщина, так это цинизм — являться в таком виде».

61. И. 1862, № 17, без загл., в фельетоне «Табунное ржание. (Изъявление лошадиной признательности г-ну Скарятину)», подпись: Тарах Толерансов. — Печ. по изд. 1869 г. Т. 2 с исправл. по И. Стихотворение вызвано статьей В. Д. Скарятин «О табуиных и некоторых других свойствах русского человека» («Современная летопись РВ». 1862, № 17). «Является какой-нибудь Базаров и проповедует, что источники всех добродетелей обретаются в желудке, — заявлял он, — и все мы ошеломлены, слушаем разиня рот и удивляемся глубине и новости мысли. Наконец огорашивают Базарова, и что же?.. Два месяца тому назад базаровские фразы слышались везде и произносились с апломбом; теперь их не слышим... Почему крестьянин не подписывает уставную грамоту и не идет на оброк? Почему он верит прохожему богомольцу, который уверяет, что у помещиков землю возьмут даром? Почему, наконец, когда пройдет срок полюбовной сделки, придут чиновники, напишут грамоты, введут их и тот же крестьянин подчинится тому, чего прежде сам не захотел устроить? Не печально ли это?» Иначе говоря, почему крестьяне добровольно не

санкционируют своего ограбления, если их все равно заставят это сделать? Первые две строки — пародийное использование религиозного гимна «Коль славы наш господь в Сноне...» (слова М. М. Хераскова). *Подобно господину Бланку* и т. д. См. т. 2, примеч. 174. *Разоблачил Ледрю-Роллена*. О выпаде против А.-О. Ледрю-Роллена в статье «Несколько слов о современном положении Франции» (СПбВ, 1862, 17 апр.), см. также следующее примеч. *И Чернышевского убил*. Курочкин имеет в виду злобный фельетон Скарятинна «Образцы самоновейшего красноречия» (СПбВ, 1862, 16 марта) — о выступлении Чернышевского с воспоминаниями о Добролюбове 2 марта 1862 г.

62. И. 1862, № 20, в цикле «Галерея отцов и детей», с обширным примеч. о «рецензентах, хроникерах, публицистах, свистунах и фельетонистах» ОЗ, подпись: Пр. Знаменский. — Изд. 1869 г. Т. 2. В И ст. 3 строфы 2: «И Чернышевский, как Кречинский». Возможно, что эта замена сделана по причинам цензурного порядка, но, может быть, в 1869 г. упоминание Чернышевского рядом с Кречинским, даже вложенное в уста условного автора, показалось Курочкину бестактным. Все писавшие об «Отцах и детях» в № 3 и 4 ОЗ за 1862 г. видели большую заслугу Тургенева в развенчании нигилизма. Нигилисты сыграли известную положительную роль, заявляли ОЗ, но теперь утратили свое значение, потому что «продолжают еще свое отрицание в то время, как общество, отринув что нужно, начинает уже постройку нового» («Все или ничего»//1862, № 4. С. 223). Правительство, по словам публициста ОЗ, гораздо лучше нигилистов понимает стоящие перед страной задачи: борясь с прежним «экономическим и гражданским устройством», оно, в отличие от нигилистов, не ограничивается одной разрушительной работой («Современная хроника России»//1862, № 4. С. 49—50). В обстановке уже обозначившейся реакции подобные заявления свидетельствовали о переходе и без того весьма умеренных либералов в правительственный лагерь. *Кречинский* — герой пьесы А. В. Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского». «*Жители планет*» — статья Н. Н. Страхова («Время». 1861, № 1). Она стала предметом насмешек и приобрела поэтому широкую известность. В повести Я. П. Полонского «Нечаянно» (1878), действие которой происходит в 1865 г., один из героев говорит: «Посуди ты сам, возможное ли это дело, чтоб стол порядочных людей был без водки!.. это то же, что жители планет без Страхова или Страхов без жителей планет» (Поли. собр. соч. СПб., 1886. Т. 6. С. 219). *Ерик ом*, т. е. «-ь», была подписана статья А. В. Эвальда «Учиться или не учиться?», направленная против студенческого движения (СПбВ, 1862, 1 мая). *Вы, Синеус и Прогрессистов*. Под этими псевдонимами (второй бесспорно, а первый тоже, по-видимому, принадлежит Эвальду) напечатано несколько фельетонов в ОЗ в начале 1862 г. *Которым сокрушил Скарятин* и т. д. В своих корреспонденциях из Парнжа и других статьях, главным образом в статье «Несколько слов о современном положении Франции» (СПбВ, 1862, 17 апр.), Скарятин резко отзывался как о революционным прошлом Франции, так и о революционных силах тех лет. Всю вину за социальные противоречия и произвол, царившие во Франции при Наполеоне III, Скарятин возлагал не на истинных виновников, а на «беспрерывные революции». В стихах *Воейкова для вас*. О сатире «Дом сумасшедших». Издист Андрей Краевский «Голос». Газета «Голос» начала выходить в 1863 г. Загл. заимствовано из одноименного стихотворения В. А. Жуковского.

63. И. 1862, № 20, в цикле «Галерея отцов и детей», подпись: Пр. Знаменский. Эпиграф — из передовой статьи Н. Ф. Павлова («Наше вре-

мья». 1862, 22 мая) о студенческом движении и статье Чернышевского «Научились ли?». Статья Павлова была написана по предложению министра внутренних дел П. А. Валуева (Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Пб., 1920. Т. 15. С. 60). Это — почти неприкрытый донос. Павлов говорит, что «подземная работа» не перестает волновать студенчество, что уровень его знаний становится все ниже, что успех профессоров зависит от того, насколько они льстят молодежи. Чернышевского он называет «камергером при дворе молодого поколения» и недвусмысленно намекает на его связь со студенческим движением. Ответом на эту статью и является «Нигилист-старичок», в котором Курочкин использовал факты из биографии Павлова. *Просто — принцип такой!* В «Отцах и детях» Тургенева Павел Петрович Кирсанов произносит — «принсип», а Аркадий — «прынцип». *Жарче летнего дня* — строка из «Цыган» Пушкина.

64. И. 1862, № 31, под загл. «Письма об России» и т. д., без подписи. — Изд. 1869 г. Т. 2. В И под стихотворением стоит: «Продолжение следует», но Курочкин ограничился только этим одним «Письмом». Стихотворение является откликом на пребывание в Петербурге летом 1862 г. японского посольства. *Как сказал в пассаже баниос Ламанский* — см. примеч. 23—24. *Куранты* — «Ведомости», первая русская газета, выходившая в 1702—1727 гг. *Домострой* — памятник русской литературы XVI в., свод житейских правил и наставлений, проникнутый идеализацией патриархального быта и деспотической власти главы семьи. *Дзины* (точнее цзинь) — книги конфуцианского канона, проникшие в Китай из Японии и получившие там широкое распространение. *Сочинение о том же предмете Башуцкого* — «Панорама С.-Петербурга» (1834). «*Ерунда*» — см. примеч. 58. *Павлова, Чичерина и др. специалистов*. Имеются в виду статьи о русском дворянстве Б. Н. Чичерина, напечатанные в «Нашем времени» Н. Ф. Павлова в начале 1862 г.; см. также примеч. 52—56. *От норманнов или от литвы* — намек на диспут М. П. Погодина и Н. И. Костомарова о происхождении государства в Древней Руси в марте 1860 г. *Некоторый ученый Духинский полагает* и т. д. Польский историк и публицист Ф. Духинский утверждал, что русские не являются славянами и принадлежат к «туранскому племени». *И перед новою столицей* и т. д. Неточная цитата из «Медного всадника». У Пушкина: «И перед младшею столицей... Как перед новою царицей». *Поморные* — см. примеч. 59. *В саду графа Кушелева-Безбородко и г-на Излера*. Имеются в виду парк при загородном доме Г. А. Кушелева-Безбородко, куда в определенное время допускались гуляющие, и кафешантан И. И. Излера «Минеральные воды» в Новой деревне. «*Письмо об России*» носит на себе следы несомненного влияния «Дружеской переписки Москвы с Петербургом» Некрасова и Добролюбова, о которой Курочкин упоминает в примечаниях.

65. И. 1862, № 42, под загл. «Гласность 1859 года и гласность «Санктпетербургских ведомостей» 1862 года», без подписи. — Печ. по изд. 1869 г. Т. 2, с исправлениями по И. В 1859 г. П. И. Якушкин был командирован в Новгородскую и Псковскую губернии для изучения крестьянского быта, собирания народных песен, преданий и пр. В Псковской губернии его трижды арестовывали как подозрительного субъекта. Вернувшись в Москву, он рассказал о своих приключениях в статье «Проницательность и усердие губернской полиции» (РБ. 1859, № 5), на которую ответил псковский полицмейстер В. Э. Гемпель. Вокруг этого дела завязалась оживленная полемика, в которой активное участие принял РВ.

Этот наделавший много шума эпизод надолго запомнился; см., напр., роман Н. С. Лескова «Некуда» (1864— Собр. соч. М., 1956, Т. 2. С. 72) и его же «Шерамур» (1879 — М., 1957. Т. 6. С. 274). Для характеристики положения гласности после крестьянской реформы взята статья Д. Тарновского. Тарновский служил у арендатора домов Вяземского на Сенной площади. Однажды к нему явился полицмейстер, пожелавший осмотреть дом. «Пришлось осматривать между прочим одно только что открытое, с разрешения начальства, заведение, которое управляющий соседним домом, вследствие своих соображений и по причине неприятного запаха дыма, выходящего из трубы заведения, просил закрыть». Возражая против этого, Тарновский сказал полицмейстеру, что «запах и дым из трубы заведения идет вверх, а не вниз, и что потому и то и другое не может иметь на соседний двор слишком вредного влияния». Несмотря на это, Тарновский был арестован. В статье не указано, где случился описанный факт («в одной из наших столиц...»), а фамилия полицмейстера обозначена буквой N. Статьями Якушкина и Тарновского Курочкин характеризует объективное положение гласности в 1859 и 1862 гг., а эпиграфами — отношение к ней прессы, в частности РВ. Первый не является точной цитатой, но передает основную мысль сопроводительной заметки к перепечатанной из РВ статье Якушкина (1859, сент., кн. 1, «Соврем. летопись». С. 93). См. также примеч. 30. Второй эпиграф взят из стих. П. А. Вяземского «С тех пор, как упраздняют будку...» («В дороге и дома». СПб., 1862. С. 330). Курочкин хотел охарактеризовать им взгляды на «обличительную литературу» и гласность после реформы 1861 г. не одного Вяземского, а всей умеренно-либеральной в конце 1850-х годов журналистики, в частности резкую эволюцию РВ. «Малютка, шлем нося, просил» — первая строка стих. А. Ф. Мерзлякова «Велизарий». Судьба Велизария, который «водил царей земных в цепи», а теперь просит на хлеб, как бы отождествляется с судьбой гласности в России. *Уж пережили в века два «Века»* — т. е. «Век» П. И. Вейнберга и «Век», издававшийся литературной артелью под редакцией Г. З. Елисеева (прекратился в апр. 1862 г.). «Светоч»-метеор. Журнал «Светоч» прекратился в июле 1862 г. За *ерундою Льва Камбека*. См. примеч. 58.

66. И. 1862, № 44, без подписи. — Изд. 1869 г. Т. 2. В И всюду (кроме загл.) «Лорд Катков» и «Маркиз Павлов» и в примеч. вместо «между двумя газетами» — «между М. Н. Катковым и Н. Ф. Павловым». Не исключено, что эти исправления сделаны в изд. 1869 г. из цензурных опасений, хотя в других стихотворениях имена Каткова и Павлова сохранились. Клички «лорд» и «маркиз» имеют в виду бывшее англофильство Каткова и аристократические претензии Павлова. До мая 1862 г. печатать частные объявления могли только СПбВ, МВ и «Ведомости городской полиции»; Катков поднял вопрос о распространении этого права на все периодические издания и добился его. Когда же в конце 1862 г. МВ перешли в его руки, то аналогичного вопроса о казенных объявлениях он уже не возбуждал. Наоборот, в объявлении о подписке на МВ говорилось о «весьма важном преимуществе» газеты, «которое не может быть у нее отнято», т. е. об исключительном праве печатать казенные объявления. На этой почве и возникла полемика между Катковым и Павловым. Курочкин включил в «трагическую сцену» отдельные выражения и реплики из статей, давая им комическое осмысление, так что читатель, следивший за газетами, сейчас же вспоминал соответствующие места в статьях Павлова и Каткова. В И к ряду мест дано примеч.: «Подлинное».

67. И. 1862, № 50, в статье «Литературные размышления в начале второго тысячелетия России», без подписи (включено в изд. 1869 г.). В стихотворении высмеян либеральный период РВ, скоро круто повернувшего вправо, и вообще поверхностные либеральные увлечения второй половины 1850-х годов. *Когда тебя не оскорблял Безрылов*. См. примеч. 58. «*Парусом*», разорванным судьбой. Славянофильская газета «Парус» (1859) была запрещена цензурой после выхода двух номеров. *Усвоенное после его смерти М. Н. Катковым*. Московский юродивый И. Я. Корейша, которого посещали и представители высшего света, на вопрос одной дамы, «женится ли такой-то», ответил: «Без працы не бенды кололацы» (Прыжов И. Житие Ивана Яковлевича, известного пророка в Москве. СПб., 1860. С. 49). Катков не постеснялся использовать это «изречение» в борьбе с «Совр.» — «Изречение преображенского оракула... — писал он в 1861 г. — есть не что иное, как польская пословица, имеющая такой смысл: без труда не будет калачей... Не худо, чтоб этот смысл представлялся нашим доморожденным мыслителям... Кто выдает себя за мыслителя, тот не должен принимать на веру, без собственной мысли, ничего ни от г. Асоченского, ни от г. Бюхнера, ни от Ивана Яковлевича, ни от Фейербаха» (РВ. 1861, янв. «Лит. обозрение и заметки». С. 893—894). И все дальнейшие рассуждения Каткова посвящены «философским понятиям господ, пишущих в „Современнике“». Отповедь Каткову за эту статью дал Чернышевский в «Полемических красотах» («Совр.». 1861, № 6). *Поморным сочинителям*. См. примеч. 59. *Как он ходил на Зотова войной*. См. примеч. 46. *Как им в Москве основан был Нью-Лондон* — намек на англоманство Каткова в годы его либерализма. *Как он был горд своим Байбородой*. В 1857—1858 гг. в РВ было помещено несколько «Изобличительных писем» Байбороды (под этим псевдонимом писали Катков, П. М. Леонтьев и Ф. М. Дмитриев), направленных против славянофильской РВ, в частности против ее сотрудника, профессора римского права Н. И. Крылова, который был уличен в ряде грубых ошибок. *Полемикой с Евгениею Тур*. О полемике по поводу статьи Е. Тур «Госпожа Свечина» (РВ. 1860, апр., кн. 1), после которой она прекратила сотрудничество с РВ. *Николай Филиппыч* — Н. Ф. Павлов. *Соллогуб был жертвой дружбы той*. Имеется в виду статья Павлова о комедии В. А. Соллогуба «Чиновник» (РВ. 1856, июнь, кн. 1; июль, кн. 1). *Как Дюма был Павловым сконфужен*. О фельетоне Павлова «Вотяки и г. Дюма» (РВ. 1858, авг., кн. 2), в котором он писал о бессодержательности произведений Дюма-отца. *Ты помнишь ли, как некогда в Пассаже* и т. д. См. примеч. 23—24 и 33. *Тогда еще Скарятин не решил* и т. д. См. примеч. 61. Размер стихотворения, строение строфы, слова *Ты помнишь ли*, которыми начинается каждая строфа, заимствованы из «Рефутации Беранжера» Пушкина, впервые опубликованной за год до этого.

68. И. 1863, № 8, с еще одной строфой между 2-й и 3-й, подпись: Пр. Зн. - Изд. 1869 г. Т. 2. Прочитанное на вечере, организованном Литературным фондом, 10 апр. 1863 г., стихотворение, по свидетельству агента III Отделения, «возбудило неистовые рукоплескания. Курочкина вызывали несколько раз и заставили повторить его» (арх. Лит. фонда в ГПБ. Т. 12. Л. 194). *Чертог твой вижу изукрашен*. Пародийное использование начала церковного песнопения на седьмой неделе великого поста: «Чертог твой вижду, спасе мой, украшенный» и т. д. «Глагол времен, металла звон» — первая строка оды Г. Р. Державина на смерть кн. Мещерского.

69. «Современность» (Женева). 1868, № 2, май, под явно не принадлежащим Курочкину загл. «О цензуре» и по неисправному списку, без

подписи.- ОЗ. 1868, № 8, подпись в тексте: В. К., в оглавлении тома: В. Курочкин. Автограф доредакторского текста под загл. «Природа, вино и любовь, или Поэт, редактор и цензор», с датой: 17 янв. 1866 г.— в альбоме М. И. Семевского (ПД). Предназначалось для И. еще в 1863 г., но было запрещено за «насмешки над действиями цензуры» (Журнал заседания С.-Петерб. ценз. комитета от 16 окт. 1863 г.). Подзаг. *Из былых времен* (отсутствующий в автографе) звучит иронически и, конечно, появился для отвода глаз цензора: подобные операции над литературными произведениями проделывались, мол, только в прошлом. В том же журнале «Современность» (1868, № 6) было помещено стих. «Верх премудрости», которое П. А. Ефремов приписывал Курочкину; см.: Гаркави А. Атрибуция некоторых произведений вольной русской поэзии середины XIX века// «Рус. литература». 1961, № 4. С. 194.

70. И. 1863, № 11, без подписи.- Печ. по изд. 1869 г. Т. 1 с исправл. по И. В И в конце первой песни напечатано: «Продолжение будет». Вторая песнь не появилась, но в изд. 1869 г. (т. 2. С. 184) Курочкин указал на связь первой песни с целым рядом своих вещей, высмеивающих борьбу с «нигилизмом». Во втором томе они объединены в цикл «Рассказы о нигилизме»; сюда вошли стих. № 62, 52—56, 72 и др. Как и многие другие представители передовой интеллигенции, Курочкин считал, что Тургенев в «Отцах и детях» сознательно искажил образ демократа 1860-х годов и что все его симпатии — на стороне «отцов». «Отцы и дети» послужили одним из поводов для настоящего «крестового похода» консервативной и либеральной журналистики против «нигилизма». Отдельных участников борьбы с «нигилизмом» Курочкин сравнивает с героями I-го крестового похода. Назвав П. Д. Юркевича «горячим Бульоном», он использовал распространенный в свое время историко-литературный анекдот, согласно которому в переводе «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо, сделанном С. Е. Раичем (1828), есть строка: «Вскипел Бульон, потек во храм»; см., напр.: <Дружинин А. В. >. Письма иногороднего подписчика... о русской журналистике// «Совр.». 1849, № 10. С. 312; <Михайловский Н. К. >. Литературное обозрение// «Гласный суд». 1867, 11 июля. В действительности в нем такой строки нет. В автобиографии Раич протестовал против этой напраслины («Рус. библиофил». 1913, № 8. С. 29). Эту строку приписывали и А. Ф. Мерзлякову — напр., Белинский («Сочинения Пушкина»// ОЗ. 1843, № 10. С. 85) и Герцен («Окжетанский граф»// «Колокол». 1861, 15 дек., № 116. С. 965). Фет... взялся за плуг селянина. Фет купил имение в Орловской губернии и занялся сельским хозяйством. Толстой принял из рук Клио свиток. Клио (греч. миф.) — муза истории. О романе А. К. Толстого «Князь Серебряный», напечатанном в 1862 г. Страхов... играет, как мячиком, глобусом Урании. Урания (греч. миф.) — муза астрономии. Об его статье «Жители планет» («Время». 1861, № 1). См. также примеч. 62. Эрато (греч. миф.) — муза любовной поэзии. Щербина вымаливает у Полигимнии и т. д. Полигимния (греч. миф.) — муза высокой гимнической поэзии. О ч и т а л ь н и к е, т. е. сборнике «Пчела», см. т. 2. примеч. 258. Каллиопа (греч. миф.) — муза эпической поэзии. В начале тридцатых годов, когда еще издавался «Благонамеренный» Измайлова. Неточность: «Благонамеренный» прекратился в 1826 г. Куролесовы и Багровы — герои произведений С. Т. Аксакова «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука». Расплюев — герой пьесы А. В. Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского». И Авдеевы твореньями. Курочкин, по-видимому, имеет в виду не только, а может быть, и не столько произведения писателя М. В. Авдеева, сколько книги Е. А. Авдеевой по кулинарному искусству и домашнему хозяйству. «Пету-

хам-де унизительно». Петр Петрович Петух — герой «Мертвых душ» Гоголя. *Так на улице Рогатице*. Имеется в виду былина о Василии Буслаеве. *Чадь* — дружина, воины.

71. И. 1863, № 32, в фельетоне «Проницательные читатели (Из рассказов о старых людях)», подпись: Пр. Знаменский. Речь идет о петербургских пожарах в мае 1862 г., когда дотла сгорел Апраксин и значительно пострадал Шукин рынок. Пожары были использованы правительственными кругами для борьбы с «крамолой». СП хотя прямо не называла революционеров и студентов поджигателями, но и не отрицала их причастности к этому делу. Повторяя нелепые слухи, ходившие по городу, она тем самым способствовала их распространению. В напряженной атмосфере тех дней (совсем незадолго до пожаров появилась прокламация «Молодая Россия», очень напугавшая не только правительственные сферы, но и либеральные круги русского общества) статьи СП многими воспринимались как косвенное указание на вину революционеров и студенческой молодежи. «Прежде еще я просматривал иногда «Пчелку», — пишет Курочкин. — Теперь не просматриваю, потому что от нее несет какую-то удушливую гарью, нисколько не уступающей изгари Аскоченского. А всему виновата Толкучка, несчастная погоревшая Толкучка». Загл. фельетона «Проницательные читатели (Из рассказов о старых людях)» непосредственно связано с романом Чернышевского. «Проницательные читатели» — читатели-обыватели, враждебные демократическому лагерю, о которых не раз насмешливо говорится в «Что делать?». «Из рассказов о старых людях» соответствует подзаг. романа Чернышевского — «Из рассказов о новых людях». См. также след. примеч. *С дымом пожара* («Z dymem pożarów») — начало польской революционной песни (слова Корнеля Уейского).

72. И. 1863, № 32, в том же фельетоне. Стихотворение пародирует статью Ростислава (Ф. М. Толстого) «Лжемудрость героев г. Чернышевского» (СП. 1863, 27 мая). Ростислав обвинял Чернышевского в беспочвенных утопических мечтаниях, плебейских вкусах, безнравственности, незнании светской жизни и пр. «Скажите по совести, — писал он, — решились ли бы вы посоветовать сестре вашей, или дочери, или даже молодой вашей жене... если у вас есть молодая жена, прочесть роман „Что делать?“».

73. И. 1864, № 50, под загл. «Предвещения под Новый год», подпись: Пр. Знаменский. - Изд. 1869 г. Т. 1. В И был еще один эпиграф — из полемической статьи Ф. М. Достоевского, направленной против «Совр.». Касаясь клички «стрижи», которую дал редакции и сотрудникам «Эпохи» Салтыков-Шедрин, Достоевский писал, что стрижи очень хорошие птички, они предвещают ясную погоду: «Предвещать ясную погоду — очень лестно, особенно теперь, в наше время. Что может быть лучше ясной погоды, ясных, тихих, миротворных дней. Что может быть лучше, как п р е д в е щ а т ь эти грядущие дни, стремиться к ним и ободрять других в этом стремлении» («Чтобы кончить»/«Эпоха». 1864, № 9. С. 4—5). Курочкин высмеивает в стихотворении чрезмерный оптимизм «Эпохи» в годы реакции. Цитата из стих. Фета неточная; у него: «Жди ясного на завтра дня». (Хоть сам из книжек захватил). О влиянии на роман Вс. Крестовского «Петербургские трущобы», печатавшийся в ОЗ Краевского, «Парижских тайн» Э. Сю. *Гушпанский алгвазил*. Курочкин называет так Крестовского в связи с циклом его стихотворений «Испанские мотивы». *Для школ народных по-латыни*. Насмешка над сторонниками классичес-

кой системы образования (см. о ней примеч. 94). *Домострой*. См. примеч. 64. *Ерыжным веяньем объят*. «Ерыжных дел мастерами» были названы в «Якоре» деятели радикального лагеря — см. полемическую статью Ненужного человека (Ап. Григорьева) «О борзописании ради печатного листа» (1864, № 1. С. 12). *Затмит Аверкиев Шекспира*. В 1864 г. в «Эпохе» была напечатана первая пьеса Д. В. Аверкиева «Мамаево побоище», а также его статья о Шекспире. *На карте сыщется Тамбов*. Указывая на бедность сведений о провинции и на необходимость ее участия в общей жизни России, И. С. Аксаков писал: «Читатель! не известно ли вам что-нибудь про Тамбовскую губернию?.. Да уж существует ли полно Тамбовская губерния? Может быть, это так себе, одно географическое выражение, не больше» и т. д. («День». 1863, 23 нояб.). Ср. также начало «Тамбовской казначейши» Лермонтова: «Тамбов на карте генеральной Кругом означен не всегда». *Аксаков обоймет евреев*. Статьи Аксакова по еврейскому вопросу собраны в III томе Собрания его сочинений. В частности, Курочкин мог иметь в виду передовую статью в газете «День». 1864, 8 авг. *Свой четвертак найдет Катков*. Статья Каткова «Одного поля ягоды» кончается словами: «Между Хлестаковыми есть еще порода таких, которые зовут себя демоническими натурами. Таких молодцов нельзя не побаиваться. Зарезать они не зарежут, но не кладите вашего четвертака плохо» (РВ. 1861, № 5, «Лит. обозрение и заметки». С. 26). Д. Д. Минаев иронизировал по этому поводу: «Кто-то в московской редакции — и, вероятно, из сотрудников — похитил с конторки четвертак, а она, благо есть случай, взяла да и гласности предала такой поступок, действительно гадкий... Но ведь это все домашние дела... Зачем же тут литературу-то примешивать, ее катаклизм предсказывать?» (РС. 1861, № 8, ДТЧ. С. 7).

74. И. 1865, № 1, подпись: Пр. Знаменский. - Изд. 1869 г. Т. 1. Загл. взято из «Мертвых душ» Гоголя. *Как будто стрижи в нем звенят* — намек на стих. Фета «Жди ясного на завтра дня». *Одинцова* — героиня романа Тургенева «Отцы и дети». *Дальних степей*. Намек на политическую ссылку.

75, 76. И. 1865, № 6, с общим надзаг. «Современные песни и размышления», подпись: Пр. Знаменский. - Изд. 1869. Т. 2 (здесь напечатаны отдельно). Стих. 76 печ. с исправл. по И.

77. И. 1865, № 31, без строфы 2, подпись: Пр. Знаменский. - Изд. 1869 г. Т. 2.

78. Изд. 1869 г. Т. 2, с датой: 1865. *Надели фуражки с кокардами* — т. е. поступили на государственную службу.

79. И. 1866, № 1, под загл. «Прошлогодние обеды (Чистосердечное признание одного из многих)», подпись: Пр. Знаменский. - Изд. 1869 г. Т. 1. *Прошло сто лет, как умер Ломоносов*, и т. д. Столетие со дня смерти Ломоносова было отпраздновано в казенно-патронатическом духе. Речь идет о торжественном обеде в зале петербургского Дворянского собрания 7 апреля 1865 г. *Принадлежа и сам к числу «хозяев»* и т. д. О съезде «сельских хозяев» в Петербурге в ноябре 1865 г. На этом съезде идеологи наиболее реакционных слоев поместного дворянства — В. Д. Скарятин, Н. А. Безобразов и др. — выступали с панегириками крепостному праву и ратовали за полное обезземеление крестьянства. *Обедал я в честь женского труда*. Мысль об организации Общества женского труда возникла

еще в 1863 г., а утверждено оно было лишь в 1865 г. В Обществе сразу началась борьба за руководство между представителями аристократии и радикальной интеллигенции, и оно скоро прекратило свое существование. *«Русалка»* — опера А. С. Даргомыжского; *«Рогнеда»* — опера А. Н. Серова. Обе поставлены в 1865 г.

80. И. 1866, № 6, без подзаг., подпись: Пр. Знаменский. - Изд. 1866 г. Курочкин использовал общий замысел и конструкцию стих. Ж. А. Шарлеманя *«Les grandes vérités»* (1796), но совершенно изменил тематические и формальные детали. Переводом является лишь последняя строфа. Стих. Шарлеманя вошло в сборник произведений французских песенников: *«La goquette ancienne et moderne»*, Париж, 1851. С. 263—267. В отзыве об изд. 1866 г. цензор Ф. П. Еленев включил «Великие истины» в число предосудительных произведений: «...стихотворение, названное вольным переводом и заключающее в себе сатиру на отсутствие у нас свободы печати» (Журнал заседания С.-Петербург. ценз. комитета от 19 окт. 1866 г.). *И необъятного не может и т. д.* Перифраза одного из афоризмов Козьмы Пруtkова. *Точек компрометирующих нет.* Точками заменялись слова и места, не пропущенные цензурой. Положено на музыку Э. И. Вивьеном.

81—82. «Былое». 1925, № 3. Эти эпиграммы вписаны П. А. Ефремовым в подаренный ему Курочкиным экземпляр 2-го тома изд. 1869 г. со следующим разъяснением: «Незадолго до смерти В. С. Курочкин вечером у меня, при Д. П. Сильч(евском), продиктовал две стихотворные заметки, из числа многих «слагавшихся» им от скуки в крепости. Подписать просил не его именем, а Н и к о л а к и О м е г а, т. е. Щербина» (ГЛМ). Таким образом, эпиграммы датируются апрелем — июнем 1866 г., когда по распоряжению следственной комиссии по делу Каракозова, возглавлявшейся М. Н. Муравьевым, Курочкин сидел в Петропавловской крепости. Еще один список эпиграммы, сделанный тем же Ефремовым, — ПД. Другие «стихотворные заметки», написанные Курочкиным в крепости, до сих пор неизвестны. *Из Вильны Муравьева.* В 1863 г. Муравьев был назначен генерал-губернатором северо-западных губерний и жестоко подавил польское восстание.

83. И. 1866, № 39, с обширным примеч. к загл., но без подзаг., подпись: В. Сугубов. - Изд. 1869 г. Т. 2. Стихотворение вызвано появлением нового журнала «Женский вестник». В нем печатались бывшие сотрудники прекращенных правительством «Совр.» и РС (Гл. Успенский, Н. А. Благовещенский, А. К. Шеллер-Михайлов, В. А. Слепцов, П. Н. Ткачев и др.), но вместе с тем в журнале давали себя знать чуждые демократическому лагерю идейные тенденции. В первом же номере была помещена статья официального редактора «Женского вестника» Н. И. Мессароша «Мысли и заметки о современной подготовке женщин к жизни», посвященная «светским женщинам» и наполненная прописными истинами. Элементы «светскости» проявились и в заглавии фельетона — «Causerie». В И стихотворение сопровождалось письмом его вымышленного автора, В. Сугубова, — под этим псевдонимом, явно намекающим на В. А. Соллогуба, оно было напечатано. Сугубов заявляет, что современная литература его «бесит давно, еще со времен Белинского». «Женский вестник», особенно фельетон «Causerie», очень обрадовал его. «Ведь это опять возвращаются к нам времена оживленной светской болтовни, всегда полной ума и приличия. Ведь одно это слово (causerie) показывает, как тонко понимает редактор назначение журналиста, обязанного по-

учать, забавляя, и просвещать, развлекая. Простите меня, я не удержался и вылил восторг свой в предлагаемых строфах. Я позволил себе употребить французские выражения, даже целые строки на французском языке, но, вы это хорошо знаете сами, —

Доселе гордый наш язык
К газетной прозе не привык.

«Пчелка» — СП. Ее Булгарин к нам занес и т. д. О «Комарах» Булгарина (СПб., 1842), в предисловии к которым он отрицал всякую связь с А. Карром, подчеркивая то обстоятельство, что «личная сатира с наименованием лица» и «политический памфлет» Карра совершенно чужды ему. Я лишь с *Евгениею Тур* и т. д. В 1861 г. Е. Тур уехала из России и поселилась в Париже. Сочувствие польскому восстанию, ненависть к деспотизму и реакционной политике правительства привели к некоторому сближению ее с Огаревым и, в меньшей степени, с Герценом. Но оно длилось недолго; скоро оппозиционные настроения Тур выветрились; к тому же, прежде равнодушная к религии, она прониклась симпатиями к католицизму. Поправление Тур, ее антидемократические взгляды и аристократические замашки нашли свое выражение в «Парижском обозрении», которое она систематически печатала в середине 1860-х годов в «Голосе» Краевского. «Хорош Российский Геликон!» — из «Евгения Онегина». (Я тоже с Пушкиным был друг) — намек на воспоминания Соллогуба («Рус. архив». 1865, № 5—6). *Prince Pierre* — князь П. А. Вяземский. «Грейт Истерн» — корабль, о котором упоминается в «Causerie». «Трущобы» — «Петербургские трущобы» Вс. Крестовского. «Миантономо» — американский монитор, на котором прибыла американская делегация во главе с товарищем морского министра, чтобы передать Александру II поздравление конгресса по поводу его «чудесного избавления» от выстрела Каракозова. И доктор Хан и доктор Бок. В первом номере «Женского вестника» были помещены отзывы о книгах немецкого профессора К.-Э. Бока и будущего редактора журнала «Всемирный труд» Э. А. Хана. *Jean qui pleure et Jean qui rit* (Жан, который плачет, и Жан, который смеется) — символы двух взглядов на жизнь, из которых первый все без исключения рисует в дурном, а второй — в безоблачном свете. Восходят к одноименной поэме Вольтера.

84. Изд. 1869 г. Т. 2, с датой: 1866. *Кукельван* — кустарник, ягоды которого ядовиты. В 1861 г. петербургские пивовары были изобличены в том, что подмешивали ягоды в пиво для усиления его опьяняющего действия.

85. И. 1868, № 1, подпнс: Литературный старовер. - Изд. 1869 г. Т. 2. Об общем смысле стихотворения см. вступ. статью, с. 16. *Пятикопеечник* — «Пятикопеечник: Карманный календарь, на 1868 год, самых необходимых справок». Изд. «Первой гласной кассы ссуд». СПб., 1867. Купец В. Ю. Карпович, учредитель «гласной кассы», выдававший ссуды под залог вещей, всячески рекламировал в этой книжонке свою кассу, говорил о своем желании помочь небогатым людям и пр. Слов, приведенных в эпиграфе, в «Пятикопеечнице» нет. Как *Полонский*, я «блехой укушен». Слова «блехой жизни был укушен» сказаны Я. П. Полонским о герое его поэмы «Свежее предание» Камкове, в лице которого выведен поэт 1840-х годов И. П. Ключников.

86. И. 1868, № 13. - Изд. 1869 г. Т. 2.

87. «Неделя». 1868, № 45. Известно, что на могиле Писарева были прочитаны два стихотворения, посвященные его памяти, — см. фельетон

Д. Д. Минаева «С Невского берега» («Дело». 1868, № 8. С. 112) и некролог Писарева, автором которого является Н. С. Курочкин (ОЗ. 1868, № 8. С. 179). Весьма вероятно, что одним из них и было стих. В. С. Курочкина «На могиле Д. И. Писарева».

88. Изд. 1869 г. Т. 2.

89. И. 1870, № 1. Стихотворение напечатано в первом номере журнала, вышедшем без предварительной цензуры, но и без карикатур. В нем — а еще более отчетливо в передовой статье — Курочкин недвусмысленно заявил, что И осталась верна своим взглядам, но принуждена говорить о них вполголоса.

90—91. Стих. 1 — И. 1870, № 9; стих. 2 — И. 1870, № 17. Курочкин предполагал продолжить этот цикл (в № 17 указано: «Продолжение следует»), но не осуществил своего намерения. *Дню довлеет злоба*. «Довлеет дневи злоба его» (довольно для каждого дня своей заботы) — слова из Евангелия (от Матфея, гл. 6, ст. 34).

92. И. 1870, № 28. Это стихотворение, а также стих. 93 и 95 являются откликами на франко-прусскую войну 1870—1871 гг. *Боян* (баян) — полудесятилетний певец-поэт, упоминающийся в «Слове о полку Игореве»; здесь — поэт, воспевающий военные подвиги. *Лафит, рейнвейн* — сорта французского и немецкого вин.

93. И. 1870, № 44. *Швабский* — немецкий.

94. И. 1871, № 5, подпись: Пр. Знаменский. *Во всех ты, душенька, нарядах хороша* — ст. из поэмы И. Ф. Богдановича «Душенька». *Выпушки, погончики, петлички* — из «Горя от ума» (слова Скалозуба). *Другой, хожалый древних лет* и т. д. В ст. 1—4 этой строфы использовано стих. Вяземского «С тех пор, как упраздняют будку...» (1862), направленное против передовой журналистики, но ему придан совершенно противоположный смысл. *Хожалый* — служитель при полиции для разных поручений, полнейский, городской. *Греко-латинская лапша* — о классической системе образования. В условиях общественно-политической борьбы 1860—1870-х годов классическая система, изучение древних языков рассматривались правительственными кругами как средство отвлечь молодое поколение от естественных наук и материалистической философии, подрывающих основы религиозного мировоззрения, от идей коренного социального переустройства и революции. «Министр Толстой, — писал Герцен Огареву 17 окт. 1869 г., — сказал одному из своих приятелей: „Еще шесть лет латыни — и вы увидите, как уgomонится наша молодежь“» (Герцен А. И. Поли. собр. соч. М., 1964. Т. 30, кн. 1. С. 220). *Предупредительные вожжи* и т. д. О предварительной цензуре и заменивших ее карательных методах воздействия на печать.

95. И. 1871, № 1; см. также поправку в № 2. Стихотворение вызвало некоторое беспокойство в цензурном ведомстве. Не видя оснований для возбуждения против И судебного преследования, председатель С.-Петербург. ценз. комитета А. Г. Петров писал, однако, в Гл. упр. по делам печати: «Это стихотворение, вопреки сделанному от лица правительства приглашению, выражает решительное сочувствие одной из борющихся сторон, и именно к Франции, и, что еще хуже, оправдывает это сочувствие развитием на ее почве принципов равенства и природных прав человека»

(Дело С.-Петербург. ценз. комитета, 1869, № 56. Л. 30). В Германии «единой». И не раз выступала против немецкого милитаризма и объединения Германии вокруг юнкерской Пруссии. *Предательство осаде подает*. Французское «правительство национальной обороны» во главе с генералом Л.-Ж. Трошю быстро превратилось, по выражению К. Маркса, в «правительство национальной измены» (Маркс К., Энгельс Ф. «Гражданская война во Франции» // Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 322—323). В народе, особенно в вооруженном народе, оно видело более опасного врага, чем в Бисмарке.

96—99. Стих. 1—2 — И. 1873, № 19; стих. 3 — И. 1873, № 30, с подзаг. «Реальный сонет», в статье «Весенние заметки «Искры» (Вчера, сегодня и завтра)», без подписи; стих. 4 — И. 1873, № 35. Стих. 3 напечатано без подписи и без порядкового номера в цикле, но подзаг. «Реальный сонет» и четвертый (а не третий) номер над стих. 4 свидетельствуют об авторстве Курочкина.

1. Как «Гражданин» к реформам, ставит точку. В начале 1872 г. редактор «Гражданина» кн. В. П. Мещерский заявил в одной из своих статей, что к основным реформам 1860-х годов «надо поставить точку» («Гражданин». 1872, № 2. С. 42).

3. Как видно из статьи Курочкина, Снегурочка являлась для него символом всего талантливого и передового в русской литературе, подвергавшегося непрерывной травле со стороны реакционеров. Ст. 2 и 11 взяты из поэмы Некрасова «Мороз, Красный нос».

4. *Картешица* — картечница, артиллерийское орудие.

100. Курочкин В. С. Собр. стихотворений. М.; Л., 1934, с ошибками. Печ. по автографу на 6-м изд. Ефр.; под четверостишием подпись: «Охотный доброжелатель В. Курочкин», приписка: «Извините, что не под титлами — не умею» и дата: 18 декабря 1873 г. См. об этом четверостишии воспоминания Я. Ф. Березина-Ширяева — «Рус. библиофил». 1912, № 3. С. 29. *Не нравен слог и Чтите убо без гневу* — из четверостишия А. Д. Кантемира «К читателям сатир». *Аще* — если. *Убо* — посему.

101. БВ. 1875, 5 янв., в фельетоне «За неделю», подпись под фельетоном: К. В., под стихотворением: Всеволод Погодин. От имени юного поэта Погодина написана большая часть стихотворений, включенных в фельетонные обозрения «За неделю». О принадлежности Курочкину серии фельетонов «За неделю» за подписью «К. В.» есть ряд свидетельств; см. напр., первый фельетон сменившего Курочкина фельетониста Рцы-слово-твердо (В. А. Полетики) — БВ. 1875, 17 авг. «Новый Пантелей-целитель» — ответ на программный фельетон СПбВ «Послание к россиянам», напечатанный 3 янв. 1875 г. Фельетон появился за подписью: «Государь Пантелей», и в нем были широко использованы цитаты из сатиры А. К. Толстого «Пантелей-целитель»; написан он псевдонимным языком. «Государь Пантелей» — псевдоним писателя Е. А. Салиаса де Турнемира, который был в это время редактором СПбВ. *Али речь ты повел с «пугачевцами»?* «Пугачевцы» — исторический роман Салиаса, появившийся в 1874 г.

102. БВ. 1875, 23 марта, в фельетоне «За неделю», подпись: К. В.; стихотворение написано от имени Всеволода Погодина (в этом фельетоне Курочкин сообщает, что поэт просит не смешивать его с историком Погодиным и отныне писать его фамилию через а). Эпиграмма вызвана статьей МВ Каткова о московском Центральном книжном магазине.

Этот магазин, которым руководили люди прогрессивных взглядов, два раза в месяц выпускал объявления о новых книгах с краткими извлечениями из появившихся на них рецензий и рассылал их при газетах. «Свои книгопродавческие объявления,— с негодованием писали МВ,— они обратили в периодическое издание особого рода, предназначая его, по-видимому, на служение «прогрессу» в смысле известной части нашей журналистики. Объявляя о книге, они тут же приводят тенденциозно-ругательные о ней отзывы и вообще сортируют книги «по направлению», согласно мнениям части петербургской печати, рвущейся прослыть за передовую» («Новый способ издавать газету»// МВ. 1875, 13 марта). В фельетоне, как и в эпиграмме, Курочкин характеризует статью МВ как донос. Эпиграмма — «перепев» последнего четверостишия стих. Лермонтова «Не верь себе».

103. БВ. 1875, 1 июня, в фельетоне «За неделю», подпись под фельетоном: К. В., под стихотворением: Всеволод Пагодин. К. К. Арсеньев в «Заметках о русской адвокатуре» (СПб., 1875. С. 167) писал: «Чем больше общественное мнение возбуждено против обвиняемого, тем менее адвокат имеет право отказываться от защиты, если только он может принять и вести ее по убеждению. Желание адвоката охранить неприкосновенность своей репутации... не должно доходить до малодушной боязни перед общественным мнением. Самым строгим судьей должен быть для себя сам адвокат, если он по совести считает себя вправе взяться за дело, ему нечего опасаться толкований, которые вызовет его решимость». Курочкин приводит это утверждение в связи с речами защитников игуменьи Митрофании — баронессы П. Г. Розен (обвинявшейся в подлогах, мошенничестве и присвоении чужого имущества) и иронически характеризует их как практическое осуществление принципов Арсеньева. Арсеньев, по словам Курочкина, «только переложил мелодические стихи Пушкина (речь идет о стихотворении «Поэту») в казуистическую прозу, опустив при этом нетребовательность поэта насчет наград и строгую оценку труда, так как первое к адвокатам не подходит, оценить же свой труд каждый адвокат сам умеет, без наставлений». Пагодин «не умедлил мелодические строфы Пушкина, с проведенным в них законодателем адвокатуры реальным содержанием, вновь обратиться из казуистической прозы в их первобытную стихотворную форму». Обличение адвокатов за то, что они зачастую исключительно из корыстных побуждений берут на себя защиту богатых преступников, характерно для всей радикальной литературы и публицистики 1870-х годов.

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ В. С. КУРОЧКИНУ

104. «Русская потаенная литература XIX столетия». Ч. 1. Лондон, 1861, под загл. «Современное стихотворение», без подписи. — «Свободные русские песни», Кронштадт. 1863. В типографии главной брандвахты (указание на место издания и типографию вымышлено; в действительности сборник напечатан в типографии русской революционной эмиграции в Берне — см.: «Лит. наследство». М., 1941. Т. 41/42. С. 14 и 85), также без подписи. — Печ. по «Колоколу». 1866, 15 янв., № 212 (Отчет «Дело И. Андрущенко»). В «Русской потаенной литературе» и «Свободных русских песнях» четверостишия и двустишия расположены в ином порядке, нет последних строк о Пугачеве, а в «Свободных русских песнях», кроме того, после каждого четверостишия следует припев: «Вот житье, вот бытие, Жизнь горе расейское!» Нет строк о Пугачеве и в тексте, опубли-

ликованном в статье М. А. Васильева «Песни казанского студенчества» («Уч. зап. Казан. гос. ун-та». 1930. Кн. 5. С. 852). Интересный вариант — с упоминанием имени Антона Петрова в конце стихотворения — приведен в «Воспоминаниях о П. Г. Зайчиевском» А. М. (А. Н. Можаровой) (сб. «О минувшем». 1909. С. 182). Хотя в 1860-е годы стихотворение печаталось лишь в заграничных революционных изданиях, оно было очень популярно, ходило по рукам в списках и стало революционной песней. Один из списков был найден у землевольца И. А. Андрущенко при его аресте в 1863 г. Андрущенко показал, что получил его у П. Холод(к)овского-Цибульского, а автор ему неизвестен. По его словам, «стихи — песня, положена на голос и идет в ход». Подсудимые по тому же делу Н. М. Шатилов и А. А. Тыщинский сообщили, что стихи эти — «песня, которая поется на студенческих пирушках в Казани и многими из них известна на память» («Колокол». 1865, 15 ноября, № 208. С. 1701; 1866, 15 янв., № 212. С. 1739—1740; 15 февр. № 214. С. 1751). О распространенности этой песни в Казани см. также: Бунаков Н. Ф. Записки. СПб., 1909. С. 51; Васильев М. А. Указ. статья. С. 853; Бирюков А. А. Университет и студенты начала 1860-х годов//«Уч. зап. Казан. гос. ун-та». 1930. Кн. 5. С. 878. Б. П. Козьмин в рецензии на «Ученые записки Казанского университета» справедливо отметил, что распространенность песни среди казанской студенческой молодежи еще не свидетельствует об ее казанском происхождении, как это склонен думать М. А. Васильев; она была широко известна по всей России («Каторга и ссылка». 1931, № 3. С. 251—252). В подтверждение мнения Козьмина можно сослаться, например, на то место воспоминаний А. С. Суворина, где он рассказывает о своей московской жизни начала 1860-х годов (Суворин А. С. Всякие. СПб., 1909. С. XI); «Воспоминания о моей жизни» В. Н. Линда («Рус. мысль». 1911, № 7. С. 123), статью А. М. Новиковой «Подпольные песни эпохи революционных демократов шестидесятых годов XIX века» («Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та». 1960. Т. 86. С. 89). В последней части романа А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов» («Заря». 1869, № 9. С. 109) песню «Долго нас помещики душили...» в Петербурге поет некий Пенин, причем упоминается, что она «сочинена около того времени», т. е. конце 1850-х — начале 1860-х годов. См. также романы В. В. Крестовского «Панургово стадо» (РВ. 1869, № 3. С. 168) и Я. П. Полонского «Проигранная молодость» («Новь». 1884, № 3. С. 479). О большой популярности песни в более поздние годы см.: Обзор социально-революционного движения в России. СПб., 1880. С. 248 («Печатано по распоряжению III Отделения»); Дмитриева В. И. Так было. М.; Л., 1930. С. 104; Мойсеев П. А. Воспоминания старого революционера. М., 1936. С. 21. Интересны слова Огарева о «Долго нас помещики душили». В предисловии к сб. «Русская потаенная литература» он писал: «Перешагнув через хронологический порядок, которого мы по возможности старались держаться в нашем сборнике, мы поместили в конце этой части «Современное стихотворение», которое тем замечательнее, что ненарочно сосредоточивает в себе целую историческую эпоху и опирается на ее исходную точку, на 14 декабря» (с. XCIV). Курочкину приписывает стихотворение вдова поэта М. П. Розенгейма в биографии своего мужа. Она говорит об И — очевидно, со слов М. П. Розенгейма: «...редактируемая Степановым и В. С. Курочкиным, обратившим на себя внимание удачными переводами песен Беранже и прославившимся в известном кругу стихотворением „Долго нас помещики душили“» («Рус. старина». 1887, № 9. С. 631). В «Лютне» (Лейпциг, 1869 и др. изд.) напечатано за подписью: П. Холод(к)овский-Цибульский. Стихотворение приписывалось и Ап. Григорьеву — см.: Лесков-Стебницкий Н. С. Загадочный человек. СПб., 1871.

С. 49; ср.: Боборыкин П. Из воспоминаний о пишущей братии//СПбВ, 1877, 10 февр., а также письма Я. П. Полонского к Н. Н. Страхову от 9 дек. 1864 г. («Лит. наследство». М., 1973. Т. 86. С. 401) и 3 апр. 1876 г. («Неизданные письма к А. Н. Островскому». М.; Л., 1932. С. 455). *Суд Шемякин* — несправедливый, неправедный суд (по загл. старинной русской повести о судьбе Шемяке). *Бутарь* — будочник, постовой полицейский.

105. «Иллюстрация». 1862, № 202, подпись: И. Дубровин. На авторство Курочкина указал Н. Вишняков («30 дней». 1937, № 1. С. 93—94), обнаруживший, что под тем же псевдонимом в «Иллюстрации» помещено стих. «Видеть, как зло торжествует державно...», включенное Курочкиным в изд. 1869 г. Это, однако, не вполне несомненно, поскольку Н. С. Курочкин, редактировавший тогда «Иллюстрацию», сообщает в своей анкете, что под псевдонимом «Дубровин» напечатал в «Иллюстрации» несколько стихотворений он сам («Лит. наследство». М., 1949. Т. 51/52. С. 342). Возможно, что этим псевдонимом пользовались оба брата. *Гарниры* — от франц. *chambres garnies* — меблированные комнаты. *Общее дело*. В публицистике и литературе 1860-х годов слова эти обозначали борьбу за народные интересы, революционную деятельность.

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕДЕЛКИ

Песни Беранже

106. БдЧ. 1857, № 11. - Печ. по изд. 1866 г., с исправл. ст. 1—4 строфы 3 по двум автографам ПД и альбому Н. В. Гербея (с. 197—199, с датой: 14 дек. 1856. — ГПБ), где они ближе к оригиналу. В таком виде эти строки не были пропущены цензурой (Журнал заседания С.-Петерб. ценз. комитета от 18 окт. 1857 г.), и Курочкин заменил их четверостишием:

Братцы! Солдатские годы,
Служба — в руках у судьбы...
Помню я наши походы,
Время великой борьбы.

Еще один, четвертый, автограф — ПД, собр. П. Я. Дашкова; хронологически он предшествует остальным трем, и указанные строки переведены в нем несколько иначе. О цензурных затруднениях при печатании «Старого капрала» в БдЧ упоминает также в своих воспоминаниях о Л. А. Мее С. В. Максимов («Рус. мысль». 1887, № 7. С. 76). В журнале и во всех изданиях до 1866 г. ст. 1—2 строфы 1 тоже печатались в смягченной редакции: «Да, оскорбил офицера... Молод и он оскорблять». Перевод стих. «Le vieux sergent». По свидетельству П. В. Быкова («Былые знакомые лица»//«Новое слово». 1913, № 7. С. 18), первоначальные редакции ряда переводов из Беранже (в том числе «Старого капрала» и «Весны и осени»), впоследствии совершенно переработанные, относятся еще к годам учения Курочкина в корпусе. См. также с. 49. Герой этого стихотворения — старый наполеоновский солдат; действие происходит после восстановления королевской власти во Франции. *Император* — Наполеон I. «Старый капрал» положен на музыку А. С. Даргомыжским, К. П. Вильбоа, М. Боиольди, близким к революционным кругам 1860-х годов Н. А. Песковым. Ст. *Ты, землячок, поскорее* и след. Д. Н. Мамин-Сибиряк вложил в уста героя романа «Черты из жизни Пепко» (1894),

проводящего своего приятеля на родину (Собр. соч. М., 1958, Т. 8. С. 441).

107. БдЧ. 1855, № 12. Перевод стих. «Le printemps et l'automne». Положено на музыку Н. М. Стрельниковым. См. также предыдущее примеч. Готов — см. примеч. 34.

108. БдЧ. 1855, № 12. -1-е изд. -4-е изд. Автограф первой и последней строф (первой — в окончательной редакции, а последней — с двумя разночтениями) — в письме Курочкина к А. В. Старчевскому от 28 нояб. 1855 г. (ПД, собр. П. Я. Дашкова). Первоначальная редакция последней строфы не была разрешена цензором и осталась неизвестна. По-видимому, она была ближе к оригиналу: «C'est celle d'un puissant monarque» (Это звезда могущественного монарха) и т. д. Сообщая Старчевскому текст этой строфы, измененный согласно замечаниям цензора, Курочкин просил его также исправить и 1-ю строфу, однако в БдЧ это сделано не было; в исправленном виде она появилась лишь в 1-м изд. В автографе ст. 6 последней строфы читается: «Народ уподобляет». Возможно, что «народ» заменен «молвой» по цензурным причинам. Перевод стих. «Les étoiles qui filent».

109. БдЧ. 1856, № 1. -1-е изд. Автограф журнального текста — ПД (собр. П. Я. Дашкова). Перевод стих. «La bonne vieille». В переводе опущена одна строфа — между 3-й и 4-й. «Старушка» положена на музыку К. П. Вильбоа, Г. А. Варламовым, И. Е. Чуйковым, Г. Скрипицыным.

110. БдЧ. 1856, № 3. -Печ. с исправл. по списку под загл. «Весельчак» (ПД), восходящему, по всей вероятности, к какому-то не известному нам автографу Курочкина; в списке первые шесть строк последней строфы гораздо ближе к оригиналу. В такой редакции они, конечно, не могли быть напечатаны по цензурным причинам. В печатном тексте перевода этим строкам соответствуют следующие:

Приходит смертный час:
Больной лежит в постели,
Сомкнуть не может глаз —
Виденья одолели:
Бесовский хор визжит,
Зияет ад крошечный...

Автографы — ЦГАЛИ (фонд Курочкиных) и ПД (собр. П. Я. Дашкова); последний был в январе 1856 г. передан Курочкиным А. В. Старчевскому для БдЧ (см. письмо Курочкина от 12 февр. 1856 г. — ПД, собр. П. Я. Дашкова). Перевод стих. «Le petit homme gris». Композиция и лексика перевода Курочкина использованы в анонимной сатире на Александра II «Добрый царь» (отрывки из нее приведены в брошюре Е. Г. Бушканца «Незаконная поэзия революционных кружков конца 50-х — начала 60-х годов XIX века». Казань, 1961. С. 28—29). Положено на музыку К. А. Тарновским, В. Т. Соколовым, В. И. Пашенко, Н. М. Леонтьевым.

111. РВ. 1856, авг., кн. 2, под загл. «Добрый знакомый». -1-е изд. -Изд. 1866 г. Перевод стих. «Le sénateur». В янв. 1856 г. Курочкин передал свои переводы «Знатный приятель» и «Как яблочко, румян» А. В. Старчевскому (см. письмо к нему Курочкина от 12 февр. 1856 г. — ПД, собр. П. Я. Дашкова), но первый из них по неизвестным причинам ни в БдЧ, ни в СО напечатан не был. Автограф переданного Старчевскому

дожурнального текста (однако под загл. «Знатный приятель») — ПД (собр. П. Я. Дашкова). Возможно, что «Знатный приятель» не был пропущен цензурой, и потому, отдав после этого стихотворение в РВ, Курочкин снабдил его более невинным загл. В 1871 г. были запрещены карикатуры А. М. Волкова к «Знатному приятелю» и «Барышням» Беранже в переводе Курочкина, предназначавшиеся для журнала «Маляр» (см.: «Маляр». 1871, № 30; дело С.-Петерб. ценз. комитета, 1871, № 33. Л. 5—7; собр. рукописей С.-Петерб. ценз. комитета, № 617). «Знатный приятель» положен на музыку А. С. Даргомыжским, В. Т. Соколовым.

112. БдЧ. 1856, № 8. -1-е изд. Перевод стих. «La nostalgie ou la maladie du pays».

113. СО. 1856, № 30. Перевод стих. «Si j'étais petit oiseau». *Филомела* (греч. миф.) — дочь афинского царя Пандиона, превращенная богами в соловья (или в ласточку). Положено на музыку Г. Скрипицыным.

114. СО, 1857, № 1. Рукопись пяти переводов Курочкина («Старый капрал», № 106, «Добрая фея», № 116, «Кукольная комедия», № 117, «Слепой нищий», № 114, «Лучший жребий», № 115) — под общим загл. «Из Беранже» и с общей нумерацией — и трех оригинальных стихотворений («В разлуке», № 6, «Мчит меня в твои объятья...», «Общий знакомый», № 5) — ПД (арх. Н. Ф. Крузе). Рукопись, как это видно из анализа разночтений, относится к моменту до появления в печати всех этих произведений, т. е. не позже конца 1856 г. («Общий знакомый» напечатан в № 12 БдЧ за 1856 г.). Перевод стих. «L'aveugle de Bagnolet».

115. СО. 1857, № 19. -Изд. 1866 г. Автограф дожурнального текста — ПД; однако ст. 1—3 строфы 3 даны в нем в окончательной редакции — по-видимому, они не появлялись в таком виде до 1866 г. по причинам цензурного характера. До 1866 г. печаталось:

Будь мне назначен Провиденьем
Великий жребий бытия —
И в блеске будет украшеньем...

Перевод стих. «Beausour d'atouig».

116. 1-е изд. Три автографа и корректура, озаглавленные «Маленькая фея» и с мелкими разночтениями, — ПД (корректурa — в собр. П. Я. Дашкова, один из автографов — в арх. В. И. Яковлева). Корректурa перечеркнута красными чернилами. Перевод предназначался, по-видимому, для СО или БдЧ, но был запрещен цензурой. Перевод стих. «La petite fée». *Зерцало* — см. примеч. 7.

117. 1-е изд. Два автографа с мелкими разночтениями — ПД. Перевод стих. «Les nègres et les marionnettes». См. также вступ. статью, с. 38.

118. ОЗ. 1857, № 1. Перевод стих. «Le tailleur et la fée». *Орфей* (греч. миф.) — поэт и музыкант, наделенный магической силой искусства, которой покорялись не только люди и боги, но и неодушевленная природа. Имя Орфея употребляется применительно к вдохновенному художнику вообще. *Над ним удар проносится громовый*. В детстве Беранже чуть не был убит молнией.

119. СО. 1857, № 11.- 1-е изд. Черновой автограф — ПД (собр. П. Я. Дашкова). Перевод стих. «Les gossignols».

120. РВ. 1857, июль, кн. 1, с разделением на четверостишия.- СО. 1857, № 35, в «Обзоре литературных журналов», по автографу Курочкина. Перевод стих. «Roger Bontemps». В 1-м изд. перевод посвящен Л. Л. Добровольскому, сотруднику критического отдела СО, служившему в Министерстве народного просвещения; в последующих изданиях посвящение снято. Положено на музыку А. П. Аристовым.

121. РВ. 1857, июль, кн. 2. Перевод стих. «Ce n'est plus Lisette».

122. СО. 1857, № 29, под загл. «Старый нищий».--1-е изд.--6-е изд. Набросок последних двух строк строфы 3 — Béganger. Т. 3. С. 125. Спикс с исправл. Курочкина — ПД (собр. П. Я. Дашкова). Перевод стих. «Le vieux vagabond». Положено на музыку Я. Ф. Пригожим, А. А. Бернадри.

123. 1-е изд. Перевод стих. «Les gueux». В переводе опущена одна строфа — между 3 и 4.¹ Во второй части «Жизни Клим Самгина» (Горький М. Собр. соч. М., 1952. Т. 20. С. 617—618) «Песнь труда» пытается читать в ресторане некий подвыпивший «теиор». В бочке, с всемирным владыкой и т. д. Здесь нашли отражение разные предания о Диогене. Согласно этим преданиям, стремясь свести свои потребности к минимуму, он жил в бочке. Когда Диоген встретился с Александром Македонским и тот спросил, нет ли у него каких-нибудь желаний, Диоген будто бы ответил: «Да, есть — не заслоняй мне солнца». Бог легкокрылый — бог любви Эрот (греч. миф.) или Амур (римск. миф.).

124. 1-е изд. Перевод стих. «Ma grand' mère».

125. 1-е изд. Перевод стих. «L'orage».

126. 1-е изд.- Печ. с исправл. по 6-му изд. Ефр. Перевод стих. «Le violon brisé». Стихотворение направлено против союзных войск, находившихся во Франции после победы над Наполеоном I.

127. РВ. 1857, дек., кн. 1. Перевод стих. «Rosette».

128. «Полярная звезда на 1861». Кн. 6. Лондон, без подписи. Перевод стих. «Nabuchodonosor». Перевод сделан между 1855 (год смерти Николая I) и 1858 гг. Не мог быть напечатан в России и распространялся в списках. Так, напр., полный текст «Навуходоносора» находим в дневнике Т. Г. Шевченко (в записи от 3 апр. 1858 г.; он называет его «прекрасным и метким стихотворением»//Собр. соч. М., 1949. Т. 5. С. 257—258), а также в арх. Краевского (ГПБ). В 1869 г. появился с именем Курочкина в сб. «Лютня: Собрание свободных русских песен и стихотворений». Лейпциг, 1869. С. 121—123. По библейскому преданию, вавилонский царь Навуходоносор II сошел с ума, вообразив себя быком, и несколько лет жил среди животных. См. также вступ. статью, с 23. В строфе 4, особенно в ст. След царской думы необъятной, весьма вероятны намеки на ходившее в списках стихотворение А. Н. Майкова, известное под названием «Коляс-

¹ Здесь и дальше при счете строк рефрен не принимается в расчет.

ка» (1854), в котором дан идеализированный портрет Николая I. *Да и в Египте, государь*, и т. д. Имеется в виду культ священного быка Аписа в Древнем Египте.

129. И. 1859, № 4, без строфы 6, замененной двумя строками точек, и с изменением, по цензурным причинам, в ст. 8 строфы 2: «И хоть кто смирится».- 6-е изд. Автограф дожурнального текста с датой: 18 марта 1858 г.— в альбоме С. Г. Мей (ГПБ); текст, записанный в альбом Л. П. Шелгуновой, опубликован в «Лит. архиве, изд. П. А. Картавовым», СПб., 1902. Перевод стих. «*Le marquis de Carabas*». Стихотворение написано в 1816 г., после реставрации, когда дворянская знать стала возвращаться из эмиграции и требовать восстановления всех ее привилегий и возвращения конфискованного во время революции имущества. *Маркиз де Караба* — герой французской народной сказки «Кот в сапогах», высокомерный и хвастливый аристократ. *Слух пустил, что мельник* и т. д. В сказке маркиз де Караба, действительно, сын мельника. *Свято и едино Право господина* — феодальное право первой ночи, т. е. право провести первую ночь с невестой любого из своих крестьян.

130. ОЗ. 1858, № 4.- 6-е изд. Перевод стих. «*Leçon de lecture*». Переведенные Курочкиным «*Leçon de lecture*», «*Le rosier*», «*Plus de vers*», «*Adieu*», «*Le jongleur*», «*Rêve de nos jeunes filles*», «*Le phenix*», «*La maitresse du roi*» впервые были напечатаны в посмертном сборнике Беранже «*Dernieres chansons*», вышедшем в конце 1857 г. Это дает материал для уточнения дат ряда переводов. *Буки, аз, и ж е, н а ш* — старинные названия букв «б», «а», «н», «н».

131. ОЗ. 1858, № 4, под загл. «Веселость».- 6-е изд. Перевод стих. «*Ma gaité*». Песни «*Ma gaité*» и «*Le grillon*» впервые стали известны Курочкину, как мы знаем из его примечания к «Моей веселости», из собрания сочинений Беранже 1856 г. (он только ошибается, считая, что они там впервые появились, — они были напечатаны в 1847 г.). Это дает материал для датировки переводов, они сделаны не раньше 1856 г. В примеч. к переводу Курочкин писал, что «Моя веселость» и «Сверчок» отличаются по своему настроению от более ранних песен французского поэта. «Беранже до конца жизни оставался верен своим убеждениям, и в самых последних его песнях виден великий поэт, который всегда был так дорог Франции; но старость имеет свои права, и от шестидесятилетнего старца нельзя требовать веселости и того бойкого огня, добродушной иронии и сердечной теплоты, которые так неотразимо действовали на массу в песнях лучшего периода его деятельности». И дальше: «Относясь к последней поре деятельности поэта, стихотворения «Прощание» и «Прости» стройно и всецело замыкают собою эту благородную деятельность, в которой ни одно слово, ни один намек не оскорбят и не разочаруют самых восторженных почитателей его гения. Высказаться так полно и независимо-прекрасно удается немногим писателям». Ст. *Я просветлел бы — и угас!* ср. со строкой Ф. И. Тютчева из стих. «Как над горячею золой...» (1830): «Я просиял бы — и погас!»

132. РВ. 1858, май, кн. 1. Черновой автограф с датой: 4 мая (1858 г.) — ПД (арх. «Рус. старины»). Перевод стих. «*Le grillon*».

133. 2-е изд. Перевод стих. «*Plus de vers*». *Дофин* — буквально: наследник престола.

134. 3-е изд. Перевод стих. «Adieu». Положено на музыку Н. Ф. Соловьевым.

135. И. 1859, № 11, с датой: 14 марта. - 4-е изд. Перевод стих. «Le mort vivant». В переводе опущена одна строфа — между 2-й и 3-й.

136. И. 1861, № 38, под загл. «Сплетник», с двумя эпиграфами — из Беранже (первая строка «Monsieur Judas») и из «Евгения Онегина» Пушкина («Везде встречаемые лица, Необходимые глупцы»). - 4-е изд. - 6-е изд. Первоначальный набросок ст. 1—4 — Béganger. Т. I. С. 322; на полях строф 2 и 3 намечены темы этих строф перевода: на полях строфы 2 написано: «гласность», строфы 3 — «взятки». Перевод стих. «Monsieur Judas». Под невинным загл. «Сплетник» «Господин Искариотов» печатался до 1874 г. Перевод пользовался в 1860-х годах огромной популярностью. «На этом же вечере, — рассказывает Л. Ф. Пантелеев о литературном чтении 2 марта 1862 г. (см. о нем примеч. 60), — В. Курочкин читал «Господин Искариотов, патриот из патриотов»; казалось, что потолок обрушится от рукоплесканий и криков, всякий раз сопровождавших слова: „Тише, тише, господа: господин Искариотов, патриот из патриотов, приближается сюда“» («Воспоминания». 1958. С. 228). По словам Г. В. Красиова, Пантелееву изменила память — Курочкин читал «Господина Искариотова» не 2 марта 1862 г., а незадолго до этого, 10 дек. 1861 г., на литературном вечере в зале 1-й гимназии (Краснов Г. В. Выступление Н. Г. Чернышевского с воспоминаниями о Н. А. Добролюбова 2 марта 1862 г. как общественное событие//Сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1965. С. 157).

137. «Век». 1862, № 1/6, без ст. 3—4 строфы 6.--6-е изд. Ефр. Автографы: 1862 г. — в альбоме Н. В. Гербея и 1863 г. — в бумагах цензора Ф. Ф. Веселаго (ГПБ). Перевод стих. «Les foux». В октябре 1863 г. Курочкин представил в С.-Петерб. ценз. комитет для нового, пятого издания «Песен Беранже» стих. «Безумцы», «Птицы» и «Сон бедняка». Ценз. комитет разрешил включить эти переводы в книгу (причем две строки о Христе из «Безумцев» были, как и в «Веке», вычеркнуты), но одновременно запретил их «для отдельного издания» (Журнал заседания С.-Петерб. ценз. комитета от 12 окт. 1863 г.; бумаги цензора Ф. Ф. Веселаго — в ГПБ). По выходе без предварительной цензуры изд. 1866 г. цензор Ф. П. Еленев, характеризуя его, остановился на «Безумцах». «Стихотворение «Безумцы», — писал он, — представляет восторженное восхваление корифеев коммунизма: Сен-Симона, Фурье и Анфантена; стихотворение это, по своему направлению, есть самое яркое во всей книжке». Однако материала для судебного преследования цензор ни в «Кукольной комедии», которая также обратила на себя его внимание, ни в «Безумцах» все же не видел: «...во втором стихотворении хотя очевидно заявляется пламенное сочувствие к корифеям коммунизма, но не высказывается, однако ж, самых идей этого противообщественного учения, и потому для читателя, незнакомого с сочинениями упоминаемых писателей, стихотворение это не представляет никакого определенного содержания, кроме прославления трех имен, вследствие чего оно, вероятно, и было пропущено цензурою в прежних изданиях». Но председатель ценз. комитета не согласился с мнением цензора, признал оба стихотворения «вредными» и приостановил выход книги (Журнал заседания С.-Петерб. ценз. комитета от 19 окт. 1866 г.). Курочкин принужден был просить об изъятии «неудобных к печати» стихотворений, и дело было передано в Гл. упр. по делам печати. Книга попала к члену совета Гл. упр. И. А. Гон-

чарову. Пренебрежительно отозвавшись о художественной ценности переводов Курочкина, он тем не менее считал нужным вырезать из книги только «Безумцев» — «и то потому разве, чтобы не знакомить тот круг читателей, в котором будет обращаться книга автора, с именами Фурье, Сен-Симона и Анфантена, потому что, кроме имен их, сказано о них только, что они были великие люди» (Евгеньев В. И. А. Гончаров как член совета Главного управления по делам печати//«Голос минувшего». 1916, № 12. С. 174). Но в результате и «Безумцы» и «Кукольная комедия» были вырезаны из изд. 1866 г. (Журнал заседаний С.-Петербург. ценз. комитета от 30 нояб. 1866 г. и 25 янв. 1867 г.). В 6-м изд. «Безумцы» появились снова без указанных выше двух строк; они вписаны Курочкиным в 6-е изд. Ефр. С. 223. В пьесе М. Горького «На дне» (Собр. соч. М., 1950. Т. 6. С. 140) «Безумцев» декламирует один из ее персонажей — Актер. *Фаланга* — в утопической системе Фурье община от 1500 до 2000 человек. *Нам безумце открыл Новый Свет* — о Колумбе. *Нам безумец дал Новый завет* — об Иисусе Христе, который, по представлениям некоторых утопистов первой половины XIX в., был предшественником социализма.

138. «Век». 1862, № 9/10. Автограф 1863 г. — в бумагах цензора Веселаго (ГПБ). Варианты автографа не использованы Курочкиным в следующих изданиях. Первоначальный набросок рефрена (Béganger. T. I. С. 240) свидетельствует о том, что Курочкин предполагал перевести стихотворение другим размером — трех- и четырехстопным хореем. Перевод стих. «Les joiseaux». См. также предыдущее примеч. и вступ. статью, с. 39. По словам Е. М. Кузнецова, в годы первой русской революции и реакции «Птицы» часто читались с эстрады (Кузнецов Е. М. Из прошлого русской эстрады. М., 1958. С. 260—261). См. также: Слово-Глаголь (Гусев С. С.). О благонамеренности//СПбВ. 1904, 21 дек.

139. И. 1862, № 38. Автограф 1863 г. — в бумагах цензора Веселаго (ГПБ). Варианты автографа не использованы Курочкиным в следующих изданиях. Перевод стих. «Jacques». См. также примеч. 137. В «Смехе и горе» Н. С. Лескова (Собр. соч., М., 1957. Т. 3. С. 491) становой Васильев, говоря о тяжелой процедуре взыскания недоимок у крестьян, цитирует «Сон бедняка».

140. И. 1869, № 2, с рефреном из стихотворения Беранже в качестве эпиграфа. - 6-е изд. Перевод стих. «Le roi d'Yvetot». Он был сделан не позже 1863 г. Посылая цензору Ф. Ф. Веселаго примеч. к «Царю Додону», Курочкин писал ему 28 авг. 1863 г.: «Может быть, у Вас нет самого стихотворения, то я распорядился, чтобы Вам прислали его в Комитет» (ГПБ). Перевод был запрещен цензурой — в делах С.-Петербург. ценз. комитета сохранилось посланное Веселаго примечание с надписью: «Запретить. 30 авг.». В примеч., рукописный текст которого отличается большей остротой по сравнению с появившимся впоследствии в И и в 6-м изд., Курочкин разъяснял смысл песни Беранже: «Песня эта написана Беранже, когда слава Наполеона I как полководца-завоевателя достигла крайних пределов. В веселых простонародно-шутливых строфах этой песни Беранже очень смело для того времени противопоставлял славе, основанной на кровавых завоеваниях, иную славу, покоящуюся на основаниях более прочных: на счастии и любви народа. Песня эта в несколько дней облетела весь Париж и, достигнув высших правительственных сфер, была встречена в Тюильри очень неблагоприятно — поэт едва не потерял из-за нее свое скромное место при университете. В нынешнем году этой песне минуло пятьдесят лет. Трон Наполеона I занимает Наполеон III, но

в патристическом лиризме современной французской поэзии и публицистики уже не слышно укоряющего голоса сатеры. Пусть же хоть русским, в сильном моем переводе, песня эта напикнит, как смотрел современник-поэт, уважавший гений Наполеона I, но не увлекавшийся его заблуждениями, на славу великого императора первой французской империи» (Собр. рукописей С.-Петербург. ценз. комитета, № 8).

141. И. 1863, № 30. Перевод стих. «L'habit de cour ou visite à une altesse».

142. И. 1863, № 33. Перевод стих. «Le jongleur».

143. И. 1865, № 33, с примеч., в котором приведена цитата из комментатора Беранже Ж. Бернара о «множестве подобных историй». Перевод стих. «La pauvre femme».

144. И. 1866, № 25. Перевод стих. «Rêve de nos jeunes filles».

145. ОЗ. 1869, № 9. Перевод стих. «Le phénix». *Феникс* (греч. миф.) — волшебная птица с великолепным пестрым оперением, сжигающая себя при приближении смерти и вновь возрождавшаяся из пепла.

146. ОЗ. 1869, № 9. Перевод стих. «Denys, maître d'école».

147. И. 1870, № 13. Перевод стих. «Une idée». Так же как стих. 149, стихотворение не попало в 6-е изд. по цензурным причинам — см. заметку П. А. Ефремова на экземпляре изд. 1869 г., подаренном ему Курочкиным. Т. I. С. VIII (ГЛМ). Намекает на это и сам Курочкин в предисловии к 6-му изд. «По некоторым моим соображениям, — писал он, — сюда не вошло даже несколько переводов, уже напечатанных в «Искре» и в «Отечественных записках» 1870 и 1871 г.», обращая внимание читателей на эти переводы.

148. ОЗ. 1871, № 7. -- 6-е изд. Перевод стих. «Les infiniment petits ou la gérontocratie». См. также вступ. статью, с. 40.

149. ОЗ. 1871, № 8. Перевод стих. «Les tambours». Подзаг., указывающий на исторический момент, к которому относится стихотворение, принадлежит Курочкину. Председатель С.-Петербург. ценз. комитета А. Г. Петров в своем отзыве о № 8 ОЗ отметил, что в «Барабанах» нет «ничего особенно неудобного, разве бы кто стал применять это стихотворение к России» (Дело Гл. упр. по делам печати, оп. 5, 1871, № 41. Л. 3 об.). И тем не менее через три года оно по цензурным причинам не попало в 6-е изд. — см. примеч. 147.

150. ОЗ. 1871, № 8. Перевод стих. «La vieillesse».

Неизвестный автор

151. БВ. 1875, 25 мая, в фельетоне «За неделю», подпись под фельетоном: К. В., под стихотворением: Всеволод Пагодин. Перевод анонимной пародийной пьески «Plan d'un opéra en trois actes». Курочкин сообщает, что пьеска эта была якобы поставлена в 1665 г. в Москве студентами духовной академии и найдена среди бумаг известного актера XVIII в. И. А. Дмитриевского. «Все сомнения в подлинности этой пьесы, так же

как и в достоверности моего известия, — пишет Пагодин, — не только излишни и неосновательны, но даже, можно сказать, злонамеренны. Француз Дюваль, правда, уверяет, что совершенно подобная пьеса была разыграна в 1778 г., т. е. целым веком позже, в Париже актером Томасеном, но верить этому не следует». До Курочкина, в начале XIX в., ее перевел И. И. Дмитриев, озаглавив «План трагедии с хорами». *Обаче* — однако. *Паллада* — Афина (греч. миф.) — богиня мудрости и справедливой войны. *Глаголит сице* — говорит так.

Альфред де Виньи

152. «Совр.». 1864, № 4, с подзаг. «Философская поэма Альфреда Виньи». - Изд. 1866 г. Перевод поэмы «*La mort du loup*». *Волчицы, славной в Риме*. Имеется в виду культ капнтолийской волчицы в Древнем Риме; по преданию, она вскормила Ромула и Рема, легендарных основателей Рима.

Альфред де Мюссе

153. «Совр.». 1858, № 10. - Печ. по изд. 1866 г. с исправл. по экземпляру изд. 1869., подаренному Курочкиным П. А. Ефремову (ГЛМ). Перевод поэмы «*La nuit de décembre*». *Одр* — постель, ложе. *Горних* — небесных.

Марк Монье

154. «Слово». 1880, № 12. Переделка комедии М. Монье «*Le roi Babolein*» из его «*Théâtre de marionnettes*». По свидетельству В. В. Чуйко, Курочкин «за два или за три года до смерти... затеял целый ряд юмористических пьес на манер простонародных марионеток, писанных простонародным размером стиха на различные общественные темы, с неподдельным простонародным юмором и веселостью хорошего тона. Он успел написать несколько таких маленьких пьес с большим талантом... Пьески мне читал сам покойный Василий Степанович» («Современная русская поэзия в ее представителях». СПб., 1885. С. 182). Одной из них и был «Принц Лутоня». Остальные до сих пор не обнаружены; весьма вероятно, впрочем, что к их числу принадлежит также стих. 151. «Принц Лутоня» написан не раньше 1872 г. Понимая неизбежность цензурных затруднений, Курочкин заявил в предисловии, что «*Le roi Babolein*», «как сатира, не имеющая непосредственной цели и при общем ее литературном значении не заключающая в себе никаких политических намеков, представляет все удобства для ознакомления русской публики в переводе с замечательною книгою Марка Монье». Курочкин, по словам его брата Николая, очень любил «Лутоню» и «страстно добивался его напечатания». Так, в 1874 г. поэт вел переговоры с редактором газеты «Русские ведомости» Н. С. Сковрцовым (см. письма Курочкина к А. П. Лукину — ЦГАЛИ, фонд Н. А. Крашенинникова). Однако все его попытки были безуспешны. Пришлось довольствоваться узким кругом читателей-друзей. П. В. Засодимский вспоминает, например, о том, как Курочкин читал «Лутоню» у А. А. Ольхина: «Курочкин читал прекрасно, чистым народным говором, и произвел сильное впечатление» («Из воспоминаний». М., 1908. С. 308—309). Пьеса была опубликована уже после смерти поэта его братом, который воспользовался кратковременным ослаблением цензурных репрессий в 1880 г. И все же ему пришлось принять ряд предохрани-

тельных мер. В сопроводительной заметке, напечатанной в «Слове», он охарактеризовал пьесу как «литературно-художественную шалость» покойного брата, которая не могла быть напечатана лишь из-за чрезмерной подозрительности цензуры, теперь якобы уже исчезнувшей. Мало того: Н. С. Курочкин принужден был ввести в пьесу некоторые изменения, в частности смягчить конец, который в дошедшем до нас тексте не гармонирует с бунтарским духом всей пьесы. «К сожалению,— пишет Засодимский,— Курочкин, смягчая окончание этой пьески, значительно изменил ее к худшему...» Хорошо знавший Курочкина А. К. Гриневский в своей заметке о нем в Энциклопедическом словаре Брокгауза — Ефрона так же сообщает, что «Принц Лутоня» был «напечатан с значительными сокращениями» (полумот 33. СПб., 1896. С. 95). Может быть, сокращениями объясняется и то обстоятельство, что в III сц. (с. 318) не вполне ясно, когда именно приходят 3-й публицист и герольд (соответствующих ремарок нет), когда 3-й публицист уходит, чтобы снова вернуться с остальными двумя (с. 325). Но уже по напечатании «Лутоня» не вызвал в 1880 г. никаких осложнений. Краткий отзыв о нем находим в письме цензора В. Ведрова к председателю С.-Петерб. ценз. комитета А. Г. Петрову от 24 дек. 1880 г.: «Принц Лутоня» «написан или, точнее сказать, переведен, воспроизведен в русском вкусе, здесь осмеяно — «с п а с а т ь о с н о в ы» (стр. 40) и многое другое, как привыкли мы читать у Салтыкова-Щедрина» (Дело С.-Петерб. ценз. комитета, 1877, № 86. Л. 69 об.). Суровее отнеслась к «Лутоне» цензура в XX в. В 1905 г. издательство «Донская речь» выпустило его в Ростове-на-Дону отдельной брошюрой. Через пять лет, в мае 1910 г., местный инспектор по делам печати, просматривая продукцию революционных лет, обратил внимание и на «Лутоню», в котором, по его словам, «проявляется дерзостное неуважение верховной власти и возбуждается вражда между отдельными классами населения», и решил наложить на брошюру арест. Новочеркасская судебная палата постановление об аресте утвердила, и «Лутоня» был включен в циркуляр Гл. упр. по делам печати об арестованных книгах (Дело Гл. упр. по делам печати, оп. 16, ч. 2, № 845). В январе того же 1910 г. в Гл. упр. поступило ходатайство о разрешении поставить «Лутоню» на сцене. Каким театром было возбуждено это ходатайство — неизвестно. «Лутоня» был передан цензору Н. В. Дризену, который отозвался о пьесе как об «очень злой сатире на монархическую власть», и постановка была запрещена (Дело Гл. упр. по делам печати, оп. 26, № 29. Л. 27). Экземпляр «Принца Лутони», переписанный на машинке, с соответствующей резолюцией цензора, сохранился в Театральной библиотеке им. А. В. Луначарского в Ленинграде. Непосредственно после Февральской революции, в марте 1917 г., «Принц Лутоня» был поставлен в театре «Кривое зеркало». Театр отбросил последние строки пьесы — слова Лутони о том, что «мы куклы, а не люди» и пр. О постановке см.: Номо Новус (А. Р. Кугель). Заметки//«Театр и искусство». 1917, № 13/14. С. 234—235; зарисовки — в № 17. С. 277.

К читателю. *Вертеп* — деревянный ящик с марионетками, служивший в старину местом для устройства кукольных представлений. «В чародействе красных вымыслов» — ст. из «богатырской сказки» Н. М. Карамзина «Илья Муромец».

1. *Хижина в лесу.* *Подчасок* — помощник полицейского, стоявшего на посту.

2. *Зал во дворце.* *Минерва* (римск. миф.) — богиня мудрости. *Жреца* *з Озириса*, *Серapisа* и т. д. Здесь и на следующих страницах (в репликах Старца и Поэта) перечисляется ряд древнеегипетских богов и священных животных. *Обаче* — однако. *Не к судьбе Шемяке* — т. е. к

неправедному судье. *За то, что пел коляски*. Намек на стихотворение А. Н. Майкова, в котором он с большим сочувствием писал о Николае I. *Аршинник* — купец.

3. Столовая во дворце. *Вертоград* — сад. *Как у Гёте* — о стихотворении Гёте «Миньона». *А к прогрессу точку* — только точку! Намек на кн. В. П. Мещерского; см. примеч. 96—99. *Кеньги* — теплая зимняя обувь. *Есть такая басенка Крылова* — «Кот и Повар». *Он мудрец египетский* — *Астронин*, т. е. А. Стронин, социолог, выпустивший в 1872 г. книгу «Политика как наука». Речь Философа, все изрекаемые им «истины» и вся его фразеология являются пародией на эту книгу. И до этого Стронин был известен как человек, который, по его собственным словам, не верит «ни в какие революции и реформации», а верит лишь в «реформу понятий и революцию знаний». Постоянная смена революционных и реакционных периодов должна, по его мнению, исчезнуть вместе с развитием социальной науки. Последняя выработает якобы такие принципы, которые сделают невозможным какой бы то ни было антагонизм между людьми. При помощи странных вычислений (Стронин пытался объяснить общественные явления математическими, механическими, физическими и пр. законами) он пришел к выводу, что Россия раньше других государств вступит на этот путь и никаких крупных перемен в русской жизни уже не предвидится. *Снял покров с Изиды*. Древнеегипетской богине Изиде приписывались глубокие знания и мудрость. На храме Изиды в Сакисе было написано: «Я то, что было, есть и будет; никто из смертных не приподымал моего покрывала». *Что с улыбкой правду говорил* — ср. с «Памятником» Державина: «И истину царям с улыбкой говорить». *Живот* — жизнь. *Маммон* — утроба, желудок.

Ф р и д р и х Ш и л л е р

155. «Лирические стихотворения Шиллера в переводе русских поэтов, изд. под ред. Н. В. Гербеля». Т. 1. СПб., 1857. Перевод стих. «Der Antritt des neuen Jahrhunderts». *Бог Нил, Старый Рейн и океан суровый*. Имеются в виду войны революционной Франции и, позже, Наполеона против коалиции государств во главе с Англией. Эти войны происходили в разных местах, в том числе в Египте, в германских государствах, на море. *Два народа* — Франция и Англия. *Как Бренн в былые годы*. По преданию, предводитель одного из галльских племен Бренн, вторгшийся в римские владения и осадивший Рим, потребовал выкуп в 1000 фунтов золота. Когда римляне стали жаловаться, что галлы при взвешивании золота употребляют слишком тяжелые гири, Бренн с вошедшим в поговорку возгласом «Горе побежденным!» (Vae victis!) бросил еще свой меч на чашу весов. *Амфитрита* (греч. миф.) — богиня моря.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Фронтиспис. Редакция и сотрудники «Искры» в 1861 г. С экземпляра, подаренного В. С. Курочкиным и Н. А. Степановым П. И. Вейнбергу. На снимке: сидят (слева направо): М. М. Степановский, Д. Д. Минаев, Н. С. Курочкин, Н. Л. Ломан, Н. А. Степапов, В. С. Курочкин, Г. З. Елисеев, П. И. Вейнберг; стоят: художники Н. В. Иевлев, А. М. Волков, композитор А. С. Даргомыжский, В. В. Толбин, гравер П. Куренков, С. Н. Степапов (сын Н. А. Степанова). Музей Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэты «Искры». Вступительная статья И. Ямпольского . . .	5
--	---

ВАСИЛИЙ КУРОЧКИН

Вступительная статья И. Ямпольского	45
---	----

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1. «Мы рано стали жить, игривыми мечтами...»	58
2. Ни в мать, ни в отца	58
3. Рассказ няни	59
4. «Как в наши лучшие года...»	61
5. Общий знакомый	62
6. В разлуке	63
7. Двуглавый орел	63
8. Счастливец	65
9. Первая любовь	66
10. 18 июля 1857 года	67
11. Старая песня	68
12. <В. В. Толбину>. «Василий Васильевич, вот...»	69
13. Напутствие. (Н. С. К<урочки>ну)	70
14. <Н. В. Максимова>. «Что? стихов ты хочешь, что ли?...»	71
15. «Я не поэт — и, не связанный узами...»	71
16. Знаки препинания	73
17. Жалоба чиновника	74
18. Только!..	74
19. Быль (Вольное предложение в стихи прозаической «Были» г-на Миллер-Красовского — подражание басням и сказкам поэта Бориса Федорова)	76
20. Бедовый критик	78
21. Полезное чтение. (Идиллия)	79
22. Опыты гласного самовосхваления	80
23—24. Турнир в Пассаже	
1. Ожидание	80
2. Приговор	82
25. Сон на Новый год	83
26. Человек с душой. (Идиллия)	86
27. Идеальная ревизия	87
28. Весенняя сказка	88
29. Песенка бедных акционеров (На голос «Мальбруг в поход поехал»)	89
30. Явление гласности	90
31. Дилетантизм в благотворительности	93
32. Дилетантизм в литературе. Монологи. I. Вольное предложение ответа председателя Общества любителей российской словесности на вступительное слово г-на Селиванова	94
33. Дилетантизм в науке	97
34. Ворчуи Дорофей. (Легенда)	98
35. Другам Мартынова	100
36. Возрожденный Панглосс. (Анонимному рецензенту-оптимисту «Библиотеки для чтения»)	102

37. «Мы всё смешное косим, косим...»	103
38. Дружеский совет (Посвящается рецензенту, который примет эту шутку на свой счет)	104
39. 1861 год. (Элегия)	104
40. «Видеть, как зло торжествует державно...»	106
41. Старичок в отставке	106
42. Скандал	108
43. Г-н Асқоченский и г-н Леотар. (Масляничная параллель)	110
44. Стансы на будущий юбилей Бавия (самим юбиларом сочиненные)	112
45. Эпитафия Бавию	114
46. Слово примирения (Материалы для истории русского просвещения с элегиями и пляскою)	114
47. Мирмидоны — Куролесовы	117
48. «Над цензурою, друзья...»	118
49. Семейная встреча 1862 года	119
50. Московский фигляр	121
51. Приглашение к танцам	122
52—56. Казацкие стихотворения	
1. «Отуманилась „Основа“...»	124
2. «На „Наше время“ упования...»	124
3. «Если „День“ тебя обманет...»	124
4. «Отцы московские, опекуны журналов...»	125
5. «Слышу умолкнувший звук ученой Чичерина речи...»	125
57. «Юмористическим чутьем...»	125
58. Благоразумная точка зрения (Руководство для незрелых старцев и юношей)	126
59. Юмористам «Отечественных записок»	128
60. Два скандала (Сцена из комедии «Горе от ума», разыгранная в 1862 году)	128
61. Конский дифирамб	136
62. Молитвой нашей бог смягчился (Архитектурная фантазия «Отечественных записок»)	137
63. Нигилист-старичок	139
64. Письмо об России Фукидзи-Жен-Ициро к другу его Фукуте-Чао-Цее-Цию (Перевод с японского и примечания Тацц-Ио-Саки)	140
65. Гласность 1859 года и гласность 1862 года (На голос «Малютка, шлем нося, просил»)	145
66. Лорд и маркиз, или Жертва казенных объявлений (Трагическая сцена — подражание французским комедиям: «Tartuife» и «Les effrontés»)	147
67. «Ты помнишь ли, читатель благосклонный...»	158
68. Тик-так! Тик-так!	159
69. Природа, вино и любовь (Из былых времен)	161
70. Рапсодия о нигилизме	164
71. «С дымом пожара...»	168
72. «Нет, положительно, роман...»	168
73. Предвещения на 1865 год	169
74. Дама приятная во всех отношениях	171
75. На масленице	176
76. Примерный фат	177
77. Завещание	178
78. Затишье	180
79. Чистосердечное признание одного из многих	181

80. Великие истины (Вольный перевод из сборника «La goguette»)	182
81—82. <М. Н. М у р а в ь е в у>	
1. «Сто человек, никак, ты запер в казематы...»	184
2. «Холеру ждали мы, и каждый был готов...»	184
83. Causerie (Эклога литератора-ветерана)	184
84. Свисток и стакан	186
85. Нового счастья читателю и новых богатств!	187
86. Погребальные дроги	189
87. На могиле Д. И. Писарева (Братьям-писателям)	190
88. Раздумье	190
89. Надолго ли?	191
90—91. В н а ш е в р е м я...	
1. Пролог	192
2. Хлеба и зрелищ!	194
92. La paix à tout prix! Friede um was es nicht gelte! Мир во что бы то ни стало!	195
93. Стихийная сила	197
94. Во всех ты, душенька, нарядах хороша!	198
95. За которую из двух? (Нейтральная новогодняя здравница)	201
96—99. Р е а л ь н ы е с о в е т ы	
1. Современный сонет	202
2. На праздниках	203
3. Притча о Снегурочке	203
4. На зеркало неча пенять...	204
100. <П. А. Ефремову>. «Изданну книжицу мной подиошу вам, друже...»	204
101. Новый Паителей-целитель (Подражание старому «Паителею-целителю» графа А. К. Толстого)	205
102. <М. Н. Каткову>. «Поверь, для всех смешон шпионский твой задор...»	206
103. Поэту-адвокату (Реально-юридический сонет)	206
<i>СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ В. С. КУРОЧКИНУ</i>	
104. «Долго нас помещики душили...»	207
105. «Много прошло их с безличной толпою...»	208

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕДЕЛКИ

Песни Беранже

106. Старый капрал	210
107. Весна и осень	212
108. Падающие звезды	213
109. Старушка	214
110. Как яблочко, румян	215
111. Знатный приятель	217
112. Тоска по родине	219
113. Птичка	220
114. Слепой нищий	222
115. Лучший жребий	223
116. Добрая фея	224
117. Кукольная комедия. (Басня)	226
118. Портной и волшебница	227

119.	Соловьи	228
120.	Бедный чудак	229
121.	«Нет, ты не Лизета»	231
122.	Старый бродяга	233
123.	Песнь труда	234
124.	Бабушка	236
125.	Гроза	238
126.	Разбитая скрипка	240
127.	Лиза	242
128.	Навуходоносор	243
129.	Маркиз де Караба	245
130.	Урок	247
131.	Моя веселость	249
132.	Сверчок	251
133.	Нет больше песен	253
134.	Прости!	253
135.	Слава богу — я жив и здоров	254
136.	Господин Искарнотов	255
137.	Безумцы	257
138.	Птицы	258
139.	Сон бедняка	259
140.	Царь Додон	261
141.	Новый фрак	262
142.	Волшебная лютя	264
143.	Нищая	266
144.	Девичьи мечты	267
145.	Феникс	269
146.	Тиран Сиракузский	270
147.	Идея	272
148.	Будущность Франции	273
149.	Барабаны (1849)	274
150.	Старость	276

Неизвестный автор

151.	Американский принц и африканская принцесса (Лирическая опера в трех действиях и шести рифмах с прологом)	277
------	--	-----

Альфред де Виньи

152.	Смерть волка	279
------	------------------------	-----

Альфред де Мюссе

153.	Декабрьская ночь	282
------	----------------------------	-----

Марк Монье

154.	Принц Лутоня (Кукольная комедия)	287
------	--	-----

Фридрих Шиллер

155.	Начало нового века	331
	Примечания	333
	К иллюстрациям	379

Поэты «Искры»: Сборник: В 2-х т. Т. 1/Вступ.
П 67 статьи, сост., подг. текста и примеч. И. Г. Ямполь-
ского.— Л.: Сов. писатель, 1987.— 384 с., 1 л. портр.
(Б-ка поэта. Большая сер.).

В первом томе представлено творчество В. С. Курочкина, видного поэта некрасовской школы, редактора «Искры», «автора ее направления», как писал о В. Курочкине его современник. Его выступления на страницах «Искры» со стихами, фельетонами, переводами, статьями привлекали широкое внимание читателей, сделали поэта одним из самых популярных людей в России.

П 4702010100—130
083(02)—87 423—87

ББК 84. Р1

ПОЭТЫ «ИСКРЫ»

Том I

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1987, 384 стр.

Плани выпуска 1987 г. № 423

Художник В. В. Еремин

Худож. редактор Б. А. Комаров

Техн. редактор Л. П. Полякова

Корректоры Е. Я. Лапкин и Е. Д. Шиштинкова

ИБ № 6098

Сдано в набор 26.11.86. Подписано к печати 18.06.87. Формат 84×
×108^{1/32}. Бумага кн.-журн. Литературная гарнитура. Высокая печать.
Усл. печ. л. 20,26. Уч.-изд. л. 20,73. Тираж 75 000 экз. Заказ № 685.
Цена 1 р. 80 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», Ленин-
градское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный
Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.